

АЛЬМАНАХ
ФАНТАСТИКИ
И ФЭНТЕЗИ

№ 1 2014

РУССКИЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ ФАНТАСТИКИ И ФЭНТЕЗИ

№ 1
2014

СКАЗАТЕЛИ

СКАЗАТЕЛИ

№ 1 2014

РУССКИЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ

АЛЬМАНАХ ФАНТАСТИКИ И ФЭНТЕЗИ

СКАЗАТЕЛИ

Содержание

От редакции	3
Максим Черепанов	
Бой местного значения	5
Ирина Цыганок	
Враг.	16
Галина Манукян	
Цвета крови.	39
Елена Елизарова	
Вериль.	54
Эдуард Шауров	
Ослепительно серый	68
Валерий Воробьев	
Свинг.	89
Андрей Скоробогатов	
Негритянки.	96
Майк Гелприн	
Миротворец 45-го калибра	107
Григорий Неделько	
Проблема планетарного масштаба	126

Владимир Сухих	
Финансовый гений	147
Ольга Сажина	
В начале было Слово	166
Игорь Градов	
Я не хочу умирать	180
Майк Гелприн и Наталья Анискова	
Однажды в Париже	188
Эдуард Шауров	
Пустобол	207
Андрей Лободинов	
Великолепная тройка	228
Сергей Васильев	
Дисбаланс	234
Вероника Волынская	
Дни тьмы	247
Максим Черепанов	
Мимолетное увлечение	267
Артур Бабич	
Маленький защитник	281
Светлана Багдерина	
Шесть жизней Анны Карениной	296
Мераб Копалеишвили	
Кто познает мысли его?	316
Анна Семираль	
Сказатели	326

.....
 УДК 821.161.1-312.9
 ББК 84(2Рос=Рус)6
 Р89

Серия «Альманах фантастики и фэнтези»

Главный редактор *Александр Прокопович*
 Соредакторы: *Никита Епифанов, Андрей Серебряков*
 Редколлегия: *Ирина Епифанова, Филипп Бастиан,*
Екатерина Серебрякова

Рисунок на обложке Марины Акининой

© Авторы, 2014
 © Литературное бюро Silverbook, 2014
 © ООО «Издательство АСТ», 2014

От редакции

Что такое фантастика?

Тексты, которые удивляют.

Уверен, каждый из опубликованных рассказов отвечает этому критерию.

Все рассказы, которые вошли в этот сборник никогда не публиковались в бумаге.

Мы не проводили никаких конкурсов, голосований.

Просто читали все присланные и принимали решение — берем — не берем. После этого уже смотрели на фамилию автора.

В результате перед вами альманах, пропуском в который было только одно условие — сила присланного текста.

*Александр Прокопович,
главный редактор «Астрель-СПб»*

БОЙ МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ

— Я собрал вас здесь, — торжественно произнес капитан «Яростного Уральца» Стивен Блади, одаривая старших офицеров своим неподражаемым взглядом с сумасшедшинкой, — чтобы сообщить, что мы все умрем.

В кают-компании повисло тяжелое молчание.

— Когда-нибудь — вне всякого сомнения, да пребудет на то воля Кришны, — медленно проговорил в ответ астронавигатор-индус, — но не сегодня.

— Конечно, не сегодня, — легко согласился капитан, — а приблизительно через восемь часов с четвертью. Это будут уже следующие условные космосутки, так что уважаемый Индра абсолютно прав.

Кто-то судорожно выдохнул. Блади недолюбливали за резкость, но привычки к пустым шуткам за ним не водилось.

— Мы все будем очень признательны за пояснения, — угрюмо сказал старпом Дэдди.

Взоры присутствующих обратились на капитана.

Стивен бегло осмотрел собравшихся. Невозможно было понять, что прячется за мрачной маской старшего помощника, седого ветерана. Полноватый астронавигатор внешне казался спокойным, но голографическая татуировка на его правой щеке, изображавшая неизвестное капитану многорукое божество, сейчас проявилась особенно ярко, что случалось только в минуты чрезвычайного волнения. Молодые лейтенанты-оружейники, ракетчик Алексей и лучевик Алена резко побледнели, но держались неплохо.

— Визуализация, текущий локус, — произнес капитан в потолок.

Над столом замерцала голограмма, изображающая планетарную систему.

— Это наша местная колония, Авалон-2, — ткнул Стивен во вторую планету от светила, — население сорок миллионов человек с какой-то мелочью. Это — мы.

Палец капитана на миг задержался возле красной стрелки, медленно ползущей по внешней орбите вокруг Авалона.

— А это, — скучно сказал Блади, — объект, который выйдет здесь из гипера через восемь часов.

Над столом разнесся сдавленный вздох. Все смотрели на ярко-алую снежинку, размерами сопоставимую с небольшим планетоидом. И она мерцала, что означало ее скорое предполагаемое появление. «ETA: 8 hours 11 min», — бесстрастно информировал ярлык рядом.

— Понимаю ваши ощущения, — продолжил Стивен. — Окраина Империи, война с мрыггами закончена, заурядное патрулирование границ... и нарваться на такое.

Индра шумно выдохнул. Татуировка на его щеке запылала еще ярче.

— Время, необходимое для сбора в системе «северного» флота Империи, — несколько суток, — сказал он. — Чтобы собрать хотя бы локальную эскадру, понадобится не меньше двух дней. Но эскадра не сдержит кристалл... и я не уверен, что даже весь «северный» флот справится.

Космические кристаллы... Гигантская форма разумной квазижизни. Более древние, чем само человечество как таковое.

И — хищники.

— Нет нужды напоминать, как выглядит планета, обработанная кристаллом, — напомнил Стивен. — Это гладкий стеклянный шар, с которого слизана вся органика.

Авалон-2 навсегда станет мертвым миром, пригодным только для того, чтобы построить там техническую перевалочную станцию. Не говоря уже о сорока миллионах жизней. Вообще-то в данной ситуации больше всего меня волнуют именно они, а даже не потеря Империей ценного кислородного мира.

— Но что мы можем? — хрипло спросил Алексей. — Одни, на устаревшем «паруснике»...

— Да, — поддержал его Индра, — «Уралец» — одно название, что крейсер. Ракетное вооружение — дрянь, но оно, как известно, и так против кристаллов бесполезно, они обладают защитным механизмом неизвестной нам природы. Пробивает только лучевое выше пятого уровня. Но почти все наши установки — четвертый-пятый уровень. Шестого — только три спаренные башни главного калибра. Для этой твари — что слону дробина. Маневровый двигатель — смешно сказать, фотонный, с парус-зеркалом. Все что мы можем — помочь с эвакуацией с Авалона-2.

— И сколько человек мы в состоянии взять на борт? — непроизвольно поинтересовался Блади.

Астронавигатор пожал плечами.

— Если задействовать технические помещения... с учетом того, что должно хватить кислорода до точки выхода... Тысяч пять, я полагаю.

— Как насчет остальных сорока миллионов?

Индра сделал неопределенный жест руками:

— Судьба. Колесо сансары.

— Это бесчеловечно, — тихо сказала Алена.

— Что вы предлагаете, лейтенант? — повернулся к ней Индра. — Вам же преподавали в академии военную историю? Империя Людей выстояла в первой космической только потому, что крупный кристалл начал пожирать колонии мрыггов. Они проявили завидное хладнокровие, не предпринимая ничего, и заматались, только когда тварь направилась к их столице, Мрыггану, домашнему миру. Им пришлось собрать все силы в единый кулак, что дало нам передышку и возможность перегруппироваться. Шесть линкоров, более тридцати новейших крейсеров... Ракеты были бесполезны, сам кристалл использовал мощнейшее лучевое оружие — более сильное, чем уже известные вам тяжелые ионные пушки и еще только разрабатываемые установки Маулера. Точные потери противника в бою с кристаллом у Мрыггана неизвестны, но оцениваются в сорок процентов флота. Уничтожить кристалл не удалось, его э-э-э... отогнали, не более. Возможно, наш гость — именно он и есть.

— Нет, этот — чуть поменьше, — с сожалением уронил Стивен.

— Рой пчел может отогнать медведя от улья, — запальчиво сказал Алексей.

— Рой, возможно, и в состоянии, — парировал Индра. — А одна пчела? Ее просто прихлопнут.

В наступившей тишине проскрежетал Дэдли:

— Каков приказ командования, капитан?

— А это мы сейчас узнаем, — отозвался Стивен, — но, Грегор, у вас есть какие-нибудь сомнения относительно приказа?

— «Что же, велит умереть закон — иди и умри, солдат», — вполголоса пропел Алексей слова известной боевой баллады.

Блади усмехнулся:

— Мне нравится ваш настрой, лейтенант.

Прозвучал сигнал вызова. Все обернулись к коммуникационному экрану, и изумление проступило даже на каменном лице Дэдли.

Стивен был готов к вызову со стороны командующего эскадрой. Учитывая исключительные обстоятельства, на связь мог выйти комфлота или даже главком из столицы.

Но об императорском гербе он не мог и помыслить. Вызов от главы Империи Людей не требовал подтверждения на втором конце моста нуль-связи. Миг — и капитан, как и все остальные, обнаружил себя опустившимся на одно колено, со склоненной головой. Рефлекс, сформировавшийся еще со школы.

— Виват императору! — слаженно рывкнули присутствующие, и Блади порадовался про себя.

— И вам здравствуйте, — негромко ответили с экрана. — Вольно.

Офицеры заняли свои места у стола, сидя навывтяжку. Стивен заметил, что Алена забыла закрыть рот, и толкнул ее под столом ногой.

Экран нуль-связи показывал берег океана. Стоял штиль, и прозрачные невесомые волны легко накатывались на белый песок. Под навесом сидел невысокий, начинающий лысеть человек в гавайской рубашке и шортах, с бокалом виски в руке. Выглядел он вполне мирно и по-домашнему, и только глаза — жесткие, ледяные — совпадали с портретами, где императора

Бладрова II изображали всегда гигантом двухметрового роста и в белоснежном парадном мундире.

Стивен откашлялся и набрал в легкие воздуха, но император остановил его легким движением руки.

— Доклад не нужен, — мрачно сказал Бладров, — я в курсе.

Он медленно отхлебнул виски. Слышно было, как лед задевает стенки бокала. Все в кают-компании заворуженно следили за императором.

— Стивен Блади, — донеслось с экрана, — участник Первой и Второй космических, полный кавалер ордена Лунной Славы, Герой Земли... Ты командовал линкором. Как оказался на границе, в захолустье?

«Про кристалл, значит, в курсе, а про биографию мою — нет», — иронично подумал Стивен. Там ведь полный доклад должен быть, вплоть до информации о троюродных бабушках. Но вслух отчеканил:

— Дал по морде одной тыловой крысе, сир!

— Так за это награждать нужно, а не ссылать на фронтир.

— Крыса была в адмиральском звании, сир.

— Вот как... Могли и под суд отдать.

— Все-таки Герой Земли, сир. Поэтому я здесь.

На левом краю экрана возникло не одетое девичье тело с высоким, наполненным чем-то желтым бокалом в правой руке, но император изгнал его досадливым взмахом ладони.

— Готов выполнить любой приказ, сир! — отчеканил Стивен.

Бладров отхлебнул еще виски.

— Ты помнишь Близнецов, капитан? Как считаешь, я тогда поступил правильно?

Император мог бы не задавать первого вопроса — историю Близнецов, одного из самых крупных инцидентов Первой космической, знал каждый. Две крупные колонии людей: четыре миллиарда — на Касторе-3 и полтора миллиарда — на Поллуке-5... «Западный» флот, прикрывающий их, и надвигающаяся ударная группировка мрыггов, размерами сопоставимая с ним... Разделить флот на две части означало дать мрыггам разбить их по очереди и потерять обе колонии. Четыре больше, чем полтора, поэтому «западный» флот остался на Касторе и в бессиль-

ной ярости наблюдал, как мрыгги сминают защиту ракетных баз Поллукса и затем методичными орбитальными бомбардировками уничтожают его население. Потом были десанты. Видео и фотографии того, что они творили на поверхности, мрыгги транслировали для устрашения, но добились прямо противоположного эффекта.

— В тактическом отношении решение было абсолютно верным, сир. Но, простите меня, не хотел бы я брать на себя такую ответственность.

Бладров усмехнулся:

— А кто бы хотел, капитан? Но у вас есть я. А у меня никого нет, кроме Господа Триединого.

Император задумчиво повертел бокал в руках. На заднем плане две девушки, хохоча, вбежали в голубые волны. Белели незагорелые округлости.

— Я слишком часто выбирал — миллиард или четыре. Слишком часто посылал людей на смерть и несколько устал от этого. Конечно, для имиджа Империи было бы полезно, если бы «Уралец» попытался защитить Авалон. Но я понимаю, что шансов практически нет, и не пошлю тебя на верную гибель, капитан Стивен Блади, Герой Земли.

Наступила такая тишина, что слышен был визг девушек в волнах, лижущих их тела за много килопарсеков от кают-компании «Уральца».

— Действуй по обстоятельствам, капитан. Решай сам, — сказал Бладров II и отсалютовал бокалом.

Экран нуль-связи погас. Офицеры шумно и одновременно выдохнули.

— Мы принимаем бой, — буднично сказал Стивен так, как будто речь шла о походе в булочную. — Через семь часов жду всех на местах согласно боевому расписанию. Завершите ваши дела, верующие — помолитесь. Свободны.

Когда все покинули помещение и сидеть остался один Индра, капитан вопросительно поднял правую бровь.

— Это самоубийство, — хрипло произнес астронавигатор, — мы могли бы спастись сами и спасти еще несколько тысяч...

— Это долг, — ровно ответил Стивен, — а долг надлежит исполнять. Я понимаю, вы боитесь, Индра. Все боятся. И я в том числе. Да еще как! Но выбора у нас, по счастью, никакого нет. Раньше или позже — какая разница? Все там будем. Колесо сансары или как там? «Так лучше, чем от водки и простуд», — процитировал Блади древнего поэта.

— Капитан...

— Не продолжайте, иначе мне придется отдать вас под трибунал и наскоро расстрелять. Это будет очень печально, так как заменить вас некем. Кого я посажу в пилотское кресло? Кайла? Он мальчишка еще, опыта ноль, а нас завтра ждет не прогулка за грибами. Знаете, Индра... я сам атеист, но у меня сильнейшее ощущение, что мое нахождение здесь — предначертано свыше. Это надо же было сослать меня именно в ту систему, где вынырнет кристалл? Таких совпадений не бывает. Уникальный случай покрыть себя славой...

— Посмертно.

— Может быть, и так.

С полминуты они смотрели друг другу в глаза. Индра отвел взгляд первым.

— Я родом с Мирзама-8, — проговорил астронавигатор, — у нас там есть древняя сказка, которую знает каждый ребенок. Про злого духа, асура Раху. Он приходит из тьмы и забирает то, что ему нужно. Так было всегда, испокон веков.

— И как его можно победить, этого вашего Раху?

— Никак, — ответил Индра побелевшими губами, — спасения нет. Все, кто осмелится встать на пути Раху, погибнут, и погибнут напрасно.

Стивен нахмурился.

— Индра, возьмите себя в руки. На Мирземе почитали каких-нибудь добрых духов?

— Конечно.

— Вот идите и помолитесь им. Не задерживаю.

У себя в каюте Стивен отослал пару коротких сообщений, после чего вызвал на стену изображение древней, даже не трехмерной фотографии. Девушка, еще толком не проснувшаяся и

— Дистанция достигнута.

— Огонь!

«Яростный Уралец» словно взорвался, поливая кристалл из всех калибров. Лучи гасились энергощитом гигантской твари, но спаренные установки должны были пробивать, во всяком случае, Стивен надеялся на это.

Кристалл начал наливаться нехорошим зеленым сиянием.

— Индра, — начал Стивен и сам поразился тому, как спокойно звучит его голос, — я знаю, что прошу о невозможном, но попытайтесь сманеврировать, уйти с линии атаки. Сейчас оно по нам вдарит, и щиты, очевидно, не выдержат. Вся надежда сейчас на вас...

— Какие же мы идиоты, капитан! — вдруг заорал астронавигатор. — Парус!

Стивен бегло скользнул взглядом по приборной панели — какого черта он говорит? Фотонники работают штатно, парус тоже в порядке...

Кристалл вспыхнул, обрушивая на крейсер широкий ядовито-зеленый луч. За миг до этого перегрузка вдавила всех в кресла — Индра бросил «Уральца» в немыслимый вираж, пытаясь избежать неминуемой гибели, и это ему даже удалось. Почти.

Надрывно выли сирены, мерцало в рубке аварийное освещение. В его рубиновых отсветах мимо капитанского колпака в невесомости проплыла верхняя половина тела Индры. Астронавигатор с укором смотрел на Стивена тем, что осталось от его глаз.

Капитан коснулся своего лица ладонью и поднес ее к глазам — она была ярко-красной.

«Так. Я вижу все это — значит, еще жив. Боли не чувствую — кресло впрыснуло анестетики, все правильно. Кровь — это плохо, значит, могу скоро потерять сознание. Кристалл!»

Окровавленные пальцы Стивена забежали по приборной панели. «Уральцу» крепко досталось, но он не был разрушен. Большинство помещений, включая рубку, разгерметизировалось, капитана спас только персональный защитный колпак. Искус-

ственная гравитация отказала, но сейчас в ней и не было необходимости. Но главное — был цел один из четырех фотонников и парус, значит, оставалась тяга! Стивен направил изуродованный крейсер вдогонку кристаллу, успевшему удалиться на приличное расстояние, и занялся инспекцией вооружения. Результаты удручали — из трех спаренных пушек шестого уровня в строю осталась только одна.

— Эй, кто-нибудь меня слышит? — спросил он по внутренней связи.

Гробовая тишина.

Мозг Стивена, подстегнутый медикаментами «боевого коктейля», лихорадочно работал. Что можно сделать? С одной спаркой много не навоюешь. Таран? Скорее всего, кристалл разберется с ним по аналогии с ракетами: защитное белое сияние просто поглощает все приближающиеся материальные тела. Есть, конечно, слабая надежда, что «Уральцем» оно подавится... но, что сделается кирпичу из кремния, если в него влетит зажигалка, пусть даже и с некоторым ускорением? Немного поцарапает, только и всего.

Он почти потерял сознание... и тут его, наконец, осенило.

Когда кристалл заполнил собой половину обзорного экрана, Стивен быстро совершил манипуляции с двигательной системой, после которых крейсер потерял ход. Затем активировал боевой пульт и методично начал хлестать по сверкающим граням из последней спаренной установки.

Кристалл удалялся. Его ждали сорок миллионов людей и много прочей вкусной органики.

— Ну же, — скрежетал зубами Стивен, — тебе же больно. Я же тебя раздражаю. Надоел хуже горькой редьки. А?

Рука, давящая на пульт, начала деревенеть, когда кристалл окутало знакомое зеленое сияние. Стивен широко оскалился в его отсветах.

Кровь залила его правый глаз, но левым — за миг до того, как щиты окончательно дали дуба, — он еще успел увидеть, как слепящий зеленый луч ударил по крейсеру, и от развернутого на сто восемьдесят градусов парус-зеркала с ювелирной точностью отразился обратно.

Потом мир стал светом.

Потом мир стал тьмой.

«Мои дорогие, мои родные...

Завтра в бой. Почти наверняка — в мой последний.

Мама... Был и остаюсь твоим медвежонком.

Папа... Ты всегда говорил мне: „Делай что должен, и будь что будет“. И я никогда не отступал от этого.

Лейла, звезда моя... Не валяй дурака, выходи замуж повторно, а то я тебя знаю. Джеку нужен отец.

Джек... Вырасти сильным, умным, добрым.

Ну вот и все. Люблю вас. Ваш Стив».

ВРАГ

С прошлого раза плиты осели. Чтобы протиснуться в туннель, пришлось выгребать наружу битый кирпич пополам с землей и бетонными осколками. Афари торопилась. Нос невыносимо чесался от цементной пыли. Расширив ход, она выбралась наружу — отдышаться, несколько раз чихнула и снова полезла в узкий, извилистый лаз. Двигаться приходилось вслепую, то и дело в бока упирались куски труб и еще какие-то острые прутья. Один раз она чуть не застряла, но, извернувшись не хуже песчаной гадюки, сумела проскочить узкое место. Впереди замаячило желтое пятно выхода, когда наверху что-то хрустнуло, низкий глухой звук ударил по ушам. На голову Афари тонкой струйкой потекла стертая в пыль штукатурка. Три удара сердца... казалось, что плиты сжимаются вокруг нее. Но пронесло. Последний рывок — отплевываясь и отдуваясь, Афари встала посреди Зала Старших Людей. Пахло железом, мышами и — все еще — немного гарью. Сквозь дыру в стеклянном куполе, сером от песка и птичьего помета, падал свет. Пылинки танцевали вечный танец: по кругу, вверх, снова по кругу. Афари довольно хмыкнула: не зря она отправилась на холм в самую жару, когда все племя, кроме Дозорных, отсыпалось в тени общинного дома. В полдень было достаточно света, чтобы разглядеть картины на стенах. Когда-то они висели ровными рядами, но после взрыва покосились, а часть и вовсе свалилась на пол. Хотя в целом зал почти не пострадал, за исключением треугольного пролома в восточной стене. Через него-то она сюда и попала.

Афари медленно двинулась вдоль стен. Если идти не отрывая взгляд от рисунков, кажется, что фигуры на них тоже движутся. Старшие Люди, высокие и белолицые, шагают строем в Дозор, копают ров, штурмуют укрепления — одним словом, готовятся к встрече с Врагом. Иногда рядом со Старшими Людьями были ее соплеменники. Их художник изобразил маленькими, едва по пояс белолицым гигантам. И только на одной картине они были вровень: человек и обнявший его синеглазый Старший. А позади — плещется море, такое же синее, как его глаза.

На самом деле Афари моря не видела, но была уверена, что не ошиблась. В ее мечтах они бежали по пляжу бок о бок: она и Старший... или вместе рыли окоп — неважно!

Дойдя до любимой картины, она попятилась, выбирая лучшую точку обзора, а потом уселась прямо на грязный пол. Так они и глядели друг на друга: синеглазый красавец с картины с радостной улыбкой во все зубы и она — задумчиво склонив голову к правому плечу. В его лице было что-то неуловимое... Сколько раз она пыталась улыбнуться так же — безмятежно и искренне. Вот и сейчас подвинула к себе осколок стекла, соскребала нарост грязи. В заблестевшем оконце отразились темные растянутые губы. Зловещий оскал. Афари со вздохом отвернулась.

Издали донесся приглушенный стенами звон. Она вздрогнула — наступило время вечерней смены. Сегодня не ее черед нести Дозор, но Чара может хватиться! С коротким вздохом Афари поднялась на ноги, бросила прощальный взгляд на улыбчивого красавца, потом еще раз прошла вдоль стен, нашла картину, где фигурки в деталях демонстрировали приемы боя с Врагом. Задержалась, освежая в памяти каждое движение, — надо же хоть как-то оправдать риск, с которым она сюда пробиралась.

Снаружи было все так же жарко, хотя солнце успело сместиться к западному краю. Афари тщательно отряхнулась. Огляделась — никого. Да и кому придет в голову болтаться по пыльным развалинам? Внизу, у подножия холма, куда про-

хладней. Афари глянула под ноги: спуск был крут, хоть и гладок — утрамбованный копытами овец, кормившихся на склоне весной. Еще мгновение постояла, втягивая ноздрями сладкий вечерний воздух, а потом ринулась вниз по склону. Тело само летело вперед, ноги едва за ним поспевали. Ближе к подножию одна подвернулась, и она покатилась вниз кубарем. Земля набилась в глаза и рот.

— Ф-ф-у! — снова пришлось отплеиваться и отряхиваться, но восхитительное чувство полета распирало грудь. — Довольно, — одернула себя. — Что, если кто-то увидит, как Афари Сигма, будущая Первая мать, словно глупая девчонка, скатывается с горки? Вот стыд-то!

У сухого дерева за площадкой для тренировок ее поджидал Одноглазый. Афари незаметно глянула через плечо — не видно ли отсюда холм? Вроде не видно, хотя Одноглазый вполне мог дойти до самого Арсенала — взял привычку таскаться за ней повсюду!

— Привет, Геф, — бросила небрежно, поравнявшись с парнем. — Пришел потренироваться? А чего один? Или ты весь молодняк распугал?

— Ты опять ходила в развалины. — Одноглазый не принял шутливого тона. — Зачем?

— Просто так, погулять, — отмахнулась она.

— Неправда! — Геф нахмурился, собрал складками лоб. — Ты снова лазила смотреть Старших Людей. Это опасно, Афари. Там опять могло что-то взорваться. Вдруг тебя придавило бы? Могла задохнуться под завалом.

— Ты следил за мной?! — рассердилась Афари.

— Нет. И так понятно. А ты... Я все расскажу Первой матери.

— Не расскажешь! — Афари встала, перегораживая Одноглазому путь. — А если решишься — я больше не взгляну в твою сторону!

— Но... — Геф замолчал, мучительно подыскивая доводы. — Но... Зачем ты туда ходишь? Зачем они тебе... эти картины?

— Они учат, как обезвредить Врагов, когда те нагрянут, — тряхнула головой Афари. Не говорить же ему, зачем она на самом деле спускается под завал. — Вот ты помнишь, что делать, если Враг набросится на тебя со «льдом» в руке?

— Помню — не помню... — уклончиво проворчал Геф. — Какая разница?! Враги далеко, если они вообще существуют...

— Если?! — Афари задыхнулась от возмущения. — Думаешь, это — сказки? Ты же бывал в Зале Старших Людей, пока вход не завалило! Мы вместе ходили к Великой матери. Хочешь сказать, она нам врала?!

— Великая мать была очень старой... — начал Одноглазый.

— Вот именно, старой! — Афари в запальчивости ткнула Гефа в бок со стороны мертвого глаза, так что он не успел отреагировать. — Она прожила пять жизней и видела тех, кто знал Старших Людей и их Врагов!

— Великая мать была слепой, — тихо напомнил Геф, и она осеклась.

Как объяснить: для того чтобы верить, необязательно видеть! Как не верить в Старших Людей, когда их Цитадель выросла в холмы, их лики смотрят со стен в разрушенном Арсенале, их речь звучит через ее уста? А если веришь в них, как не поверить в их Врагов?

Афари хотела сказать, что, если бы не Великая мать, в своей слепоте принеся племеню больше пользы, чем сотня зрячих воинов, его, Гефа, сейчас не было бы в живых! Но вовремя прикусила язык. Не дело попрекать воина увечьем, если он исправно несет службу.

Одноглазый воспринял ее молчание по-своему.

— Не обижайся, — проговорил он заискивающе, — я верю в Старших Людей, верю во Врагов. Я помню все приемы, но... Шесть жизней минуло со дня Исхода. А Враги так и не пришли. Может, они умерли. Или ушли вместе со Старшими. Вряд ли они вернуться.

— Они вернуться! — горячо заверила Афари, думая о своем.

— Как скажешь, — тут же согласился Геф. — Я не хочу ссориться. Я всего лишь хочу...

Из-за угла общинного дома, к которому они незаметно подошли, вывернула Чара, за ней следовали наставница Найу и Дагон Гамма — командующий Дозором.

— Проболтаешься — я тебя больше не знаю, — успела шепнуть Афари Гефу. Потом оба потупились, отдавая честь старейшинам.

— Приветствую тебя, Первая мать! — произнес Одноглазый, обращаясь к старшей из троих.

— Здравствуй, Геф. — Чара критически оглядела парня и свою дочь, застывшую рядом. — Я искала тебя, Афари.

— Я упражнялась на пустоши, — поспешно выпалила девушка.

— Похвально... — Первая мать качнула головой. — Такое бы рвение — и к другим обязанностям!.. Идем. Сегодня день большого совета.

Афари пошла рядом с матерью. Геф, не имевший второго имени — только прозвище, пристроился в хвост маленькой процессии.

Роща совета стояла в двух пробегах от общинного дома. Земля вокруг и под деревьями зеленела сочной, нарядной травой. Прежде, говорили старейшины, вся земля в долине была такая, но вот уже целую жизнь, а может и две, травы отхлынули от общинного дома под напором растущих отар. Однако в рощу овцам ход был заказан.

На зеленом ковре недалеко от деревьев наставник обучал бою с Врагом самых маленьких. Старый Роган был сед, как трава в морозное утро, и потерял половину зубов, но все так же зорко примечал малейшие ошибки или шалости.

— Эхо! Даг! — прикрикнул он на двух пареньков, в пылу учебного боя позабывших все наставления. — Что вы прыгаете друг на друга, словно одичалые?! Куда мы должны разить Врага? Ну-ка?!

— Целься в горло или в пах, — довольно дружно отрапортовали запыхавшиеся мальчишки.

— Верно. А вы куда целите? Ну-ка, еще раз!

На этот раз «Враг» был повержен по всем правилам, и Роган удовлетворенно кивнул. Потом навесил на шею громоздкое оружие из двух гофрированных шлангов, спускавшихся, словно щупальца, до самой земли.

— А теперь представьте, что я — Враг, в правой руке у меня «лед». — Роган медленно потрусил мимо учеников, волоча за собой шланги. — Ну же, атакуйте!

Малышня с воинственными криками ринулась на учителя, семеро повисли на правой «руке-щупальце», еще двое ухватились

за левую. Под общий восторженный визг они повалили старика и устроили возню на траве. Роган притворно отбивался.

Афари стало грустно. Нужно обладать очень большим воображением, чтобы принять старика Рогана за Врага. Но ведь дети не видели ни настоящих Врагов, ни Старших. А теперь не увидят даже нарисованных. После взрыва в Арсенале Первая мать запретила водить учеников в развалины. Одна лишь Афари осмеливалась нарушить запрет, и то тайно.

В глубине рощи росло огромное дерево: узловатые ветки сплелись в шатер, землю меж корней устилала серебряная листва. Обычно старейшины собирались именно здесь. Но большой совет устраивали на каменной лестнице, что сразу за рощей. Широкие ступени поднимались к площадке с поваленными набок блоками круглой формы. Вокруг валялись валуны поменьше. Но, в отличие от Арсенала, эти руины были старыми: камни испятнал лишайник, в трещинах пророс лиловый выюн. Никто из живущих не помнил, что было здесь раньше.

Афари вместе с Чарой и Дагоном поднялась на самый верх, оглянулась: на ступенях собралось чуть не все племя. Даже рейдеры, кроме семерых, ушедших с Борго Кси в сторону моря, оказались на месте. Рядом с ними расположились охотники во главе с Рахти Зета, чуть ниже — молодые матери, чьи отпрыски сейчас постигали науку боя под присмотром Рогана, потом — пастухи и те, кто только готовился нести службу. Ближе всех к площадке, всего на ступень ниже старейшин, расселись наставницы и свободные от Дозора воины. Десятки голов повернуты в сторону Чары и ее спутников, глаза следят за каждым их движением, уши слушают.

Первым на край площадки шагнул Дагон Гамма.

— Говорю вам, люди! — громко начал он, оглядывая соплеменников. — Сегодня — не простой совет. Принятое решение станет судьбой наших детей. Вот почему я призвал всех, кто имеет голос. Нет лишь Борго с его воинами, но они доверили мне говорить их устами, и Рогана — его голосом будет Найу. А теперь слушайте! — Дагон снова обвел соплеменников взглядом, словно пересчитывал. — Долгие жизни мы хранили Завет предков: несли службу у стен Цитадели, сторожа ее от Врагов. И вот день настал, и Враг явился...

Несколько молодых воинов на нижних ступенях вскочили на ноги, и Афари чуть не последовала их примеру. Но Чара невозмутимо сидела рядом, и девушка справилась с порывом. Тяжелый взгляд Дагона усадил на места остальных.

— Не тот Враг, которого мы ждали, — продолжил он. — Год за годом мы пасли наши отары на соседних холмах, со временем превратившихся в пустыню. Теперь пастухи ищут пастбища за многие дневные переходы от Цитадели. Там они становятся легкой добычей для одичалых. Но хуже другое. Обратный путь по мертвым землям лишает овец нагулянного мяса, так что нам и нашим детям остается лишь обглаживать жесткие кости. Шесть жизней мы с честью несли Дозор. Пришла пора оставить Цитадель и найти для племени новое место.

На ступенях воцарилась тишина. Взгляды сошлись на Первой матери. Чара медленно поднялась:

— Я услышала тебя, Дагон. В твоих словах есть правда. Но как же Враг, который может явиться, когда мы оставим службу?

— Наш главный враг — голод, — резко ответил Дозорный. — Я чту память предков и тех, кто оставил их сторожить Цитадель. Но Дозорным нужно мясо, детям нужно мясо, старикам нужно мясо... Если пастбище отодвинется еще на один переход, овцы станут падать не доходя до Цитадели. А если одичалые объединятся, они легко отобьют отары. Пастухов и рейдеров слишком мало, а выпасы слишком далеки друг от друга. Мы должны идти на юг, на новые земли. Или это будет наша последняя жизнь. Какая польза Цитадели от мертвых Дозорных?

— Дагон прав, — выкрикнул Рахти Зета со своего места. — Нам уже не хватает пищи, а дальше будет только хуже. Дичь покинула наши края раньше, чем трава. Пора и нам. Я за то, чтобы уйти!

— Путь через пустоши не близок, — снова возразила Первая мать. — Все ли сумеют его осилить? И что будет там, на чужой земле, без стен, без крыши над головой? Что скажешь на это, Дагон?

— Скажу: уходить надо сейчас. Пока ночи теплы и дни солнечны. Малыши подросли, и в племени нет больных. До

конца луны мы сумеем спуститься к зеленым землям на юге. А мои Дозорные пойдут вперед и выроют землянки в новых холмах...

Афари ловила каждое слово матери. Вот сейчас она поставит на место зарвавшегося Дозорного, вот сейчас... Но на каждый довод Чары Дагон находил свой. Они говорили и говорили, превращая спор в бесконечную песню-переключку, что поются в весенние ночи.

— Словно кости друг другу перебрасывают, — проворчал кто-то рядом. Афари вздрогнула. Наставница Найу придвинулась ближе, затрясла поседевшей головой:

— Учись у своей матери, девочка, — сказала она, понижая голос. — Это — тонкая игра.

— Игра? — нахмурилась Афари. — Что это значит?

— Это значит, что мы уходим. Первая мать и Дагон все решили, а то, что ты видишь сейчас, — представление, чтобы убедить, будто мы сами делаем выбор.

— Но как же Дозор, служба?

— Какая служба, если Дозорным нечего есть? — Старая Найу презрительно фыркнула. — Нет, уходить надо, против этого не попрешь. Вот только все, кто уходил прежде, становились одичалыми. И нас ждет та же участь. Не будет домов, не будет посуды, наши дети станут есть с земли... Но все это — полбеда. Если не нужно сторожить Цитадель, зачем вообще племени Дозорные? С чего пастухам и охотникам кормить их? Дозорные исчезнут, долг — позабудется. За ним уйдет в небытие речь, наши дети станут совокупляться с кем попало, как звери... Впрочем, этим они займутся в первую очередь.

— Почему вы не скажете это всем? Почему не поднимете голос?!

— К чему? — скривилась Найу. — Службой сыт не будешь. И холмы не зацветут от моего голоса. Нет-нет, ничего тут не поделаешь. Дагон прав: эта жизнь — последняя для людей. Южные холмы будут заселять уже одичалые.

Афари показалось, будто ее оглушили, будто плита в Арсенале упала ей на голову, и она видит предсмертный бред. Не может ее мать, Первая мать племени, согласиться на такое!

Но по ступеням уже ползло шепотком: «Уходим, уходим, уходим...» — а потом Рахти Зета вскочил на ноги и заорал во весь голос: «Веди нас, Дагон!» Воины, пастухи, охотники поднимались один за другим, Афари едва успевала вертеть головой: «Веди нас, Дагон!», «Уходим!» Один голос показался ей знакомым, она вытянула шею, стараясь разглядеть кричащего, и встретила взглядом с Гефом. Тот замер с открытым ртом, потом постарался согнать с лица радостное выражение. Но было слишком поздно.

Афари отвернулась.

— Как же так? — спросила она Найу. — Как они могут вот так сразу отказаться от всего... от всего... — От волнения слова не шли на язык.

— Ну не так уж и сразу. — Наставница, крихтя, поднялась со своего места. — Дагон две луны нашептывал об уходе Дозорным и рейдерам. Да и другие поговаривали.

— Почему же я ничего не слышала?!

Найу грустно усмехнулась:

— Ты слишком часто бегала в холмы, девочка. Да теперь чего уж... — Продолжая покачивать седой головой, старуха побрела вниз по лестнице.

* * *

— Я никуда не пойду! — Забыв о манерах, Афари взглянула прямо в глаза матери. — Никто меня не заставит!

— Не кричи. — Чара первой отвела взгляд. — Снаружи услышат.

— Пора тебе повзрослеть, Афари. — Дагон, которого она старательно не замечала, остановился прямо перед носом. — Ты должна думать о благе племени, а не о том, что хочет твоя левая нога...

Афари сделала вид, что не слышит, продолжая обращаться только к матери:

— Я останусь здесь и буду нести Дозор. Одна, если не найдется других верных долгу!

— А если найдется?! — зло выдохнул Дагон прямо ей в лицо. — Ты понимаешь, что это для них — верная смерть?! Образуешь дочь, Чара!

Дагон выскочил из общинного дома.

— Ты уйдешь вместе со всеми. — Чара устало опустилась на ветхую подстилку из камыша. — Я не позволю сеять смуту в племени. А если ты останешься или хотя бы заикнешься об этом — будет смута. Кое-кто из ветеранов не хотел идти, им только дай повод... Первый же наткнувшийся на вас клан одичалых вырежет мужчин, а женщин принудит носить приплод для своих ублюдков! Такой судьбы ты хочешь своим детям?

Афари молчала.

— Мы должны смириться и идти с Дагоном. Ты станешь его женой и Первой матерью. Ты научишь ваших детей истинной речи, и, может, они или их внуки вернутся сюда и исполнят долг за нас.

«Дети? Внуки?» — Афари представила, что больше никогда не спустится в Зал Старших Людей, не увидит их шеренги, шествующие Дозором, не будет следить за танцем пылинок в столбе света, а главное... Главное, она больше не увидит Его лица. Никогда.

В носу возникло странное жжение, как будто она вдохнула споры табачного гриба. Дыхание участилось.

— Ты моя дочь, — заговорила Чара мягче. — Моя дочь знает, в чем ее главный долг.

Афари склонила голову, чтобы не видеть, не слышать, не знать!

— Вспомни завет: «Если Враг сильнее — отступи, выжди время, а потом — нападай снова». Сейчас — время отступить. Рейдеры выходят на рассвете. Мы выступим следом. Хочешь пойти с рейдерами?

Афари покачала головой, не отрывая взгляда от земли.

— Станешь подбивать Дозорных остаться у Цитадели?

Еще одно отрицательное покачивание.

— Хорошо. — Чара удовлетворенно прикрыла глаза. — Я знала: ты — разумная девушка. Теперь иди, обдумай, что возьмешь в

дорогу. И помни о тех, кто будет нести корзины. А мне еще надо переговорить с Найу.

Афари вышла на воздух.

Солнце садилось за холмы. Последние лучи играли на гребне Цитадели. Отсюда она выглядела самой обычной скалой. Только опытный взгляд различит в изломах породы щели бойниц и нашлапки аварийных люков.

Дозорные, отозванные с постов, бестолково бродили вокруг общинного дома. Афари прошла мимо, презрительно отворачивая голову. Она могла бы подняться по Дозорной тропе, перевалить за холм и бежать: сначала вдоль стены до ручья, а затем — на запад. Ноги у нее быстрые, а темнота — не такая уж помеха. Правда, и для ее преследователей — тоже. Нет сомнений, ее будут искать. Кто-то из племени непременно увидит и расскажет, куда она пошла, а на пустошах за ручьем негде спрятаться... Безнадежно.

Она остановилась у начала тропы и смотрела, как тень Цитадели ползет по склону. Когда сумерки накрыли общинный дом, она приняла решение.

* * *

Колонна растянулась чуть ли не на целый пробег. Первыми шли Дагон и половина Дозорных, следом — ветераны вперемешку с молодым. Самые маленькие двигались отдельной группой, в окружении матерей и наставниц. За ними брели носильщики с корзинами, оставшиеся Дозорные и Рахти Зета. Дни стояли жаркие, безветренные. Марево дрожало над вершинами холмов, пыль оседала горечью на языке. Афари шла в середине колонны, рядом с матерью, якобы для охраны, а на самом деле, чтобы быть под присмотром. Все племя двигалось со скоростью самого немогущего из стариков. С того момента, как они снялись с места, солнце успело перебраться на закатную сторону, но, оборачиваясь, Афари все еще различала очертания стены на горизонте. «Так и к зиме до новых земель не добраться!»

Как же она завидовала рейдерам и охотникам! Первые далеко обогнали колонну и лишь время от времени присылали донесения Дагону. Охотники и вовсе разбрелись во все стороны — добывать пищу для племени. Дагон велел как можно дольше сохранять припасы, захваченные из Цитадели.

На закате подошли к страж-камню. Здесь кончалась тропа Дозора, проложенная по пустошам от самой Цитадели. Серый обломок гранита торчал на вершине холма, отмечая границу Охраняемой Территории. На языке Старших он назывался «Обелиск» — словечко из тех, что могли выговорить только Первая мать да еще Афари.

Как-то весной, когда они несли Дозор с Одноглазым, вот на этом же месте он предложил:

— Давай убежим!

— Убежим? — не поняла Афари. — Откуда?

— Отсюда. Ото всех. Убежим к морю, вдвоем...

— Ха-а-фы-хах-х-ха... — Афари даже закашлялась от смеха. — Вдвоем? К морю? Шутишь?! Что мы станем там делать?

— Жить.

— Мы не мотыльки-однодневки, чтобы не заботиться о будущем. Ты — воин, я — будущая Первая мать. Служба — вот наш долг, наша жизнь!

— Значит, ты возьмешь в мужья Дагона? — Все слова о долге Геф, похоже, пропустил мимо ушей.

— Конечно, — тряхнула головой Афари, — он знает речь, и он — лучший воин Дозора. У нас родятся сильные дети. Но, может быть, потом, — добавила она, заметив, как печально клонится голова у Одноглазого, — когда-нибудь... я выберу тебя вторым мужем.

Одноглазый вскинулся и тут же сунулся к ее щеке.

— Но-но, — одернула она парня, — я сказала: может быть! А теперь идем. Нужно закончить обход...

И вот теперь первый воин Дозора, тот, кто должен был до последнего защищать Цитадель, предал все, что ей дорого! Надо было убежать тогда с Гефом! Хотя он — такой же предатель. Как он прыгал там, на ступенях, когда вокруг голосили: «Уходим!...»

На ночлег устроились прямо у Обелиска. Афари легла рядом с матерью, намереваясь хорошенько выспаться, но мысли не отпускали. Полночи она бесполезно ворочалась с боку на бок и лишь под утро провалилась в короткий тревожный сон. Ей приснились Старшие. Будто они вместе сражаются против Врага. Старшие бежали через пустошь с «огнем» в руках, совсем как на старых картинах. Афари тоже бежала. Потом впереди возникла стена. В груди екнуло. Покрытые трещинами камни выглядели до боли знакомо. «Мы штурмуем собственную Цитадель! — сообразила она, карабкаясь по крутому склону. — Что-то не так!» В этот момент перед ней, словно из-под земли, вырос Дагон. «Враг!» — рывкнул он прямо в лицо. И Афари проснулась.

С первыми лучами колонна снова двинулась в путь. Теперь она ползла еще медленней — кое-кто из малышей, непривычных к дальним переходам, сбил ноги в кровь. Да и старикам переход под палящим солнцем давался тяжело.

У Афари челюсти сводило от нетерпения. Она дала себе зарок — дожждаться вечера, но выдержала только до полудня.

— Позволь мне присоединиться к Борго, мама, — попросила она на коротком привале, смиренно пялясь в землю, — мы тащимся со скоростью дождевого червя.

— Ты сама отказалась идти с рейдерами, — напомнила Чара, — к тому же мы не знаем, где сейчас Борго и его разведчики.

— Знаем, — тут же заявила Афари, — Ралф прибежал от Борго совсем недавно. Я могла бы вернуться вместе с ним.

— Не уверена, что Дагон это одобрит, — с сомнением покачала головой Чара.

— Мама, прошу тебя! — Голос Афари звучал умоляюще. — Эта дорога сводит меня с ума! А Дагон... Я все еще зла на него и не хочу видеть. Может, потом, со временем...

— Хорошо, — нехотя согласилась мать, — отправляйся вместе Ралфом. Передай Борго Кси, что я посылаю тебя в помощницы. И будь осторожна. Поешь перед дорогой...

— Спасибо, мама! — Афари коснулась ее щеки и тут же убежала в начало колонны, чтобы мать не прочла правды в ее глазах.

План был прост: притвориться послушной, дожидаться момента и бежать. Ралф с его донесением подвернулся как нельзя кстати. Афари и прежде хотела напроситься в отряд к Борго: он — не мать и не Дагон, не станет следить за каждым ее шагом! И потом, рейдеры постоянно носятся с какими-нибудь поручениями — найдется повод улизнуть. Однако все сложилось даже лучше. Чара не стала говорить с Ралфом, доверив сообщение дочери. Афари же заверила парня, что хочет лишь проводить его: «Надоело глотать пыль вместе со всеми!» Когда они отошли достаточно далеко, она мило попрощалась, сделав вид, что идет назад, к колонне. Тот и не подумал усомниться.

Едва Ралф скрылся за холмом, она рванула со всех ног, но все не к соплеменникам. Они двигались на юг, а Афари бежала на запад, повернувшись к солнцу спиной. Но даже на бегу ее не оставляли тревожные мысли.

Побег — половина дела. Как быть дальше? Афари никогда не оставалась по-настоящему одна. Даже в Дозор они всегда ходили парами.

«Что ж, когда делаешь выбор, будь готова к последствиям!»

* * *

Весь бесконечный вчерашний переход она старалась представить жизнь в одиночестве. Голод и одичалые ее не пугали. Но, как подумала, что день за днем не с кем будет словом перекинуться, стало по-настоящему страшно. «Можно позвать Гефа. Этот побежит за мной куда угодно». Афари собиралась было окликнуть приятеля, но... Захочет ли он оставаться только ее другом? «Нет. Гефу нужно больше. Он мечтает о семье, детях...» — Афари покачала головой в такт собственным мыслям.

Одноглазый ей нравился, правда. Но никто в его роду не владел истинной речью, и сам он не выучил ни слова. Только одичалые не думают о наследственности. Как может Афари Сигма, чьи предки восемнадцать поколений говорили на языке

Старших Людей, стать женой «немого»? А если дети пойдут в отца? Не зная речи, они не сумеют передать свою память потомкам.

«Память — главное. Не быстрота и не сила, — говорила Великая мать во время уроков, для которых Афари приводили в большой дом, ставший потом общинным. — Мы остаемся людьми, только пока помним, кто мы, в чем наш долг. Но память нельзя передать, если не владеешь речью.

Шесть жизней назад, после Исхода Старших Людей, наши предки продолжили нести Дозор, охраняя Цитадель. А когда родились дети, научили их всему, что знали сами. Всему, кроме речи Старших. Хотя люди всегда понимали их язык, говорить на нем не умел никто, а значит, не мог обучить потомков. И тогда появилась Афари Альфа — первая из Первых матерей — та, что могла произносить слова истинной речи. Она научила говорить своих детей, а те — своих. Благодаря этому, память предков живет в нас...»

Дагон знал больше слов истинной речи, чем любой другой мужчина племени. Он был бы прекрасной партией, но предал и предков, и память.

Нет. Она убежит одна. И спрячется. А спустя луну вернется к Цитадели и будет нести службу, как завещано Старшими!

* * *

«Неплохо бы обзавестись парой овец», — запоздало спохватилась Афари, то и дело оглядываясь: нет ли погони. — Можно прокормиться и охотой, но с овцами было бы надежней». Однако кражу овец она отложила на потом. Сейчас следовало убежать как можно дальше. Вряд ли рейдеры пришлют сегодня кого-то еще, а значит, Чара узнает о побеге не раньше следующего утра. Но лучше полагаться на ноги, чем на удачу!

Афари еще поднажала. Ближе к вечеру на пути попался ручей. До темноты она шла по течению, надеясь, что вода собьет погоню со следа. Только когда ноги стало сводить от холода и

усталости — выбралась на берег. В первой же сухой ложбине рухнула без сил и мгновенно уснула.

На этот раз, несмотря на все волнения, ей ничего не снилось.

Утром — голодная, но отдохнувшая — Афари продолжила путь на запад. Пейзаж почти не менялся: голая земля с редкими кочками жесткой, выгоревшей на солнце травы. Афари поднималась на холмы или огибала их у подножия — картина была одной и той же. Изредка ей встречались крохотные, продуваемые ветрами рощи — сиротливые, лишенные подлеска. Она знала, что пастухам приходится уводить отары подальше от Цитадели, где овцы выели чуть ли не всю растительность. Но не думала, что пустоши тянутся так далеко! Афари пыталась охотиться, однако на вытоптанной земле селились разве что полосатые ящерицы. За все время ей удалось поймать только одну, да еще от второй достался хвост. Приходилось жевать кузнечиков и желей-корень, чтобы хоть как-то насытиться.

Наконец, к полудню четвертых суток холмы оделись травой. С каждым пробегом луга становились все пышнее, травы — выше. Светдогровка и желей-корень здесь вырастали по самую грудь. Появились перелески с зарослями малинника и дикой вишни. Афари слышала об этих местах от охотников, но сама никогда не заходила дальше страж-камня.

«Может, Дагон не так уж неправ?.. — Афари поспешно изгнала крамольную мысль. — Как бы там ни было — долг — превыше всего!»

Пятую ночь она провела в уютном овражке. На дне бил родник.

Наутро поймала и съела большую лягушку, а потом... потом она увидела *его*.

Он шел, не скрываясь, будто был здесь хозяином. Ветер трепал волосы цвета осенних листьев. На мгновение она даже подумала, что перед ней Человек! Но память тут же подсказала ошибку. Все знают, что Враги и Люди очень похожи. Поэтому уже на первом занятии наставницы учат, как их различить: Старшие Люди одеты в зеленое и носят знак на правой руке выше локтя. Такой же знак стоит на их каске и на груди, под одеждой.

Спрятавшись в тени кустарника, Афари внимательно оглядела незнакомца: его голова была непокрыта, одежда ничуть не походила на комбинезоны Старших Людей, а главное, на нем не было знаков. Вообще. Нет сомнений — она встретила самого настоящего Врага!

Ликование охватило ее. Теперь Дагон и Чара увидят, как были неправы! Теперь им придется вернуться и защищать Цитадель — иначе племя сочтет их трусами!

Первым побуждением было атаковать. Но уроки наставниц не прошли даром: «Враг может казаться безобидным, — внушали они, — но это лишь видимость. Убедись, что он безоружен. Никогда не нападай, если не уверена в победе. Наблюдай. Дождись момента...»

На всякий случай Афари обыскала окрестности. След Врага, прямой и легко читаемый, тянулся со стороны побережья. Афари вернулась по нему на восемь пробегов. Дальше заходить не стала, боясь, что Враг за это время уйдет слишком далеко или спрячется. Судя по всему, он был один. Как опрометчиво! Хотя, может, он ожидает подкрепление? Долг требовал предупредить Первую мать и Дозорных. «Но ведь они покинули Цитадель! — напомнила себе Афари. — К тому же ни мать, ни Дагон не поверят мне на слово».

Сначала следовало обзавестись каким-нибудь доказательством. Она быстро настигла Врага — он шагал размеренно и даже не пытался запутать след. Афари обошла его с подветренной стороны и двинулась параллельным курсом, стараясь не выпускать из вида. В полдень он сделал короткий привал на вершине пологого холма. Потом останавливался еще дважды. Оба раза местность была слишком открытой, чтобы Афари могла подобраться поближе. Но она разглядела, как Враг выкопал и забрал с собой несколько стеблей светлогривки и красного шавеля. Думала, он собирает себе обед, пока не заметила среди «трофеев» цветы жукоглаза — их уж точно не то что есть, даже нюхать было опасно!

На закате Враг свернул к небольшой роще. Сбросив со спины сумку-рюкзак, принялся бродить среди деревьев. Афари испугалась, что он заметил, как она прячется на опушке. Но Враг

набрал валежника, отнес к своей сумке. Потом вынул из чехла на пояс длинный «лед» и принялся копать с его помощью яму.

Афари самодовольно ухмыльнулась: она знала, рано или поздно Враг себя выдаст! «Они придут с запада, — говорилось в Завете. — „Лед“ и „огонь“ в их руках. „Льдом“ станут разить они вблизи, а „огнем“ — на расстоянии».

На самом деле у «огня» было другое название, но истинная речь его не сохранила. Тем не менее она не сомневалась, что опознает оружие. Пока что самым опасным, что она видела у своего Врага, был «лед». Но, как знать, что спрятано в рюкзаке?

А Враг между тем вынул целый пласт дерна и сложил в получившейся ямке шатер из веток. Скоро до Афари донесся запах костра. Она напряглась: Великая мать рассказывала, что Старшие Люди приручили пламя. Но прежде Афари никогда не видела его так близко. После взрыва в подвалах Арсенала запах дыма несколько дней стоял вокруг холма, но пламя так и не вырвалось наружу.

И вот на ее глазах красные языки с хрустом принялись поедать валежник. Сумерки тут же сгустились вокруг них. Дым перебил все запахи в округе, но Афари быстро притерпелась к терпкому аромату горящего дерева. Пламя притягивало. У нее даже между лопаток зачесалось от желания подойти ближе. Над костром вилась мошкара и ночные бабочки. Их, как и Афари, влекло к огню. Только у нее хватало ума оставаться на месте. Потом вместе с дымом повеяло чем-то еще более сильным. Острый и сладкий запах еды вспорол желудок так, что она даже услышала его треск. Только тут она осознала, как голодна. Утренняя лягушка давно переварилась, а слежка за Врагом не оставила времени на охоту.

«Ничего, — сказала себе Афари, сглатывая слюну и тихонько пятясь вглубь рощи, — я смогу поохотиться ночью». Голодные трели желудка казались ей оглушительными, но Враг был слишком беспечен, а может, туговат на ухо. Его не насторожили ни они, ни хруст ветки, подвернувшейся под ногу.

Ночная вылазка не принесла ничего, кроме усталости. «Все-таки Дозорный — не охотник», — убедилась Афари, пробуждав

в темноте без всякой пользы. Пришлось снова набить живот жалей-корнем.

Поднялась она задолго до рассвета. Сбегала к ручью. Враг оказался лежебокой. Афари успела снова задремать в ожидании, пока он соизволит проснуться.

Утром Враг обошелся без костра. Перед уходом аккуратно уложил на место вынутый слой дерна, собрал вещи и двинулся на северо-запад. Афари задержалась, чтобы обследовать место ночевки. Замаскированное кострище вызывало улыбку. Только слепой не заметит увядшей травы по краям дернового прямоугольника, да и прочих следов хватало, не говоря о запахе. Если ее Враг — разведчик — а кем еще он мог быть?! — то очень неумелый.

Наступивший день лишь подтвердил ее выводы. Мало того что Враг шел не заботясь о том, что его видно за целый пробег, через какое-то время он еще и насвистывать начал! Голодную, невыспавшуюся Афари бесило его легкомыслие. Любой рейдер, забредший в эту часть острова, сразу заметит долговязого, шумного противника. Тогда с мечтой эффектно объявить о появлении Врага придется распрощаться! К тому же есть еще одичалые...

На этот раз она отправилась на охоту, как только Враг устроился на вечерний привал. Рядом протекала речка, почти полностью скрытая травостоем. На ее берегу, выше по течению, Афари поймала цаплю. Мясо оказалось сухое и жесткое. Не иначе птица умирала от старости, когда попалась ей на глаза. Афари разделила тушку на два приема, но утром, съев вторую половину, чувствовала себя такой же голодной, как накануне. Вообще, она сильно отошала за последние дни. Тренированное тело пока не подводило, но еще немного — и она не сможет в одиночку справиться с Врагом.

«Я могла бы убить его сейчас, — думала Афари, наблюдая из укрытия, как тот плещется в речке, побросав на берегу все свое снаряжение. — Но мне не дотащить тело до Цитадели. К тому же там никого нет. Не таскать же мертвеца по всему острову? И вдруг старейшины не поверят, что он был Врагом? Или, — ее

пробрало холодом, — вдруг я ошиблась, и он все-таки Человек... Разве может Враг быть таким? Враг должен таиться, устраивать засады...»

В середине дня ветер донес откуда-то с севера лай койота. Афари и ухом не повела. Койоты избегают встреч с людьми и одичалыми. Но Врага это заставило насторожиться. Вечером, перед тем как лечь спать, он окружил стоянку целой системой растяжек.

— Ну наконец-то! — Афари даже обрадовалась. Она уже начала сомневаться, что встретила настоящего Врага.

Когда стемнело, она обошла глупые ловушки и прокралась прямо к догорающему костру. Враг спал на земле, завернувшись в толстое одеяло, у него была гладкая, совсем светлая кожа. И он улыбался во сне. Не так, как Человек на картине, но было что-то общее...

Афари оборвала себя: не дело сравнивать Врага с Человеком! Она проследила, куда ведут тонкие струны, натянутые вокруг спящего. В Арсенале — до того, как его завалило, — наставницы показывали ей старинные устройства для взрыва. Афари ожидала увидеть нечто подобное, но здесь к концам растяжек были привязаны пустые жестянки. Они еще хранили манящий запах, но вместо еды внутри лежала речная галька. Афари нахмурилась. Неужто Враг рассчитывает защитить себя простыми погрешками?!

Она снова приблизилась, вгляделась в его лицо.

«Либо он непроходимо глуп, либо обладает таким оружием, что ему не страшен никакой противник!»

Но за все время Афари не видела ничего даже отдаленно похожего на «огонь». Даже свой «лед» Враг-недотепа так и оставил в чехле на поясе! Может, она что-то пропустила?

«Если его резко разбудить, он наверняка потянется к своему главному оружию...» Афари рассмотрела и отбросила эту идею. Риск слишком велик. Как только она себя обнаружит, придется перейти к активным действиям. Один из них может убить другого. Афари такой вариант не устраивал. Она собиралась предъявить своего Врага Первой матери — пусть решает, что с ним делать. Правда, неясно, как заставить его

двигаться в нужную сторону, но Афари надеялась что-нибудь придумать.

Она покинула стоянку, не задев ни одной струны. Утром Враг смотал растяжки и снова двинулся на северо-запад, Афари уже привычно кралась следом. Незадолго до полудня они наткнулись на кроличий городок. Зверьки заметили Врага издали и попрятались. Но вскоре они решат, что опасность миновала, и выберутся пощипать травку. Афари не могла упустить такой случай.

Она затаилась в зарослях жгучей горчайки, выжидая, чтобы какой-нибудь неосторожный кролик отбежал подальше от норы. И удача улыбнулась! Жирный пятнистый кроль соблазнился кустиком ревеня, росшего поблизости от ее укрытия. Бросок — Афари сдавила кроличье горло. Слюна наполнила рот. Она отнесла добычу в тень ближайшего дерева, там разделала и съела, утолив жажду кроличьей кровью. Потом прилегла в теньке, чувствуя, как блаженная сытость расплзается по телу. Она хотела отдохнуть совсем немного, только чтобы пища улеглась. И незаметно для себя заснула.

Разбудил ее надсадный комариный писк. Афари разом вскочила на ноги. В синеве над холмами проступали первые звезды.

«Проспала!» — Вина обжигала сильнее, чем листья горчайки. Афари вернулась в кроличий городок, надеясь отыскать след Врага. Трава еще хранила отпечатки ног, но ночной туман затянул холмы влажной шкурой, смешал и спутал звуки и запахи. Пробежав по примятому травостою, Афари наткнулась на вход в большую нору. Врагом здесь и не пахло. Она повернула назад. След, совсем недавно такой четкий, растворился в дымчатой мороси. Афари заметалась в тщетной попытке ухватить концы потерянной нити.

И вдруг тишину разорвал брачный вой койота. На этот раз она вздрогнула. Голос звучал совсем близко и не походил на тьяканье, которое она слышала накануне. К тому же время весенних песен давно миновало.

Больше не вглядываясь под ноги, Афари бросилась на звук.

Очень скоро она увидела дрожащее пятно костра. Еще пробег — Афари припала к земле, сдерживая дыхание.

Враг стоял спиной к огню, корпус наклонен, руки перед собой чуть согнуты, в правой — «лед». Хорошая стойка, правильная. Напротив полукругом расположились одичалые. Вожак — такой темный, что легко сливался с ночью, держался впереди. Вот он резко качнулся вбок, замер, не сводя взгляда с Врага. Тот чуть развернул корпус. Вожак тут же подался назад. «Отвлекает, — поняла Афари, — дает возможность другим зайти со спины...» Одного взгляда хватило ей, чтобы понять: положение у Врага — незавидное. Одичалые обложили его со всех сторон. Их было пятеро, хотя хватило бы и двоих: один отвлекает, другой заходит сзади, атакует, обездвиживает конечность с оружием. Остается только повалить противника и...

Пока она припоминала уроки Рогана, вожак, явно не знакомый с тактикой боя в группе, ринулся вперед. Он был высок, почти как Афари, и быстр. Враг выставил вперед предплечье, но удар должен был смять защиту.

Афари поняла, что делает, только когда влетела в круг перед костром. С разбегу врезалась в вожака. Несмотря на полуголодный марш по пустоши, она все еще была тяжелей противника. Сбитый, он покатился по траве, брызгая кровью с прокушенного языка. Афари удержалась на ногах. Ей не надо было оборачиваться, чтобы знать: двое одичалых нацелились на ее шею. Их дыхание смердело гнилью. Тот, что справа, бросился первым. Краем глаза она заметила движение. Афари могла бы увернуться, но позволила чужаку думать, что бросок удался. За мгновение до того, как их тела соприкоснулись, она сама повалилась на спину и ударом ног отправила противника через себя. Второй решил напасть, пока она на земле. Он был ужасно тощ, грязен и слишком неуклюж, чтобы справиться с молодой Дозорной. Она располосовала ему живот и вскочила, готовая к новой атаке. Ее Враг тоже не сплеховал. Вожак, которого она в пылу борьбы упустила из виду, теперь отступал, приволакивая ногу, кровавый след тащился за ним по траве. Один из ее противников корчился в агонии, второй ощерился на расстоянии хорошего прыжка. Еще двое замерли на границе светового пятна. Враг снова принял оборонительную стойку спиной к огню, «лед» в его руке стал красным.

Афари прикинула шансы: одичалые все еще превосходят их числом. Но ранение вожака, самого крупного и сильного, сделало других трусами.

— Пр-р-р-очь! — зарычала она, обнажая зубы на манер одичалых. — Только попробуйте тронуть его, глупые шавки! Это — мой Враг!

Она прыгнула вперед, и одичалые попятились.

— Прочь! Или вас ждет смерть! — Не давая им опомниться, Афари кинулась на ближайшего, и тот, не выдержав, побежал. А за ним и остальные, все, кроме парня со вспоротым брюхом.

Афари чуть не рванула следом — догнать, добить. Но тут чужая рука легла ей на спину. Афари резко крутанулась... Его лицо оказалось неожиданно близко, так, что она смогла наконец-то разглядеть цвет радужки — синий-синий, как небо перед закатом или как море, которого так и не видела. Его акцент звучал странно и нелепо, но она сразу поняла: именно так должна звучать истинная речь:

— Тубо, девочка, тубо! — произнес он, бесстрашно глядя прямо в глаза. — Откуда ты взялась здесь, красавица?

Афари хотела ответить, но горло перехватило, и все, что она смогла, — это завилать хвостом.

ЦВЁТА КРОВИ

— Во имя всех святых, стой смирно! — велела маман и опять дернула гребенкой, застрявшей в волосах.

— Больно-о, — захныкала я.

— Потерпишь. Святая Бландина не то терпела.

— Она же святая...

Уф, матушка расчесывает, точно хочет помучить. Право, глядеть на серый потолок и деревянные балки целую вечность, даже если солнце пляшет под ними яркими пятнами, — не великое удовольствие.

Наконец, матушка повернула меня к себе, надела чепец и вздохнула:

— Ты уже не маленькая. Что бы сказала о нас мадам Корбье, если б увидела тебя такой неряхой?

— Простите, маман, буду аккуратной, — проямлила я, перебирая складки теплой шерстяной котты. — Можно я пойду? Сегодня такой день, такой день!

— Клементина! — посуровела матушка. — Ни-ни, этого не будет. Я запрещаю близко подходить к Форуму. Там не только господа соберутся, но и все городские шельмецы. Так что для тебя день обычный: снесешь сапоги мадам Корбье — и сразу домой. Поняла?

Обычный день... Как бы не так! Сегодня праздничное шествие пройдет от церкви Сен-Жюст. Там будет сам король и его брат со свитой — столько знатных особ разом! Когда еще доведется разглядеть Папу в облачении, украшенном драгоценными камнями, епископов, благородных шевалье на лошадях с попонами? А главное — наряды дам, расшитые серебром и золотом,

коттарди из чудесных тканей и подбитые мехом мантии! Неужто я буду слушать об этом рассказы лопоухого Нико или толстой Жискеты, которая непременно что-нибудь соврет?

Ах, я так и представляю, как блестящие нити будут переливаться под солнцем! Мерси Дье, сегодня солнце. А хоть бы и ливень стеной... Нет уж, я сама должна посмотреть. Да простит меня святая Бландина. Сама. Лопни мои глаза!

И все же я смиренно сказала:

— Да, мадам. Сразу домой.

— Вот и чудесно! — Маман притянула меня за плечи и поцеловала в лоб: — Береги себя, и Господь тебя убережет.

Сгорая от стыда и нетерпения, я наблюдала, как матушка оборачивает материей мягкие остроносые сапоги, обвитые по щиколотке тонкими кожаными тесемками. Однажды отец сошьет такие и мне. Он обещал.

Дверь распахнулась, и тотчас морозец ущипнул меня за нос. Я пошла по спуску, прижимая сверток к груди. Святые угодники, а ведь до зимы еще далеко... Не оконечь бы. Над крышами домов было светло и ярко, но сюда, в тень проулка, лучи не добивались. А ну-ка бегом! Согреюсь. И пусть холод обжигал щеки, я представила, что лечу, выдыхая белые облачка пара. Я — дракон. Ура!

Пронеслась до угла, сейчас направо и вниз к Соне, еще один переулочек — и второй дом. Я толкнула тяжелую дверь, шагнула в узкую, как каменный склеп, трабулу. Навстречу, опираясь на клюку, ковыляла сгорбленная старуха с опущенной на лицо черной рединой.

— Постой, дитя.

— Да, мадам.

— Помолись хорошо, прежде чем сделаешь и пожалеешь... — прошамкала она беззубым ртом. — Кто душу отдает за камень, сам в него превратится. *Juro in verba magistri*¹.

Глаз старухи не было видно, но казалось, она вот-вот испепелит меня взглядом или околдует. Ой, чур меня... Ведьма! Она протянула дряблые когтистые пальцы, а я мышью припустила во дворик. Затарабанила кулаками в дверь, что было мочи. Слуга мадам Корбье впустил меня, ворча недовольно:

¹ Клянусь словами учителя (лат.).

— Что такое? Пожар? Или гонятся за тобой?

— Нет, мсье. День добрый, — вспомнила я о вежливости. — Вот сапоги для госпожи.

Он поднялся вверх и скоро вернулся, едва я успела отдышаться. Привратник важно отсчитал монеты.

— А что за старуха от вас вышла? — осмелилась я спросить.

— Старуха? Не было никакой старухи. Вот только ты, сумасшедшая, чуть дверь не вышибла.

— Простите, мсье, — поклонилась я и с опаской заглянула в трабулу. Никого.

А вдруг снаружи поджидает?.. Я потопталась и решила: пойду к лестнице. Вот спасибо тому, кто так хитро придумал: хочешь — выходи на улицу через трабулу, а нет — шасть по ступенькам — и ты в другом переулке. В обход никакая ведьма не поспеет. Разве что на помеле.

Я заторопилась, перескакивая то тут, то там через подмерзшие лужи. Наверняка уже Нико, Жискета и Франциск с тупика Тюрке ждут меня у подъема Гургийон. Так и было. Ребята приплясывали от холода, засовывая покрасневшие пальцы под толстые шерстяные уки. Еле разыскала моих приятелей среди зевак. Каждому хотелось повидать короля. Ближе к Фурвьеру и городских стражников стало больше. Они тоже прогуливались, поигрывая дубинками. Вовсе не оттого, что хотели попугать честной народ, а чтоб согреться. Стуже все равно, какой у тебя чин.

— Святая Бландина! Нико, да у тебя уши посинели! — воскликнула я.

— Где?! Что?! — испугался Нико, ухватив себя за торчащие из-под шапки уши.

— Это потому, что матушка тебе чепец в детстве не надевала, — засмеялась я. А Франциск подхватил:

— Ах-ха-ха. Нико — длинноухий, как осел. Отморозил уши.

— Черти вас раздери, — обиделся Нико.

— Ладно, не дуйся, — захихикала я и сделала страшные глаза. — Я, между прочим, ведьму видела.

— Врешь, — выпятил губу Нико и деловито поправил поясной ремень — целый месяц его носит. Как взрослый.

Право, если б не громадные уши, Нико был бы красавцем: черноглазый, со смоляными вихрами. И я ничуть не расстрои-

лась, когда матушка сказала, что толковали давеча о свадьбе с его родителями — такими же, как мои, кордонньерами. Они шьют сапоги, туфли и даже новомодные открытые сабо¹, которые мой отец чехвостит на все лады. Да разве он понимает?! Патины красивые, пусть и для лета только.

Мамаша Нико — славная женщина, с моей матушкой дружна. А отец — весельчак и балагур. Скоро мне стукнет двенадцать, перейду жить к ним в дом. Даже бабушка, которая, что ни слово, роняет слезы в суп, признала — родилась я в добрый час.

— Врешь, — повторил важно Нико.

— А вот и нет. Лопни мои глаза! — Я уткнула руки в боки так, что монеты звякнули в омоньерке. — В трубуле на нее наткнулась. Черная вся. С клюкой. «Журо инверба», — говорит. Да у меня волосы дыбом встали! Только привратник и спас.

— Ты уж тогда сходи в церковь. Хоть прямо сейчас, — обеспокоился Нико.

— Да ничего она не сделала. Не успела.

— Хорошо бы... — Нико шморгнул носом.

— А мы Папу не пропустим? — заволновалась я. — И свиту королевскую?

Нико коварно улыбнулся:

— Вот не дразнилась бы — я б сказал, что нашел место, откуда все видать. А так... попробуй разгляди со своего роста — только копыта лошадиные и рассмотришь.

— Ну, Нико... — Я поняла, что пошутила не вовремя. — Я больше не стану обзывать.

— Обещаешь?

— Истинный крест!

* * *

Нико зашагал по присыпанной соломой дороге, как главный. Мы еле поспевали за ним в гору. Особенно толстая Жискета — вот уж крихтела, что та каша в горшке. Народу прибавилось: кто на улице толкается, кто из окон торчит, на крыши залезли и на крепостную стену. Гомон стоял, как на рынке у городских ворот.

¹ Обувь без пятки.

И вдруг от разрушенных римских терм разлился по ледяному воздуху колокольный звон. Все замолкли на секунду, а потом принялись креститься и шапки бросать:

— Ура! Да здравствует новый Папа! Да здравствует Климент Пятый!

Отбивали колокола и в церкви Святого Иренея, и в Сен-Жюсте, и в Сен-Жане. Дружно отвечали им колокольно архиепископского замка с той стороны Соны. О, мон Дье, как же это было красиво! Будто сам воздух звенел — дзонн-дзонэ — открой рот и поймаешь звон на язык, будто снежинку. Я так и застыла на месте. Заслушалась.

Нико выдернул меня из толпы:

— Чего окаменела? Враз затопчут.

— Интересно, откуда им известно, как Папу зовут? Я вон слыхом не слыхивала, что он — Климент...

— А я почему знаю? Может, глашатай буллу читал, — пожал плечами Нико и пнул хряка, что семенил впереди.

— Давайте здесь останемся, — заныла Жискета, которой надоело бегать.

Я обернулась и увидела поодаль ту старуху в черном. Она стояла посреди дороги, будто все равно ей было: что король, что Папа.... Стояла и сучила что-то противными своими пальцами.

— Ой, она... Пошли, Нико! — взвизгнула я и побежала пуще всех к тупику Тюрке.

Мы юркнули в прощелок между старым домом и деревянной стеной. А Жискета осталась на улице — лень вперед нее родилась. Франциск первым взобрался по торчащим балкам. Мы следом. Я за сучок зацепилась, чуть котту не порвала. Но зато, когда мы устроились на здоровенной балке, от восторга я захлопала в ладоши — вот он, Гургийон, ровной полоской вымощенный с холма, а дальше — крыши-крыши-крыши, красные, рыжеватые, и зеленая полоска Соны за деревьями.

— Гляди! — заорал Нико.

Вверху, у домов, на которые указывал его чумазый палец, появились монахи в серых рясах. Чинно, не торопясь, они шли распевая псалмы. И не холодно им... Позади развевались яркие флаги, блестели копыта конницы. Сердце мое заколотилось.

Раздался ропот и гул — то стражники начали дубинками люд разгонять:

— Дорогу королю! Дорогу его святейшеству! Эй, остолоп, куда прешь? Посторонись, бастард...

И народ полез во все дыры, от дубинок подальше, давил, ойкал, чертыхался. Словно живые ручьи в паводок, стекались горожане к нашей стене. Сзади, сбоку, снизу — она аж накренилась. Вот дурачье!

Я наклонилась рассмотреть, что там происходит, и снова будто чаном мерзлой воды окатили меня — та страшная старуха окочивалась на повороте в тупик. Точно она — вон клюка кривая и редица на все лицо. Я вжалась обратно — авось не заметит — и прошептала:

— Нико, там ведьма...

Но тот меня не слышал. Привстав, они с Франциском уже высмотрели рыцарей и перекрикивались друг с другом:

— Уф, раскопать бы клад из золотых ливров, чтоб хватило на кольчатую котту, на брэ, меч и нагрудник!

— Вот дурак... и пешком бы ходил? Да какой с тебя рыцарь?

— Я б много нашел... И купил бы все, — с жаром мечтал Нико. — Даже лошадь. И седло расписное.

— Зачем тебе?

— Поехал бы к сарацинам — драконов убивать.

В горле сжалось: ах, он какой! Еще поженить нас не успели, а он уже собирается дать деру. И до тебя, Клементина Бернадетт, ему и дела нет... Ну и жених!

Беф, как я разозлилась! Так бы и дала по голове этому простофиле! По ушам его ослиным. Святая Бландина! Теперь мне и старуха была нипочем, и разудалые наглецы, что вскарабкались к нам на стену, и мороз.

Монахи прошли мимо нас. За ними неторопливо проследовали суровые рыцари на лошадях. Те фыркали, выпуская из ноздрей парок, и тяжелыми копытами переступали по брусчатке. Вот они: и шлемы, и синие мантии — протяни руку, дотронься. Но я и думать забыла о пополах и тканях. Внутри все кипело. Я бесилась и повторяла: «Сама найду золота, а лучше — камней драгоценных, выйду замуж за купца или начальника стражи, а тебя, голодранца, на порог не пущу. Найду — и все. Лишь бы

тебе неповадно было!» Так я и не заметила, как поверила: будет у меня сокровище — а хоть бы и диамант с кулак величиной. Лопни мои глаза!

* * *

— Папа едет! Да здравствует святейший Папа! — волной пронеслось с холма.

К нам приближалась важная процессия в алых аксамитовых мантиях и золоченых остроконечных шапках. По обе стороны гарцевали шевалье в черных и синих плащах. О, святая Блдинна, тот, впереди, в самой высокой шапке, наверняка Папа. Кто еще может так величаво покачиваться в такт шагам иноходца? И убранство — издалека видно — побогаче, чем у нашего архиепископа.

Папа выехал с теневой стороны улицы, и солнце заиграло на его блестящей маковке. Жизнь прожила — не видала такой красоты! Сияло золото венцов, разделявших белую тиару на три этажа, дразнились бликами разноцветные камешки, а больше всех — самый крупный, цвета глубины крови — тот, что прямо надо лбом Папы.

— Благослови, ваше святейшество! — истерично завопила какая-то торговка.

— Папа! Виват святейшему отцу! Виват Клименту Пятому! — подхватили вокруг меня. Какой-то горлопан вставил: «Аллилуйя!» — и толпа зашлась в счастливом исступлении. А я все рассматривала диамант — тот притягивал, словно кусок плесневелого сыра — крысу.

Сама собой мне представилась еще одна пара рук — неправдашних, прозрачных. Вот они тянутся, тянутся к драгоценному камню... Беф, забавно! Совсем по-настоящему почувствовала я прохладные грани. Чудно же я умею придумывать!

Я покосилась на Нико и Франциска: треплют языком о всякой ерунде, пустозвоны. Будто меня вовсе тут нет. Ну и тьфу на них, моя игра позанятней будет! Я еще раз вообразила прозрачные руки: попробовала камень на ощупь, дотронулась и до золотого венца, и до парчовой материи. А что, если... Я расшали-

лась и со всего размаху ткнула придуманным пальцем в главное украшение папской тиары. Папа покачулся в седле, как если б его толкнули легонько. Уф и отшлепала бы меня матушка за такую непочтительность к святейшему отцу, да откуда ей знать? Хмыкнув, я и кулачком ткнула. О-ля-ля, Папа снова качнулся. Нахмурил черные брови, губы поджал. Мне совсем смешно стало, я потянула к себе и хватъ — уже камешек в прозрачной ладони чувствую.

Что тут началось! Стена, на которой мы сидели, заходила ходуном, затряслась.

Я вцепилась обеими руками в балку. Камни, доски, труха посыпались на тех, кто был снизу. Ротозей, что возле нас сидели, попадали наземь, как спелые груши с дерева. Заметались кони, подминая под себя зевак. Улицу заполнили брань и вопли, от которых стыли внутренности.

Страсть как я испугалась! «Защити меня, святая Бланица, — трепеща, пробормотала я. — Что же это творится?! Нет, это не я сделала. Не я. Я больше так не...» Договорить не удалось: мы с Нико с диким криком полетели вниз — на чужие тела, мантии, меховые и шерстяные уки вперемешку. Через секунду я плашмя обрушилась на чью-то спину, присыпанную щепками, — так что слезы брызнули из глаз. Ай-ай-ай, больно-то как! Ай, больно...

И тут я вовсе обмерла от ужаса: прямо перед моим носом из дорогого бархатного плаща торчала чья-то окровавленная кость. Вокруг стонали и плакали, пытались выбраться из-под завала и наступали на тех, кто оказался ниже. Совсем близко зацокали копыта. Я дернулась: сейчас раздавит, как того маладрина, что давеча убегал от стражников на рыночной площади. Мон Дье! Белоснежный жеребец шарахнулся и, сбросив всадника в отороченной мехом красной мантии, рванул прочь. Глухо, как мешок с песком, священник хлопнулся о мостовую, потеряв на лету высокую шапку.

Слезы застилали мне глаза, но я все же разглядела, что от тиары отскочила деталь и, пружиня, как мячик бильбоке, покати-лась ко мне. Кругляшка размером с куриное яйцо остановилась лишь завязнув в лужице темной крови возле шевалье в бархатном плаще. Лопни мои глаза! Да ведь это диамант Папы!

В головѣ моей стало совсем пусто, я протянула руку и пальцами загребла камень в ладонь. С одной стороны — прохладный, с гранями. Как представлялся. С другой — липкий от крови. По груди растекался холод. Я сунула диамант в карман передника, глотнула воздуха один раз, другой. Попробовала еще, не вышло, и, царапнув висок о торчащую рядом кость, я уткнулась лицом в синий бархат. Все стало черным-черно, и откуда-то издалека донеслось эхо колокольного звона...

* * *

«Святая Бландина, как темно! Неужто и правда глаза лопнули?» — подумала я, но сквозь приоткрытые ресницы неприятно кольнул желтый свет. Я заморгала быстро, провела рукой по лицу. Где я? Мягко. Тепло. Складки белой ткани падают с неба... Это рай? Ах, нет же — это наш балдахин! А вот и матрас шерстяной под рукой, и одеяло. Я дома.

Вспышкой пронеслись в памяти последние события, заставив меня подскочить: а что с Нико?! Что с Франциском и Жискетой?! Я рванула рукой полотнище, высунула голову и отпрянула — возле кровати на стуле, будто ворона на башне, громоздилась согбенная черная фигура. Костлявые пальцы водили по освещенному тусклой свечой пергаменту, словно гнались за тонкими гусеницами-буквами. Черная редина... Она! Крик сам вырвался из моей глотки. В комнату вбежали матушка и сестры.

Прячась за подушку, я истошно кричала и трясла пальцем в направлении старухи. Но та не бросилась прочь от моей родни, а запросто отвела иссушенными руками полотнище балдахина и опасно приблизилась. Из глинистого, изборожденного канавками морщина лица, как из маски, уставились на меня умные черные глаза. Спокойные, совершенно молодые. Они выжидали. Рядом со старухой показалась матушка и кинулась меня обнимать:

— Вот счастье-то — вернул тебя Господь! Клементина, успокойся... Успокойся, дитя мое!

— Это ведьма... — хрипло выдавила я.

— Что ты, глупышка! Это же мадам Паскаль, тетушка врача-вателя. Если б не она, мы б тебя не выходили. День и ночь ты

была в беспамятстве. Помиловал нас Всевышний! Слава Ему, Деве Марии и всем небесным ангелам!

Я переводила глаза с прослезившейся от радости матушки на любопытствующие рожицы сестер за ее плечами, на обезображенное годами лицо старухи в черном и не могла унять дрожь. Что-то здесь не так. Не так! Лопни мои глаза!

Зашуршала сухими губами старуха:

— Не волнуйтесь, мадам Соти, все пройдет. Девочка чудом спаслась, но страх внутри остался. Вот он и выходит. Это даже хорошо. Покричит, поплачет — и все пройдет.

— Нико?.. Где Нико? — пробормотала я.

На лицо маман опустилась тень:

— Будем молиться, чтобы и он выкарабкался. С Божьей помощью... Хорошо, что Франциск и Жискета вас вытащили. Франциск синяками отделался, подружка твоя — и вовсе испугом. А ведь благородных господ уйма погибла. Даже кузен короля. Видать, Господь нас больше любит.

— Это не я сделала... — всхлипнула я. — Наверное...

— Конечно, не ты, глупенькая, — утешительно сказала маман. — Стена там была старая. Народу столько на нее налегло, что она и треснула...

— Отдохнуть бы еще девочке, — произнес шуршащий голос. — Я ее отваром напою, повязку на ноге поменяю. И пусть спит.

— Благослови вас Господь, — благодарно коснулась старческой кисти маман и направилась к дверям, подталкивая перед собой малышню.

— Матушка, не уходите... — взмолилась я. Но та лишь улыбнулась и прикрыла за собой дверь. Старуха отошла к столу под оконцем, подсвечивая перед собой.

Ну вот, теперь я один на один с ведьмой... Помогите мне, святая Бландина! Сейчас как превратит меня в крысу, и потом никто не вспомнит, что жила-была такая Клементина Бернадетт Соти, что были у нее светлые кудри ниже пояса и, как говорили в округе, самое прелестное личико. А на месте моего милого носика будет мокрая незрелая ягода с усами... Бррр.

Я отползла вглубь кровати, пытаюсь сообразить, как сбежать, и тут вспомнила о находке. Мон Дье! Вот она за чем охотится! За моим диамантом. Я мигом выпрыгнула на ступеньки. Ойкнула,

припав на ногу. Голова закружилась. Но шаг-два — и я была у сундука. А вот и мои вещи. Рука скользнула в карман передника и среди сухариков и разной мелочи нащупала прохладные грани. Пальцы сжались в кулак, обхватив драгоценный камень. Не отдам! Мое сокровище!

— Стоил он того? — прошуршала позади меня старуха. — Рубин этот?

Я развернулась, спрятав руки за спину:

— Какой рубин?

— Тот, что в руке держишь, красный, как кровь, из которой ты его взяла.

— Вы откуда знаете, где я его взяла?

— Я многое знаю, — ответила старуха. — Ведьмы — те, кто ведет. А ты не ведаешь, только колдуешь. И ведь предупредили тебя: подумай прежде.

Я растерялась.

— Ничего я не колдовала. Я играла.

— С порохом тоже играть опасно. Особенно там, где людей много, — руки-ноги отрывает, стены рушит...

— Это неправда! Я только представила! — возмутилась я.

Вдруг в комнате стало тесно, меня прижало к стене, пламя свечи разрослось костром на ладони старухи. Я почувствовала, что задыхаюсь и вот-вот загорюсь от жара. От страха мой язык прилип к небу. Но в следующий миг все исчезло.

— Видишь, я тоже только представила, — заметила старуха. — Была б такая плутовка, как ты, уже пылал бы ваш дом от подвала до соломенной крыши. Показать, как?

— Н-не н-надо.

— Тебе двенадцать скоро. Суть твоя просыпается. Женская суть. Колдовская, — сверкнула глазом старуха. — Добро ты нести будешь или смерть, посмотрим. Но рубин для такой, как ты, — не просто богатство. Если будешь людям служить, станет силу тебе давать. А будешь кому козни строить, и тебе не поздоровится. Иссошит он тебя, жизнь выпьет и к другому уйдет... Помани мое слово.

Я застыла, ощущая сквозь ночную рубашку холод деревянной стены. Чесались глаза, свербело в носу: не хочу быть колдуньей,

не хочу ничего решать, хочу с Жискетой по улицам прыгать и с Нико задираться. Я протянула старухе рубин на ладони:

— Берите.

— Нет уж. Сама взяла камень, сама и разбирайся. Мне ворованное ни к чему.

Подобрав клюку, старуха прошла мимо меня к двери и сказала:

— Тебе моя помощь более не нужна. А как пожелаешь узнать, что с даром делать, ищи меня за городскими воротами. В лесу. Да поосторожней будь, чтоб не сожгли тебя, пока ни ума не набралась еще, ни хитрости.

* * *

Всю ночь я проплакала. А как тут не плакать? Сколько живу, ведьм боюсь, а сама-то, оказывается, тем же салом мазана... Что же, теперь мне придется вонючие зелья варить? На метле летать в лунную ночь и коров доить, чтоб дохли? Ой, не хочу! Про все на свете я передумала и поутру решила — вот уж ни за что! Лопни мои глаза, если я ведьмой стану!

Все еще спали, а я — шмыг через крышу — и в дом к Нико. Он лежал за ширмой в повязках весь. Бледный, что та простыня. Один нос торчит да уши. Жалко его стало, аж сердце зашлось. Я постаралась не будить никого, даже дышала потише.

«Ладно, в первый и последний раз попробую», — подумала я. Один раз можно, а потом ни в какую — хоть заставляйте. Я вынула из кармана камень, встала у Нико в изголовье и, глаз не закрывая, представила, что лежит он здоровый, такой же загорелый, как летом, и на щеках румянец, словно мы только к Фурвьеру взбежали наперегонки. А спит почему? Да набегался и под дуб лег отдохнуть, а потом снова вскочит — и как побежит за мной в догонялки. Обязательно поймает. А я над ушами его смеяться буду, он и вовсе раскраснеется. Так точно я вообразила все, что мне жарко стало, словно я вправду набегалась. Глянула на Нико — порозовел слегка. Ой, святая Бландина! Помоги ему, а? Так уж пусть и в рыцари идет, лишь бы веселый был да не помер!

Нико пошевелился и один глаз открыл.

— Шшу, я тебе снюсь, — шепнула я и выскользнула за дверь. Таким же путем, через крышу, пробралась я обратно в наш дом. И отец, и матушка еще разводили храп на все голоса, причмокивали сестрицы, да сопел брат. Только отцовы подмастерья зашевелились на мансарде. И чего им не спится в такую рань? Я поторопилась на улицу.

Город неохотно просыпался. Вон пекарь окно открыл у лавки, вон тетка с сизым носом гуся в корзине на рынок понесла. Серый рассвет прорвался сквозь тучи и, как седой еврей в желтой шапке, распустил по небу пышную серебряную бороду. Хмуро было, а все теплее, чем в тот день. Зима давеча поперек своего часа наступить решила да испугалась криков на Гургийоне, ушла в горы.

При мысли об убитых и раненых у меня засосало под ложечкой, в голове загудело. Все же врет старуха — не могла я такое сделать! Я же не злая, я маленькая еще. У меня даже свадьба будет ненастоящая, мы с Нико только через пару лет в одной кровати спать станем, а может, и позже, уж как родители скажут. Разве ведьмы такие бывают — такие, как я?

Как ни уговаривала я себя, а подходить к тупику Тюрке было страшно, прям оторопь брала. Но я точно знала — надо идти туда, где взяла проклятый рубин, а зачем именно, пока не решила. Когда я, прихрамывая, добралась до жуткого места, его уж было не узнать. Народ сновал по делам, словно ничего и не случилось накануне. Мостовую густо присыпали свежей соломой — где тут лужами собиралась кровь, не догадаешься. Ни обломков, ни трухи не осталось. Там, где была стена, каменщики усердно орудовали мастерками под надзором старшего и уже выложили камни в несколько рядов. Я подошла ближе.

— О! Клементина! — крикнул крепкий мальчишка, что подносил камни. Он что-то шепнул старшему и подбежал ко мне.

— Привет, Франциск, — ответила я. — Спасибо тебе. Маман рассказала, что вы с Жискетой для нас сделали.

Франциск зарделся от удовольствия и смял в руках шапку:

— А чего ж... Ты б тож... Того...

Странный он, почему-то не краснеет так, когда Нико ослом лопухим обзывает. Ну да ладно.

— А мы тут стену новую возводим, — сообщил Франциск. — Архиепископ велел, чтоб на века. И чтоб до нового мороза поставили. Толстая будет, крепкая. Заместо той, трухлявой.

Я закусила губу:

— Правду говорят, что много народу тут поубивало?

— Ровно дюжину. Даже герцога Бретани раздавило. А покалечилось куда больше. Как там Нико?

«Вовсе это не я. Это стена старая виновата», — повторила про себя я и с грустью ответила:

— Лежит.

Франциск, видимо, решил меня отвлечь:

— А знаешь, почему завалы разобрали так быстро? Добровольцев было много. Говорят, бесценный карбункул, камень такой, из Папиной тиары выпал. Вот все и бросились помогать, черт их дери. Но не нашли пока. Даже наши рабочие в два глаза под ноги смотрят. Глядишь, и я подберу. Разбогатею.

— Не нужен он тебе, — ответила я. — Такие сокровища только беды приносят.

Я взглянула на серый раствор, что замешивал один из рабочих, и меня посетила мысль.

— А это что? — спросила я.

— Известка с цымянкой. Мы на нее камни кладем.

— А можно я один камешек положу? Я же упала тут. И Нико. Вдруг он так быстрее выздоровеет?

— Вымажешься вся.

— Ничего.

— Погоди. — Франциск резво подбежал к мастеру, обмолвился парой фраз и махнул мне рукой: — Давай сюда.

Рабочие участливо смотрели на меня, пока я тащила камень и укладывала, одобрительно похлопали, когда я замазала его сверху раствором — от души — так, чтоб сел в новую стену накрепко. Они только одного не заметили, да и не дано им было — как я обмакивала рубин в известку и укладывала его в середину, под новый камень. Куда им — я же представила, что по небу летит красная птица, и все разом задрали головы. Ах, какую красивую птицу я представила! Лопни мои глаза!

Довольная, я вытерла о ветошь руки. Все, не быть мне ведьмой! Нико поправится! А рубин мне не нужен. Пусть я и знаю, что лежит он посередке между двумя камнями, в пяти локтях справа в седьмом ряду от земли.

* * *

— Господа! — объявил гид. — Мы с вами сворачиваем на подъеме Гургийон. Это одна из самых старых улиц Лиона, ей больше тысячи лет. И хотя Гургийон всего восемь метров в ширину, он был одной из главных артерий, ведущих от побережья Соны к святыням средневекового города — соборам Сен-Жюст, Сент-Ирены и, если повернуть направо, к древнеримскому Форуму — колыбели Лиона.

Апрельский ветер теребил полотняные козырьки книжного магазина на маленькой площади. Настроение у туристов было чудесным, они задирали головы, разглядывая вытянутые к солнцу дома пастельных тонов, и азартно щелкали камерами. Группа вошла в тенистый проулок. За кафе «Theatre» с громоздкими арочными окнами уходила вверх пережившая века древняя стена. Между изъеденными временем камнями пробивались пучки зелени. Экскурсовод замедлил шаг и продолжил рассказ:

— А здесь Гургийон соединяется с переулком Тюрке. 14 ноября 1305 года после коронации Папы Климента Пятого, ставленника французского короля Филиппа Красивого, здесь под напором толпы на торжественную процессию обвалилась стена. Вот на этом самом месте. Через пару дней по приказу архиепископа возвели новую. Ее вы и видите перед собой. Среди погибших под камнями были и придворные короля, и простые горожане. Пострадал и сам Папа. Известно, что тогда же из его тиары выпал легендарный рубин размером с куриное яйцо. Любители сокровищ и кладов с тех самых пор исследуют здесь каждую щель. Ищут, но пока безуспешно...

ВЕРИЛЬ

Марте Опанасенко повезло — ее налетчики застрелили. А Деборе и Айгюль, женам Шломо Камински и Рашида Мурзамуратова, не повезло — их пираты угнали с собой. Способных держать оружие мужчин казнили. Стариков и детей не тронули.

Запасы рения налетчики выгребли с рудниковых складов подчистую, селение ограбили и убрались, прихватив с собой двадцать шесть женщин — жен и старших дочерей астероидных колонистов.

Ивана Опанасенко радиограмма с вестью о несчастье застала в пути. Втроем с Рашидом и Шломо они направлялись на закупку провизии на Вилену, аграрную карликовую планету в пяти сутках лета.

— Разворачивай! — ворвался в пилотскую рубку Иван, едва принял радиограмму и осознал, о чем в ней говорилось. — Беда, — выдохнул он и завыл в голос — тоскливо, будто пес по умершему хозяину.

Рашид вырвал у Ивана из рук мятую бумагу с текстом. С минуту, каменея лицом, читал. Затем с размаху саданул кулаком по пульту управления и бросил старенький грузовоз в разворот.

— Гады... — давясь от перегрузки, хрипел с кресла второго пилота Шломо. — Гады! Что же это творится, господи!

— Найдем, — хорохорился командир прибывшей на астероид спецрейсом команды рейнджеров. — На части порвем, на куски.

Иван молча слушал, затем поднялся и, сутулясь, пошел прочь. Найти пиратскую базу было делом нереальным — искали ее безуспешно не одно десятилетие. А даже если предположить, что

найдут, Марту это не вернет. Айгюль, Дебору и прочих — тоже, вряд ли кто-либо из женщин останется в живых после того, как пираты ими насытятся.

«Жизнь закончилась», — осознал Иван. Закончилась вместе с жизнью Марты. Осталось трое малышей: Танюшке пять, Желечке на год меньше, а Олег едва начал ходить. Что же теперь делать... Как жить, как поднимать детей, как быть с рудником, как...

— Врасплох нас застали, — глядя в землю, говорил старый Дитер Вейсман. — Не ожидали мы. Мой Курт, царство ему небесное, как раз на посту был, при пушках, на пару с Джо Морганом. Позвонил еще домой, сказал: «Что-то закупщики раньше срока пожаловали, сходи, отец, к складским, скажи, чтобы начинали вывозить руду». А это вон какие закупщики оказались. — Старик стер слезу с морщинистой дряблой щеки. — Они по пушкам еще с орбиты врезали — ракетами. Курт мой там и погиб — сразу, и Джо с ним вместе. То ли пароль, то ли позывные эти сволочи знали. Проворонили парни их, не распознали, а потом уже поздно было.

— Ладно, старик, — вздохнул Шломо Камински. — Что уж теперь. Решать надо, что с рудником делать.

Шломо, понурившись, замолчал. Беда враз согнула его, выбив из жизнерадостного весельчака и веселье, и радость. Сейчас на Шломо было страшно смотреть. Розовощекое, добродушное, всегда гладко выбритое лицо стало злым, одутловатым и заросло щетиной. Могучие плечи казались теперь покатыми, а карие со смешинкой глаза — печальными и выцветшими.

— Куда мне решать, — махнул рукой старый Дитер. — Вы, считай, втроем на все поселение остались. Вы и решайте. Как скажете, так и будет.

Рудником пятнадцать колонистских семей владели на паях, равными долями. Четыре дюжины детей после налета разом осиротели, оставшись без матерей. И с тремя отцами — на всех.

— Продавать надо. — Рашид глядел исподлобья. Его смуглое, скуластое, узкоглазое лицо посерело, кожа обветрилась, и заострился, словно у покойника, подбородок. — Поделим выручку, разлетимся. Пристроимся куда-нибудь. Как думаете?

— Мне безразлично, — уныло ответил Шломо. — Пришла беда — отворяй ворота. Выручки-то не будет — полугодовой запас руды похитили. Хорошо, если продажная цена покроет долги. Куда я теперь мальцов дену.

Остались у Шломо на руках пятеро мальчиков, погодков, мал мала меньше. Старшему едва сравнялось двенадцать.

— Вот что, парни... — Иван грузно поднялся, оперся клешнястыми натруженными пятернями о стол. — Я против продажи. Детей поднимать надо. Продадим рудник — по миру пойдут. Года три всего придется ишачить, четыре от силы, пока старшие пацаны не подрастут. Питу Моргану скоро тринадцать, близнецам Ошимото — уже четырнадцатый.

— Легко сказать, три-четыре года, — протянул Шломо задумчиво. — Как их прожить-то?

— Как-нибудь. — Иван стиснул челюсти. Серые, обычно мало-выразительные глаза стали вдруг стальными и упрямыми. — Как на каторге. У меня с восьмого по десятое колено предки — каторжане и лагерники. Едва ли не все поголовно. Ничего, сдюжим.

Как они сдюжили, Шломо понимал плохо. По шестнадцать часов в сутки, без выходных и праздников. Вскорости он уже чувствовал себя не человеком, а неким автоматом, роботом, которого раз поставили в забой и велели долбить, а смазывать и ремонтировать забыли.

— Больше не могу, — взмолился однажды Рашид. — Нет, я не от работы загибаюсь. Вернее, от нее тоже, но в меньшей мере.

— От чего же тогда? — поинтересовался Иван.

— Безбабье замучило. — Рашид потупил глаза. — Стыдно признаться, спать не могу, гаремы снятся. Валюсь с ног как убитый, а посреди ночи вскидываюсь и зубами скриплю до утра.

— Мастурбируй, — пожал плечами Иван, — говорят, помогает.

— Пробовал. Противно это, да и какое там «помогает». Пару часов облегчения, потом опять в дугу скручивает. Боюсь я, парни. Третьего дня Алиска Морган, дуреха сопливая, глазки мне начала строить. От горшка два вершка, сиськи еще не выросли. Так что вы думаете? Едва удержался, чуть не набросился на нее, педофил драный.

Иван переглянулся со Шломо.

— Ты вот что, дружище, — Иван шмыгнул носом, — еще потерпи малость. Пит уже не сегодня завтра сможет тебя подменить. С погрузчиками он и сейчас ловко управляется, способный парнишка и работающий, жаль, Джо, покойник, не дожил. Месячишко еще, другой — и отпустим тебя, слетаешь на Вилену или на Весту. Еще куда-нибудь... сосватаешь девчонку или вдову, мы тут как-нибудь без тебя пока перебьемся.

— Кто за меня пойдет, — махнул рукой Рашид. — Шахтер: рожа черная, жопа черная, за душой ни гроша да семеро по лавкам.

— Ладно тебе, — усмехнулся Шломо. — Года два-три еще — и рудник снова начнет приносить прибыль.

— Если начнет, — поправил Рашид. — И какая баба будет ждать эти годы. Да и за-ради чего? Глаз моих красивых? Косых ко всему. Тем более в таком захолустье.

— Я вот думаю... — поскреб пятерней в затылке Иван. — Ты правильно говоришь, дружище. Нормальная баба ни за одного из нас не пойдет, для этого мозги надо иметь набекрень. Остается, однако, вариант. — Иван замолчал, помялся и, наконец, закончил: — Я думаю взять лигирянку.

— Сдурел? — присвистнул Рашид.

— Да нет, в здравом уме и при памяти. Я считаю, нам каждому надо взять по одной. Всем лететь на Лигирь необязательно. Одного пошлем — без разницы кого. Пит его заменит. Зайдем в галабанке под будущую выручку, и ходок выкупит трех лигирян. Каких сторгует, желательно не уродок.

Наступила тишина. Слухи о землянах, взявших в наложницы лигирян, ходили давно. И были эти слухи самыми что ни на есть противоречивыми. Говорили, что лигирянки приносят несчастье. Также что, наоборот, удачу. Еще поговаривали, что они ревнивы и мстительны. Ходила история о некоем дальнотбойщике Фредди, женатом на лигирянке и увлекшемся в полете пассажиркой. Фредди нашли под утро зарезанным, в обнимку с зарезанной же лигирянкой, причем, кто кого убил, так выяснить и не удалось.

Лигирь, планета земного типа, была четвертой от светила в системе гаммы Водолея. И, как всякую подобную планету, населяли ее гуманоиды. Внешне они мало чем отличались от гомо

сапиенс, особенно если не брать в расчет цвет кожи, варьирующийся у лигийцев от лимонно-желтого до ярко-оранжевого. Геномы обеих рас были, однако, несовместимы, хотя краем уха Иван слышал скандальную историю поп-звезды, клявшейся, что забеременела от дикого лигийца. Правда, ввиду общеизвестной любвеобильности этой звезды, клятва ее выглядела весьма сомнительно. Главное же отличие было не во внешности и не в структуре хромосом. Уровень развития лигийской цивилизации отставал от земного на два десятка веков. Там еще в моде было рабовладение, варварские войны и довольно жуткие с точки зрения современного землянина нравы. Насильственные смерти любого толка были у местных в чести. В частности, поговаривали, что первым визитерам с трудом удалось воспрепятствовать массовому жертвоприношению в честь новых богов, свалившихся в железных огурах с неба на головы аборигенов.

Мало-помалу, правда, к богам привыкли и настоятельным их просьбам вняли. Убивать и сжигать на кострах во славу прекратили. Зато охотно отдавали богам девушек — считалось, что та, на которую пришлые обратили внимание, сама вместе с ними возносится на небо — и в буквальном, и в переносном смысле. А уж ставший традицией выкуп за причисленную к сонму священных, по земным меркам пустяковый, враз делал счастливых родителей богачами.

«Девочки вполне себе ничего, можно даже сказать, хорошенькие. Ну и какую из них взять себе», — размышлял Иван, задумчиво разглядывая трех потупивших очи долу девиц.

На Лигию по жребию выпало лететь ему. За неполную неделю, там проведенную, у Ивана в глазах рябило от едва скрытых прозрачными туниками женских прелестей. Очередь из мамаш и папаш, желающих сдать свое чадо на небо, выстроилась внушительная. Поднаторевший в процедуре Иван к концу первых суток стал тратить по пять минут на соискательницу. Имя, возраст, тембр голоса и цвет кожи заносились в блокнот, после чего посетители выпроваживались и сменялись новыми.

- Айла, 19, сопрано, желтый.
- Лиела, 24, дискант, бледно-песочный.
- Рина, 20, фальцет, оранжевый.

В результате из добрых пяти сотен кандидаток Иван отобрал этих трех. Возможно, потому, что, в отличие от череды прочих, девушки запомнились. Чем, он толком сказать не мог, и вот теперь, в тесной кают-компании рейсового межпланетника, пытался сделать выбор.

— Сюда смотрите. — Так и не определившись с выбором Иван решил отдать инициативу девушкам. Он разложил на столе фотографии и теперь тыкал пальцем в крайнюю справа. — Это Рашид, — прокомментировал Иван в диктофон транслятора, обошедшегося в десять раз дороже, чем все три дамы оптом. — Отличный парень, энергичный, заботливый, работающий. А это Шломо. Хмм... он, в общем-то, такой же. Ну а я вот, перед вами. Морда, конечно, у меня еще та, но не суть. Итак, кому нравится Рашид?

— Нам нравишься ты, господин, — за всех ответила бледно-песочная Лиела.

— Э-э... — оторопел Иван, — что, всем трем? Так не годится.

— Любая из нас будет счастлива, если ты выберешь ее, господин.

— Н-да... — Иван поскреб щетину на подбородке. — Счастье, должен заметить, то еще. Что же мне, по-вашему, жребий кидать, что ли? Я ведь ни одну из вас, по сути, не знаю. Так же, как вы меня. И потом, перестаньте называть меня господином. Я Иван, это прекрасное русское имя. Рашид тоже хорошее, только казахское. И Шломо — так называли мужчин иудеи еще три тысячи лет назад.

— Любая из нас будет счастлива, если ты выберешь ее, Иван, — поправилась Лиела.

«Идиотизм, — прикрыв глаза, подумал Иван. — Кто бы мог подумать, до чего я докачусь. Постыдная, дурацкая ситуация. Марта бы сказала — кретинская. Или дебильная, Марта за крепким словом в карман не лезла».

Он невольно покраснел и подумал, что сейчас предает мертвую Марту. Меняет память о ней на девку. Пустышку пятнадцатью годами его младше. Последняя мысль внезапно оказалась решающей.

— Ты, — вскинул Иван глаза на Лиелу, с ней разница будет хотя бы всего в десятилетие. — Я беру тебя. Тыфу, черт!..

— Спасибо тебе, господин.

Цвет кожи у девушки вдруг стал из бледно-песочного золотым.

«Она тоже стыдится», — понял Иван и покраснел пуще прежнего. Хорош гусь. Словно собаку на базаре выбрал. И слова ответственные, хорошо, не попросил показать зубы или что там у собак смотрят.

— Извини, — промямлил Иван, — я хотел сказать, что ты красива и это... — Он запнулся, подходящие слова не шли на ум. — Красива, нежна и эмм... это...

— Добродетельна, — подсказала Лиела. — У меня никогда не было мужчины, господин. То есть Иван.

«Этого только не хватало», — в сердцах выругался Иван про себя. Он вдруг явственно почувствовал себя старым развратником.

— Беда с ней, — жаловался Рашид. — С Риной. «Ты только не влюбись в меня», — процитировал он. — Как вам это, парни?

— Тот же случай, — подтвердил Шломо. — «Я буду готовить тебе, убирать за тобой, — писклявым голосом принялся он пародировать Айлу. — Растить твоих детей, ухаживать за ними. Буду тебе верна и покорна. Изучу еврейские обычаи, если велишь. Но заклинаю тебя: не люби меня». Можно подумать, человек волен над такими вещами. Кого же любить, как не женщину, с которой делишь кров и постель. У тебя та же история, Ваня?

Иван кивнул. История была та же. С оговоркой.

— Моя ко всему... — Иван сглотнул слюну, откашлялся и, наконец, решился оговорку озвучить: — Нехорошо говорить такие вещи о женщине, но моя холодна в постели.

— И не только твоя, — буркнул Рашид.

Шломо кивнул.

— Никогда бы не подумал, — сказал он. — Айла на вид чувственная, жаркая девушка. Да дело даже не в холодности, парни. Она, как бы это сказать, барьер ставит. Покорна, услужлива, приветлива, прекрасная хозяйка. А как доходит до этого дела, то... — Шломо махнул рукой. — Словно она меня боится. Или даже стыдится. Нет, неверно... словно она в эти моменты уходит, вот. Оставляя вместо себя лишь свою оболочку. Манекен, кото-

рый поворачивается, когда попросишь, увлажняется, когда полается, раздвигает ноги, когда надо. И — все.

— Почему ты постоянно повторяешь эту фразу, Лиела? В конце концов, она звучит как заклинание. Что плохого произойдет, если я, по твоим словам, влюблюсь?

Кожа у девушки в который раз поменяла цвет с бледно-песочного на золотой.

— Ты чувствуешь, что начинаешь влюбляться в меня, Иван?

— Не знаю... — Иван растерянно посмотрел Лиеле в глаза. — Я привязался к тебе. Спешу с работы домой, зная, что ты меня ждешь. Мне нравится твоя стряпня, нравится, как ты обращаешься с детьми. Им ты тоже нравишься. Танюшка вчера сказала «мама Лиела».

— Она правда сказала так?

— Да. Спросила, когда мама Лиела сошьет кружевной сарафан, который носят на ее родине. Сказала, что ты этот сарафан ей обещала.

— Иван, мы уже два года вместе. Ты взял меня потому, что кому-то надо было смотреть за домом и детьми, пока ты работаешь. И делить с тобой ложе, потому что каждому мужчине нужна женщина. Я необразованна и глупа по сравнению с женщинами твоей расы. Тебе было очень тяжело, Иван, и поэтому ты взял меня. Твоим друзьям тоже было тяжело, и они взяли других девушек из моего мира. Мы помогли вам, и теперь вам не так тяжело, как было прежде. Отпусти меня, Иван.

— Как это «отпусти»? — ахнул Иван. — Куда?

— Обратнo. На Лигирь. Наши мужчины, когда берут женщину за себя, знают, чем это кончится. И идут на это потому, что так повелось в нашем мире.

Ивана передернуло. Он ошеломленно потряс головой, слова Лиелы звучали зловеще.

— Чем же это может кончиться? — спросил он.

— Ты не поймешь, Иван.

— Так объясни мне.

— Я не могу. У меня не хватит слов, но, если даже хватит, ты не поймешь. Для слова, которое в нашем языке обозначает, что бывает между мужчиной и женщиной, когда они любят друг дру-

га, нет перевода в твоей машине, — кивнула Лиела на транслятор. — Мы называем это вериль, но само по себе слово «вериль» не скажет тебе ничего.

Иван поднялся, нервно заходил по помещению. Остановился.

— У меня нескромный вопрос, — сказал он. — Раз за разом нам с тобой становится лучше в постели. Только я не изменился, я такой же, возможно, не слишком умелый. Получается, что изменилась ты. Вопрос: почему?

Кожа Лиелы стала цвета червонного золота.

— Потому что так начинается вериль, Иван. Мы уже вступаем в него. Ты отпустишь меня?

— Нет, — сказал Иван твердо. — Не отпущу. Что бы этот вериль ни означал. Плевать я на него хотел.

— Напрасно, — прошептала Лиела. — На вериль плевать нельзя.

— Снова здорово, — буркнул Рашид утрюмо. — Наши истории развиваются параллельно. Рина тоже сказала мне про вериль. Позавчера. И просила отправить ее обратно.

— И Айла, — кивком подтвердил Шломо. — Две недели назад. Когда я спросил, что случилось с ее физиологией.

— Так или иначе, похоже на то, что пресловутый вериль угрожает тем, кто в него вступает, — произнес Иван задумчиво. — Неясно только, в чем это заключается.

— Будет день — будет пища, — пожал плечами Шломо. — Я никакой угрозы не ощущаю. Девочки нервничают, это бывает. Странно только, что нервничать они начали поздновато. Пары лет, так сказать, не прошло, как...

Старшие сыновья погибших колонистов подросли и заменили отцов в забоях и шахтах. Теперь работа на руднике перестала изматывать и поглощать жизненные соки. Добыча начала приносить прибыль, и режим жесткой экономии на астероиде закончился. Новоприобретенные плазменные пушки прикрыли поселение от возможных налетов. Последняя версия системы распознавания объектов исключила повторение того, что случилось шесть лет назад. Молодняк дежурил на посту у пушек в три смены, двадцать четыре часа в сутки, и впервые за долгое время Иван почувствовал себя в безопасности.

К Лиеле он привязывался с каждым днем больше и больше и с удовольствием проводил в ее обществе все свободное время. Рядом с ней было на удивление тепло и уютно. Даже разница в образовании сгладилась и стала незаметной. Ивану часто казалось, что его вторая жена в интеллектуальном плане не уступает первой. Иногда он отчетливо чувствовал, что Лиела в следующую секунду скажет или сделает, и неизменно угадывал. Сначала Иван удивлялся неожиданно открывшимся способностям к ясновидению, потом перестал. В конце концов, он прожил с ней бок о бок несколько лет и за это время достаточно хорошо ее изучил. Правда, покойную Марту Иван тоже изучил досконально, но предсказывать ее реплики или поведение не взялся бы.

Несчастье случилось на четвертый год после появления на астероиде лигиринок. Ивана посреди ночи разбудил запыхавшийся и взъерошенный Шломо.

— Вставай, — затряс он Ивана за плечо, не обращая внимания на прикорнувшую рядом с ним Лиелу. — Быстрее, ради бога!

— Что стряслось? — Иван спустил ноги на пол, замотал головой спросонья.

— Рашид повесился.

— Что-о-о?!

Рашид с Риной висели рядом, в самодельных петлях, касаясь друг друга локтями. Ивана едва не вывернуло наизнанку, стоило ему взглянуть на обезображенные мукой, распухшие лица.

— Отец с мамой вчера повздорили, — размазывая по лицу сопли и слезы, поведал Мурат, Рашидов младшенький. — Сильно кричали, я испугался и заткнул уши, чтобы не слушать, но все равно крик пробивался через ладони. А потом вдруг смолк, и я обрадовался, что они больше не ссорятся. И радовался до тех пор, пока не зашел в гостиную и не увидел их.

— Вериль, — сказала Лиела, когда вернулись с похорон. — Это вериль.

— Вот что, милая... — Иван был настроен решительно. — Садись. Рассказывай, что такое этот чертов вериль.

— Не кошунствуй, прошу тебя. — Кожа у Лиелы привычно зазолотилась. — Вериль — это великое благо, высшая награда

людям, которые любят друг друга. Но он может стать великим несчастьем, если не уберечь любовь.

— Вот как... — Иван задумчиво поскреб подбородок. — Значит, моего друга убил вериль. Рашид, получается, не сберег любовь, и вериль его покарал, так?

— Вериль всегда карает обоих.

— Прекрасно, — Иван в сердцах сплюнул. — Замечательно. И как это происходит? Каким образом вериль умудрился повесить двух здоровых, полных сил и жизни, людей?

— Откуда мне знать, Иван. — Кожа Лиелы приняла обычный бледно-песочный оттенок. — Вериль у каждой пары свой. Кто знает, что между ними произошло.

— Я, кажется, знаю, — ошеломленно протянул Иван. — Вернее, догадываюсь.

Алисию Морган он застал на посту при пушках. Тощая девочка-подросток выросла, превратившись в длинноногую и длинноволосую красавицу с широкими бедрами, тонкой талией и внушительных размеров грудью.

— Не твое дело, Иван, — дерзко ответила Алисия в ответ на прямой вопрос. — Я взрослая девушка, раскрепощенная, без комплексов и сплю с кем пожелаю.

— Вот как, — усмехнулся Иван криво. — С кем пожелаешь, значит. А то, что твоя раскрепощенность угробила двух человек, тебе, выходит, наплевать?

— Как это «угробила»? — ахнула Алисия. — Ты о чем?

— Ты спала с Рашидом или нет?

— Да! — выкрикнула Алисия Ивану в лицо. — Спала! Что с того? Я давно его хотела, он нравился мне, когда я была еще ничего не смыслящей в этих делах девчонкой.

— А жена Рашида, Рина, знала о вашей связи?

— Жена-а-а, — протянула Алисия и презрительно фыркнула. — Какая она ему жена? Бесплодная, безграмотная дикарка.

— Повторяю: знала или нет?

— Ну знала, — фыркнула Алисия. — Вернее, узнала. Я сама ей сказала.

— Зачем?! — Иван едва сдерживался — ему отчаянно хотелось ударить эту потаскуху — с силой, наотмашь, по лицу.

— Зачем-зачем... — Алисия кокетливо пожала плечиками. — Чтоб знала свое место, инопланетная сучка.

«Так вот что такое вериль», — думал Иван, наблюдая за хлопотущей на кухне Лиелой. Параллельность жизненных процессов, по-другому, пожалуй, не назовешь. Месяц назад он обрезал палец, зацепился за зазубренную скобу в шахте. Вернувшись домой, обнаружил, что палец у Лиелы также залеплен пластырем. Тот же, что у него, — указательный, на правой руке.

С ними обоими происходят одни и те же вещи. Речь стала едва ли не синхронной, они зачастую хором произносят одинаковые фразы. Все чаще и чаще Иван видит, о чем Лиела думает. Не глазами видит, а другим, внутренним зрением. И всякий раз угадывает. Получается, что вериль еще и телепатия. Синхронность в поступках, в событиях, в мыслях. Или, скорее, даже не синхронность, а близость. Во всем. У них даже зубы ноют одновременно.

Радиограмма с Весты пришла под утро. Принявший ее Иван с минуту осмысливал содержание, затем вскочил, собираясь немедленно бежать к Шломо. Остановился на пороге, замер. Развернулся и бросился в спальню будить жену.

— Была стычка, — начал объяснять он, пристально глядя в увеличивающиеся от страха глаза Лиелы. — Рейнджерам удалось захватить пиратский флагман, команду пленить. В результате переговоров достигнута договоренность. Пираты возвращают женщин, захваченных в предыдущих налетах, в обмен на команду флагмана. Среди них Дебора Камински, жена Шломо. Бывшая жена, — поправился Иван. — Обмен произойдет со дня на день. Это значит, что очень скоро Дебора будет здесь.

— Это ужасно, — прошептала Лиела. — Ужасно. Ей нельзя возвращаться.

— Что значит «нельзя»? Здесь ее дом, дети. Доля в прибылях, наконец.

— Хорошо, пускай так. Ты должен поговорить со своим другом. Он не может встречаться с ней. Пускай забирает Айлу и отправляется в путешествие. Куда угодно. Вернутся, когда Деборы на астероиде уже не будет.

— Что значит «не будет»? — изумился Иван. — Она почти наверняка захочет здесь остаться. С детьми.

— Это трагедия, — выдохнула Лиела. — Значит, возвращаться нельзя твоему другу. Они не должны жить под одной крышей — если станут, беда может случиться в любой момент.

— Вот как, — процедил Иван задумчиво. — Вериль?

Лиела кивнула.

— Вериль. Он не терпит измены. Ни физической, ни даже в мыслях.

— Тут не может быть двух мнений. — Шломо упрямо выпятил подбородок. — Дебора — моя жена, мать моих детей. Мне безразлично, с кем она была все эти годы. Вернее, я смогу закрыть на это глаза. Да, я привязался к Айле, сильно, очень сильно. Можно, видимо, сказать, что люблю ее. Это, однако, не имеет значения. Любовь и привязанность ничего не значат по сравнению с долгом. Я отошлю ее обратно на Лигирь, как она когда-то просила. Обеспечу, естественно, и буду поддерживать материально, пока жив.

Иван заставил себя мобилизоваться.

— Шломо, — сказал он, стараясь звучать так убедительно, как только сумеет. — Если ты сделаешь это, то умрешь. Вы оба умрете. Как Рашид с Риной — одной смертью. Айла наложит на себя руки и ты вслед за ней.

— Что за бред, дружище?

— Это не бред. Это вериль.

Шломо усмехнулся.

— Вериль, — сказал он саркастически. — Я часто спрашивал Айлу, что это такое, она не смогла объяснить. Может быть, ты знаешь?

— Я не знаю тоже. Не знаю, как это работает. Но в своих словах я уверен. Забирай Айлу и улетай на Вилену. Я поговорю с Деборой, постараюсь объяснить ей, как обстоят дела.

— Брось, дружище, — произнес Шломо устало. — Выбор тут всего один, и я его уже сделал. Я заказал шаттл с Весты. После завтра Айла улетает.

Через три дня Шломо, так и не дождавшись Дебору, умер. Его нашли в ванной с перерезанными венами. Днем позже пришла

радиограмма с Весты, куда шаттл доставил истекшую кровью пассажирку.

— Меня тоже это ждет? — спросил жену Иван, когда вернулись с похорон. — В один прекрасный день меня найдут удавившимся или зарезавшимся? Вернее, найдут нас обоих?

— Нет. — Лиела прильнула к нему, слезы потекли у нее по щекам. — Не говори так. Вериль — это не только кара, это еще и счастье. Он... понимаешь, он... Я не могу объяснить. Ты или поймешь это сам, или нет. Вериль не для двоих людей. Он для одного.

Иван отстранился. До него дошло. Внезапно. Подобно озарению.

— Вот оно что, — пробормотал он. — Вот оно как, значит. Ты хочешь сказать, что землянина по имени Иван больше нет? Так же, как лигирянки по имени Лиела?

Лиела не ответила. Слезы по-прежнему чертили кривые у нее на щеках.

Мы не симбионты, думал Иван мучительно. Не партнеры с параллельными жизненными процессами. И даже не сиамские близнецы. Вериль не просто сращивает души. Он превращает двух человек в одного. Сликает их сущности воедино.

— У нас когда-то была присказка, — проговорил Иван задумчиво. — Жили они долго и счастливо и умерли в один день.

— Да, — Лиела перестала плакать, теперь она улыбалась. — Вериль дарит счастливую жизнь и счастливую смерть. Тому, кто этого заслуживает. Одному человеку. Который раньше был двумя.

— Наш вериль еще не в окончательной стадии, так? — уточнил Иван. — Мы еще не вполне одно целое, но станем им? Это и есть счастье?

Лиела не ответила.

Иван обнимал ее за плечи. Он не знал, чувствует ли себя счастливым. Он пока еще был самим собой. Частично. И частично — уже нет. Ему было страшно.

ОСЛЕПИТЕЛЬНО СЕРЫЙ

Хесито поймал бога в четверг.

Если быть объективным, Хесито вообще не собирался ловить никакого бога, просто предпоследний четверг каждого месяца он и Шайму Перту старьевничали в придонных слоях залива.

Когда-то давно на склоне горы стоял город. Во время Второго Пыльного Бума он утонул меньше чем за две недели. Теперь над его проспектами расстилается бескрайняя серая гладь океана.

Удить в заливе из-за небольшой глубины было довольно просто, и лет тридцать назад тут промышляли десятки старьевщиков. Чего только не привозили их лодки! Говорят, здесь вылавливали и поднимали бухты кабеля, баллоны высокого давления, целые чушки синтоизола и даже электромобили. Теперь старьевничать невыгодно, проще зарабатывать на жизнь рыбалкой, ловить слизней и скатов к югу и западу от бухты. Если нынче кто и старьевничает, то больше по мелочи, на жизнь так не зарабатывает.

Но одним четвергом в месяц можно и пожертвовать ради шанса выудить что-нибудь ценное или необычное. Примерно так думал Хесито, а Шайму Перту Иффа не возражал против чудачеств своего молодого компаньона, тем более что баркас был куплен им вкладчину с отцом Хесито. После смерти родителя Хесито унаследовал три пая из пяти, так что по-всякому выходило, что парень босс.

Обычно Шайму Перту располагался на носу и благодушно наблюдал, как Хесито, устроившись на корме под большим сетчатым кожухом пропеллера, раз за разом закидывает в пыль полуметровую растопыренную клешню облегченного керамиче-

ского захвата, похожую на комнатного паука с длинными кривыми лапами. Он смотрел, как парень опускает захват все глубже, а когда, наконец, вытяжной шнур дает слабину, принимается подергивать его кверху, переставляя захват с места на место до тех пор, пока ему не покажется, будто он нащупал нечто достойное внимания. Тогда Хесито сжимает клешню и включает маленькую электрическую лебедку, которая тянет паука с добычей к поверхности. Все это похоже на игровой автомат, поставленный в торговом центре Крессо Понито, с тем отличием, что ребенок видит игрушку, которую собирается выудить.

Наблюдая издали, как шнур в желтой изоляции наматывается на барабан, Шайму Перту сдвигал на морщинистый лоб грязный респиратор и отхлебывал из бутылки с токсиком, пряча в пегих усах незлую усмешку. Иногда он подходил поглядеть на пойманную мелочь, трогал пальцем. Чем бы дитя ни тешилось...

Хесито же находил в четвергах неизъяснимое удовольствие. Лодка неподвижно висит на черных баллонах электропоплавков над слоистой пылевой бездной. Четыре кабеля веерных контактов, словно рукава разной длины, спущены за борт, но трансформатор Эль Бета не гудит, перекачивая заряд по лидерканалам, пропеллер движка замер за изогнутыми прутьями решетки... На севере, всего в десятке километров — высокие берега Эршу-Лимы, чуть смазанные из-за висящей в воздухе дымки, на юге — безбрежный Восточный океан, отливающий невнятным ртутным блеском... Тишина...

Порою Хесито даже жалел, что не родился раньше, когда старьевничанье считалось достойным занятием. Одно дело — выбирать из пыли сети с банальными угрями, и совсем другое — терпеливо спускать захват в серое ничто в надежде вытащить нечто. Отец говорил, что до тех пор, пока клешня не поднялась на поверхность, она сжимает все богатства мира.

В тот четверг Хесито собирался удить над торговым кварталом. Они с Шайму Перту быстро нашли буюк с проржавелым помятым боком. Именно здесь лет двенадцать назад Прейви Элвито выловил четыре музыкальных пластинки. Наверное, как раз под буюм располагался музыкальный отдел универмага. Во время Второго Пыльного Бума, перед тем как уйти из затопленных городов, люди разбирали кровли зданий, спасая с верхних

этажей все, что представлялось им ценным, и оказывая немалую услугу тем, кто будет старьевничать здесь спустя столетие.

Хесито не мечтал о бухте кабеля, Хесито очень хотел поймать черный тяжелый диск в цветной плоской коробке. Он слышал «Лунные листья» и «Ночного странника» в баре старика Тиктико. Невольно перемещая себя на позиции Шайму Перту, он думал, что пластинку можно продать за хорошие деньги, и все же ловил ее не для денег.

Когда сомкнутые лапы паука в очередной раз появились над поверхностью океана, в них не было плоской цветной коробки, но все же что-то в них поблескивало. Хесито втянул захват в лодку и разжал клешни. К его ногам вывалилась треугольная штукавина. Светло-желтая, необыкновенно чистая и изящная, она словно бы состояла из множества разновеликих колец, отполированных до блеска и переплетенных самым немыслимым способом.

— Эй, себо, — позвал Хесито, сгибаясь над находкой, — глянь, какая тут штука.

Шайму Перту подошел к молодому товарищу и тоже нагнулся, рассматривая сплетенные кольца.

— Не знаешь, что это? — спросил Хесито.

Вместо ответа Шайму Перту ткнул в штуку концом разрядника.

— Не знаю, — сказал он, — но электричества на корпусе нет.

Хесито осторожно поднял добычу и положил ее в корзину на три поднятых с глубины аэрозольных баллончика, которые можно было продать на фабрику Крессо Понито.

Он удил еще два часа, пока Шайму Перту, поглядев на небо, не сказал, что погода портится, и что им пора возвращаться. Хесито не возражал. К тому времени в корзине лежали три баллончика, черная тяжелая чашка с несколькими углублениями по краям и сплетенный из колец треугольник. Не слишком богатая добыча, но при взгляде на полированные кольца Хесито охватывало такое чувство, будто он уже сделал сегодня нечто необыкновенно хорошее.

Когда рыбаки привели баркас к западному берегу, бухта была пуста, словно выбритая щека пастора Пирму. Большинство ло-

док еще не возвращались с промысла. На покато́м каменном берегу лежало только три суденышка, два из которых нуждались в починке, а третье, принадлежавшее Худе Иш Карьяте, сегодня, похоже, вообще никуда не выходило. Хозяин сидел на борту своей шаланды, с интересом наблюдая за тем, как Шайму Перту и Хесито волоком вытаскивают баркас с поднятыми контактами на сушу. В самый последний момент Худа спрыгнул со своей лодки и помог коллегам подтащить нос их посудыны к пересекавшей причальную площадку цепи.

Шайму Перту снял статику с металла и принялся протаскивать сквозь два звена дужку навесного замка.

— Пыль на поплавах — рыба в лотках, — пробормотал Худа Иш Карьята, обходя лодку кругом. — Как улов? — поинтересовался он, заглядывая через борт.

— Так, ерунда. — Хесито указал на полупустую корзину. — Немного старьевничали в заливе.

Худа сунул любопытный нос в корзину.

— Баллоны, тарелка и какая-то штука, — сказал Хесито.

Худа Иш Карьята худой лапкой извлек хитрое сплетение колец из корзины.

— Занятная погремушка, — проговорил он, внимательно рассматривая предмет, и вдруг предложил: — Уступи мне ее. Дам тебе тридцать лущей.

Хесито, улыбаясь, покачал головой.

— Хорошие деньги. Никто больше не даст.

Хесито улыбнулся еще шире.

— Не сейчас, — сказал он.

— Дам пятьдесят.

— Чего ты так раздухарился? — благодушно сказал Хесито, отбирая у Иш Карьяты блестящую штуковину. — Сказал ведь — нет.

Ему почему-то не хотелось говорить о деньгах. По крайней мере сейчас.

— Дам сотню. — Худое лицо Иш Карьяты вытянулось.

Хесито видел, как из-за кормы появился Шайму Перту и остановился, выразительно похлопывая по ноге разрядником.

— Нет, — сказал молодой рыбак решительно. — Сделки не будет.

— Как хочешь, — пробормотал Худа. — Все равно эту белиберду дороже никому не сбagriшь...

Двое компаньонов медленно поднимались по каменной тропе. Бухта с лодками и Иш Карьятой осталась далеко внизу. Хесито нес корзину с добычей. Шайму Перту шагал налегке. В том месте, где от большой тропы отделялась уходящая влево тропинка, приятели свернули и пошли гуськом. Вообще-то, чтобы попасть домой, Перту должен был идти прямо, но он никогда не отказывался от предложения пропустить по стаканчику, а Хесито почему-то вдруг захотелось провести вечер в компании.

— Правильно сделал, что не продал с разбегу, — говорил Шайму Перту, пока спутники поднимались на плоскую вершину острова. — Сначала нужно прикинуть, что к чему, куда эту плевру можно приспособить и сколько за нее спросить...

Предки Хесито построили дом на западной оконечности Эршу-Лимы, в стороне от всех, на самом отшибе. И со временем ничего не изменилось, потому что время — тлен. Город не добрался до дома, а дом не стал ближе к городу. Все перемены заключались лишь в том, что пыльная поверхность океана поднялась почти на тысячу мейро, а от семьи Мешья остался один Хесито.

Заскрипели под ногами ступеньки широкого крыльца. Хесито толкнул разошедшуюся дверь со щелями, неровно замазанными герметиком, и приятели вошли на остекленную веранду.

Дом был очень старым, а доски, из которых его собирали, еще старше. В городе, где все дома из стеклоблоков и базальтовых композитов, такой дом мог бы стоить больших денег, но дерево фасадов и фронтов давно почернело, стало дряхлым, а ступени вздыхали и кряхтели, точно больные старухи. Как ни крути, время — тлен.

В то время, как Шайму Перту устраивался в обветшалой гостиной, Хесито провел ревизию пивных запасов и выяснил, что в высокой бутылке мутного стекла токсика едва на четыре пальца.

— Извини, себо, — сказал он, выставляя высокую бутылку и два стакана на низенький поцарапанный столик, — придется тебе начинать пьянку без меня, а я по-быстрому сгоняю до бара Тиктико, возьму еще баллончик.

Перту не возражал, тем более что торопиться ему было некуда.

— Давай, — сказал он, наблюдая вполоборота, как Хесито вытаскивает из корзины свою блестящую находку. — А кольца куда тащишь?

— Хочу показать кое-кому по дороге, — крикнул Хесито, выскакивая на веранду.

— Ее оценщикам нужно показывать, — сказал старший рыбак наставительно.

— Я скоро! — прокричал Хесито.

Заскрипела и хлопнула входная дверь.

— Хотя оценщики всегда цену роняют, — пробормотал Шайму Перту. — Оценщики у Понито — чистая саркома.

Он плеснул токсика в один из стаканов, немного посидел, грея стеклянный цилиндр в ладонях, затем поднялся с продавленного кресла, пересек гостиную с верандой и вышел на крыльцо. Черные доски стонали под резиновыми подошвами ботинок. Остановившись, рыбак оперся рукой о перила.

Дом Хесито стоял на самой границе западного мыса. Здесь кончался Эршу-Лима, дальше была лишь размытая электрическая гладь океана. Неприметная тропинка огибала дом по краю холма. Если идти в одну сторону, спустишься в бухту, если в другую — выйдешь на городские окраины. Тропинка пересекала неглубокую впадину лощины, по которой стелился серый туман. Хесито уже не было видно.

Ветер сменился и теперь дул в сторону океана. Не надевая респиратора, Шайму Перту присел на верхнюю ступеньку. Низкое солнце светило сквозь дымку неярким белым пятном. «Идет непогода», — подумал Перту. Он отхлебнул из стакана, сморщился и передернул плечами.

Солнце опускалось все ниже. Океан, наливаясь у горизонта металлическим блеском, флегматично пил его неяркое сияние.

Шайму Перту сидел на крылечке рядом с пустой бутылкой и пустым стаканом. Хесито издали помахал ему рукой.

— Тебя за болезнями посылать, — пробурчал Перту, когда парень поднимался по ступенькам. — Еще бы немного — и весь заряд в землю.

— С зарядом теперь порядок, себо. — Хесито сел на крыльцо и передал товарищу полную бутылку.

— А что так долго? — невнятно проговорил Шайму Перту, зубами вытягивая пробку. — Папаша Тиктико не мог найти нужную полку?

Он наполнил свой стакан и протянул его Хесито:

— Долгих лет.

Они почти разом отхлебнули невероятно горькую мутноватую жидкость, один из стакана, другой — прямо из бутылки.

— Тиктико ни при чем, — сказал Хесито, вытирая глаза. — Вот, погляди.

Он, весь неловко перекосившись, достал из кармана выловленную в заливе штуковину. Его смуглые ловкие пальцы что-то повернули, дернули — и блестящие кольца вдруг разошлись, складываясь в узорчатый шар. Примерно так раскрываются детские новогодние игрушки, вырезанные из цветной пленки.

— Пульпа плевритная, — выговорил Шайму Перту, убирая ото рта горлышко бутылки. — Кто это тебя научил так? Ты что, ходил к оценщикам? — спросил он, соображая, что оценочный пункт на другом конце города, возле гидропонных ферм Крессо Понито.

Хесито, не отрывая глаз от шара, покачал головой:

— Я говорил с Цаплей.

— С Цаплей? — недоверчиво переспросил Шайму Перту.

— Ага. Он здесь недалеко всегда проверяет свои вешки утром и вечером.

— Но Цапля — фальгадо, — с нажимом сказал Перту. — Он пустое место. Что он может понимать в работе оценщика?

— Получается, что может, — сказал Хесито. — И почему фальгадо? Мой отец всегда говорил, что Цапля умнее любого оценщика.

— Твой отец всегда слыл чудаком. — Шайму Петру нахмурился. — Хоть и был мне другом, а Цапля — ничтожество, живет на подачки от Понито, занимается не знаю чем — цифры, буквы... даже дом его стоит на отшибе.

— Мой тоже, — Хесито покосился на собеседника. — А знаешь, что он сказал про мою находку?

— Ну? — пробурчал Шайму Петру, поднося бутылку к губам.

— Он сказал, что мне посчастливилось поймать бога.

Шайму Петру подавился токсиком. Прокашлявшись и утерев слезы, он протянул руку, Хесито вложил шар в широкую ладонь, и Перту некоторое время озадаченно рассматривал его, переворачивая с боку на бок, затем вернул владельцу.

— Знаешь что, Хеси, — сказал он, помолчав. — Давно, когда я был молодым, люди действительно болтали, будто один старьевщик на архипелаге выловил бога, что этот бог походил на сияющий шар, и даже что старьевщик загадал свое желание. Я думал, это байки...

— Цапля тоже говорит, что теперь я могу загадать желание. — Хесито так близко нагнулся к шару, что его глаза приобрели золотистый оттенок. — Ты не знаешь, что попросил тот старьевщик с архипелага?

— Не знаю. Вроде как длинной жизни.

— И что?

— Не помню, кажется, кто-то кого-то убил. Это было еще до того, как пол-архипелага потонуло.

— Как ты думаешь, себо, это серьезно?

— Что?

— Про желание.

— Не знаю, — ворчливо сказал Шайму Петру. — Загадай — узнаешь.

Хесито задумчиво катал шар в ладонях.

— Но ведь это сложно, — сказал он, наконец. — Если желание всего одно, то оно должно быть особенным.

— А по мне, так проще не придумаешь. — Шайму Петру хлебнул из бутылки и скривился. — Попроси хороших денег: купишь десяток лодок, наймешь людей или бар приобретешь у старика Тиктико. Или можно попросить хорошую бабу. Хорошая баба — знаешь какая редкость? — Перту вздохнул. — Вон у Крысы Маракито — дочка на выданье, Дада. Такой красивой девки на всем Эршу-Лиме не сыщешь, и характер, говорят, покладистый, и папа на гидропонных фермах у Крессо — первый человек...

Хесито сделал неумовимое движение, и шар вдруг опал, превращаясь в треугольную ажурную пластину.

— Как-то это мелко все, — сказал он печально.

Партнеры помолчали, думая каждый о своем.

— Все как-то странно и непривычно, — внезапно признался Хесито. — Я поймал бога и даже не знаю, верю ли я в него. С одной стороны, может, все это бред и ерунда, с другой стороны, вдруг я не поверю, а это — действительно бог... Вот ты веришь в божественное творение?

— А зачем мне в него не верить? — вопросом на вопрос ответил Шайму Перту. — Вон и аурелианцы говорили о боге, а потом сели в свои астралолеты и отвалили в неведомые пространства, а нам — загибайся как хочешь... А ты, если боишься загадывать, отдай эту эмфизему мне, уж я загадаю — никому мало не покажется.

Хесито молчал, постукивая пальцами о край стакана.

Они пили на крыльце до тех пор, пока солнце совсем не опустилось в океан, а бутылка не опустела на три четвертых. От выпитого Хесито постепенно сделался рассеян. Он отвечал невпопад, и в конце концов Шайму Перту сказал, что эта харкота ему надоела, и он идет домой. Хесито, несмотря на протесты, взялся его провожать. Он всучил напарнику бутылку с остатками токсика и взял фонарик.

Домой Хесито вернулся за полночь. Не включая лампы перед крыльцом, он сел на ступеньках. Небо над головой едва приметно светилось серым. На востоке сияние выглядело чуть ярче, там поднималась луна. Хесито сидел на скрипучих досках вконец одряхлевшего дома, ощущая в кармане штанов невесомый треугольник из сплетенных колец.

Он сидел до тех пор, пока размытый диск луны не выбрался из-за горизонта, а потом все же отправился спать. Но сон не шел к нему. Хесито ворочался на смятой простыне, представляя себе то сверкающий шар бога, то Дадю Малену, то десять лодок, то бар Тиктико.

Погода, как и обещал Шайму Перту, испортилась. Тяжелое цементное небо висело так низко, будто собиралось обрушиться вниз всей многотонной громадой. Время от времени далеко на западе тонкие ослепительные нити молний ударяли в размытую беспокойную поверхность океана. Сухой колючий ветер налетал злыми порывами, волоча за собой серую поземку. В такую погоду на промысел не ходят.

С самого утра Хесито сидел дома. Он то бродил по комнатам, то присаживался в зале возле круглого семейного стола и смотрел на раскрытый шар бога. Он то сомневался, то проникался уверенностью и начинал перебирать в мозгу варианты, то впадал в непонятное отчаяние, от которого хотелось лечь лицом в подушку.

Первый гудок раздался, когда диски настенного хронометра еще не добрались до полудня. Хесито не сразу понял, что это гудок автомобильного клаксона, а когда сообразил, несказанно удивился. К его дому некому было подъезжать на авто. Нетерпеливый вибрирующий звук повторился, заставив его встать со стула. Хесито торопливо сложил бога, сунул его в карман и пошел к двери.

В пяти шагах от крыльца действительно стоял пучеглазый электромобиль с тонкой штангой токоотводника. У открытой грязно-желтой дверцы в небрежной позе застыл высокий русоволосый мужчина. Увидев Хесито, выходящего на крыльцо, он убрал руку с клаксона. На мужчине был хороший светлый костюм. Маска новенького респиратора болталась над шейным платком.

— Хесито Ноцци Мешья? — проговорил мужчина полувопросительно.

— Да, — сказал Хесито удивленно.

Незнакомец приподнял край шляпы:

— Мое имя Крессо Понито Удья.

«Вот это да, — пронеслось в голове у Хесито. — Крессо... Может, позвать его в дом?»

Наверное, он сделал какое-то движение, потому что Крессо Понито быстро поднял руку в перчатке.

— Не стоит, — сказал он. — Я ненадолго. Меня интересует один вопрос.

У Понито было красивое вычурное лицо с резкими чертами.

— Я весь внимание, эршу Крессо, — проговорил Хесито, уже понимая, о чем пойдет речь.

Крессо Понито кивнул:

— Я знаю, что вчера в заливе ты поймал одну вещь. — Он быстро взглянул на собеседника.

Хесито стоял на высоком крыльце, хозяин города — внизу, у своего электромобиля, но складывалось впечатление, что он глядит сверху вниз. У Хесито засосало под ложечкой.

— Я хотел бы купить у тебя блестящий треугольник. Цену можешь назвать сам.

— Я не продаю это, эршу Крессо, — неожиданно для самого себя проговорил Хесито.

Лицо Крессо Понито сделалось брезгливо-насмешливым.

— Ты, наверное, не понял. — Он чуть наклонил голову. — Двадцать пять тысяч лущей...

— Вещь не продается, — повторил Хесито.

Серые глаза сощурились.

— Двадцать пять штук — это хорошие деньги. — Крессо помолчал, что-то прикидывая. — Но я готов поднять. Дам полторы сотни. Сто пятьдесят тысяч. Хватит на многое... очень многое.

— Не продается. — Хесито стало страшно, так страшно, что заломило скулы.

Крессо недобро усмехнулся:

— И сколько ты хочешь? Назови сумму.

— Нисколько, — сказали губы Хесито. — Эта штука не продается.

— Смелое решение, но опасное... и очень глупое.

Понито сплюнул в пыль и потянул на себя дверку желтого авто.

— Если что-то изменится, сообразишь, где меня искать, — крикнул он, по широкой дуге разворачивая машину в сторону города.

Вешки были установлены на краю неширокой пологой площадки. Узкая тропинка, протоптанная обходчиками, спускалась сюда по одной стороне теснины и поднималась на другую. Большую часть площадки занимала невысокая воздушная опора с регулировочными лебедками. Опора поддерживала восемь толстых, как труба, металлических жил, затянутых в рукава изоляции. Восемь веерных заборников, словно головы восьми удавов, на разную глубину запущенные в пыль залива, жадно сосали заряды с квазизарядами, пили энергию из висящих один над другим пылевых слоев, цедили электричество, словно токсик через трубочку. Жирные тела удавов, чуть провисая между стойками, ползли вверх по крутому склону, лезли в сторону электростанций западного сектора, перекачивали миллиарды миллиардов

крошечных электронов к трансформаторам Эль Бета и все равно не могли выпить даже миллиардной доли этого океана.

Пройдя под опорой, Цапля спустился к самой кромке электрической субстанции. Пыль висела над каменным берегом, словно крем — на корже торта. Цапля присел на корточки и принялся рассматривать палочку крайней вешки с загодя нанесенными делениями. Выходило, что за последнюю неделю подъем произошел примерно на два грана, и верхний слой оставался положительным, просто положительным. Под ним, конечно, находился квазиположительный, а под этим — просто отрицательный...

Цапля вытащил самодельный блокнот, сшитый из листочков матовой пленки, и, прикинув поправку на прилив, занес сегодняшние данные. «Погода испортилась дня на три», — подумал он.

Кто-то спускался по тропинке. Цапля выпрямился, пряча блокнот в сумку, и увидел давешнего парня.

— Приятного вечера, себо, — сказал тот, останавливаясь между стойками опоры.

— И тебе того же, — отозвался Цапля. — Тебя, кажется, зовут Хесито. (Парень кивнул.) И мы, кажется, говорили вчера. (Парень опять кивнул.)

Цапля в нерешительности переступил худыми ногами.

— Слышал, что пересохла сорок шестая скважина? — спросил он. — Это уже третья за год...

— Нет, себо, — сказал Хесито, он хотел добавить имя, но со стыдом сообразил, что не знает, как звать нескладного человешишку, а говорить «Цапля» было как-то неудобно. — Я вообще-то не за этим пришел.

— А за чем?

— Это я поймал бога, — пояснил Хесито.

— Ну и как? — с интересом спросил Цапля. — Уже загадал желание?

— Нет. — Хесито развел руками.

— Скорее, это закономерно, — сказал Цапля. — В моем архиве шесть описанных случаев ловли бога, первые фиксировал с чужих слов еще мой прадед, и представь, ни один человек не управлялся быстрее, чем за три дня.

— Я не затем, себо, — быстро сказал Хесито. — Я хочу спросить совета.

— Вряд ли смогу помочь...

— Нет, — сбиваясь, заговорил Хесито. — Я совсем потерялся. У меня голова кругом. Сначала приезжает Крессо Понито и пытается купить бога за сто пятьдесят тысяч луцей, а когда я отказываюсь, начинает грозить. Потом приходит Мео Раула — он рыбак, и у них с женой нет детей — этот обещает отдавать мне каждую вторую пойманную рыбу, если я помогу. За ним приходит Дада Малена, дочка Маракито, и плачет у меня на крыльце. У девочки, оказывается, черная цианомы в легких, она умирает и готова отдаться мне в обмен на спасение... Что происходит, себо? Откуда они знают про моего бога?

— Возможно, что ниоткуда, — серьезно сказал Цапля. — Возможно, это бог уже начинает подспудно искать, чего желаешь ты, и создавать возможности. Ведь ты, наверное, думал о богатстве? Или о сексе?

Хесито открыл рот.

— Вот бог и поставляет тебе возможности, — закончил Цапля.

— Но я не хотел ничего этого!

Цапля развел руками.

— Не хочу продавать бога эршу Крессо, — сказал Хесито уже спокойнее. — Он загадает очередной миллион луцей. Или ребенок для Мео? Откуда я знаю, вдруг он вырастет дрянным человеком? А если потрачу желание на легкие Дады, то кто спасет других больных? Пускай я даже вылечу всех — заболеет еще кто-нибудь. Я вконец запутался, себо. И мне страшно...

— На аурелианском он называется «витшиба оба утэйтра», — проговорил Цапля, глядя куда-то в сторону. — Что в примерном переводе означает «ухо Всевышнего». Четверть тысячелетия назад наши соплеменники изготовили его по аурелианской технологии. После этого сами аурелиане порвали с нами всякие контакты. Похоже, по их представлениям, такая вещь нужна была лишь теоретически, чтобы каждый маленький человек мог виртуально сравняться с богом. А может, они считали нас недостаточно зрелыми для «витшиба оба утэйтра», — вздохнул Цапля. — Аурелиане очень ценили свои познания о боге. И их аргументы весьма убедительны. Они утверждали, что все цивили-

лизации нашей вселенной komponуют семь световых периодов в особую единицу измерения, что подтверждает божественность творения мира. Но ты, наверное, в курсе...

Цапля замолчал.

— И что было дальше? — спросил Хесито.

— Дальше была пыль, — сказал Цапля.

Хесито не очень уверенно улыбнулся.

Маленький тощий человечек, щурясь, смотрел на высокого черноволосого парня. Наверное, он мог порассказать ему многое: прочитанное в старых хрониках, услышанное от людей, додуманное на старой койке. Он мог бы вспомнить, что первая пыль появилась в каньоне Пакибо, в самой низкой котловине Восточного континента. И когда ее обнаружили, она долго оставалась невероятнейшей научной сенсацией, потому что висящие друг над другом слои содержали частички не двух, а четырех элементарных зарядов, каждый из которых притягивал лишь своего антипода и отталкивал все остальное. Ученые сходили с ума, пытаясь разобраться с феноменом. Они так ничего и не поняли, зато Эль Бет построил свой трансформатор. Они не могли объяснить смысл явления, но умудрились приспособить к нему энергозаборники. И сначала все было неплохо, до тех пор, пока люди не поняли, что количество пыли постоянно растет. словно какая-то машинка, спрятанная на дне каньона, безостановочно производила тысячи баттов заряженной пыли и аккуратно укладывала ее слоями в совершенно определенной последовательности. Слоистый пирог из серой летучей взвеси постепенно затопил каньон и начал заливать долину. Иные сыпали проклятия на головы аурелиан, но Цапля был готов биться об заклад, что это — полная туфта. Просто кто-то чрезвычайно умный попросил у бога дешевый источник энергии...

Цапля знал, что много позже, после двух десятилетий борьбы с рождающимся океаном, правительство сбросило в каньон ядерные бомбы. Цапля почти не сомневался, что именно это вызвало Первый Пыльный Бум, за несколько дней затопивший половину Восточного континента и три четверти Западного. Токерикония и множество островов вообще исчезли с лица планеты. Тогда же потерялся и «витшиба оба утэйтра».

А еще Цапля всерьез подозревал, что через пятьдесят лет «ухо Всевышнего» стало косвенной причиной Второго Пыльного Бума. Он мог рассказать парню, что примерно раз в тридцать лет «вит-шиба оба утэйтра» вдруг всплывает из глубин забвения, исполняет одно желание своего счастливого обладателя — и бесследно исчезает. Он мог рассказать, что во всех шести заархивированных случаях временные хозяева ажурного шара ни разу не получили в точности то, чего испрашивали. Быть может, бог слишком по-своему трактовал их просьбы, а может быть, они и сами не знали, чего просили. Цапля многое мог рассказать. Но какой в этом смысл?

Хесито глядел на него с испугом и ожиданием.

— Не надо беспокоиться, — сказал Цапля. — Бога нельзя украсть или отобрать. Ты можешь отдать его или продать, но только не потерять. Пока ты жив, никто не сможет загадать твое желание за тебя. Теоретически ты, наверное, можешь размышлять над ним до старости... — Он замолчал, потом добавил задумчиво: — Был бы интересный эксперимент...

— Не хочу размышлять до старости, — с тоской проговорил Хесито. — Я вообще не вызывался тащить этот груз. Может, я отдам бога тебе, себо?

Цапля понимающе кивнул:

— Нет, парень. Мне это не нужно. К тому же бог выбрал тебя, а не меня. Если хочешь, могу сказать свое мнение.

Хесито с готовностью заглянул в узкое, изрезанное темными морщинами лицо.

— Варианты есть всегда. — Узкие губы фальгадо раздвинулись, обнажая плохие зубы. — Ты можешь выбросить бога в залив. Прямо сейчас. Но тогда ты уничтожишь шанс, который выпадает раз в жизни и далеко не всякому. Каково это, чувствовать себя убийцей такой возможности?

Нахмурившись, Хесито оглянулся на далекие всполохи молний, разрывающие вечернее небо.

— Мне пора, — сказал Цапля. — Когда загадаешь желание, найди меня. Я сделаю отметку в хрониках.

Он повернулся и, не прощаясь, быстро пошел по тропинке. Плоская сумка хлопала по поджарому заду.

Хесито смотрел ему вслед, пока фигурка Цапли не скрылась за гребнем холма, потом, тяжело вздохнув, нащупал за пазухой

треугольную пластину бога. Он подумал, что лучше вернуться домой и подождать до завтрашнего утра, а еще подумал, что ему не нравится слово «убийца».

Убийцы пришли на исходе ночи. Хесито проснулся от странного ощущения. Он открыл глаза и услышал тиканье часов в гостиной, а сразу за этим — тихий хруст выбиваемого стекла. Едва слышно заскрипела дверь, потом половицы. Тот, кто двигался через гостиную, старался ступать бесшумно, но доски-старухи немилосердно визжали под его ногами.

Обмирая от ужаса, Хесито сел на постели. Его пальцы не сразу нащупали лепешку ночного светильника. Тусклый свет залил пустую спальню, и в следующий миг крашенная белым дверь слетела с петель.

Их было двое. Низколобые, высоченные и широкие, как комоды, они ввалились, едва не разворотив узкий проем. Даже в плохом свете Хесито отчетливо видел черную щетину на их крепких квадратных скулах и длинные тяжелые клинки тесаков. Они ни хрена не боялись, снятые маски респираторов бесстыдно болтались на мускулистых шеях... они пришли убивать.

Хесито немного знал обоих. Их звали братьями Чичикья, и оба работали на Крессо Понито.

— Сиди тихо, харкота, — сказал тот, который назывался Аварда. Он поднял левую руку и продемонстрировал клешню электрошокера. — Где оно?

Чаку сопел за плечом старшего брата. Приглушенно звякнул клинок мачете.

— Ну, — угрожающе проговорил Аварда, шагая к кровати.

Словно защищаясь, Хесито вытянул вперед руки и с отстраненным изумлением вдруг понял, что в правом кулаке зажат бог. Только теперь бог выглядел не как треугольник и не как шар, теперь он походил на кастет, примерно такой, как был у Хесито в пятнадцать, только пластина перед пальцами выдавалась далеко вперед.

Аварда прыгнул. Хесито в ужасе сжал кулак с богом. Оглушающий раскат грома толкнул его руку назад. Могучий удар переломил здоровяка с мачете пополам. Ноги старшего Чичикья оторвались от пола, и тело его, ударившись боком о дверной косяк,

вылетело в гостиную. Издав сдавленный звук, Чаку отступил к стене, в ужасе выставляя перед собой широкое лезвие. Хесито протянул руку в его сторону. Пальцы непроизвольно сжались, и голова здоровяка лопнула, как перезрелый плод куту.

Какое-то время оглохший от грохота Хесито безмолвно смотрел на вытянутую кровавую кляксу над бесформенной грудой тела, потом его вырвало прямо на одеяло.

Затем, путаясь в гачах и боясь наступить на частички мозгов, Хесито натянул штаны. В зале он, оскальзываясь в кровавой луже, перепрыгнул через труп Аварды и бросился на улицу. Почти ничего не соображая и едва не упав на крыльце, он выскочил в предрассветные серые сумерки, ощупал под рубахой треугольник бога и побежал по краю обрыва.

Два трупа — это уже слишком. Крессо Понито сразу понял, что все идет не так, как ему хотелось, но Чичикья были его лучшими наварро, да и вообще лучшими наварро на острове. Не самыми умными, зато очень эффективными, особенно если хозяин решал, что кому-то пришло время посчитать пыль в заливе. Казалось бы, чего проще: забрать вещичку у строптивого пацана? Ан нет. Два трупа и мозги на половицах. А Хесито Ноцци Мешья исчез, будто под землю провалился.

Теперь Крессо Понито точно знал: широкой огласки все одно не избежать. Он всегда говорил, что слухи и пыль лежат в одной коробке. Появляются неведь бог откуда и просачиваются в любую щель. Дурень Иш Карья успел проболтаться лишь паре родичей. Люди Понито сломали ему три ребра и забрали триста лущей, которые Понито днем раньше заплатил ему за информацию. Но слухи было уже не остановить. Люди болтали, что Крессо Понито Удья ищет бога, что Хесито Ноцци попросил у бога защиты, и теперь всякий, кто его коснется, упадет с оторванной головой, что бог забрал Хесито в астральные пространства и сделал его своим помощником, что эршу Крессо совсем потерял совесть. Словом, делать что-то тайно уже не имело смысла.

В тот же день, как обнаружили тела Чичикья, четыре десятка наварро начали искать Хесито по всему Эршу-Лиму. Убраться в море мальчишка не мог, Понито лично замкнул все лодочные цепи. Парень прятался где-то здесь. Люди Понито методично

и последовательно обыскали весь город. Начали с троюродной родни Мешья, с друзей и приятелей Хесито, потом перешли на знакомых, а затем принялись тупо прочесывать кварталы, не зная, чего больше бояться — гнева своего патрона или отрывающего головы бога. Крессо Понито собственноручно сломал нос Питиньо, когда тот заикнулся о бесполезности поисков, а затем отправил всех прочесывать окрестности.

Хесито нашли в пятый день недели, на седьмой день поисков. Четверо наварро наткнулись на него немного восточнее бухты. Парень просто сидел на краю каменистого склона, глядя в серую даль океана. Он ни разу не обернулся, пока убийцы бежали в его сторону. Первым добежал Питиньо. От страха он обмочился прямо на бегу, но мокрые штаны не помешали ему нанести первый удар. Мачете вонзился в шею, и Хесито упал на бок. Он не закричал и только всхлипывал, когда подоспевшие наварро остервенело рубили его тесаками.

Очень скоро все было кончено. Тело обыскали, но никакого треугольника из колец при молодом рыбаке не оказалось. Логичнее всего было предположить, что он выбросил бога в залив.

Несколько сердобольных женщин обмыли мертвое тело и переодели в погребальную одежду. Хесито был кремирован через два дня в крематории Крессо Понито. Пастор Пирму развеял пыль его праха над пылью океана. Пепел к пеплу. Люди говорили, что Хесито унес с собой тайну своего желания. У берегов залива по приказу Понито еще неделю без особого энтузиазма старьевничали рыбацьи лодки со скучающими наварро на борту, потом перестали. Как сказал старик Тиктико: «Все своим чередом».

Шайму Перту пришел на условленное место чуть раньше заказчика. Солнце еще не взошло, но пыль над горизонтом уже исходила мягким серебряным светом. Перту сидел на скрипучих ступеньках такого знакомого и такого чужого дома. Левую руку с тремя сломанными пальцами он держал у живота. Так было теплее.

Шорох заставил его вздрогнуть и обернуться. По тропинке, огибавшей склон, к крыльцу быстро подходил Цапля. Шайму Перту поднялся.

— Порядок? — спросил Цапля, как всегда, не утруждая себя приветствиями.

Перту кивнул.

— Все как уговаривались?

— Пошли, — сказал рыбак, спускаясь с крыльца.

Они спустились к еще пустой в этот час бухте. Действуя одной рукой, Шайму Перту отстегнул свой баркас от цепи. Вдвоем с Цаплей они налегали на корму, пока реверсивные баллоны наполовину не оторвались от каменной площадки. Потом мужчины запрыгнули в баркас, Перту подсоединил аккумуляторы и включил аэромотор. Длинные лопасти за проволочным кожухом завертелись, увлекая баркас на юг.

Над поверхностью залива поднималось легкое марево, от которого сохла роговица глаз.

Когда Шайму Перту, время от времени опускавший лот, считал глубину достаточной, он сбросил за борт рукава контактов, запустил трансформатор и повернул лодку на запад в открытый океан.

Они плыли до тех пор, пока Эршу-Лима — верхушка когда-то обширного плато — окончательно не растворилась в серой дымке. Тогда Шайму Перту сбросил скорость и выключил мотор. Лопасти пропеллера остановились, и сразу стало нереально тихо. Лодка понемногу дрейфовала над верхним слоем пыли, но казалось, что она висит совершенно неподвижно.

Цапля сидел привалившись к корме. Шайму Перту легонько мям правой рукой повязку на левой.

— Он приходил ко мне тем утром, — невнятно сказал рыбак, глядя мимо пассажира. — Весь забрызганный кровью... Просил остаться. А как я мог его оставить? У меня жена, дети...

— Это неважно, — сказал Цапля. — У тебя бы его все равно нашли. Это даже хорошо, что ты не знал, где он был на самом деле.

— Наверное, — согласился Перту, баюкая руку. — А ты знаешь, где он был на самом деле?

Цапля кивнул:

— У меня.

— У тебя? — недоверчиво спросил Перту.

— У меня есть подвал. — Цапля криво усмехнулся. — Хранилище для самых ценных книг и подробных хроник. Еще прадед рыл. Только это — большой секрет.

— Теперь нет, — философски сказал Шайму Перту.

— Теперь это неважно. — Цапля вздохнул. — Наверное, мне тоже пора что-то менять...

Шайму Перту исподлобья недоуменно взглянул на спутника:

— И что он делал в твоём подвале?

— Сидел, — сказал Цапля, — думал, листал хроники, спал и опять думал. Богу тоже потребовалось шесть дней, чтобы создать мир... — Маленький человек выпрямился на скамейке. — Ты знаешь, он додумался до пары очень важных вещей. Он нащупал два необходимых условия: желать чего-то нужно не для себя, а если желаешь для других, надо быть готовым пожертвовать чем-то очень дорогим. А иначе твоя просьба ничего не стоит. — Цапля сделал паузу. — Думаешь, отчего при нем не нашли бога?

— Не знаю, — сказал Шайму Перту. — Не хотел отдавать?

— Нет. — Цапля покачал головой. — Он боялся, что из-за него опять кого-то убьют... Вот так... Пешком до неба.

Шайму Перту засопел в респиратор.

— Что же такого Хесито загадал, — сказал он, наконец, — если за это пришлось сдохнуть?.. Или теперь никто об этом не узнает?

— Почему? — сказал Цапля. — Я знаю... Он загадал, чтобы у нашего мира была надежда.

— Одышка фиброзная, — проговорил Шайму Перту, потом долго молчал, видимо обдумывая услышанное, и, наконец, спросил: — Думаешь, сбудется?

— Не знаю, — серьезно сказал Цапля. — Но за последние три недели уровень пыли не поднялся ни на один гран, это я знаю точно. И еще я слышал, что у Дады Малены вроде как началась ремиссия... — Он оглянулся. — Мы далеко отплыли?

— Уний полста или около того. Как ты просил.

Глаза рыбака смотрели вопросительно.

«Кто мы такие, чтобы затыкать ухо Всевышнего?» — подумал Цапля.

— Мне нужно кое-что закончить, — сказал он, будто объясняясь, затем вытащил из-за пазухи сверток и принялся разворачивать намотанную в несколько слоев тряпицу.

Его худое лицо вдруг осветилось тысячей солнечных зайчиков, отразившихся от хитрого переплетения золотых колец, и у Шайму Перту невольно приоткрылся рот. А Цапля, придер-

живаясь рукой за кожух пропеллера, встал со скамьи. Неловко балансируя на не слишком устойчивой палубе, маленький нелепый человечек размахнулся и швырнул «витшиба оба утэйтра» далеко за борт.

— Поворачивай, — сказал он, опускаясь на скамейку и поднимая воротник куртки.

— Слово клиента — закон, — пробормотал Перту.

Он запустил двигатель и потянул рулевую тягу, разворачивая баркас к Эршу-Лиме.

Слегка подсакивая на баллонах электропоплавков, лодка резво бежала на восток. Солнце, белым пятном пробиваясь сквозь жемчужную муть неба, летело прямо в сощуренные глаза, и Шайму Перту никак не мог понять: светит ли оно чуть ярче обычного, или это ему только кажется.

СВИНГ

Что вспомнить приятнее?

Утро! Летнее воскресное утро!

Двор слегка, словно из распылителя, подкрашивают оранжево-зеленые лучи утреннего солнца, настоянные на листе секвойи и баньяна. Ноздри щекочет резковатый аромат полыни, смешанный с запахами липы, клумб, котлет, горячего хлеба и свежевывстиранного белья. Склочницы белочки в финиковой рощице гневно стрекочут, ссорятся с лемурами и голубями. И еще проснулись в траве кузнечики, а колибри соперничают с пчелами в их летней цветочной одиссее...

Лето! Утро! Воскресенье! Два года двор оглашался радостными криками:

— Ребя-я-я-я! Все сюда! Гаврош вышел! Ребя-я-я-я! Свинг вышел!

Если Гаврош ленился и спал слишком долго, то надежнее будильника — дверной звонок и вопрошающий хор: «Здравствуйте, простите за беспокойство», — мама у Гавроша строгая и давно приучила воскресных визитеров к вежливости. «А Гаврош выйдет, а он со Свингом выйдет, а полчаса — это сколько, а мы успеем сбежать в булочную, а вы скажете Гаврошу, что мы приходили?»

Гаврош вздыхал и вставал. Натягивал шорты, футболку и кроссовки, умывался, одевал повизгивающего от счастья Свинга в упряжь. И, наконец, чалмик и драк спускались во двор, где их поджидала толпа разнокалиберной детворы.

Гаврош держался солидно, строго, как и подобает почти тринадцатилетнему перцу в компании малышей. Свинг в поддержку

хозяина глухо рыкал, раздувал ноздри и хлопал крыльями. Эта показная суровость никого не пугала: мелюзга набрасывалась на друзей как муравьи на гусеницу, валила в траву и Свинга, и его хозяина. Куча-мала! Трое маленьких кубинцев из четвертого дома. Пара малознакомых эстонцев из соседнего двора. Димка, Сережа, Нгуен, Тишка-тихоня, Леночка, Гюльнара, Эдик, Азиз, Вовка, Сарочка, Фатима и еще несколько совсем маленьких — не разглядеть за остальными. Рыжие, чернявые, белобрысые, лохматые, смуглые, бледные, тощие, крепенькие. Панамки и кассетки, сандалики и кроссовки, курточки, колготочки, шортики, джинсы, комбинезоны.

Гаврош хохотал и осторожно вырывался. Осторожно. С малышками Гаврош ощущал себя совсем взрослым и относился к ним с нежной осторожностью сильного мужчины. Свинг столь же аккуратно переворачивался на спину, подставлял детям горло и мягкий пушистый живот для почесывания.

Воскресный утренний ритуал.

Когда дворовая мелкота уставала тискать Свинга, тот вставал, отряхивался. Лизал Гавроша в щеку теплым языком, елозил мордой по траве: просил снять намордник. Намордник Свингу не нравился, а кому бы он понравился? Если во дворе не случилось нервной бабушки из третьего дома, Гаврош уступал. Свинг радостно мотал головой, хлопал крыльями, припадал на передние лапы и хватал зубами уздечку. Но в этом Гаврош непреклонен: поводок можно отцепить только на холмах, за каналом, где находится официальный выгул. Там, где разрешено летать без паспорта, прав и правил.

Яйцо со Свингом Гаврош принес домой после своего одиннадцатого дня рождения, в конце марта. Долго копил деньги, хотел всех обрадовать, да. Только вот бабушка целый час то кричала, то плакала. Папа вернулся, когда кричала, так что автоматически попал в число «виноватых», а Гаврош обзавелся в его лице весьма серьезным союзником. Именно папа положил яйцо в печку СВЧ и включил максимальную мощность, так что к маминому появлению Свинг уже вылупился и лакомился пламенем газовой плиты. Мама не кричала. Как только увидела на кухне крохотного кетцалькоатля, ушла в спальню, погасила свет и весь вечер ни с кем не разговаривала. Смотрела в окно.

Потом вернулся с работы дедушка и всех помирил. С дедушками особо не поспоришь.

Вот не совсем обычный факт: хотя в семье Гавроша есть и дедушка, и бабушка, они не муж и жена. Дедушка — папин папа, бабушка — мамина мама, каждый занимает отдельную комнату, и обращаются они друг к другу только на «вы» и по имени-отчеству. Игорь Николаевич и Линь Зунговна.

А Свинг — драк, пернатый змей, кетцалькоатль династии Чичен из питомника «Чемпион». Боевой и охранный драк, пастух, работага, не для слалома или воздушной акробатики. Оперение цвета пожухлой травы. Длинное гибкое тело как на старинных уханьских гравюрах, задние лапы мощнее и короче передних, размах крыльев больше четырех метров. А Гаврош пошел в маму: круглолицый, чернявый и худенький. Невелик груз для взрослого кетцалькоатля.

Пернатых коатлей, как и всех остальных драков, приобретают в яйце, а чтобы дракошка вылупился, яйцо следует поместить в открытый огонь. От характера пламени зависит и характер будущего драка, а от температуры — его способность к извержению пламени. К примеру, гоблины выводят боевых драков в напалме, а драконологи стратегических ВВС — в бешенстве термоядерных реакций. Свинг вылупился в печке СВЧ, подкармливался от газовой плиты с электрозажигалкой, так что плевать на огонь не любил, зато умел пускать разноцветные молнии. На Новый год безо всяких петард и ракет устроил на крыше такой фейерверк! А в грозу все норовил забраться на громоотвод, и попробуй — пойди, стащи.

Ой, вспоминать можно много и долго...

Как объяснить, что такое «свое» место? Уголок сквера, скамейка на людной площади, неприметный кафетерий на задах гипермаркета, остановка на окраине, обрыв над морем. Да что угодно и где угодно, у каждого — свое. Сердце там стучит как-то иначе, тверже и увереннее, заботы утрачивают значимость. Для Гавроша со Свингом это — одуванчиковая полянка: круглый пятачок в пригородном ельнике, десяток шагов в поперечнике, не больше.

Полянку обнаружили случайно. Свингу тогда не исполнилось и года, размах крыльев был уже как у взрослого драка, но

в полную силу пернатый змееныш ещё не вошел. «Приполянились» вполне прилично, а взлететь без разбега не получалось. После десятка неудачных попыток пух со всех одуванчиков поляны перебрался на шевелюру Гавроша и оперение Свинга, елочки изрядно растрепались, а друзья смирились с перспективой пешего пути сквозь бурелом.

Из-за облаков вышло солнце и повисло прямо над полянкой. Огромное солнце, во все небо! Свинг подобрал крылья, опрокинулся спиной на зеленый матрас густой травы, задрал все четыре лапы и замер. Гаврош? Гаврош не умеет объяснить, но... Время остановилось. А когда оно вновь начало свое неторопливое движение, Свинг легко взлетел с места, вообще без разбега, будто бы провел это бесконечное мгновение не на солнечной поляне, а в протуберанце сверхновой. Позже Свинг с Гаврошем не раз прилетали сюда, посидеть и посмотреть на солнце.

И когда на такой вот «своей» полянке видишь незваного незнакомца, трудно относиться к нему с симпатией. Тем более если это незнакомый мальчишка, ростом чуть поменьше, но крепенький, лохматый, в грязной и потрепанной одежде. Неприятный тип. Он очень не понравился Гаврошу. Особенно тем, что избивал хлыстом своего мелкого драка.

Понятно, что Гаврош не сдержал раздражение:

— Эй, малой, а если я вот сейчас так тебя самого?

Это емкое словечко «малой»! Если кто-то позабыл, в мире чалмиков обращение «малой» означает: «Я старше и сильнее, если мне что-то не понравится или просто придет такая фантазия, то я тебя, малого, обижу, унижу или изобью».

Неприятный тип медленно опустил хлыст и столь же медленно повернулся. О, сколько презрения, какую нескрываемую наглую издевку могут выразить простые, казалось бы, движения!

Гоблин. Это был вовсе не мальчишка, а кочующий гоблин. Страшилка для детсадовцев. Молоденький: когти на лапах короткие, клыки из-под верхней губы выпирали совсем чуть-чуть. Зато под жалкими кустиками зеленой щетины на щеках багровели грубыми стежками ритуальные шрамы посвящения во взрослые.

Гоблин оскалился и поинтересовался яростным полусшепотом:

— Это меня ты назвал «малым», щенок?

Сквознячок пробежал по спине чалмика... По слухам, любой намек на низкий рост — смертельное оскорбление для гоблина.

Гоблин зашипел, сплюнул, резко пнул Гавроша по голени и с размаха ударил кулаком. В лицо.

Надо сказать, что за годы нормальной, цивилизованной, человеческой жизни Гаврош отвык от подобных «приемчиков». Не то чтобы чалмику вовсе не случалось драться... Но эти драки начинались (а чаще и заканчивались) ритуалом взаимных обидностей, пиханием друг друга в плечо, хватанием «за грудки». С принятия боевой стойки, наконец, и обсуждения условий поединка!

Гаврош сам не понял, как оказался на земле. И пропустил тот миг, когда Свинг ринулся на защиту своего чалмика. От удара пернатым крылом гоблин улетел в елочки, на чем дело могло и закончиться... Но — этот мелкий драк! Гнусный гоблинский драк! Крылатая зубастая жаба пренебрегала приличиями честного боя в той же мере, что и ее хозяин. Тварь прыгнула и вцепилась в плечо Свинга.

Намордник! Гаврош не успел снять с драка намордник...

Свинг взвизгнул от боли, попытался стряхнуть зверюгу, но не сумел. Рычащий ком покатился по поляне. Гоблинский драк мертвой хваткой впился в плечо пернатого змея, а намордник мешал Свингу пустить в ход собственные клыки или ударить противника молнией.

Теперь уже Гаврош кинулся другу на выручку, но тщетно: что для двух взрослых драков худенький чалмик?

Из зарослей ельника выбрался гоблин и, к чести зеленокожего, без промедления бросился Гаврошу на помощь. Даже вдвоем они с трудом сумели удержать раненого кетцалькоатля и разжать челюсти гоблинскому дракону.

Потом? Потом...

Вот какие-то события жизни вспоминаются в мельчайших деталях, последовательностях и взаимосвязях. А иные — что смятые в пластилиновый ком фигурки, что бессвязный, обрывочный кошмар — поди разберись, где, что и откуда, да и случилось ли вообще?

Остаток того дня Гаврош помнит плохо, так, будто все это происходило и не с ним. Гоблин помог и перевязать Свинга, и донести до города. Хорошо, что мама оказалась дома. В районной клинике бурлила скандалами очередь: заканчивался рабочий день, ветеринар велел не занимать... Все же дождались. Раздражительный красноглазый толстячок бросил брезгливый взгляд на рану и предложил «усыпить».

Помчались в дежурную городскую. Таксист ругался, что Свинг запахнет салон, отказывался лететь, запросил вдвое дороже.

В дежурной ветлечебнице повезло больше: и хирург на месте, и никакой очереди. Операция продолжалась почти два часа. Оказалось, что ветеринарам медсестры не положены, так что ассистировали Гаврош и мама. Держали маску для наркоза, подавали лекарства, разные страшные инструменты, помогали бинтовать и накладывать шину.

Усталый немолодой доктор промыл рану, удалил осколки кости, поставил спицу, наложил швы. Помог вынести спящего Свинга из лечебницы, закурил, пока ожидали такси. На прощание пожал Гаврошу руку и, пряча глаза, сказал то, что запомнилось дословно:

— Плечо заживет, но летать не сможет. А без неба драконы долго не живут.

Попробуй, попробуй забыть, не выйдет... Да и вправе ли забывать?

От Эйфелевой башни до Останкинской верхом на драке не больше пяти минут. Или четверть часа на метро. Или с утра до полудня пешком, если рядом ковыляет пернатый инвалид. Некоторые прохожие ругаются, что без намордника, ну да ладно. С Тверской по Немиге пересечь Манхеттен, потом два квартала Вильгельмштрассе и свернуть на Крещатик. По лестнице рядом с фуникулером до Монмартра, свернуть на Дерибасовскую — и по Невскому до Трафальгарской площади. Сразу за Пер-Лашез ограда Останкинского дендропарка, а там — Пуэрта-дель-Соль, рукой подать до пляжа Капарике, полчаса быстрым шагом — до Гейрангер-фьорда.

Но чалмик и драк не ходили к скалам. С холмов вид на море ничуть не хуже.

Несмотря на мрачный прогноз, Свинг прожил год. И еще один. Подолгу сидел на крыше, но в грозу предпочитал прятаться дома, под кухонным столом. Не боялся грозы, просто грустил... Дети любили драка по-прежнему. Хоть и не играли теперь в «кучу-малу», опасались растревожить раненое плечо, но не изменили воскресной традиции утренних встреч.

На третье лето, дождливым вечером в конце августа, пернатый змей вдруг забеспокоился, запросился на улицу. Дожди шли третий день. Свинг хандрил, кушал неохотно, Гаврош подкармливал друга с ладони шоколадом и огоньком зажигалки. На дворе дракон потащил за собой чалмика на задний двор, к запруде у Ниагары.

Когда Гаврош отстегнул поводок, Свинг захлопал крыльями — обоими крыльями! — напролом, сквозь заросли ивы и камыша, прорвался к водопаду, на миг оглянулся и прыгнул. Спланировал метров на тридцать вниз и вперед и исчез в пучке разноцветных молний.

Ни в одном музее мира вы не сыщете ни чучела, ни скелета настоящего дракона: после смерти они предпочитают сгорать дотла. В полете.

Гаврош давно перерос возраст, когда чалмики плачут... это все дождь, это все дождь.

Память! Эта непослушная память! Щемящая пустота сквозняком бродила по дому до самой весны, а в начале мая бабушка...

На майские праздники бабушка принесла яйцо кетцалькоатля.

НЕГРИТЯНКИ

Солнце падает в далекое западное море, разбросав тени по крышам крохотной казачьей заставы рядом с парой нефтяных вышек. Хорунжий чистит охотничий карабин в прихожей.

— Папа, папа! — Сынишка вбегает в избу, размахивая чем-то небольшим и светящимся. — Смотри, что нам в школе выдали! На хелипоптере привезли!

— Не хелипоптере, а вертолете, — привычно поправляет сына хорунжий, осторожно ставит ружье в угол и поворачивается: — Что там у тебя?

* * *

Егор свернул с Уктусского переулка и нырнул в мрачный, исписанный матерками холл станции подземки. «Екатеринбургскую» построили лет пять назад, она стала конечной на Коптяковской линии и, как и любая окраинная станция, служила прибежищем люмпам и прочему сброду. Егор добавил громкости в карманном репродукторе — когда индустриальный джаз играет громко, идти мимо подобной толпы не так страшно. Аппарат старый и распространенный, «Рига-96», всего на двадцать песен. На такой не позарится даже самый голодный бандюган, ибо продать его нереально.

Иногда Егору кажется, что он многое бы отдал, чтобы жить в какой-то другой реальности. Например, в которой «Екатеринбургская» — центральная станция. А сам Екатеринбург — не мелкий пригород гигантского Верхнеисетска, известный разве что расстрелом лидеров большевиков, а серьезный, самостоятельный город. Но реальность, как и времена, не выбирают.

— Эй, парниша. — Люмп отделился от толпы собратьев и перегородил ему путь. — Не поделишься копеечкой?

Музыка играла громко, но знакомую фразу несложно прочитывать по губам.

— Нет, спасибо, — пробормотал Егор и ровно продолжил путь, пытаясь не обращать внимания.

Толчок в плечо прервал движение и заставил развернуться к «товарищам» лицом. Главному люмпену примерно столько же, сколько Егору — не больше двадцати трех. На нем поношенная маньчжурская фуфайка с четырьмя полосками и неожиданно модные прусские кеды. Четверо остальных — помоложе, не больше двадцати.

— Пролетариат не ценим? — обозлился люмпен. Пара его товарищей неторопливой походкой направилась к нему на подмогу, пытаясь окружить Егора.

— Почему же, ценим. — Егор вынул наушник из уха, пытаясь выглядеть уверенно. — Сами, знаете ли, не из великородных, личные дворяне.

— Вот как? — Люмпен нацепил надменно-учтивую маску. — И каков чин?

— Системный секретарь. Служу в Западно-Сибирском Нефтяном Картеле.

Иногда фразы про Картель бывает достаточно. Нефтяников многие из низов — вполне резонно — почитают за мафию и остерегаются.

— В Картеле? — оживился люмп. — У меня там двоюродный брат — сторож. А системный секретарь — это чего?

— Это системщик. Специалист по вычислительной сети.

— О, по сети! — Злоба на лице люмпена окончательно сменилась интересом. — А роликов мне новых запишешь? У меня у друга есть комп.

Егор кивнул. Он терпеть не мог, когда рихнер называли «компом», и мог долго дискутировать о правильности названий, но с люмпам лучше не спорить:

— Постараюсь, но не обещаю. Я же простой системщик, не старший. Мне доступа в Имперсеть пока нет, только в районную. А за незаконный доступ — каторжные работы, как и за воровство фильмов. Сошлют еще чукчей гонять...

— Не понял?! — Стоящий справа второй люмпен, восемнадцатилетний рыжий, сжал кулаки и злобно нахмурился: — Ты что, нам отказываешь?

— Утихомирься, Сема. — Главарь грустно отодвинул товарища. — Все с ним ясно, обычный десятый класс. Их не пускают.

Двадцать копеек все же пришлось отдать.

* * *

В метро скучно. Две коллежские дамы лет семидесяти привычно рассуждали о том, при ком жилось лучше — при Константине II или при Екатерине III. При этом аргумент в пользу выигранной Константином Русско-Польской привычно опровергался проигранной Второй Японской. Егору, несмотря на привычные для системщика анархические взгляды, были одинаково симпатичны оба исторических лица. Дальний Восток, как учили Егора в школе, всегда был обузой для Империи, а основанная буферная Республика Берингия все равно осталась финансово зависимой от России. Тем более когда «Белые Лебеди» могут доставить боеголовку за один перелет в любую точку полушария. Екатерину III он, как и большинство его ровесников, еще в отрочестве запомнил по знаменитой эротической сессии, снятой в начале 70-х. Императрица царствовала недолго, но мировая сексуальная революция обязана именно ей.

Правда, при Николае IV все стало по-другому. Кодекс Морали и церковные реформы вернули общественную нравственность в стране на уровень конца девятнадцатого века, оставив «Загнивающему Западу» мини-юбки и электроджаз. Егор родился уже в «нововикторианстве», воспитывался в духе традиций и даже соблюдал пост — правда, очень странно и выборочно. Не ел мясо и не смотрел телевизор по понедельникам, средам и пятницам, хотя от рыбы не отказывался и в стратегии со «стрелялками» резался. Ко всему этому следовало добавить не вполне подобающую чину неформальную внешность, и становилось понятно, почему у титулярного советника Картеля по этике Егор вызывал определенные подозрения.

В подземке Егор продолжал слушать индустриальный джаз и размышлять о странной реакции люмпенов. Мысль полетела дальше — он задумался о судьбе и должности им занимаемой.

Да, он всего лишь системщик, окончивший Уральское Высшее Техническое Училище. Системный секретарь — это по Табели десятый класс. Тот же заурядный десятый класс, что и коллежский секретарь, казачий сотник и флотский мичман. Конечно, это намного лучше, чем системный техник — двенадцатый класс, или лаборант-практикант — тринадцатый класс. Но гораздо хуже старшего системщика, системного поддиректора или системного директора — последний относится к седьмому классу и привычно имеет четырехэтажный особняк на берегу Шарташа.

Десятый класс в трехмиллионном (с пригородами) Верхнеисетске имеют тысяч четыреста. «С другой стороны, — подумалось Егору, — Пушкин и Тургенев были коллежскими секретарями. И чин системный — не совсем то, что чин статский. Лицо невысокое, но начальствующее». Немногие его ровесники из провинции в двадцать три имеют в подчинении бригаду из двух техников-лоботрясов и получают девяносто пять рублей в месяц, когда поездка на метро стоит три копейки. Если бы Егор не был столь ленив, уже давно мог позволить себе и японский мобиль, и двушку в центре или в каком-нибудь элитном Шувакишском, но лень и инертность не позволяли ему переехать. Правда, фраза «жениться бы вам, барин...» звучала вокруг все чаще, что заставляло иногда задуматься о карьерном росте и «серьезной жизни».

— Остановка «Ганин Проспект», — прозвучал наверху голос милой барышни, и толпа вынесла Егора на перрон.

Из заднего вагона вышел напарник Егора — Расуль Мадисович. Егор заметил и подождал его, позволив толпе утечь на эскалаторы.

— Здорово, Егор Дмитрич. — Тридцатилетний системщик пожал ему руку. Он трудился в «железячном» отделе, а Егор — в «программном». — Слышал новость дня?

— Не успел посмотреть новости. Что такое?

— Джон Стивс с министром по Имперсети подписали договор о сотрудничестве и собираются строить магистральные каналы из Румынии в Одессу. Ты понимаешь, что это значит?!

— Нет, не понимаю. Джон Стивс — это же...

Они уже перешли перрон и ехали на первом эскалаторе.

Трехсотметровая башня Картеля находилась прямо над станцией, и впереди было еще два эскалатора и лифт. «Ганина яма», — шутили про эту станцию. Самый элитный и современный микрорайон вырос на месте рудника, в котором были спрятаны тела убитых в семнадцатом году Ульянова и Каменева. Недавно генерал-губернатор в знак примирения с прошлым позволил потомкам ссыльных большевиков установить памятную стелу, которая стояла теперь перед самыми окнами Егора.

И тут и там были заметны сотрудники, отмечавшие системщиков почтительными кивками. Расуль огляделся по сторонам и продолжил вполголоса:

— Это новый директор Бритнэта. Делаем вывод: Бритнэт и Имперсеть скоро объединятся, как это планировалось еще в девяностые. А раз так, то нашу Его Императорского Величества Глобальную Вычислительную Сеть придется реформировать, делать ее более открытой, обеспечивать совместимость и так далее.

— На кой черт им это понадобилось?

— Спросим у начальства. Евгений Петрович наверняка знает.

— Кэп точно в курсе.

* * *

Начальство не только было в курсе, но и решило к вечеру устроить по случаю исторического момента собрание, подтянув народ из дочерних контор. В небольшом зале собрались системщики всех отделов и чинов, начиная с десятого, — девять рядовых системщиков вроде Егора, четверо старших и системный поддиректор Верхнеисетского подразделения Евгений Петрович.

Закрытое совещание системщиков крупного предприятия — вещь всегда немного неформальная и больше смахивает на подпольную сходку анархической партии или мафиозного синдиката. Половина при параде, но носит либо длинные козлиные бороды, либо «осьминожки» усы, другая же половина вообще одета не «по-корпоративному», в желтые сюртуки с морскими

котиками, лосями и другой профессиональной атрибутикой. Единственная дама, Рита из отдела дизайна, крашенная в фиолетовый цвет и одетая в обтягивающее платье-«готику», привычно ловила влюбленные взгляды неженатых коллег. «По уставу» из-за необходимости ходить на совещания директората был одет только Евгений Петрович, да и у того в мочке левого уха торчала пиратская серьга с черепушкой, за которую подчиненные уважительно звали его «Капитан Джон».

Если добавить к этой картине отсутствие полагающегося на подобных мероприятиях титулярного советника по этике, совещание приобретало еще более подпольный характер. Советнику доложат позже — дотошного старика, сующего свой нос во все дыры, вполне разумно опасались даже поддиректора. Картель — государство в государстве, а титулярный советник по этике — длинная рука Тайной Канцелярии.

— В общем, для тех, кто не понял, ситуация следующая, — сразу начал поддиректор. — Чтобы досадить японцам, Бритнэт и Имперсеть в течение пары лет объединятся в Глобальную Сеть. Ускорится работа над совместимостью форматов данных, разработка переводчиков, новых средств общения и тому подобного. Но это не главное. Принято решение о серьезных реформах в области связи. Информационные средства дешевеют, районные сети растут, сохранять нынешнюю архитектуру Имперсети как закрытого средства обмена письмами более неуместно. И так уже слишком много лазеек для копирования. Потому Министерство Связи выпустило тайную директиву о частичном допуске к журналам Имперской сети чинам низших классов, в том числе десятого...

— УРА! — прервали речь начальства девять глоток системных секретарей.

— Но только в учебных целях! — пригрозил пальцем поддиректор. — И по часу в день, после рабочего дня, по расписанию, будем открывать Имперсеть на ваши рабочие машины.

— А как же мы? — хмуро спросил Аркадий из нижнетагильского офиса. — У нас же канал узкий, мы...

— Это все технические моменты, — отмахнулся Егор. — Главное, теперь — свобода.

— И свобода, и ответственность, — хмуро сказал один из «старшаков», Олег Григорьевич. — Сперва изучи «Правила пользова-

ния Его Императорского Величества Глобальной Вычислительной Сетью», шестьдесят страниц для служебного пользования. Кстати, надо бы распечатать еще несколько экземпляров...

— Когда, с этого вечера? — нетерпеливо спросил Расуль.

— Эй, притормози! — прикрикнул Олег Григорьевич. — Сам же понимаешь — не все сразу. Нам еще нужно учетные записи настроить, политики безопасности поменять. Договориться с советником по этике, все проверить и так далее, а дел невпроворот.

— Со среды? — предложил Евгений Петрович.

— Со среды, — согласились остальные.

* * *

Нельзя сказать, что Егор ни разу не видел Имперсети. Впервые, было несколько занятий в Высшем Училище, перед которыми они давали подписку о неразглашении. Во-вторых, пару раз он заходил в кабинеты к «старшим» и начальству, и у них Имперсеть была. Ну и, в-третьих, за последние пару лет очень многие материалы Глобальной Сети разбежались по районным сетям, кое-где умельцы даже устанавливали собственные сервера с «зеркалами» популярных И-журналов и страниц.

Разумеется, инструкция была прочитана Егором по диагонали. Он никогда не выносил нудного языка официальных документов, тем более когда дело касалось чего-то технического. То ли дело копии с форумов, растиражированные по локальным сетям, — обычный разговорный язык, все ясно и понятно.

В среду никто с работы уходить не собирался. Со звонком, означающим окончание рабочего дня, Егор побежал по коридору в кабинет к Олегу Григорьевичу и обнаружил там еще четырех «рядовых» системщиков — Риту, Алексея, Расуля и Павла, а также двух техников. Техники сразу получили от ворот поворот, а остальным Егор раздал на маленьких бумажках имена и пароли от обозревателя.

Егор вернулся в комнату, нажал сенсором по строке обозревателя в списке программ и ввел имя с паролем. Бумажку бросил в уничтожитель.

Что делать дальше, он, по сути, мог только догадываться. Слышал, что существуют специальные поисковики, позволяющие искать информацию в журналах, но ни разу ими не пользовался. После пяти минут неудачных попыток ему пришлось отлучиться от рихтера и забежать в соседнюю комнату к Рите.

На экране девушки был фильм — ролик последнего запуска лунного челнока-электроракеты с Каспийского космодрома.

— Это же показывали по телевидению. Давай поищем что-то интереснее. Как ты нашла?

— Набрала в адресной строке «поиск.01» и в нем сделала запрос про космодром. Ты что, не читал правила?

— А, точно! — Егор почесал затылок. — А есть что-то более редкое?

— Я зашла в Императорскую энциклопедию и прочитала про сумчатых, — с серьезным видом заявила Рита. — Оказывается, куксус — это не только блюдо, а еще и животное из Новой Гвинеи.

Егор подкатил второй стул, сел рядом и остановил фильм.

— Нет, это ерунда. Давай... что-нибудь про мобильники. Показывали, что скоро по ним можно будет смотреть ТВ и отправлять внутригородские сообщения. Или про вооружение. Про световолновое оружие. Или летающие крепости.

Рита поморщилась. Как и большинство барышень, оружие ее мало интересовало.

— Друзья, я такое нашел! — сказал вбежавший в комнату Расуль. — Оказывается, Бритнэт уже давно подключен! Объединение — фикция, просто взаимодействие и взаимопроникновение сетей уже невозможно стало скрывать.

— Ерунда какая-то. Договор же только подписан?

Расуль оттолкнул Егора от консоли и стал что-то быстро набирать на клавиатуре. Через пару минут на экране открылась страница форума с красным текстом:

«Дорогие товарищи! Доколе власти будут врать и скрывать от нас истины? Бритнэт и Имперсеть проектировались одними и теми же программистами в 1980-х годах, протоколы связи изначально были совместимы друг с другом и создавались как основа для электронной торговли и документооборота. Биржи, кар-

тели, консорциумы и Тайная Канцелярия не могли бы работать без единой сети, а электронная почта, журналы и прочее — всего лишь фикция для отвода глаз, дополнительные возможности. Но не будем же углубляться в детали, главное для нас — что все ресурсы британской сети всегда были и будут доступны для всех россиян, и, для того, чтобы попасть на их журналы, требуется лишь установить на ваш рабочий стол инструкции и набрать на английском...»

— А это разрешено? — спросил Егор.

— А кто его знает? — пожал плечами Расуль. — Сейчас все будет меняться. К тому же, раз это есть на форумах, и никто не стер, то кому-то это надо?

— Я слышала, есть запрещенные форумы. Их стирают, а авторы все равно подключаются к Сети — из Дальнего Востока или Маньчжурии.

— Коллеги, давайте разойдемся по кабинетам, чтоб не вызывать подозрения, — предложила Рита. — Конечно, мужская компания мне приятна, но...

Егор кивнул, перечитал еще раз инструкцию с форума и отправился к своему рихнеру.

Он плохо знал английский — большинство программ в Картеле писалось или на русском, или на немецком. Но соблазн попробовать был велик. Наконец, Егору удалось установить инструкции и выйти на английский поисковик.

«Enter the query string», — было написано под черной строкой.

Он попытался набрать несколько запросов на немецком: «*Verwaffnung*», «*Mobile Einheit*», но поисковик выдавал какие-то странные журналы с текстами на английском, где немецкие слова употреблялись лишь пару раз. Неожиданно в голову пришла оригинальная идея. Егор сорвался с места, подбежал к общей библиотеке и вытащил толстенный русско-английский словарь. Пробежал по страницам, после чего нервными движениями набрал в поисковой строке:

photo of naked negresses

У Егора получилось с первого раза. Картинки замелькали по экрану. Сердце забило быстрее. Секунды стали растягиваться в часы.

«Сколь бы колоссальными ни были задачи по строительству глобального разума, — думал Егор, — разум мужской все сведет к одному. К обмену изображениями обнаженного женского тела».

— Егор! — послышался вдруг голос Риты из соседнего кабинета. — Титулярный советник!

— Так, кто у нас тут порнографией увлекается?!

Егор испуганно выключил обозреватель. Титулярный советник ввалился в кабинет вместе с охранником внутренней службы Картеля.

— Ты что, не читал правила? — Горбатый старик сверлил Егора рыбьими глазами. — Думаешь, не вижу? Мне же потом отчеты посещенных страниц в Канцелярию сдавать!

За спиной старика показался «Капитан Джон». Поддиректор молча стоял, скрестив руки на груди. Егор посмотрел на начальника умоляющим взглядом:

— Евгений Петрович... Я отработаю!..

— Отработаешь... Думаешь, мы про Бритнэт не знаем? Все знают! Но смотреть неглиже на работе, да еще и в пост!.. Ничего не могу сделать.

— Надеть наручники! — скомандовал титулярный советник. — И на барышню тоже.

* * *

— Папа, папа! — Сынишка вбегает в избу, размахивая чем-то небольшим и светящимся. — Смотри, что нам в школе выдали! На хелипоптере привезли!

— Не хелипоптере, а вертолете, — привычно поправляет сына хорунжий, осторожно ставит ружье в угол и поворачивается: — Что там у тебя?

— Мобильник! Умный! С и-нетом! — говорит сынок, протягивая светящийся аппарат.

Скупая слеза бежит по бородатой щеке хорунжия. Он вертит в руках мобильник с символикой Республики Берингии и надписями на русском, английском и японском. Грубые пальцы

неумело царапают сенсорный экран. Во времена его юности, в начале двухтысячных, о таких можно было только мечтать.

— Папа, а за что вас с мамой на Аляску из России выслали?

— Эх, сынок... — Егор давно боялся этого вопроса. Он кладет мобильник на пол, усаживает сына на колени, лохматит ладонью его пыльные волосы. — Маленький ты еще, вот подрастешь...

— Ну, папа! — обижается сынишка. — У Васи вон — за воровство, у Лизы — за измену.

— Как бы тебе объяснить... Это все негритянки виноваты.

МИРОТВОРЕЦ 45-ГО КАЛИБРА

Случилось так, что пути Ревущего Быка и Дакоты Смита пересеклись. Ревущий Бык слыл великим воином племени миннеконжу, мудрым, могучим и отважным. Дакота слыл пропойцей-янки, непутевым нищим оборванцем из тех, что гоняли скот с южных ранчо до погрузочных станций Трансатлантической железной дороги.

Ревущий Бык был сыном вождя и целительницы. Дакота Смит матери своей не помнил, а отца видел один раз в жизни. Случилось это через день после того, как тот вышел из тюрьмы, и за два дня до салунной ссоры, в которой его ухлопали.

Ревущий Бык владел островерхим типпи, четверкой скаковых лошадей, ножом, боевым луком, копьем и томагавком. Дакота Смит не владел ничем, потому что двадцать семь из тридцати долларов, полагающихся за перегон скота, проиграл в покер, а три оставшихся пропил. Впрочем, Дакота еще владел мной, «миротворцем» сорок пятого калибра, но, поскольку «кольт» — такая же неотъемлемая часть ковбоя, как рука, нога или пустая голова, меня можно было в расчет не брать.

Ревущий Бык был плечист, силен, длинные и прямые цвета воронова крыла волосы доставали до лопаток. Дакота Смит был плюгав, кривоног, тонок в кости, белобрыс и голубоглаз.

Случилось так, что Ревущий Бык нарвался на выпущенную из армейского «ремингтона» пулю в стычке на излучине реки Смоуки-Хилл. Воины миннеконжу отступили, а Ревущий Бык грянулся с коня оземь и, извиваясь подобно змее, уполз в заросли чаппарахас умирать.

Там, в зарослях, Ревущий Бык непременно испустил бы дух, не случись так, что следующим утром на него наткнулся Дакота Смит.

— Отдыхаешь, приятель? — поинтересовался Дакота при виде умирающего и икнул, потому что был здорово пьян.

Гнедая кобыла, которую Дакота Смит взял в аренду у ранчеро Генри Уайта и поэтому не стал ни проигрывать в покер, ни пропивать, пренебрежительно фыркнула и мотнула крупом. Дакоту это движение вышибло из седла, секунду спустя он приложился задом о землю и высказал кобыле крайне нелестное о ней мнение.

— Скажи, приятель?! — обратился Дакота за подтверждением к Ревущему Быку.

Ревущий Бык не ответил, потому что, во-первых, умирал, а во-вторых, не разумел ни слова по-английски. Тогда Дакота Смит вновь икнул, на четвереньках добрался до индейца, осмотрел рану в груди, сокрушенно поцокал языком и стал очень серьезным.

— Не торопись, приятель, — попросил он. — Полчасика еще обожди.

Ревущий Бык потерял сознание, а Дакота поднялся и, спотыкаясь, двинулся к реке. Как был, в обносках, сиганул с берега лицом вниз и стал барахтаться в ледяной воде, проклиная течение и острые донные камни. Через полчаса Дакота Смит протрезвел. Тогда он выбрался на берег и потрусил к лошади. Из притороченной к седлу торбы извлек нож, чистую нательную рубашу и наполовину полную, облепленную соломой бутыль.

— Глотни, приятель, — наклонился Дакота к пришедшему в себя умирающему.

Тот вновь не ответил.

— Больно будет, — объяснил Дакота. — Глотни.

Ревущий Бык, хотя и не разумел по-английски, понял. Чудом удерживая сознание, он едва заметно помотал головой.

— Что ж, тогда терпи. — Дакота Смит перекрестился и плеснул из бутылки на рану.

Следующие полчаса ушли на извлечение пули. Выковырив ее наконец, Дакота вновь промыл рану, с сожалением посмотрел на плещущиеся на дне бутылки остатки и принялся перевязывать.

— Теперь глотни, — велел он, справившись и утерев со лба пот.

Ревущий Бык, не издавший во время операции ни стоана, на этот раз утвердительно смежил веки. Дакота Смит приподнял ему голову и поднес горлышко бутылки к губам.

* * *

Следующие две недели трезвый до безобразия Дакота Смит выхаживал Ревущего Быка. Кормил его, поил и менял на нем одежду, пока тот не сумел встать на ноги и, опираясь на плечо Дакоты, сделать пару неверных шагов. Еще через три дня ковбой посадил индейца в седло и привязал для надежности веревкой.

— Пошли, что ли, приятель, — предложил Дакота Смит и, ведя гнедую в поводу, двинулся на юг.

До фермы старого Джека Стивенса добрались на восьмые сутки.

— Только краснокожих нам тут и не хватало, — ворчала Розмари, старуха Джека, пока тот разливал по стаканам из облепленной соломой бутылки, родной сестры той, что пошла на медицинские нужды. — Что с ним прикажешь делать?

— Не знаю, приятельница, — пожал плечами Дакота Смит. — Мы тут у вас позимуем?

— Зимуйте, мне-то что, — поджала губы Розмари. — Ступай, индюшку зарежь! — прикрикнула она на старика. — Отощали оба, кормились небось всякой дрянью. А твой краснокожий, он нас часом тут не укокает?

— Не должен, — задумчиво ответил Дакота Смит. — Он смирный.

Ревущий Бык сидел, привалившись к стене и поджав к себе колени, у порога. Смирным его назвали впервые в жизни.

* * *

Зима прошла в неспешных хлопотах. Дакота Смит на пару со старым Джеком починили прохуdivшийся дымоход, подлатали

птичник, перестелили амбарную крышу и сколотили пристройку к конюшне — старик рассчитывал по весне прикупить лошадей. Ревущий Бык, едва ударили холода, захворал и слег. Метался в беспмятстве на медвежьей шкуре, Розмари, поджав губы, отпаивала его индюшачьим бульоном и бормотала «не жилец». Вопреки ее предсказанию, к концу зимы больной пошел на поправку.

Случилось так, что на изломе марта, едва начал подтаивать снег, Ревущий Бык растолкал поутру храпящего на соломе в пустом конюшенном стойле Дакоту.

— Пора в путь, — сообщил индеец и махнул рукой в сторону севера.

— Счастливо, приятель, — зевнул ковбой.

Тогда Ревущий Бык опустил на корточки и, с трудом выталкивая из себя заученные за последние дни английские слова, произнес речь.

— Уходить, — сказал он. — Дух оставлять.

— Какой еще дух? — не осознал нюанса Дакота.

— Уходить, дух оставаться, — терпеливо объяснил Ревущий Бык. — Дать, — протянул он руку ко мне.

Дакота Смит уселся, протер глаза, выпростал меня из кобуры и, озадаченно повертев в руках, протянул индейцу.

— Дух здесь, — сказал тот и приложил меня к сердцу. — Ревущий Бык нет, но дух очень здесь. Ты понимать?

— Да вроде понял, приятель, — неуверенно ответил Дакота. — Ты оставляешь мне свою душу, что ли?

— Что ли, — подтвердил индеец. — Ты потом понимать.

Он осторожно положил меня на солому и поднялся. Затем размашисто пошел прочь. Мы с Дакотой больше никогда его не видели и, что с ним случилось, не знаем.

* * *

— Может, останешься? — предложил Дакоте старый Джек Стивенс, когда снег окончательно стаял. — Сыновей у нас со старухой поубивали, поживем еще, сколько Спаситель назначил, и померем. А ферма тебе останется.

Дакота Смит задумчиво почесал в затылке.

— Рановато мне еще на землю садиться, приятель, — сказал он. — Погулять мне охота.

— Что ж, — вздохнул старый Джек. — Раз так, погуляй.

Дакота кивнул и в следующее мгновение замер.

«Подумай, — велел я ему. — Путь воина тяжел и опасен».

— Какого еще воина? — пробормотал Дакота. — И кто это вообще сказал?

«Миротворец».

Дакота Смит ошарашенно заморгал.

— Ты это брось, приятель, — не слишком уверенно попросил он. — Тоже мне, шуточки.

Я не стал продолжать. Мудрого человека не надо уговаривать, он сам решит, как ему поступить. Правда, особой уверенности в мудрости Дакоты Смита у меня не было.

* * *

На ранчо Генри Уайта, что на северо-западе территории Нью-Мексико, Дакота прибыл в начале мая.

— Явились, значит. А мы тебя уже тут оплакали, — заметил ранчero, обращаясь почему-то к кобыле.

— Бывает, приятель, — ответил за кобылу Дакота Смит.

Генри Уайт кивнул.

— Бывает, — согласился он. — За тобой должок, парень. Эй, Бен, Дороти, дайте бездельнику пожрать, и пускай отправляется на выпас.

Случилось так, что сутки спустя, на выпасе, когда лимонный диск нежаркого майского солнца поцеловал уже нижним ободом вершины дальних скал на плато Колорадо, Дакота Смит не сошелся во мнениях с Мексиканцем Диего. Был Диго коренаст, буйно кучеряв и стрелял гораздо быстрее, чем думал. Мнения разошлись по поводу цен на лонгхорнов¹ в бу-

¹ Лонгхорн — порода коров, изначально разводившаяся в Англии, а потом в юго-западных штатах США.

дущем году, и столь важный вопрос требовал серьезной аргументации.

— Ты недоумок, — аргументировал Мексиканец Диего. — Вы, янки, все недоумки, поголовно.

— Не обобщай, приятель, — предъявил встречный аргумент Дакота Смит. — В торговле скотом мы кое-что смыслим.

— Именно, — хохотнул Диего. — «Кое-что» размером с овечий хвост, больше не помещается в ваших дырявых башках.

— Ладно, приятель, — согласился Дакота Смит. — Пускай будет по-твоему.

Окружившие спорщиков ковбои разочарованно повздыхали и стали расходиться.

«Ты поступил не по-мужски», — сказал я Дакоте.

— Что? — изумился тот. — Это опять ты?

«Скажи этому парню, что он глуп, как баран», — проигнорировал я вопрос.

Дакота нерешительно потоптался на месте.

— Эй, приятель, — начал он и осекся.

Мексиканец Диего обернулся через плечо.

«Как баран», — напомнил я.

— Ты, приятель, безмозглый баран, — последовал моему совету Дакота Смит.

Мексиканец крутанулся на месте, согнул ноги в коленях, мазнул рукою по кобуре, и мой сородич системы «Веллз Фарго» появился на свет. В тот же миг я вынырнул из своей кобуры, сиганул Дакоте в ладонь и выстрелил, прежде чем тот успел обхватить пальцами рукоятку.

— Вот это да, — ошарашенно пробормотал Малыш Биллибой, тертый, выдавший виды бывший ганфайтер. — Кто бы мог подумать...

Мексиканец Диего так и остался стоять на полусогнутых, ошеломленно разглядывая собственные пальцы. Выбитый из них пулей «Веллз Фарго» зарылся в землю искореженным стволом в десяти футах поодаль.

— Хороший выстрел, амиго, — пришел в себя, наконец, Мексиканец. — Клянусь Мадонной, я, кажется, был неправ насчет цен на быков.

— Бывает, приятель, — согласился Дакота Смит.

Он был обескуражен выстрелом не меньше Диего, но старался не подавать виду.

* * *

Случилось так, что за голову Джона Винстоуна назначили награду в пятьсот долларов, а за головы Стива и Брюса, младших его братьев, по двести пятьдесят. Ознакомившись с прибитым к придорожному столбу плакатом с семейным портретом и цифрами вознаграждения на нем, братья Винстоуны приняли мудрое решение покинуть Канзас и перебраться в Нью-Мексико. Железнодорожных станций, на которых специализировались братья, в Нью-Мексико не было. Их отсутствие, однако, компенсировалось обилием зажиточных ранчеро, у которых водились деньги.

Генри Уайту визит семейства Винстоунов обошелся в шестьсот баксов наличными. Вместе с ними сгинула тройка скаковых лошадей, отправился в лучший мир повар Бен и исчезла семнадцатилетняя Дороти, сирота и дальняя родственница хозяина, взятая в услужение за пансион.

Гонец прискакал на выпас на закате. Через полчаса девять всадников, нахлестывая коней, понеслись на восток в сторону Аризоны. Заночевали в прерии и, едва рассвело, помчались дальше.

Скалистых гор достигли на вторые сутки, к полудню. Следы лошадиных копыт уходили вверх по узкой горной тропе.

— Не успели, — осадил коня Малыш Биллибой. — Там мы их не достанем. На тропе они всех нас положат.

Часом позже всадники повернули на запад и пустились в обратный путь. Еще через четверть часа обнаружилось, что из девяти их осталось восемь. Неведомо куда пропал плюгавый и белобрысый непутевый ковбой Дакота Смит вместе с гневной кобылой. Биллибой скомандовал возвращаться, и до четырех пополудни пропавших разыскивали. Кобылу обнаружили привязанной к мескитовому кусту. Дакоту Смита обнаружить не удалось.

По извилистой, то и дело норовящей оборваться в пропасть тропе Дакота взбирался двое суток.

— Подобаает мужчине, говоришь? — бранил он меня на привалах. — Мужчине подобает заботиться о своей шкуре, приятель. Потому что больше о ней позаботиться некому.

Я мог бы возразить, что о его шкуре большей частью забочусь я, но не стал. Слова хороши вечером, у костра. А в походе следует обходиться без лишних слов, и знать об этом надлежит всякому воину.

На исходе второго дня с юго-востока донеслось конское ржание. Дакота шархнулся с тропы в сторону и принял спиной к скале. Через минуту ржание донеслось вновь.

«Милях в полутора», — определил я.

Когда небо стало черным, Дакота Смит в полной темноте двинулся по тропе дальше.

— Отличные шансы загреметь в пропасть и сломать себе шею, приятель, — ворчал он, перемещаясь со скоростью издыхающей черепахи.

Семейство Винстоунов устроило нам торжественную встречу. Едва солнечные лучи на востоке перекроили темноту в сумерки, Дакота Смит обнаружил себя стоящим на ровной каменной площадке под прицелом трех стволов.

— Добро пожаловать, — приветствовал нас заросший щетиной мрачный молодчик. — Рожа незнакомая, — обернулся он к двум остальным. — Кто такой, неизвестно.

— Я знаю, кто это такой, — помог другой парень, выгодно отличающийся от первого косым шрамом, рассекшим бровь от виска к переносице. — Это труп.

— Само собой, — подтвердил третий, в надвинутой на глаза широкополой шляпе. — Помолишься? — обратился он к Дакоте Смигу. — Мы добрые христиане, а не какие-нибудь безбожники, мы подождем. Да ствол-то брось, ни к чему тебе больше ствол.

— Как скажешь, приятель. — Дакота двумя пальцами коснулся кобуры, и я вырвался на свободу.

Дакота Смит метнулся влево в падении. Я не стал медлить, хотя добрых четверть секунды в запасе у меня было. Я выстре-

лил ближайшему брату в горло, взвел курок, развернулся на тридцать градусов и всадил пулю второму в рассеченную шрамом бровь. Взвел, описал стволом полукруг, третья пуля вбила старшему брату переносицу в череп.

Дакота поднялся на ноги. Тот Винстоун, которому достался первый выстрел, корчился на камнях и еще дышал.

«Сам издохнет, — сказал я. — Не трать пулю».

Дакота не ответил и с минуту молча стоял, покачиваясь с пятки на носок.

«Мучения врага — радость для мужчины», — напомнил я.

Дакота шагнул вперед, зажмурился и выстрелил из меня раненому в сердце.

— Так оно правильное, приятель, — сказал он. — Пойдем, поглядим, что с девчонкой.

С девчонкой оказалось нехорошо. Пока Дакота Смит отвязывал лошадей, пока их навьючивал, та успела пролить полфунта слез, умоляя ее пристрелить.

— Поднадоело, приятельница, — сказал Дакота, справившись с лошадьми. — Какого черта я должен в тебя стрелять?

Девчонка не ответила, лишь размазала слезы и сопли по лицу.

«Прикончи ее, — посоветовал я. — Сам подумай, как ей теперь жить с таким бесчестьем».

Дакота изумленно помотал головой.

— Ты идиот, приятель? — спросил он и, не дождавшись ответа, добавил: — Не вздумай выкинуть номер. Тоже мне, бесчестье. Девчонка прехорошенькая, а в жизни бывает всякое.

«Ну и женись на ней, — насмешливо сказал я. — Родит тебе месяцев через девять ублюдка».

Дакота долго молчал, потом сказал неторопливо:

— Знаешь что, приятель, ты, конечно, человек неплохой. То есть дух неплохой или кто ты там. Можно даже сказать, порядочный. Но в некоторых вопросах ты чистый олух, приятель. В женщин не стреляют, ты понял? И с бухты-барахты на них не женятся. Теперь заткнись.

Я заткнулся и молчал все время, пока Дакота, браня лошадей, гнал их вниз по тропе. Бедная родственница сидела на последней и продолжала безостановочно хныкать и ныть. Любой воин при-

стрелил бы ее, не задумываясь, хотя бы потому, что, если оставить ей жизнь, в старости такая плакса наверняка станет сварливой ведьмой.

* * *

Отделение «Скотоводческого банка» в Додж-сити соседствовало по правую руку с салуном, а по левую — с тюрьмой. Тюрьма, как правило, пустовала — суд в штате Канзас был короткий. Салун, в отличие от тюрьмы, обычно ломился от посетителей.

Случилось так, что Бубновый Джим прибыл в Додж-сити на третий день после того, как Дакота Смит получил в «Скотоводческом банке» первую половину из тысячи, положенной за братьев Винстоунов. Бубновый Джим слыл непревзойденным карточным шулером в шести западных штатах. Поговаривали, что в Калифорнии он обыграл в покер самого губернатора, а в Орегоне одного за другим — шерифов трех округов.

— Не садись с ним, — заплетающимся языком посоветовал Мексиканец Диего.

С ним и Малышом Биллибоем Дакота вот уже третий день пропивал первую половину вознаграждения. С учетом дешевизны местного виски работа предстояла непростая и продолжительная.

— Это Бубновый Джим, — поддержал Мексиканца Биллибой. — Лучше с ним не садиться, о парне ходит дурная слава.

— Это Дакота Смит, — шептал между тем на ухо Бубновому Джиму бармен. — Лучше с ним не садиться, о парне ходит дурная слава.

Нечего и говорить о том, что пять минут спустя оба уселись за окруженный завсегдатаями стол в центре зала, и Бубновый Джим принялся тасовать колоду.

«Не пей больше, — велел я. — И следи за его руками».

Случилось так, что Ржавый Тед Конноли и четверо его подручных спрыгнули с коней у крыльца «Скотоводческого банка» как раз в ту минуту, когда Дакоте Смиту пришел дамский фул.

— Ставлю двадцать, — сказал Дакота Смит, ополовинив вопреки моему наказу стакан с мутной жидкостью.

— Это ограбление, — сказал Тед Конноли, запирая за собой входную дверь банка.

— Двадцать и сорок, — повысил ставку Бубновым Джим и взял в руки колоду, готовясь открыть последнюю карту стола.

— Деньги, быстро! — приказал клерку за стойкой Ржавый Тед Конноли и рукояткой «Смит-Вессона» всадил по затылку оцепеневшему посетителю.

— Ва-банк, — объявил Дакота Смит и прикончил стакан с мутной жидкостью.

— Принимаю, — ответил Джим, открыл бубнового короля и предъявил королевский фул.

«Он передернул, — сказал я. — Говорил же тебе, следи за руками».

— Уходим, — бросил напарникам Тед Конноли и двинулся на выход.

— Ты передернул, приятель, — заявил Дакота Смит.

— Считай, что я ничего не слышал, — ответил Бубновым Джим и сгреб со стола фишки.

«Он прав, — поддержал я. — Ты попался на военную хитрость. Тебе следовало поймать его за руку, а для этого воздержаться от выпивки».

Дакота побагровел и схватился за кобуру.

«Не старайся, — осадил я его. — Я дам осечку. Этот человек невиновен, ты стал воевать с ним по его правилам, а значит, виноват сам».

Дакота Смит в запале вскочил и, шатаясь, двинулся на выход. Мексиканец Диего и Малыш Биллибой подхватили его под руки. Случилось так, что все трое вывалились на крыльцо как раз в тот момент, когда банда Ржавого Теда Конноли высыпала из банка.

— Грабители! — донесся оттуда заполошный визгливый голос.

Парни Ржавого Теда Конноли запрыгнули в седла. Секунду спустя пять всадников, вытянув плетями коней, понеслись по главной улице.

Малыш Биллибой, увлекая за собой Дакоту, шарахнулся обратно в салунную дверь. Изнутри его втянули в проем, и дверь, ободрав Дакоте предплечье, захлопнулась. Мексиканец Диего сделал неверное движение и получил пулю в лицо, прежде чем успел выдернуть из кобуры «Веллз Фарго». В следующее мгновение Дакота Смит коснулся пальцами моей рукояти. Я вырвался на свободу, вздернул Дакоте руку и выпустил пять пуль.

— Клянусь дьяволом, ни разу не видел такой стрельбы, — изумленно говорил хозяин салуна полчасом позже. — У меня тут многие побывали. Бешеный Билл Хикок в подметки не годится этому парню. Да что там, Док Холидэй и Уайетт Эрп могли бы брать у него уроки.

— Я тут слегка смухлевал, — признался Дакоте Смит на следующее утро Бубновый Джим. — Принес тебе три с половиной сотни, возьми.

«Я, кажется, был неправ, — повинился я. — Следовало бы его пристрелить. Ни один воин не отдаст назад то, что добыл хитростью».

— Сколько раз тебе говорить, — упрекнул меня Дакота, едва Бубновый Джим убрался. — Я не воин. И несмотря ни на что, не буду воином.

«Ты ошибаешься, — возразил я. — Пройдет еще немного времени — и я сделаю из тебя воина».

Дакота Смит побарабанил пальцами по столешнице.

— Знаешь что, приятель, — сказал он. — Ты не думай, что я тобой не дорожу и все такое. Я бы скорее дал себя запихнуть в камеру, чем расстался с тобой. Но скажу тебе вот что: есть кое-что еще на свете, кроме мужества, практичности и чести.

Я смолчал. Думать в абстрактных категориях я не умел. Бывают поступки, которые достойны мужчины, и бывают, которые нет. Совершать следует только первые, вот и вся правда. Но Дакота был еще недостаточно мудр, чтобы это понять.

* * *

Случилось так, что в Арлингтоне ухлопали очередного шерифа.

— Лучшей кандидатуры, чем вы, сэр, нам не найти, — уговаривал Дакоту Смита арлингтонский скотопромышленник. — Техасско-Тихоокеанская железная дорога пройдет через город, а где перевозки грузов, там деньги. А где деньги, туда непременно тянет налетчиков и бандитов. Город растет на глазах, сэр. Нужен человек с репутацией, чтобы оградить население от разбойников. Шериф Макинрой был хорошим человеком, но позволил пьяному ковбою уколошить себя в салуне. И шериф Барнс до него тоже был неплох, но, к сожалению, проворовался, и мы вынуждены были его вздернуть.

— Бывает, приятель, — сказал Дакота Смит. — Любого из нас могут где-нибудь уколошить или вздернуть.

— Да, но с вами до сих пор этого не случилось, сэр, — возразил скотопромышленник. — Сто пятьдесят долларов в месяц... подумайте, это хорошие деньги. Плюс полный пансион и ежегодные наградные за счет города.

— Ладно, поразмыслию, — зевнул Дакота Смит. — По правде сказать, не уверен я, что справлюсь с такой должностью. Дам вам знать завтра, приятель.

«Соглашайся, — решил я, когда за скотопромышленником захлопнулась дверь. — Воин никогда не отказывается, если его избирают вождем».

— Опять ты заладил свое, — упрекнул меня Дакота Смит. — Не привык я сидеть на месте, вот в чем дело, приятель. Да и гоняться за всяким сбродом — не по мне это.

«Как знаешь, — сказал я. — Обо мне, конечно, ты, как всегда, не подумал».

— В каком смысле? — удивился Дакота.

«Да в самом прямом. Мое предназначение — стрелять. А где, как не на шерифской должности, можно пострелять вволю».

— Прости, приятель, — почесал в затылке Дакота Смит. — Я действительно не взял это в расчет. Ладно, уговорил, будь по-твоему.

Я схитрил. Стрелять давно стало для меня не самым главным.

Арлингтонским шерифом Дакота Смит пробыл неполных два года. За это время мы с ним пристрелили девятих годов

ловорезов и еще три дюжины, рангом пониже, упрятали в тюрьму.

Бандиты, разбойники, конокрады, мошенники стали обходить Арлингтон стороной. Слава о нраве и привычках шерифа распространилась по всему Западу, и количество висельников всех мастей в округе заметно пошло на убыль. Так продолжалось до тех пор, пока в городе не появилась Матушка Пэм.

Статью Матушка не уступала лонгхорну, а нравом даже превосходила.

Случилось так, что на следующий же день после прибытия Матушка Пэм нанесла визит шерифу.

— Я много слышала о вас, мистер, — сказала она вместо приветствия. — И подумала: несправедливо, что человек таких достоинств перебивается на жалкие сто пятьдесят баксов в месяц.

— На выпивку мне хватает, приятельница, — ответил Дакота Смит. — И чтобы перекинуться от случая к случаю в картишки. А больше мне ничего и не надо.

— Деньги никогда не бывают лишними, мистер, — поделилась мудростью Матушка Пэм. — И слишком много их никогда не бывает. Я решила открыть у вас в городе доходное предприятие. Пошивочную, можно сказать, мастерскую.

— Хорошее дело, приятельница, — одобрил Дакота Смит. — И, наверное, прибыльное.

— Очень прибыльное, — согласилась Матушка. — Настолько, что прибылью я хочу поделиться с надежным человеком. Который, если что, защитит моих белошвеек. И, разумеется, сам будет в заведении желанным гостем в любое время. Свободная мастерица для такого человека всегда найдется.

С минуту Дакота Смит сидел, молча уставившись на посетительницу. Потом сказал:

— Поезд останавливается на станции дважды в день, приятельница. Ближайший как раз через три часа. Скатертью дорога.

— Что ж так? — поинтересовалась, не изменившись в лице, Матушка Пэм.

— Да так. Борделя в Арлингтоне, пока я здесь шерифом, не будет.

Матушка Пэм умильно улыбнулась и развела руками.

— Вы грубиян, мистер, — сообщила она. — Мне даже слово, которое вы изволили сказануть, выговорить зазорно. На поезд, если есть такая охота, садитесь сами. А я пойду. Предложение остается в силе: вы, мистер, можете передумать в любой момент. До тех пор, конечно, пока вы здесь шерифом.

«Ты нажил врага, — сказал я, когда Матушка вымелась прочь. — Сильного и искусного. Нажил там, где мог бы приобрести друга. Это неразумный поступок и недостойный мужчины».

— Да?! — взвился Дакота Смит. — Разумный поступок, по-твоему, позволить этой карге торговать здесь женщинами?

«Именно, — подтвердил я. — Мужчины хотят женщин, так устроена жизнь. Если женщин не хватает, появляются общие женщины».

— Вот что, приятель, — бросил Дакота Смит. — Ты такое слово — «закон» — слышал?

«Слышал, — не стал отрицать я. — Законом называется набор правил для глупцов. С каких пор в стране Великих Равнин соблюдают законы? И с каких пор их соблюдаешь ты?»

— Да ровно с тех пор, как стал здесь шерифом. С твоего, между прочим, одобрения, приятель, если не сказать, что с твоей подачи.

Признаюсь, я растерялся. Дакота Смит переспорил меня, впервые за то время, что мы с ним были вместе.

«Хорошо, — сказал я. — Будь по-твоему. Значит, надо ее пристрелить».

Дакота со злостью саданул кулаком по столу.

— Сколько раз повторять тебе, приятель? В женщин не стреляют.

Я смолчал. Я не мог запретить ему быть глупцом.

* * *

Неделю спустя в город прибыли «белошвейки», и жизнь в доходном предприятии Матушки Пэм закипела. От желающих заштопать рубаху или портки отбою не было. Пошивочные работы начинались с рассветом и заканчивались далеко за полночь.

На третий день Дакота Смит решил устроить облаву.

— Парни не пойдут, сэр, — сказал, пряча глаза, помощник шерифа. — В городе на десять мужчин одна женщина. Я бы на вашем месте...

— Что бы ты на моем месте, приятель? — надвинув на глаза шляпу, процедил Дакота Смит.

— Ничего. Дело ваше, но на облаву парни не пойдут, сэр. Никто, и я тоже.

На следующее утро Дакота Смит властью шерифа арестовал Матушку Пэм, самолично доставил ее в тюрьму и закрыл в камере. Днем позже судья Вильямс при стечении всего города Матушку оправдал.

«Давай я ее пристрелю, — в который раз предложил я. — Спишем на несчастный случай или на что угодно».

Дакота стиснул челюсти и не ответил. Сутки спустя он опять арестовал Матушку, предъявив ей обвинение в неуплате налогов. Еще через сутки судья Вильямс арестованную освободил вновь.

Две недели пролетели без происшествий. А в воскресенье вечером в заведение ворвалась компания подвыпивших нездешних ковбоев. Клиентов Матушки ковбои вышвырнули в окна, «бе-лошвеек» выставили из дома прочь и принялись крушить обстановку. Пострадавшие побежали за шерифом, однако случилось так, что Дакота Смит сидел в это время в салуне и был мертвецки пьян. Ковбои неспешно закончили начатое, вскочили в седла и убрались откуда пришли. Малыш Биллибой, проносясь мимо салуна, на прощание махнул рукой.

— Вам это дорого обойдется, мистер, — сказала на следующий день Матушка Пэм.

Тем же вечером заведение переехало в новый дом, откупив его у местного бакалейщика. Дакота ходил мрачнее тучи. Он уже настроил против себя горожан, мужчины при встрече перестали здороваться и отводили взгляды. В ответ на мои уговоры пойти на мировую Дакота отмалчивался. Он словно не чувствовал, что над его головой занесли уже боевой томагавк, и все дело теперь лишь в том, когда и как нанесут удар.

Удар нанесли на Пасху. В этот день Матушке доставили партию свежих курочек.

Случилось так, что запряженный волами фургон остановился как раз напротив салуна, где Дакота Смит в одиночку расправлялся с послеобеденной выпивкой. Он пригубил из очередной пивной кружки, взглянул в окно и поперхнулся. Секунду спустя Дакота выскочил из салуна наружу. Выбравшиеся из фургона красотки гуськом трусили по улице к заведению Матушки Пэм, подобрав юбки, чтобы не угодить полой в лужу. Второй по счету семеня та самая Дороти, бедная родственница ранчеро Генри Уайта, которую Дакота три года назад отбил у братьев Винстоунов. За руку Дороти тащила за собой растрепанную и сопливую двухгодовалую девчонку в обносках не по росту.

Дакота Смит, разбрызгивая сапогами грязь, пересек улицу. Отшвырнул сунувшегося к нему возницу и преградил девицам путь.

— Как же так, приятельница? — с горечью спросил он.

Дороти не ответила. Переступила с ноги на ногу и, обогнув шерифа, поволокла девчонку дальше.

Дакота Смит с минуту смотрел ей вслед. Затем рванулся, промчался по улице, взлетел на крыльцо борделя и ногой вышиб входную дверь.

— Что с вами, мистер? — поднялась навстречу Матушка Пэм. — Никак хватили лишнего?

— Я забираю девушку, — вместо ответа выпалил Дакота Смит. — Вместе с ребенком, прямо сейчас.

Матушка Пэм ослабилась:

— Это вам кажется, мистер. Никого вы не забираете. А ну взгляните. — Она протянула Дакоте лист плотной бумаги. — Это контракт, подписанный законниками и заверенный по всей форме. На три тысячи баксов, уплаченные ее родне. Так что девочке придется потрудиться, пока не выплатит эту сумму. Впрочем, вы можете выкупить ее у меня. Даже без процентов, отдам за те же три тысячи, из уважения.

Дакота Смит, потеряв дар речи, застыл на пороге.

«Вынь меня из кобуры, — спокойно сказал я. — Старуха оскорбила тебя, предложив заплатить три тысячи баксов за шлюху. Старую змею надо пристрелить здесь и сейчас, таких вещей не прощают».

Дакота не пошевелился, он, казалось, окаменел.

— Есть другой способ, мистер, — вкрадчиво сказала Матушка Пэм. — Женитесь на ней. Ради вашего счастья я соглашусь взять деньги в рассрочку.

Дакота гулко сглотнул и попятился. Споткнулся о порог, чудом удержался на ногах, развернулся и стремительно зашагал прочь.

«Немедленно вернись! — взревел я. — Ты, слюняй, тряпка! Я вышибу этой стерве мозги, и суд тебя оправдает. Или ты и вправду хочешь жениться на шлюхе и стать посмешищем?»

Дакота не ответил. Тем же вечером местный священник обвенчал его с девицей Дороти Уайт. Церемония заняла пять минут. Едва она закончилась, Дакота Смит снял с себя полномочия шерифа округа Арлингтон.

Это был позор. Если бы я мог застрелиться, я сделал бы это не задумываясь. Но я не способен был застрелить себя. И не в силах — его.

— Мы уезжаем отсюда, — сказал Дакота Смит молодой жене. — В сотне миль к северо-западу живет старый фермер Джек Стивенс. Мы отправляемся туда, все вчетвером и прямо сейчас.

— Вчетвером? — размазывая слезы по щекам, переспросила Дороти.

— Да, прости. Я привык брать в расчет свой «кольт», мы с ним приятели.

«Бывшие, — сказал я твердо. — Бывшие приятели. Ты не воин и никогда им не станешь. Я расстаюсь с тобой. Брось меня на пороге».

— Что ж, — опустил голову Дакота Смит. — Спасибо тебе за все. На каком пороге?

«На пороге борделя, — презрительно бросил я. — Там мне самое место».

* * *

Дакота Смит забрался в седло и усадил перед собой двухгодовалую соплюху.

Я, лежа на заплеванном бордельном крыльце, горестно смотрел на него черным зрачком ствола.

— Ты не пожалеешь, — сказала Дакоте Дороти.

— Матушка, а ну погляди, что у нас тут, — выбралась на крыльцо полупьяная «белошвейка».

Дакота Смит оглянулся.

— Прощай, — сказал он мне.

— Ого, — буркнула Матушка Пэм. — Револьвер, будь я неладна. Видать, какой-то болван порядочно нагрузился.

Дакота придержал под уздцы пегую кобылу. Перегнувшись в седле, помог жене на нее забраться.

Матушка наклонилась и сомкнула пальцы на моей рукояти.

Конь Дакоты Смита тронулся с места. Пегая кобыла потрусила за ним вслед.

— Скатертью дорога, мистер! — расхохоталась вдогонку Матушка Пэм.

Я дождался, когда всадники скроются за уличным поворотом, развернулся у Матушки в ладони и вышиб ей мозги.

Мгновение спустя я выпал из ее разжавшихся пальцев, приложился барабаном о крыльцо и покатился вниз по ступеням. Бессильно ткнулся стволом в землю, и дух Ревущего Быка покинул меня.

ПРОБЛЕМА ПЛАНЕТАРНОГО МАСШТАБА

Окружающий пейзаж был по-своему красив — особой, необычной, неземной красотой. Небо над горизонтом окрасилось в ярко-малиновый цвет, горы, окружающие базу, стали темно-бордовыми, а дорога, по которой ехал Арнольд, — мягкого розового оттенка. Даже тени, которые отбрасывали пики и вышки с метеорологическими приборами, имели темно-розовый цвет, и только густой черный дым, поднимающийся над одной из вершин, резко контрастировал с общей гаммой.

Арнольда, впрочем, местные красоты не волновали. Он спешил на базу после бесконечно долгого рабочего дня, предвкушая вкусный ужин и отдых. По неровной дороге, на которой то тут, то там встречались глубокие ямы и плохо заметные в тусклом розовом свете холмы, ехать слишком быстро было нельзя, но молодой человек уже много лет водил вездеходы по разным планетам, а потому мог позволить себе небольшой риск и немного превысить скорость. «Главное — не забыть сбавить обороты, когда к базе подъезжать буду, не то шеф заметит и нотации будет весь вечер читать! — напоминал себе водитель. — А чем слушать его нравоучения, лучше потратить смену на строительство космопорта!..»

Резкий толчок прервал поток мыслей. Вездеход тряхнуло и повело влево. Арнольд машинально повернул руль, выравнивая машину, и почти сразу понял, что дело было не в яме или кочке, которую он случайно не заметил. Трясся не только его вездеход — тряслась вся дорога. И следующий толчок окончательно убедил его в этом.

— Проклятая планета! — Еще крепче сжав руки на руле, Арнольд сбавил скорость. Ну что стоило землетрясению случиться на полчаса позже, когда он был бы уже на базе!

Но планете, судя по всему, было глубоко наплевать на его желания. Розоватая земля под колесами вездехода заходила ходуном, словно пытаясь сбросить с себя транспорт. Арнольд с трудом выруливал среди дрожащих и раскачивающихся валунов и с ужасом думал о том, что более сильный подземный толчок может перевернуть машину. А если с ближайшей горы покатятся камни... Водитель громко и изысканно выругался.

— Арнольд, ты где? — внезапно ожила рация вездехода. — Тут толчки сильные!

— Спасибо, я заметил! — рявкнул в ответ молодой человек.

— Где ты?! — потребовала ответа рация.

— Уже близко! Метров пятьсо... — Прямо перед болтающимся из стороны в сторону вездеходом по розовой земле пробежала быстро расширяющаяся трещина, и Арнольд, забыв о разговоре, до упора вывернул руль вправо. Транспорт запрыгал по кочкам вдоль трещины, мотор взвыл, заглушая писк рации и ругань водителя. Трещина неслась вперед, извиваясь между камнями и ямами; вездеход на пределе оборотов мчался следом, стараясь перегнать ее. Арнольд выжимал из машины всю мощностъ, на какую она была способна, все дальше уносясь от ведущей на базу дороги, все ближе подъезжая к горам. С их склонов при каждом толчке скатывались огромные камни. А трещина, за которой он гнался, становилась тоньше, и, в конце концов, посчитав, что она уже достаточно узка для огромных колес вездехода, Арнольд резко повернул руль влево...

Машину снова тряхнуло, и на какое-то мгновение водителю показалось, что колесо застряло в разломе, и вездеход провалится в него, как только тот станет достаточно широким. Но нет — транспорт уже катился дальше, продолжая подпрыгивать на ухабах, а стремительно расширяющаяся трещина осталась далеко позади.

— Вот так тебе! — заорал Арнольд, выезжая на довольно ровное место и направляя машину к базе. Испуг и сильнейшее напряжение сменились радостным азартом — чувством, давно ему знакомым: он не раз попадал в опасные ситуации на дру-

гих планетах, но это ощущение адреналина в крови и радости от того, что ему снова удалось выкрутиться, оставалось таким же острым, как в первый раз.

Огромный валун катился на него слева, но Арнольд, вцепившись в руль, успел проехать перед камнем — тот лишь слегка царапнул заднее стекло вездехода. Потом машина перемахнула через еще одну, на этот раз совсем небольшую трещину и на полной скорости подлетела к въезду в ангар базы. Широкие створки были кем-то предусмотрительно распахнуты и захлопнулись, как только вездеход оказался внутри.

Арнольд заглушил двигатель, открыл дверцу машины и обессиленно сполз на пол ангара. Его так сильно била дрожь, что он не был уверен, продолжается ли землетрясение или это трясется он сам. Но к тому времени, как в ангар вбежали его коллеги, молодой человек уже немного пришел в себя и встретил их улыбкой облегчения:

— Парни, она меня едва не угробила! Думал, еще чуть-чуть — и все... Как у нас тут, жертв нет?

— Нет, все успели раньше вернуться, ты один под землетрясение попал. — Облегченно вздохнув, руководитель экспедиции Эжен обнял его.

— А как база, ничего нигде не рухнуло, трещины не появились? — продолжил обеспокоенные расспросы Арнольд.

— Вроде нет, хотя ребята сейчас еще проверяют, — отозвался врач Михаил. — Ты как, не пострадал?

Арнольд прислушался к себе. Грудь немного побаливала, должно быть, от ударов о руль, но боль была несильной, и он решил не беспокоить медиков по пустякам.

— Нормально все, что мне сделается? — ответил он самым небрежным тоном и, засунув дрожащие руки в карманы комбинезона, зашагал за своими друзьями к ведущей в жилые помещения базы двери.

Через полчаса Арнольд сидел в столовой и красочно пересказывал остальным космонавтам свое очередное приключение:

— ...и тут вижу — на меня летит валун с эту комнату величиной! А скорость и так уже на пределе, еще больше не разогнаться! Зажмурил глаза — и прямо под носом у этой каменюки проскочил!

— И откуда, интересно, у валуна нос?.. — ни к кому не обращаясь, пробормотал Михаил.

Арнольд, услышав его тихие слова, фыркнул:

— На этой планетке и носы у камней есть, и что угодно! Тут все не как у людей! В смысле — не как на нормальных планетах. Это ведь уже двадцать четвертое землетрясение за месяц, так?

— Двадцать шестое, — поправил его один из сидящих напротив инженеров.

— Ага, двадцать шестое. А ураганов сколько было! А грозы здесь какие!

— Да уж, — вздохнул Эжен. — Как бы не вышло так, что придется бросить здесь все недостроенным и лететь на вторую планету...

В столовой тут же поднялся недовольный гомон. Первая планета тусклого белого карлика, получившего при открытии пафосное имя Один, находилась ближе к своему нежаркому солнцу и по всем параметрам казалась более подходящей для колонизации. Вторая была расположена дальше и получала гораздо меньше тепла и света, а в остальном очень походила на первую: на ней тоже всюду формировались материки и бушевали ураганы, землетрясения и цунами. Третья находилась еще дальше и была полностью закована в лед. Начинать все сначала на одной из холодных планет, когда на теплой первой уже почти готова взлетная площадка космопорта и начато строительство жилого комплекса?! Только не это!

— Вот же уродская планета, чтоб ее! — выразил общее мнение главный инженер и стукнул кулаком по столу.

Пол столовой слегка содрогнулся, и обедающие испуганно притихли: землетрясение не спешило заканчиваться. Толчок повторился — и на этот раз он оказался сильнее: посуда подпрыгнула на столах, вилки и ножи со звоном полетели на пол, несколько стаканов перевернулись, и кто-то, облитый компотом, вскочил и начал отряхивать одежду, попутно ругая «чертову планету». Помещение заполнил гул, состоящий из множества голосов: люди переговаривались, обсуждая происходящее, выдвигая предположения.

— Что это, новое землетрясение?

— Да нет, наверное, дурацкая планетка опять нас пугает.

- Ничего — мы пуганые!
- А если и впрямь толчки сейчас усилятся?!
- Черт же меня дернул отправиться в эту тмутаракань!
- Слушайте, а может, это — извержение вулкана?
- Какого еще? Наш вулкан едва дымится!
- Но он мог проснуться... Сегодня дым сильнее был, я точно видел!

— Вы как хотите, а я продолжаю жрать — и никакое бедствие не заставит меня прерваться.

— База надежная, и, даже если это вулкан, ей ничего...

В этот момент пронзительный и оглушительно громкий сигнал тревоги ворвался в столовую из-под потолка, где висели динамики. Люди вздрогнули от неожиданности, заозирались, стали переглядываться с соседями по столам. Тот колонист, который предположил, что во всем виноват вулкан, бросился к окну, следом за ним побежали другие. И еще до того, как усиленный громкой связью голос объявил: «Тревога! Извержение вулкана! Срочная эвакуация!» — со стороны окна раздался возглас:

— Вот это картина! Вы только посмотрите!..

А посмотреть действительно было на что: черно-серые клубы дыма гигантскими грибами вырастали над жерлом вулкана, ослепительно-алая лава, толчками выплескиваясь из кратера, текла вниз, постройки и ограда базы дрожали, словно в эпилептическом припадке, и на все вокруг оседали килограммы сажи. Мир из красно-малинового мгновенно сделался розовато-серым, грязным. Такую картину рисовал для колонистов вулкан, «бездействующий уже долгое время», — только сейчас он, похоже, намеревался сровнять базу с землей, и человеческие жизни были для него не более ценны, чем мертвые камни и песок планеты, которые он яростно заливал своей кипящей лавой.

Космонавты быстро, но организованно потянулись к выходу — все уже привыкли к чрезвычайным ситуациям на этой непредсказуемой планете и научились вести себя спокойно в форс-мажорных обстоятельствах.

— Ну и условия здесь! — говорили они на ходу. — Просто дьявольские! Надо было все-таки начинать со второй планеты.

— И барахтались бы там сейчас в снегу!

— А по мне, так не стоило вообще лететь в эту систему! Сколько времени потратили, и все ради того, чтобы понять — обе планеты для заселения непригодны. — Последняя фраза принадлежала Михаилу, и обращался он к Арнольду.

Тот в ответ лишь пожал плечами.

Когда затряслись стены с потолком и вздыбился пол, Арнольд находился уже у самого выхода. Удивляясь собственному хладнокровию, он пропустил вперед толстяка-вулканолога, расталкивавшего остальных исследователей и, видимо, полагавшего, что ему одному надо как можно быстрее покинуть здание. Однако, каким бы спокойным ни выглядел Арнольд, полностью справиться с чувством опасности ему не удалось: разгоряченная кровь пульсировала во всем теле, а странная смесь радости и страха гнала его по коридорам базы и дальше — на улицу, по бетонной дорожке к дверям готовящейся взлететь спасательной шлюпки. Сколько раз ему уже приходилось рисковать жизнью! Хотя стоило признать, что еще никогда он не был так близок к гибели. Арнольд понял это только сейчас, когда смотрел на закрывающуюся дверь люка и постепенно уменьшающийся ландшафт за бортом.

Шлюпка взлетала.

Внизу оставалась база, на возведение которой были потрачены немалые средства и которая в этот миг разваливалась на части от идущих из-под земли ударов. Севший в шлюпку последним Эжен, не говоря ни слова, наблюдал в окно за тем, как обрушивается здание. На его постройку ушли самые прочные материалы, но даже они не смогли сдержать натиск столь разрушительного землетрясения. Некоторые сектора базы уже сложились, словно части игрушечного домика под лапой огромного чудовища.

Арнольд смотрел на происходящее с чувством не осознаваемого до конца ужаса, а мысли в его голове сменяли одна другую: «Хорошо, что я успел выбраться... Но не остался ли там кто-нибудь еще?.. После землетрясения наверняка организуют спасательную экспедицию... И все-таки мне повезло — второй раз за сегодняшний день... Я успел выбраться!.. Но не ждет ли такая же судьба вторую базу?.. Она, правда, дальше от вулкана, и все же... Кто знает, какой фокус и где выкинет планета в следующий

раз...» Арнольд не заметил, как стал рассуждать вслух, и понял это, только когда Эжен ответил ему:

— Да уж, непростое местечко мы выбрали для освоения...

Арнольд смотрел в окно: на яркие краски, спрятавшиеся за темно-пепельной занавесью, на красную реку, текущую среди розовых скал, на беснующийся вулкан на горизонте...

— А ведь красиво!.. — вырвалось у него.

Эжен ничего не ответил — как и его сосед, он рассматривал представшую их взорам величественную и страшную картину. На секунду Арнольду показалось, что толчки немного стихли и вулкан уже не брызжет лавой, как безумный старик — слюной. Но, быть может, он принимал желаемое за действительное? Или стихия в самом деле подуспокоилась?

— И не говори, красота... — вдруг саркастически отозвался Эжен. — Эта красота нас чуть не угробила, чтоб ей пусто было! Миллионы, выделенные на строительство, коту под хвост! И неизвестно, сколько наших ранено или погибло! Проклятуций космический шарик! — Начальник экспедиции плохо умел ругаться, но, когда делал это, придумывал очень интересные и даже странные метафоры, в которые вкладывал все кипевшие в нем эмоции. Произносил он эти фразы с особым чувством, как титулованный театральный актер.

Вулкан исторг из себя новую порцию лавы, которая окружила остатки разрушенной базы со всех сторон. Новый подземный толчок, гораздо сильнее предыдущих, обрушил последнюю из стоявших стен.

Арнольд отвернулся от окна и пустым взглядом уставился на свои ботинки. Природа продолжала бесноваться, а маленькая шлюпка летела прочь от эпицентра бедствий, туда, где людям не будут угрожать ни извержения, ни землетрясения. Возможно...

Вторую базу построили позже, чем первую. Ее конструкция была более надежной, рядом с ней не располагались вулканы — ни потухшие, ни активные, а главное, в ней имелись так называемые «места для гостей». На тот случай, если на базе придется разместить больше людей, чем планировалось, были построены дополнительные жилые сектора, и, как выяснилось теперь, это оказалось очень хорошей идеей.

В одном из таких секторов и расположился Арнольд. После приземления шлюпки он почти ничем не занимался до позднего вечера, когда уже пора было ложиться спать. Естественно, за такой короткий промежуток времени начальство не успело распределить задания между прибывшими с базы № 1 — это отложили на утро.

Кошмары, которых стоило ожидать после всего пережитого, Арнольду не снились, зато вместо них он всю ночь перебирал во сне вещи, оставленные на покинутой базе. И тот факт, что все это уже не вернуть, очень его печалил. Проснулся Арнольд в странном расположении духа — то ли давали о себе знать отголоски испытанных волнений, то ли он банально не выспался, хотя и чувствовал себя вполне бодрым.

За завтраком столовая была переполнена. Обитатели второй базы пытались расспросить новых жильцов об извержении вулкана и эвакуации, но те в ответ только недовольно хмурились: никакого желания делиться пережитым ни у кого не было. Арнольд, получив свою порцию сублимированной каши, выбрал место на самом краю длинного стола и, стараясь не встречаться с коллегами взглядом, начал есть. Чуть теплые солнечные лучи прорвались из-за туч и упали на стол и на тарелку, из которой он ел, скользнули по его рукам. Молодой человек покосился на окно: белое неяркое солнце, выглянувшее в просвет между пушистыми облаками, выглядело совсем безобидным, вершины темно-розовых скал — тоже. Планета казалась тихой и мирной, словно и не ходила ходуном накануне, словно не было взбесившегося вулкана и залившей первую базу лавы...

— Ее надо назвать Истеричка, — послышался чей-то громкий голос с другого конца стола. — Как думаете, Министерство такое имя утвердит?

Большинство соседей Арнольда по столу захохотали, хотя у некоторых смех звучал невесело.

— Если все члены экспедиции объявят, что не возражают против такого названия, то на Земле его будут обязаны утвердить, — сказал Эжен. — Я, если что, согласен.

Его слова были встречены новым взрывом хохота. Арнольд со вздохом съел еще несколько ложек безвкусной каши и поднялся из-за стола. «По крайней мере эта планетка, кажется, при-

мирила нас всех в споре об ее имени!» — невесело усмехнулся он про себя.

Традиция предписывала, чтобы названия новым планетам давал начальник открывшей их экспедиции, но при этом его подчиненные не должны были резко возражать против предложенного варианта. Однако в этот раз ни одно из придуманных руководителем имен не устроило всех. В результате вопрос с названием планеты отложили на неопределенное время, но планета своими постоянными стихийными бедствиями, кажется, помогла исследователям определиться...

После завтрака сотрудников погибшей базы долго распределяли по новым рабочим местам, и планета, из-за которой им пришлось скучать в очереди и обсуждать не понравившиеся новые задания, опять удостоилась разных нелестных эпитетов. Арнольду повезло — его отправили на прежнее место, возить строительные материалы к будущему космопорту, куда он сразу же и отправился на новом вездеходе. Еще только подъезжая к стройплощадке, он заметил, что поднимается ветер: над землей закружилась сначала розоватая пыль, а потом и мелкий песок. Пришлось кроме кислородной маски надеть защитные очки. Поездкам и загрузке в кузов вездехода каменных плит и металлических балок это не мешало, но раздражал горячий ветер с песком ужасно, и коллеги Арнольда ворчали и жаловались на свою тяжелую жизнь весь день. А к вечеру ветер нагнал тучи, на площадку обрушилась сплошная стена ливня, и в небе загрохотал гром и засверкали молнии. Радовало лишь то, что почти все запланированные на этот день работы к тому времени были уже выполнены.

Уезжая со стройплощадки, Арнольд не удержался от того, чтобы не посмотреть на экран заднего вида: ослепительные молнии вспыхивали над гладкой посадочной площадкой и остовами будущих зданий, освещая их ярким золотисто-белым светом.

— Красиво, черт побери! — проворчал молодой человек после очередной вспышки. — До чего же красиво... Ну еще бы разочек!

И словно в ответ на его просьбу в небесах снова полыхнула огромная светящаяся «трещина», на мгновение залившая все вокруг таким ярким светом, что Арнольд даже зажмурился. Это показалось ему немного странным — хотя то, что молния сверк-

нула именно в тот момент, когда он попросил об этом, наверняка было всего лишь совпадением. Или нет?

Мысль, родившаяся у Арнольда, была абсурдной, и вначале он лишь посмеялся над своим предположением, но затем внутренний голос принялся убеждать его: «А вдруг это правда? В конце концов, что мы знаем об этой планете?..»

Вездеход, меся грязь своими большими тяжелыми колесами, медленно двигался в сторону базы. Ехать становилось все тяжелее — против хода машины дул сильный ветер, и под конец Арнольду с трудом удавалось удерживать ее на дороге. Очередной резкий порыв и вовсе заставил водителя остановиться: ехать дальше было крайне рискованно, стоило немного подождать, пока ветер стихнет. Вокруг ни души — момент, очень подходящий для того, чтобы проверить возникшую теорию.

«Вот бы ребята повеселились, если бы меня сейчас увидели!» — усмехнулся Арнольд и, переборов нерешительность, набрал побольше воздуха и громко произнес:

— Милая планета. Замечательная планета. Ты очень красивая и перспективная — на тебе можно создать поселение с идеальными условиями. Да-да, только тут можно возвести его, и нигде больше! А еще ты удивительно искренняя. И неповторимая!

Арнольд подождал немного и повел вездеход дальше. Вдруг он почувствовал, что ехать стало намного легче: ветер стихал, молнии на небе вспыхивали реже, ливень измельчал и превратился в слабый дождь. Небо словно бы прояснилось, хотя это, возможно, только показалось молодому человеку в темноте. Впереди выросли строения базы. Подъехав ближе, Арнольд увидел толпу своих коллег. Кто-то из исследователей стоял запрокинув голову к небу, кто-то увлеченно переговаривался, а кто-то расхаживал туда-сюда. Можно было побиться об заклад, что члены экспедиции обескуражены такими необычными погодными изменениями.

Неужели он все-таки оказался прав? Арнольд собрался с духом и четко сказал вслух:

— Что за идиотизм, планета? Да ты и правда истеричка. Ведешь себя как хочешь, о последствиях не думаешь, просто потому, что думать ты не умеешь. Глупая планетка! Никто не захочет на тебе жить!

Не успел он договорить, как порыв шквального ветра опять ударил против хода машины, и Арнольду пришлось приложить все свое умение, чтобы удержаться на дороге. Люди, стоявшие возле входа в базу, словно игрушки, сметенные гигантской рукой, все как один попадали на землю. Некоторым удалось быстро подняться, и они, борясь с яростью планеты, двинулись ко входу на базу, чтобы укрыться в ее искусственном чреве. Другие пытались встать, но сошедший с ума ветер не давал им этого сделать. По громкой связи передавали шквальное предупреждение.

Выкрикивая самые красивые и нежные эпитеты в адрес планеты, Арнольд с трудом припарковал вездеход и вылез из него. Но, похоже, теперь космический шар был в том настроении, из которого его не могла вывести никакая похвала, тем более исходящая от человека, только что поносившего его на чем свет стоит. Если какие-то изменения к лучшему и произошли, то самые мизерные, настолько незначительные, что исследователь их не заметил.

Прорвавшись сквозь непогоду, Арнольд зашел внутрь здания, прислонился к стене и дрожащей рукой стянул кислородную маску.

«Так вот в чем дело... невероятно! — Мысли носились в голове как бешеные. — Хотя — почему? Что нам известно о планетах? Немногим больше или меньше, чем о самих себе, а о себе мы знаем крайне мало. Надо немедленно рассказать о моем открытии коллегам!»

Он решил сделать это во что бы то ни стало, пусть даже ученые умы экспедиции, привыкшие доверять логике и не принимавшие абсурда, просто-напросто поднимут его на смех.

Слушали коллеги Арнольда внимательно и даже почти не перебивали, но, когда он закончил свою речь, в глазах большинства исследователей читалось только недоверие. Молодой инженер обвел аудиторию взглядом и, уже не очень веря в успех, развел руками:

— Я вам рассказал только факты. Все было именно так. Выводы делайте сами.

Начальник экспедиции смотрел на Арнольда не мигая. На его нахмуренном лице тоже читался скептицизм, но молодому чело-

веку показалось, что к этому чувству примешивалась и небольшая доля заинтересованности. Наблюдение придало инженеру уверенности, и он еще раз, уже более смело, оглядел остальных своих слушателей.

— Значит, гроза стихла после того, как ты похвалил планету, а когда ты ее истеричкой обозвал, возобновилась? — медленно переспросил один из сидящих в первом ряду планетологов.

— Да. Именно так все и было, — ответил Арнольд.

— Но «после» не значит «вследствие», — строго сказал Эжен, оглядываясь на задавшего вопрос. Тот недовольно поджал губы и стал смотреть в окно, за которым по-прежнему шел дождь, хотя и не такой сильный, как накануне вечером.

— Но это было три раза! — запротестовал Арнольд. — Три раза подряд! Не слишком ли много для простого совпадения?

— Тоже верно... Один раз — случайность, два — закономерность... — так же задумчиво изрек начальник другую прописную истину.

— Значит, вы согласны, что это не случайность? — Обнадеженный Арнольд подскочил вплотную к начальнику.

— Это может оказаться не случайностью, — осторожно признал Эжен. — Но все-таки данных у нас пока слишком мало.

— Так кто мешает собрать их побольше? — тут же загадели сразу несколько космонавтов. Эжен протестующе поднял руку:

— Тихо! Как это вы думаете собирать такие данные, скажите на милость?!

Его подчиненные переглянулись и притихли, и даже Арнольд принялся с досадой кусать губы. Изучать странное поведение планеты можно было только экспериментальным путем, а это означало новые катаклизмы и разрушения всего того, что им удалось на ней построить.

— Значит, так, — решил начальник. — Предположение Арнольда мы принимаем в качестве рабочей гипотезы. И ведем себя так, как если бы она была уже доказана. Планету не ругаем, никакими плохими словами не обзываем и продолжаем работать как раньше. А дальше посмотрим...

Исследователи вздохнули — кто-то облегченно, кто-то, наоборот, обиженно. Эжен встал и направился к выходу из зала, давая подчиненным понять, что решение принято и больше об-

суждать слова Арнольда не нужно. Все остальные тоже начали неохотно расходиться.

В этот день всех космонавтов словно подменили. На строительной площадке было тихо, никто не ругался, а друг к другу сотрудники обращались только спокойными и вежливыми фразами. Запрет обижать планету как-то незаметно распространился и на коллег, и в итоге день прошел без обычных во время напряженной работы мелких ссор и разногласий. А планета, словно радуясь всеобщему миролюбию, подарила землянам прекрасный, солнечный, но не слишком жаркий день почти без ветра и без малейшего намека на какие-либо катаклизмы.

— Моя теория подтверждается... — улыбался Арнольд, когда они вместе с еще одним инженером возвращались на базу. Прямо перед ними спускалось за горизонт яркое алое солнце, и его лучи окрашивали все вокруг в самые чистые оттенки розового и малинового.

— Пока да, — кивнул его коллега. — Но вообще, я все-таки считаю, что ее следует проверить более тщательно. Наши планетологи ведь исследуют здесь горные породы, и воздух, и все остальное! Но, когда ты обнаружил здесь новое природное явление, они перепугались и не стали его изучать!

— Слишком рискованно, — вздохнул Арнольд, объезжая небольшую трещину на пути вездехода. — Начнешь проверять — а планетка затрясется и сбросит на нашу базу вон ту скалу! — Он кивнул на возвышающиеся чуть в стороне от дороги горы, окрашенные солнцем все в тот же розовый цвет.

— Можно отъехать подальше от базы. Можно вообще улететь на другое полушарие! — не отступал его собеседник.

— А если она так разозлится, что землетрясения пройдут по всем материкам разом? — охладил его пыл Арнольд. Несмотря на это, ему самому больше всего хотелось провести еще хотя бы один эксперимент с реакцией планеты на ругань.

Остаток дороги они с коллегой ехали молча.

— Чтоб этого Арнольда перевернуло вместе с его теорией!

— В чем дело, ребята?

Приглушенные кислородными масками голоса звучали угрожающе. Арнольд вылез из машины и обратился непонимаю-

ший взгляд на столпившихся возле вездехода исследователей. Они выглядели очень потрепанными, а их грозные лица ясно свидетельствовали о том, что у них к нему весьма серьезный разговор. Серьезный и неприятный. Для него.

— Ребята, что случилось? — повторил Арнольд, когда они зашли в здание базы и избавились от масок. — Что я успел натворить, пока меня не было? — попытался пошутить он, но шутку никто не оценил.

Наконец, вперед вышел Эжен, комбинезон которого был порван в нескольких местах. Арнольд удивленно вздернул брови.

Эжен покачал головой:

— Неверна твоя теория.

— И это все?! — вскричал один из собравшихся и двинулся было к Арнольду, но Эжен взмахнул рукой, и буяну преградили путь. — Нас из-за него чуть не угробило! — кричал из-за «кордона» исследователь. — И вы спустите все на тормозах?!

— Сегодня мы были вон за теми скалами, — сказал Эжен Арнольду, кивая на далекие розовые вершины. — Скафандры надевать не стали, оделись как обычно: решили, что, раз твоя теория верна — ведь было так похоже на это! — можно позволить себе идти налегке. Взяли побольше оборудования, чтобы наверстать упущенное в исследованиях, и только установили приборы...

— ...как начался этот чертов ураган! — выкрикнул все тот же не унимавшийся планетолог.

— Ураган? — удивился Арнольд. Весь день он трудился на стройке, и погода стояла замечательная. По крайней мере в том месте, где возводили космопорт. А что было за пределами этого сектора?

— Да, ураган, так его разэтак! Нас чуть ли не с земли приподнимало! По воздуху не только песок — камни летали! Командира с ног сбило и несколько метров по земле волокло!..

«Локальный ураган — возможно ли это?.. — слушая вполуха речь возмущенного исследователя, изумился про себя Арнольд и тут же сам себе ответил: — А почему нет? Планета явно любит покапризничать!»

И тогда в голове у мужчины начала формироваться новая догадка, которая, как ему казалось, объясняла все непонятности, все тайны и противоречия. Проблема была в том, что после неудавшегося исследования коллеги вряд ли ему поверят...

Коллеги же тем временем только подтверждали его опасения.

— Уникум! Эйнштейн, блин! — неслось отовсюду. Распалившиеся ученые и инженеры, не сдерживаясь и не скупясь на слова, выражали обуревавшие их чувства.

— Теории он выдвигает!

— Работал бы себе и дальше тихо, никому не мешая, так нет!.. Славы захотелось!

— Ага, ага!

Арнольд мог бы сказать им, что они ошибаются и что нельзя было, приняв на веру недоказанное предположение, уезжать далеко от базы без защитных костюмов. Планета ведь по-прежнему оставалась для них чужой. Но эти слова только еще больше разозлили бы исследователей: в таком состоянии они наверняка решили бы, что «причина всех несчастий» Арнольд пытается переложить вину на пострадавших. Вот почему вместо этого он произнес:

— А что, если я все-таки был прав?

— С чего бы это ты был прав? — продолжал оппонировать его визави. — Планета — не живое существо. Живые существа не психуют ни с того ни с сего, если, конечно, они не больные на всю голову.

— Или не истерички, — добавил кто-то.

— Или не девочки, — а это уже сказал Арнольд.

Все на секунду замолкли.

— Ты хочешь сказать, что у нашей планеты есть пол, и она, хм, девочка? — выразительно проговорил Эжен.

Арнольд развел руками:

— Тем, как она себя ведет, она очень напоминает девочку-подростка. Хотя она может быть также маленьким ребенком или достаточно взрослой женщиной, ну по планетарным меркам, конечно. Посудите сами, все же сходится: и эти внезапные, ничем не обоснованные вспышки недовольства, и реакция на комплименты, и даже цвет ландшафта — розовый!

Эжен задумался. Все смотрели на него, ожидая вердикта.

— Неужели вы всерьез... — начал было нападавший на Арнольда неумный планетолог, но Эжен жестом попросил его помолчать и сказал:

— Доказательств у нас опять-таки никаких, но твоя теория казалась весьма правдоподобной, несмотря на свою неправдо-

подобность. До последнего момента. И сейчас тебе тоже удалось убедить меня... попробовать...

По рядам слушателей пронесся вздох изумления, за которым последовал недовольный ропот.

— Мы ничего не теряем, — обернувшись к ним, объяснил Эжен. — И с этого момента мы всегда будем надевать защитную экипировку. А то, что мы отправились за скалы налегке, — моя ошибка.

Недовольные ученые забунили громче.

— Михаил у нас — замечательный психиатр, — продолжал Эжен, не обращая на них внимания. — Попросим его провести сеанс терапии с планетой. Конечно, он никогда не общался с галактическими телами — подростками, но, думаю, он справится, если будет обращаться к ней как к человеку. Во всяком случае, до сей поры она вела себя именно как человек.

— Да, как женщина. — Арнольд оглядел присутствующих, чтобы понять, доверяют ли они ему, но прочел в их глазах совершенно разные эмоции. Ну что ж, он выдвинул предположение, и пути назад уже не было. Если он неправ, его, конечно, не четвертуют, но репутацию он себе подпортит однозначно. Еще бы: взрослый человек, а забивает голову себе и, главное, другим всякими глупостями! Словно семилетний пацан...

— Обращаться и дальше с планетой по-джентльменски, — приказал всем Эжен. — Не грубить. Не хамить. И по мере возможности помогать справляться с трудностями жизни. Вы знаете, что такое — быть планетой? А женщиной? — Космонавты испуганно поежились. — Вот и я тоже не знаю. Поэтому постарайтесь вести себя с ней как можно добрее и деликатнее — в конце концов, нам нужно завершить исследования, и если Арнольд прав, то... в общем, тогда мы наконец сможем это сделать.

— Это «если» меня и смущает, — недовольно пробормотал исследователь, который пытался оспорить Арнольдову идею, но его уже никто не слушал.

Все разошлись по своим делам.

Следующие несколько недель были... странными. Арнольд мог охарактеризовать их только так. Три десятка суровых мужчин, большинство из которых уже много лет работали в космосе,

освоили немало планет и успели здорово «одичать» за это время, превратились в вежливых рыцарей с изысканными манерами. Каждое утро, выходя на работу, они, по распоряжению врача Михаила, оглядывались вокруг и с улыбкой сообщали друг другу, что рассвет в этот день особенно красив, а погода просто праздничная. Занимаясь делами, все были на редкость предупредительными, после каждой просьбы не забывали добавлять слово «пожалуйста», а когда кто-нибудь по привычке собирался выругаться, коллеги быстро одергивали его, и забывшийся исследователь мгновенно менялся в лице и начинал улыбаться. Некоторые незаметно посмеивались над новыми куртуазными манерами своих товарищей, но через пару дней даже самым большим грубиянам начали нравиться новые правила. Все чаще космонавты делали комплименты планете не наигранно, а искренне; все реже с их языков случайно срывались нецензурные слова...

И планета как будто бы действительно слышала и понимала их разговоры. Она вела себя вполне миролюбиво — ураганов и землетрясений больше не случалось, вулкан лишь изредка выпускал в багровое небо небольшие облачка дыма, дождь шел только по ночам, а днем в небе сияло теплое белое солнце. Только изредка его скрывали небольшие тучи, да еще иногда налетали вдруг резкие порывы ветра, поднимающие пыль и мелкие песчинки. Исследователи, посмеиваясь, говорили, что, скорее всего, планета, как и положено молоденькой девушке, просто слегка капризничает.

Эти капризы напоминали землянам, что у космического тела в любой момент может поменяться настроение, и поэтому они пользовались оказываемым благодушием и работали как можно быстрее. Вскоре достроили здание космопорта, а потом окончательно доделали площадку для взлета и посадки больших звездолетов. У ученых тоже полным ходом шли исследования минералов и воздуха планеты, и, хотя каждый специалист утверждал, что успел изучить совсем немного, было ясно, что скоро они тоже закончат работу.

— Даже жалко отсюда улетать будет... — сказал как-то один из строителей, когда они с Арнольдом поздним вечером возвращались на базу. — И как она тут одна, без нас, останется?..

К тому времени уже все земляне говорили о планете как о живом существе, и это никому не казалось глупым. Арнольд молча кивнул, глядя в окно. Солнце почти полностью скрылось за горизонтом, и только его маленький алый краешек еще светился слева. Вездеход подпрыгивал на неровной дороге; в бархатно-черном небе мерцали яркие звезды.

Неожиданно в окна машины словно плеснули водой из ведра — на дорогу обрушился сильнейший ливень. Арнольд вздрогнул и крепче сжал руль, но, к счастью, никаких более опасных катаклизмов за дождем не последовало. Планета не тряслась и не пыталась сдуть вездеход ураганом — она просто поливала их водой, как будто бы плакала...

— Вот же черт, расстроил девушку... — виновато пробормотал себе под нос спутник Арнольда.

Возле въезда на базу их, несмотря на хлещущие струи дождя, встречали несколько встревоженных человек. Был среди них и Эжен.

— Ну что? — спросил он сурово, когда Арнольд и его пассажир вылезли из вездехода. — Докладывайте, кто из вас что-то ляпнул?

— Я, — не стал отпираться строитель. — Сказал, что мне жаль будет отсюда улететь, — и тут сразу дождь...

— И кто тебя за язык тянул? — сердито сверкнул глазами начальник экспедиции и махнул рукой в сторону двери. — Ладно, пошли внутрь! Будем надеяться, что к утру она успокоится.

Дождь лил всю ночь. Ворочаясь на койке в тесной спальне и слушая, как справа и слева от него храпят коллеги, Арнольд пытался понять, что может чувствовать плачущая планета. Вот прилетели на нее грубые и неприятные живые существа, которые сначала злили и раздражали, но потом вдруг стали ласковыми, вот она привыкла к тому, что они находятся здесь, и стала хорошо к ним относиться — а теперь они собираются улететь, и она снова останется совсем одна...

Хотя — почему одна?

Мысль, пришедшая Арнольду в голову, показалась ему еще более абсурдной, чем все его предыдущие теории, связанные с капризной планетой. Но молодой человек не мог заснуть и продолжал размышлять: «В этой звездной системе ведь есть еще две

планеты! Только, может быть, они, в отличие от этой, не живые? Или находятся слишком далеко, а на таком расстоянии живые небесные тела не могут общаться?»

Теория была действительно очень смелой, однако Арнольд понимал, что теперь его товарищей уже ничем невозможно удивить, и что они наверняка с ним согласятся...

Самая дальняя от солнца планета никаких признаков жизни не проявляла: на ней не было ни ветров, ни дождей, ни тектонических движений. А вторая планета, хотя и оказалась почти полностью закованной в серебристо-голубой лед, не выглядела совсем замерзшей — на ней были и снежные бури, и подземные толчки, а на экваторе плескались чернильные волны незамерзшего океана, в котором случались сильные шторма. Вышедших из корабля Эжена, Арнольда и еще нескольких космонавтов в первый момент едва не сбил с ног шквал ледяного ветра. Чуть в стороне закружились вихри поднятого в воздух колкого снега.

— Кажется, этой планетке мы тоже не нравимся, — проворчал один из инженеров за спиной Арнольда.

— Не торопись, может, здесь всегда ветер, — одернул его Эжен и, оглядевшись, крикнул: — Эй, планета, привет! Встречай гостей!

Кто-то по привычке хмыкнул, но остальные исследователи, уже наученные горьким опытом, промолчали и принялись прислушиваться к шуму ветра, поглядывать на горизонт. Несколько минут ничего особенного не происходило, и даже ветер немного стих, но потом земля под ногами космонавтов вдруг ощутимо дрогнула, а снежные вихри вокруг закружились еще быстрее.

— Она нам точно не рада, такая же нервная, как и ее соседка, — тихо сказал Арнольд — и тут же полетел на землю от резкого толчка.

Рядом с ним свалился, но тут же вскочил на ноги Эжен. Остальные сумели устоять, ухватившись друг за друга.

— Нет, эта девчонка еще более нервная, чем наша! — возразил Арнольду один из исследователей.

Новый подземный толчок не заставил себя ждать — все, вышедшие из корабля, полетели в снег. Тусклое белое солнце в лазурном небе начали заволакивать густые темно-синие тучи.

— Всем `молчать! — крикнул Эжен своим подчиненным. — А то она сейчас корабль опрокинет!!! А ты на нас, грубиянов, не обижайся, — заговорил он ласковым голосом, глядя на поблескивающие голубым светом заледеневшие вершины гор на горизонте. — Это мы от восторга, ведь ты такая красивая...

Тучи окончательно скрыли неяркое светило, и вершины гор тоже погасли. С неба повалила мелкая снежная крупа, которая начала быстро засыпать и выжженную вокруг корабля землю, и следы космонавтов. Если вторая планета действительно была живой, то комплимент начальника экспедиции явно пришелся ей не по вкусу.

— Парни, у нас приборы зашкаливают, сейчас будет сильное землетрясение! — От корабля к Эжену и инженерам бежал врач Михаил. — Надо взлетать!

Он споткнулся во время очередного толчка и тоже повалился в снег. Начальник экспедиции знаком велел всем остальным возвращаться на корабль. Толчки и снегопад все усиливались...

— Тихо! — крикнул Арнольд, задрав голову и глядя в небо, где в бешеном танце вертелись миллиарды снежинок. — Прекрати истерику, будь мужиком!!!

Заснеженная поверхность под его ногами дрогнула еще раз, но уже довольно слабо. Снежный вихрь взвился вверх, а затем ветер тоже начал стихать, и метель прекратилась. Замершие на земле космонавты осторожно зашевелились и с удивлением посмотрели на Арнольда, который и сам оглядывался вокруг с испуганным и недоверчивым видом.

— Ну ты даешь! — крикнул ему Михаил, поднимаясь.

Эжен поглядывал на шофера с сомнением, словно пытаясь решить, похвалить его за найденный выход или сперва отчитать за самоуправство и хвалить только после этого?

Арнольд тоже встал и принялся стряхивать с себя липкий снег.

— А чего вы так удивляетесь? — проговорил он небрежно. — Если наша первая планета оказалась девочкой, то почему другая не может быть пацаном?

Их космический корабль улетал домой. Маленькая белая звезда-карлик маячила позади, превратившись в крошечную

светящуюся точку на черном небе, хотя пока еще оставалась самой яркой. Три вращающиеся вокруг нее планеты, озаряемые ее лучами, давно не были видны, но собравшимся на смотровой палубе космонавтам казалось, что они различают возле Одина микроскопические искорки, две из которых были живыми существами...

— Они не одиноки, и им не будет грустно. — Остановившись рядом с Арнольдом, Михаил улыбнулся.

Молодой человек вспомнил, как их команда в ускоренном темпе устанавливала на обеих планетах чувствительные к подземным толчкам радиомаяки, и молча кивнул. Теперь планеты могли чувствовать друг друга и общаться.

— А ведь мы так и не придумали им названий! — слышался сзади голос одного из ученых. — Надо Эжену напомнить. Может, назовем их Девочка и Мальчик?

— Нет уж, лучше какие-нибудь человеческие имена им дадим! — возразил кто-то.

— Почему это?..

Слышавший разговор Арнольд глубоко вздохнул: он предчувствовал, что сейчас среди членов экипажа опять начнутся споры. Однако уже ничто не могло лишить исследователя того светлого и теплого чувства, что уютно расположилось в его груди.

ФИНАНСОВЫЙ ГЕНИЙ

Порыв осеннего ветра с дождем заставил меня натянуть капюшон на голову и ускорить шаг. Хотя спешить было совсем незачем. Не такое дело, чтобы спешить. И вообще, никогда бы не подумал, что попаду в подобную ситуацию.

«Блин, ну и мерзкая же сегодня погода. Зато вполне соответствует моему настроению, — в бешенстве думал я, обходя очередную лужу: — Да, бизнесмен из меня, как оказалось, никакой! Повелся как последний лох!»

Мутный водяной поток, подхваченный ветром с крыши, едва не облил меня с ног до головы. Я едва успел увернуться и с чувством выругался. Ну и денек!

«Обули как пацана! На тридцать штук зеленых кинули! Классически!» — зло продолжал думать я, пнув пустую пивную банку, брошенную кем-то на тротуар.

Действительно, жадность фраера сгубила. Решил, видите ли, что я тут самый крутой бизнесмен в округе. Ну вот и кинули. И теперь я иду в банк закрывать счет. И теперь я должен тридцать штук зеленых. Которых у меня нет. Ха-ха.

За такими веселыми мыслями я не заметил, как подошел к пешеходному переходу. Осталось только перейти на другую сторону улицы, и я уже, можно сказать, в банке. Хотя бы согреюсь немного там.

Но неожиданно пришлось задержаться. Воды на проезжей части было еще больше, чем на тротуарах, и нужно было выбрать проход посуше. А на дороге как всегда творился полный бардак. Разрезая бурные потоки как торпеды — океанские волны, по дороге мчались иномарки, совершенно не обращая внимания на

пешеходный переход. Обдаваемые водой люди пытались отскакивать, но водителей это нисколько не заботило.

С завистью проводив взглядом промчавшийся мимо джип, который напомнил мне, что еще пару дней назад и у меня такой в гараже стоял, я потерял бдительность и попал под цунами от промчавшегося вплотную к тротуару огромного серебристого «линкольна», определенно принадлежавшего какому-нибудь олигарху, не меньше.

«Вот же блин! Ну, зараза! Да что это за несчастья на мою башку!» — тупо ругнулся я про себя, осознав, что на этот раз промок буквально до нитки.

Между тем лимузин, гордо, как американский авианосец, идущий на задание, вспорол очередную лужу, но вдруг с достоинством остановился и дал полный задний.

«Ничего себе, — подумал я, стряхивая грязную воду, — сегодня что, нищим подают? Вдруг баксов пятьдесят дадут? За моральный ущерб. Нет, лучше сто! Или в рыло. Пожалуй, так вернее получится».

Тем временем, слепя фонарями заднего хода, лимузин подкатил и, выбрав на тротуаре место, где было поменьше луж, остановился возле него. Величественно открылась дверь, и оттуда, грациозно переставляя свои каблучки-шпильки, появилась потрясающе ухоженная наманикюренная брюнетка в роскошном манто прямо поверх купальника.

— Кхм! — поперхнулся я, глядя на эту картину. — Чтоб я так жил!

Брюнетка же, безглаголиво стараясь не ступить в лужи, подошла ко мне, заученно растянула губы в улыбке и проворковала:

— Произошло маленькое недоразумение! У вас просят прощения и хотят несколько компенсировать причиненное неудобство. Не будет ли любезен уважаемый господин пройти в салон?

«Ну дела! Какие-то сегодня странные астральные завихрения», — срефлексировал мой мозг, а вслух я буркнул, стараясь более или менее держать себя в руках:

— Отчего же не будет? Будет.

И мысленно добавил: «Будет-будет, шашлык из тебя будет...» И нырнул в полутьму салона.

Когда у меня, наконец, привыкли глаза, я увидел напротив себя обросшего и бородатого как бомж человека, одетого, тем не менее, в дорогой костюм. По обе руки от него сидели уже знакомая брюнетка и не менее очаровательная блондинка, одетая примерно так же, как ее соседка. Блондинка была занята тем, что разливала вино в бокалы, стоящие на столике.

Бородатый человек, не спеша, раскурил трубку, пыхнул потрясающе ароматным дымом и как-то подозрительно на меня уставился, словно пытаюсь опознать. Пожалуй, и мне он тоже кого-то смутно напоминал.

— Жорик, это ты? — вдруг неуверенно произнес бородатый, и уже увереннее: — Да ты, ты, не отпирайся! Узнал я тебя! Здорово, балбес!

И, несмотря на мой облитый грязью прикид, прямо в своем дорожном костюме полез обниматься:

— Сколько лет, сколько зим!

— Лев! Ты, что ли? — наконец и я опознал бородатого: — Какими судьбами?

Да. Интересное кино. Ведь это был сам Лев Гринман, как говорится, парень с нашего двора. С одной стороны, с тех пор как я видел его в последний раз, внешне он почти не изменился. Та же борода лопатой, прямо как у Карла Маркса, та же копна волос до плеч. С другой стороны, перемены с ним произошли совершенно поразительные. Это был и тот человек, и не тот.

Даже сразу и не понять, кого в нем теперь больше — того человека или другого. Первого я хорошо знал. Непризнанный гений. Еще в детстве начитался книжек и носился с разными теориями. Мы даже бегали с ним вместе по подвалам и чердакам. Так сказать, опыты ставили. Затем он, как и должно было случиться с парнем, обладающим такими наклонностями, стал физиком-теоретиком. А когда пришла перестройка, его, разумеется, выперли. А затем наши дорожки разошлись. И лет тому этак...

Видел я его еще раз, правда. Бутылки он собирал. Ну да, жрать-то что-то надо. Вот тогда он и стал таким патлатым и бородатым, прямо как Карл Маркс. Лишний человек. Не вписался. А сейчас... Интересные дела.

— Едем ко мне! — между тем радостно говорил Левик. — По-моему сейчас тебя, переоденем — и в ресторан! Хочешь в ресторан?

— Да некогда мне, Лева! — с сожалением сказал я. — Спешу. Отвези меня к банку, и спасибо тебе будет большое. Иначе ждут меня проблемы.

— Да какие у тебя проблемы? Говори быстро! Сейчас решим! — весело произнес Лев.

— Да уж, решим, — хмуро ответил я. — Попал тут на тридцать штук зеленых и, где взять, не знаю. А скоро счетчик включат.

— Вот проблема, так проблема, — весело среагировал Лева, открывая какой-то ящичек.

— На, держи, — засмеялся он и кинул мне на колени толстую пачку долларов. — Решай свои проблемы. Тут штук пятьдесят, думаю, будет. И поехали, наконец, гулять!

— Не понял... — Мое едва поднявшееся настроение вмиг улетучилось. — Это что, шутка?

Что это еще за дерьмо? Грешно смеяться над больными людьми! Интересно, какой умник все это затеял? Кому надо мной захотелось посмеяться?

— Забирай свои фальшивые бабки! Машину тормози! — вскипел я.

— Да ты что, Жорик? — даже слегка опешил Левик. — Доллары совсем не фальшивые, а самые настоящие. А не хочешь наличными — давай дам тебе кредитную карточку. — Он порылся в карманах своего сюртука и подал мне пластинку: — Только здесь поменьше будет — штук сорок.

— Да ладно, кончай. — Гнев вдруг вышел из меня, как воздух из проколотого воздушного шарика. — Какие сорок штук? Посмеялись — и хватит. Тебя же любая торговка на половину суммы обсчитает. Что я, тебя не знаю, что ли? Сорок штук зеленых! Ты еще недавно бутылки в пивных собирал.

— И тем горжусь! — с достоинством произнес Лев. — Ибо крайняя степень обнищания наконец заставила работать мозги надлежащим образом. Из собирателя бутылок превратился в то, что есть.

— Еще скажи, что ты миллионер! — съехидничал я. — Деньги и ты вместе не живут. Мне ли не знать! Какой из тебя, к лешему,

миллионер! Зачем посмеяться решили? У меня ведь, в натуре, проблемы. А ты...

— Да успокойся ты. Никто над тобой не смеется, — посерьезнел Лев. — А в одном ты прав. Конечно, я не миллионер... — Он молча поднял рубиновый бокал вина, рассмотрел его на просвет, поставил обратно на столик и с каким-то странным выражением в голосе произнес: — Я миллиардер.

«Ну и дела, — растерянно подумал я. — Вот теперь точно попал. Да у него крыша поехала, натурально! Вот кто-то его и нанял меня разыграть. Подумать только! Миллиардер!

Нет, ну какая сволочь наняла этот броненосец, этих баб, Левушку, шиза бедного, в подворотне нашла... Всю морду разобью!»

— Согласен, — выпустив очередной клуб дыма, произнес вдруг Левик, наблюдая нравственные муки на моем лице, — поверить в это трудно. Чем бы это тебе доказать?

Машина, деньги, кредитки... — Он призадумался. — Да, пожалуй, ты прав. Машину можно взять напрокат. Деньги, действительно, — принять за фальшивые. Кредитку на ходу не проверишь. Что же такое сделать?

Лев снова повертел бокал, достал трубку, набил ее табаком и раскурил.

— Итак, что у нас есть? — задумчиво пыхнул он трубкой и замолчал.

Я тоже молчал. Да и что тут скажешь, в самом деле?

— А ведь придумал! — Выколотив остатки табака прямо на пол и растерев их ногой, отчего блондинка поморщилась, он протянул мне трубку: — Ты знаешь, что это такое?

Я взял трубку, повертел ее в руках. Мундштук из одной породы дерева — вроде бука, что ли. Остальная часть из какой-то другой породы. На ней врезаны три слоновой кости пятнышка, незначительно отличающихся друг от друга по цвету. Вроде. Ну и что? Трубка как трубка. Ничего особенного. Бывают гораздо круче. Один ценитель рассказывал, что настоящие трубки только от тысячи долларов ценятся. Показывал мне свою крутую. Вся в золоте. Вот это я понимаю!

Безразлично повертев трубку в руках, я уже хотел было вернуть ее обратно, но тут до меня стало понемногу ДОХОДИТЬ!

Да, есть такие вещи в нашем мире! Да, пожалуй, я знаю, что это! Никогда бы не подумал, что мне в руки попадет ТАКОЕ! Ну дела... Так разыграть нельзя. Просто нельзя. В принципе! О таких вещах вообще мало кто знает. Никто не знает, можно сказать. Кроме тех, кому этими вещами пользоваться можно.

Всего-навсего три пятнышка слоновой кости. Да только одно из них вырезано из бивня африканского слона. А другое — из бивня слона индийского. Третье пятнышко... как бы это помягче сказать... было частью кости синего кита. Сама трубка вырезана из сотого или двухсотого, черт его знает, кольца тысячелетней секвойи. А мундштук тоже из какого-то кольца шестисотлетнего баобаба. То есть, чтобы сделать такую трубку, было убито два слона, кит и спилено два огромных дерева. И я совсем не уверен, что оставшиеся от трубки материалы не пошли никуда, кроме как в костер! Вот это эксклюзив, вот это я понимаю! Настоящая безделушка для миллиардеров! Действительно, миллионеру это определенно не по зубам.

И я поверил:

— Ну что, гулять так гулять!

* * *

Очнувшись следующим утром в офисе Левы, я, едва передвигая ноги, добрал до бара и рухнул в ближайшее кресло, успев уцепить какую-то банку. Голова медленно прояснялась. Теперь можно и рассмотреть все окружающее.

А что, неплохой загородный офис. Совсем неплохой, однако. Солидно и со вкусом. Миллиардер так миллиардер. На здоровье. А вот где взял? Надо поставить вопрос ребром! Был он у нас в физике гений. А теперь еще и гений финансовый?

Дождавшись, когда Лев вернулся в кабинет, сел за свой стол и переговорил с кем-то по телефону, я набрался наглости и прямо спросил:

— Слышь, Лев, а где ты его взял, этот свой миллиард?

Лев отложил трубку телефона, на котором уже начал набирать номер, снял и надел очки и внимательно посмотрел на меня. Затем он, видимо, решил. Потом я долго думал — почему?

Скорее всего, ему было просто не с кем поделиться. Это плохо, когда твою гениальность оценить некому.

— Хорошо, — произнес он, — пошли, покажу.

* * *

Мы перешли в соседнюю комнату, где всю стену занимало какое-то сложное устройство. Попискивали блоки, помаргивали светодиоды. Гудели трансформаторы. Отходили кабели. У другой стены стоял письменный стол с монитором. Но вместо тумбочки с ящиками располагалось что-то больше всего похожее на раскуроченный взломщиками сейф, который бешеный программист использовал под системный блок.

— Присаживайся, располагайся как дома, — указал Лев на небольшой диванчик в углу. — Итак, — начал он излагать. — Как тебе, надеюсь, известно, существует на свете такой класс объектов — элементарные частицы. Я как раз на них специализировался в свое время в своей бывшей лаборатории. Например, одна из них — это всем известный электрон. Бегаёт по проводам и ток электрический вырабатывает. За который мы все платим. Так вот...

— Постой-ка, — перебил его я, — не надо считать меня совсем за идиота. Если ты что-то такое хитрое изобрел и продал патент, так просто обрисуй суть. А лекции на уровне седьмого класса читать, может, и не надо, а? — Похмелье сделало меня слегка нагловатым.

— Не скажи, — загадочно усмехнулся Лев. — Дело как раз в том, что я не продавал никакой патент. Мне просто пришло в голову применить некоторые аналогии из физики в процессе зарабатывания денег. А чтобы понять, что и куда нужно воткнуть, именно с седьмого класса и начнем. Продолжим. Как и всякая элементарная частица, электрон обладает так называемым квантово-волновым дуализмом. Позволь напомнить тебе, что это такое. Грубо говоря, в некоторых случаях электрон проявляет свойства вещества, а в некоторых — свойства волны. То есть иногда с ним можно работать как с мизерным кусочком вещества, а иногда — как с энергией.

Он замолчал и вопросительно посмотрел на меня, а я — на него. Молчание затягивалось.

— Ну и что? — спросил я его.

— Как это «ну и что»? — удивился он. — Ты не видишь здесь никаких аналогий?

— Не вижу, — совершенно искренне ответил я, — никаких.

— А деньги?

— Что деньги? — недоуменно спросил я. Не доходило до меня ничего.

— Ну деньги — купюры, монеты? Ты что, и вправду ничего не замечаешь?

— Ничего! Не замечаю! — продекламировал я. — Ты же у нас гений. Ты и продолжай.

— Хорошо. Смотри. — Лев вытащил из устройства под столом купюру в сто долларов и положил ее передо мной.

— Вот перед тобой денежка. Как, по-твоему, что это такое?

— В каком смысле? — недоуменно спросил я.

— В самом прямом. Просто опиши, что ты видишь, — сказал Лев.

Я задумался. Станный какой-то разговор.

— Что я вижу... Вижу кусок бумаги, специальной, между прочим, с водяными знаками, с напечатанными на ней текстом и рисунками.

— И это все?

— Наверное, все. Если не считать того, что за этот клочок бумаги можно кое-что купить.

— Вот! В этом суть! — радостно вскочил с кресла Лев. — Вот в этом ты прав! За этот клочок бумаги можно купить!

— Да задолбал ты! Вот это новость, вот это открытие! На сто баксов можно кое-что купить! Ты нормальным языком говорить можешь? Ближе к телу!

— Да ведь ты уже сам все рассказал, — откровенно веселился Лев. — Принцип действия ты уже описал! Осталось только настроить аппарат!

— Я тебя сейчас придушу! — взревел я. — Какой, к лешему, аппарат!

— Ну все, все, успокойся. Шутки в сторону, — посерьезнел Лев. — Дело в том, что я смог применить некоторые принципы

работы с элементарными частицами в работе с деньгами. В частности, мне удалось описать функционирование финансовой системы общества в терминах квантово-волнового дуализма.

— Это как так? — пораженно откинулся я на спинку кресла. — А если даже и так, то что из этого?

— А то, что, используя эти принципы, я построил аппарат, реализующий воздействие на финансовую систему, ну, скажем, как... — он слегка запнулся, — как ускоритель, что ли. Или как трансформатор, например. Грубые, конечно, аналогии, но что-то вроде того.

— Это как? — вынужден был снова повторить я.

— Смотри. — Лев опять показал мне на бумажку. — Ты правильно сказал. Это просто бумажка, на которую можно купить. То есть, с одной стороны, она — просто предмет, с другой стороны — покупательная способность. Как вещество и поле! Квантово-волновой дуализм! А если отделить от бумажки эту самую покупательную способность, ее можно использовать, так сказать, в чистом виде.

— Погоди, — опять влез я. — Позволь слово вставить... Что значит «купить»? Согласно экономической теории, обменять на эквивалент, который и будет обладать твоей покупательной способностью.

— Ты прав. Но это — примитивный подход. Так сказать, на уровне детекторного приемника. Вот, например, в кредитной карточке твоего вещественного эквивалента уже можно сказать, что нет! Ведь так?

— Пожалуй, — вынужден был согласиться я, — в чем-то ты прав.

— Но это тоже, в общем, мелочи. Нужно брать круче. — Лев порылся по карманам и достал оттуда мятую десятку. Затем расправил ее и положил рядом со stodолларовой бумажкой.

— А теперь что ты видишь?

Дурацкий вопрос. Десять рублей и сто долларов, что же еще?

— Предположим, ты заимел некоторое количество рублей. А тебе вдруг понадобились доллары. Что ты делаешь?

— Иду в обменник и меняю рубли по курсу на соответствующее количество долларов. Минус процент банку.

— Верно! — засмеялся Лев. — А с чего ты решил, что количество твоих затраченных рублей равно количеству долларов, которые тебе предложат взять? Минус процент.

— Ну как... — Вопрос поставил меня в тупик. — Ну ведь решаю не я. Биржа там какая-то. Или что-то в этом роде.

— Хорошо, пусть не ты, — не стал спорить Лев. — Пусть биржа. Там-то как решают этот вопрос?

— Точно не знаю, — вынужден был ответить я. — Они вроде берут какой-то индекс состояния экономики государства и соотносят его с таким же индексом другого государства.

— Верно мыслишь! Хочешь, куплю тебе место брокера? — усмехнулся Лев. — А почему, к примеру, курс валют меняется?

— Состояние экономики государства стало другим.

— Хорошо, — спрятав улыбку в бороду, произнес Лев, — а почему курс валют меняется быстро? Почему происходят колебания, иногда — стремительно? И уж тем более когда курсы возвращаются обратно.

Вот этот вопрос поставил меня в тупик. А действительно, почему? Нет, я, в общем, в курсе, что некоторые брокеры делают игру на повышение или на понижение либо, как все, бросаются продавать или покупать акции после громкого заявления высокопоставленного политика...

— Все это — спекуляции чистой воды. Ведь не может же быть, что состояние экономики изменилось столь быстро? Ведь в течение нескольких минут все поезда не встанут, а нефть обратно не всосется? Тогда почему все поддаются на такую уловку?

— Пожалуй, я не знаю.

— Хорошо. Взглянем на это с другой стороны. Отметим на графике изменения курса доллара. Тебе это ничего не напоминает?

— Разве что скачки напряжения в сети.

— Точно, голова у тебя варит! Именно скачок напряжения. В силу каких-то причин разность потенциалов между двумя точками увеличилась, туда и покатились электрончики! Так и с покупательной способностью. Денежки бегут туда, где им лучше! Так почему бы и не сгенерировать эту разность потенциалов покупательной способности? Ведь туда сразу побегут деньги!

— Туманно как-то. Не очень понятно. Да и не совпадает кое-что, — сказал я.

— Так это же описательные аналогии. Просто для наглядности. Кое-что, конечно, не совсем так, но машину я построил. — Лев картинным жестом указал на устройство на стене: — Вот она! Перед тобой!

* * *

— Это мой первый экземпляр! УППС-2. Устройство преобразования покупательной способности.

— А почему два? Ты же сказал, что он у тебя — первый.

— А это когда я разбогател слегка, элементную базу поменял, то да се... самый первый-то уж совсем, можно сказать, с помойки был. Но принцип работы тот же.

— И как же он работает, этот твой УППС?

— Просто. Берешь какую-нибудь вещь, — он нажал на кнопку сейфа-тумбочки, указал на выдвинувшийся лоток, — и кладешь ее сюда. И получаешь результат.

— Что за бред? Ни единому слову не верю! В чем результат-то?

— Сам увидишь. Хочешь фокус? — Лев с усмешкой сел за компьютер и активировал его. — У тебя есть что-нибудь вроде часов или кольца?

Ни того ни другого у меня не нашлось. Как и мобильного телефона. И даже пустого бумажника. Где баксы, где кредитка? Неужели пропил?! А вроде не платил...

Зато в кармане лежали ключи от машины. Да, мы же вчера джип купили. По полям рассекали, песни с девками этими — секретутками — орали. Неплохо погуляли...

— Ах да, — усмехнулся Лев, глядя, как я выворачиваю карманы, — не ройся ты, никуда ничего не делось, сам все выложил. Ну ты и дал вчера!

Тогда... тогда... используем что-нибудь другое. Вот! — Лев взял со стола мраморную пепельницу, рассмотрел ее и подал мне. — Как ты думаешь, сколько эта пепельница стоит?

— Рублей, может, пятьдесят? — с сомнением спросил я, рассматривая это грязное дерьмо, но вспоминая про суперэсклюзивную трубку.

— Да, наверное, не больше, — рассеянно бросил Лев, водя курсором мыши по экрану. — Она тут на окне валялась, когда я этот офис купил. Оставил.

Ну вот, готово. Можно начинать. Значит, говоришь, пятьдесят рублей? А как насчет пятидесяти долларов?

— Верится с трудом. За нее и десятку не дадут. Кому она нужна?

— Не дадут, не дадут... пока не дадут. Пока мы ее не обработаем! Для полноты эффекта поднимем ее ценность до ста долларов, а затем продадим за пятьдесят. С руками оторвут! Вот увидишь. Ничего не трогай, начинаем!

Лев положил пепельницу в открытый лоток, подождал, пока он втянется в недра сейфа, и завозил мышкой по столу. Басовито загудели трансформаторы, забежали огоньки на панелях, ощутило запахло озоном. Я обеспокоенно заозирался.

— Да ты не туда смотри, а на лоток! — закричал сквозь шум Лев. — Ты на лоток смотри!

Под столом, действительно, происходили интересные вещи. Сейф засвистел и окутался нежным золотистым сиянием. Бриллиантовый дым, как есть...

— Сейчас, сейчас, уже немного осталось! — бормотал в бороду Лев, глядя на экран. — Стоп!

Сияние пропало, огоньки погасли.

— Достаем... На-ка взгляни! — Лев достал пепельницу и дал ее мне. — Приценись!

Осторожно, как какого-то диковинного ядовитого гада, я взял пепельницу и стал ее рассматривать.

«Не отмылась», — ехидно подумал я. Такое же грязно-серое дерьмо. Как и было.

— Ничего не изменилось. Она даже не нагрелась. Хотя... Если ее развернуть... Пожалуй, так гораздо лучше. Так, а если с нее пыль сдуть? Хм... неплохо... Интересно, почему это она мне раньше не понравилась? Благородный мрамор, чуть поврежден, так ведь и лет ей немало... Грязновата, но это ничего —

можно осторожно отмыть... Солидная вещь! Вполне могла стоять у какого-нибудь наркома тридцатых годов. Не антиквариат, конечно, но вещь, похоже, благородная. Как это я ее не признал сразу?

— Да, пожалуй, баксов за восемьдесят ее можно толкнуть в какой-нибудь галерее, — решил я.

— Не за восемьдесят, а за сто! Аппарат дело знает!

— Какой аппарат, ты просто не дал мне ее как следует рассмотреть!

— Вот Фома неверующий! — усмехнулся Лев. — Я не Коперфильд, чтобы тебя обманывать. Нужен ты мне. Я тебе дело показываю, а он — все одно...

— Да ведь, понимаешь, как-то трудно поверить...

— Понимаю. Поэтому покажу тебе еще одну вещь. У тебя монетка есть? Нет, лучше давай вон ту сотню баксов. Сейчас я за кольцою на этой бумажке покупательную способность.

Процедура золотого свечения повторилась.

— И как это работать будет, по-твоему? — повертел я купюру в руках.

— Точно не знаю. В каждом конкретном случае — по-разному. К примеру, сел ты в такси, а езды там баксов на двадцать. Ты приехал. Достоешь свою сотню. А у водилы или сдачи в этот момент не окажется под рукой — ну, скажем, он уже целую пачку нерассортированную в карман запихал и доставать оттуда побоится. И скажет он тебе, что, мол, ладно, денег не возьму с тебя. Или пойдешь ты в киоск сигарет купить, а окажется, что сдачи нет, и разрешат завтра принести. Так примерно.

— Ничего себе! Это что же получается? Знаменитый неразменный пятак?!

— Мелко берете, уважаемый! А еще бизнесмен. Пятак! Ха! Неразменный пятак — отрывка развитого социализма! Неразменный миллион! Это ближе к истине!

— И это... вот... ты так... — замылся я, пытаюсь подобрать слово, — разбогател?

— Нет, не так. Стартовый капитал, действительно, сколотил, а разбогател по-настоящему не так. Для этого нужно перехо-

доть на следующий уровень. Пришлось увеличить мощность установки и изменить подход, — поднялся Лев. — Пойдем, покажу.

* * *

В комнате, оказывается, была еще дверь, на которую я не обратил внимания. Мы перешли в зал. Это был ЗАЛ! Биржа. Центр управления полетами. Огромные экраны по стенам, по которым стремительно неслись котировки и змеились графики. Десятки людей сидели за мониторами и деловито нажимали на кнопки.

Мы прошли весь зал, направляясь к зеркальной стене с другой стороны. Зачем-то я взял с собой пепельницу. Понравилась она мне.

— Вот это да! — только и смог сказать я, когда за нами закрылись прозрачные двери лифта и открылась панорама зала сверху. — Чем заняты эти люди?

— Покупают, продают.

— Что покупают-продают?

— Да все. Валюту, акции, золото, нефть. Все, что имеет ценность.

— Так у тебя что, своя биржа?

— Не совсем. Это они, — Лев показал рукой на зал, — так думают. А на самом деле...

— А на самом деле ты в принципе заправляешь всем?

— Именно так. Я регулирую курсы валют и прочее.

— КАК?

— Меняю их стоимость. — Он опять сел за подобие стола с кучей ящичков, в каждом из которых лежала... бумажка. Купюра! Тут были доллары и евро, фунты и песо, кажется, иены и юани, и еще, еще, еще... — Берем, включаем установку. И все. Готово.

— Ты хочешь сказать, что, изменив ценность этих бумажек, то же самое ты сделал и со всеми остальными?

— Именно так. Только в очень мизерной степени. Согласись, что сто долларов в масштабах американской валютной системы — это ничто. Ноль. Пустышка.

— А это-то как? Они же в столе не лежат? — изумленно спросил я. — Ну и дела...

— А... — рассеянно махнул рукой Лев. — Тут еще один физический эффект используется. Сверхсветовое взаимодействие связанной пары фотонов. Если слышал про такое. Не заморачивайся.

Ценность купюры, действительно, изменилась в пределах этого ящика, но, если «выпустить на волю» это изменение, оно, естественно, тут же сгладится. На одну купюру действует вся денежная масса. Закон сохранения энергии. Так вот, этот ящик у меня просто для проверки. Бывает, не идет операция. Непонятно, почему. Тогда отключаю выход в глобальную систему и проверяю здесь. А работать на глобале надо с серьезными суммами. Так гораздо быстрее. У меня в подвале рабочие корзины. В каждой по сто миллионов разными валютами. Вот с ними я и работаю. Хочешь посмотреть?

— Еще бы! Никогда не видел доллары в мешках!

— Потом сходим. Дело у меня там внизу поставлено следующим образом. Допустим, я говорю, что мы сегодня должны взять сто миллионов зеленых. Разумеется, на колебаниях. Они думают, что я знаю, когда пойдут эти колебания. И за это считают меня финансовым гением! Но никто не подозревает, что эти колебания я же и произвожу! Тем более таким способом. Но это — лирика. Диспетчер разбивает схему по терминалам. Чтобы не фигурировали крупные операции. Ну а оператору остается только покупать и продавать. Работаем по плану. Если перебор, то сбрасываем. Вот в таком духе.

Начнем, — сказал Лев и взял микрофон: — Внимание, готовность. Через 10 минут начинаем операцию. Работаем на треугольнике фунт — доллар — иена. Идем на токийскую биржу. Задача — взять пятьдесят миллионов долларов. Но это — максимум. Если пойдут сложности, достаточно тридцати. Сегодня делаем все мягко, чисто, незаметно. Короче, без напрягов. Если форс-мажор, докладывать сразу мне. Все, пошла готовность.

Да, кстати, а ты сам не хочешь попробовать?

— Хочу, конечно, а как?

— Вон там, в углу, резервный терминал. Садись за него и жди. Я тебя выведу. Скажи мне название твоего банка и номер счета. Сейчас на себя будешь работать.

Я сел за терминал и стал ждать. Лев поколдовал за своим, и у меня засветился экран. Все оказалось достаточно просто. Выбираешь счет, на который денежки побегут, валюту, в которой желаешь получить доход, и тот самый треугольник. Курсы валют треугольника ползли по экрану кривыми, похожими на энцефалограммы. Справа располагались три регулятора-ползунка. И кнопки — «купить», «продать», «авто», «стоп».

Принцип я понял сразу. Двигаешь ползунок вверх — курс растет. Теперь можно продать. Двигаешь вниз — курс падает, можно покупать. Очень интересно, можно сказать прикольно! Действительно финансовый гений... Ай да Лев! Кто еще так сможет?

Через несколько минут это мне даже поднадоело. Ничего интересного. Нажимай на кнопку — и деньги твои. Даже разочаровался слегка. Но цифры на счете продолжали расти.

— Да расслабься, покури. Поставь на автоматическую обработку и пивка попей, если хочешь. — На мониторе у Льва было нечто более сложное, с чем он и управлялся, интенсивно перемещая регуляторы. — Никуда твои денежки не убегут.

На автомате счет стал наполняться гораздо быстрее. А нулей-то сколько! Уже сто тысяч? За пять минут?! Ну ни хрена себе! Уже больше... больше... Это деньги... МОИ деньги! Я смотрел на счет, не в силах оторваться.

— Ну и как? Нравится? — Лев в своем углу поговорил по телефону и обернулся ко мне: — Давай закончим на сегодня? Выключаю тебя. Сейчас в ресторан поедem.

«Да... можно и закончить... Если бы миллион набежал... Потом он меня сюда не пустит... Вот гад... — пронеслось у меня в голове. — Нет, все надо сделать здесь и сейчас! Пока не выключил!»

— Уже закончил. — Я с улыбкой встал из-за терминала, подошел сзади к другу детства. И врезал пепельницей ему по башке.

Вернувшись за свой терминал, я снова включил все на автомат, но тут заметил еще несколько кнопок. Как на калькуляторе $\times 10$, $\times 100$, $\times 1000$, $\times - \times$.

— О блин, да это масштаб! — удовлетворенно подумал я, нажимая на $\times - \times$. — Прекрасно, времени уйдет меньше! Сколько бы тут поставить? Поставим сколько строка ввода позволит!

Графики сделали толстыми, как змеи. И дергаться перестали. А стали возрастать и опадать с каким-то гипнотическим воздействием. Как океанские волны. Медленно и неотвратно. Почему-то стало страшновато на них смотреть. Чувствовалась в них скрытая мощь. Да хрен с ними. Это пройдет. А счет-то как растет! Так, миллионов у меня уже много, пора задуматься и о миллиарде, как сказал Вильям наш Шекспир. Так, посчитаем циферки... мои хорошие... мои милые... расцелую! Это сколько-сколько? Сколько?! Как это число называется?! Этого не может быть!!!

— Я... я... триллионер! Ха-ха! — заорал я во весь голос, наблюдая, как увеличивается число разрядов на моем счете. Прямо как в фильме «Машина времени». — Я триллионер!

Внезапно из угла раздался слабый стон. Лев очнулся от моих восторженных воплей и, размазывая кровь по столу, попытался сесть. Это у него не получалось. Внезапно Левин монитор заморгал красным. Зазвучал приятный женский голос:

— Внимание, внешнее противодействие. Остановите систему. Внимание, внешнее противодействие...

— Беги... дурак... — прошептал Лев из последних сил, — бомба...

Какая еще бомба? Бомба?! Ну бомба — это, конечно, перебор. А вот спецназ может нанести визит. Бриллиантовый дым ураганом выдуло из головы. Сознание резко прояснилось. Что со мной случилось?! Что я делаю, идиот?! Быстро валить отсюда! Схватив со стола ключи от машины и бросившись в лифт, краем глаза успел заметить, как Лев что-то нажал на маленькой корбочке. Снова зазвучал женский голос:

— Внимание, срочная эвакуация. Покинуть здание. Внимание, срочная эвакуация. Покинуть здание. Внимание...

По залу я бежал уже под гудки сирены. За мной началась давка. Зато впереди препятствий не было. Охрана убежала первой. Ворота тоже были уже открыты, и через них на полном газу вылетали машины. Ну и я за ними.

Пучок вольфрамовых стержней мягко соскользнул с направляющих американского военного спутника. Спустя несколько секунд стержни вошли в атмосферу в нужной точке на скорости восемь километров в секунду. Сверкающие полосы с неба, подобно молниям Зевса, вонзились в здание. От карающего удара

здание даже не разрушилось, оно просто превратилось в пыль, всплывшую над горизонтом, подобно ядерному облаку.

Дорога была идеальная, поэтому я успел проехать километров десять, до того как раздался тяжкий удар. Успел! Успел смотреться! Газу!

— Интересно, как там мой счет поживает? — Через несколько минут нагловатое спокойствие вернулось ко мне. Паники нет, как и тех машин. — Сейчас заедем в банк... Удивим людишек... Начнем жить по-новому, так сказать!

Но поехать в банк не получилось. Замигал датчик топлива. Ну да, вчера бак проехали по полям. Так-с, надо на заправку. Пока ищем, послушаем, что в мире интересного. Люблю новости. Закурив сигаретку, я нашел волну новостей:

— ...Президент Соединенных Штатов от имени правительства принес президенту России извинения за случившийся инцидент и заявил о готовности устранить последствия и возместить ущерб от повреждения собственности. Напомним, в результате аварии на американском метеорологическом спутнике от него отвалилась деталь большой массы и упала на территории России. Так обломок спутника оказался в пригороде на территории склада аграрной фирмы и причинил незначительные разрушения. В результате аварии никто не пострадал. МЧС устраняет последствия аварии. Вернемся к главной новости дня. По сообщениям ведущих мировых агентств, сегодня утром случился небывалый в истории финансовый кризис, уже получивший название «Черная дыра». По непонятным причинам буквально за несколько минут последовательно обрушились курсы почти всех ведущих мировых валют. Биржи охватила паника. Попытки ведущих банков стабилизировать ситуацию путем массированных валютных интервенций привели к обратному результату — колебания курсов валют стали совершенно непредсказуемыми. Только в течение часа курс доллара по отношению к евро падал почти до нуля и возрастал до нескольких тысяч. Евро вели себя почти аналогично. Самой стабильной валютой на текущий момент остался швейцарский франк, но это, по-видимому, случайность. У финансистов и экономистов даже нет термина, чтобы описать случившееся. По последним сообщениям, во всех странах начался стремительный рост цен буквально на все! Мир охватывает

гиперинфляция! Во многих странах начались массовые грабежи и погромы. В ряде стран на улицы выведены войска и объявлен комендантский час.

«Ох ты, неплохо... поработали», — сказал я сам себе и выщелкнул окурок в окно, сворачивая к заправке.

— Представители министерств и банков ведущих держав мира уже сделали заявления, суть которых сводится к одному — экономика всего мира рухнула. Только что получено сообщение — пять минут назад остановлены торги на всех мировых биржах. Президенты и финансисты ведущих стран срочно вылетают в Лондон, чтобы обсудить создавшееся положение. Следите за новостями...

Выйдя из машины, я направился к кассе. Там уже стояли водители и матерились. Похоже, здесь не продают. Плохо.

— И куда, мать твою, нам сейчас деваться? — орал один из них прямо в окошечко.

— Ничего не знаю, сказано — нет бензина! Валите все отсюда! — срываясь на визг, закричала кассирша и захлопнула окошечко.

В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО

В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо свое, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.

И орел не взмахивал крылами,
Звезды жались в ужасе к луне,
Если, точно розовое пламя,
Слово проплывало в вышине.

Николай Гумилев

— Толстый, Толстый, где же ты...

— Эй, Ганс, да подох он уж давно с голоду-то. Зря мы вернулись в деревню-то.

— Тссс... Слышишь, Карл?

— Да нету тут никого. Стейнтоды¹ давно ушли — одни развалины повсюду, на дни пути. Слух был: эти черти крашенные уж замок самого барона осадили. Говорил я Марте, дуре-то моей брюхатой: «Не спасешься в Стахлхарте»! Возьмут в кольцо — и пиши пропало: засуха ж нынче, колодцы сохнут, мясо гниет. А она, дура: «Защитит-де барон меня и дитя!» Да и поросенка продать повыгоднее хотела. Эх... Там, говорят, солдат целая сотня, а Марта-то моя красавица. Э-хе-хе...

— Тише... Слышишь? Мычит, родименький! — Ганс бросился к коровнику, чудом уцелевшему среди нагромождений блестящих в лунном свете камней, точно смятых рукой великана, странно оплывших и испещренных вязью причудливого письма.

¹ Стейнтод — от *нем.* Stein (камень) и Tod (смерть) — смерть камня.

— Толстенький мой, славненький мой... — Ганс, радостный до слез, выволакивал за обрывок веревки огромного быка. Тот слабо сопротивлялся, тяжело и шумно дышал, поводя облезлыми боками и роняя пену.

Скоро бык успокоился, слыша ласковое воркование хозяина. Наконец, довольно засопел.

— И куда ты с ним? — Карл не без зависти зыркнул на счастливую парочку.

— Да уж знамо не в Стахлхарт, дружище.

— А я вот, может, к стейнтодам подамся! Говорят, всех принимают. Даже тех, кто писанине ихней пока не обучен, а просто в оружии толк знает. А кто ж у нас в оружии-то не знает? Строго там, правда, — и почти всегда молчи знай, и рожу себе разрисуй. Но кормят, говорят, хорошо.

— А хотят они чего, Карл? — Ганс неторопливо почесывал быка за ухом.

— Да кто ж их разберет-то? Нынче все чего-то хотят.

— А может, и дело — к ним податься, — подумав, степенно согласился Ганс. — Я неплохо стреляю из арбалета. Отец мой недаром носил прозвище Гюнтер-стрелок.

* * *

Барон Ульрих фон Хинтерн швырнул на пол кость с остатками мяса и облизал жирные пальцы. Его маленькие пронзительные глазки буравили невозмутимое лицо единственного собеседника, тощего унылого вервальтера¹. В пустой зале, увешанной драными гобеленами, было душно.

— Фридрих, я хочу точно знать, сколько этих бездельников обедает мой замок!

У завернутых пледом обрубков ног барона собаки яростно грызлись за брошенную кость.

— Я сделал тебя управляющим и сделаю хозяином замка. Ты обязан знать точные цифры! — сердито продолжал барон. — Давай-ка посчитаем... Гарнизон у меня — пятьдесят рыл. К ним еще десяток беспардонно жрущих мои окорока крестоносцев, при-

¹ Вервальтер — от нем. Verwalter — управляющий.

тащивших мне на сохранение этот... эту... святейшую хрень, которую Святой престол все не сподобится у меня забрать. И вот дождались — эта хрень сильно понадобилась стейнтодам! Знаешь, Фридрих, иногда меня охватывают сомнения, не зря ли я оставил обе ноги в пустынях Святой земли... Проклятье, как же здесь жарко! Я, кажется, посылал за вином!

— Слушаю, ваша светлость, — чуть дернулось лошадиное лицо вервальтера.

— Сколько женщин и детей сбежалось со всей округи, а? Стены Стахлхарта скоро лопнут, как и мое терпение! И сколько, наконец, чертовых стейнтодов набралось под стенами моего замка и в окрестных лесах?

— Несколько тысяч, ваша светлость.

— Проклятье! — Барон бессильно откинулся на подушки. Кисти сильных рук сжались в кулаки так, что побелели костяшки пальцев. — И хотят они, надо понимать, все того же?

— Да, ваша светлость, все того же, — уныло подтвердил Фридрих. Груды пустых и недвусмысленно раскрытых нараспашку сундуков, шкатулок и коробов из разоренных деревень валялись у рва вблизи замка. На крышках красной краской был грубо намаляван знак крестоносцев. Краской ли... — Но людей они согласны пощадить. Если те перейдут к ним.

Барон досадливо отмахнулся:

— Люди, люди... Что люди — людей-то много, плюнуть некуда, а замок у меня один! А что гонцы, а? Сколько солдат пришлют из Столицы?

— Гонцы перехвачены и убиты, ваша светлость.

Принесли вино. Барон хлебнул холодного рислинга и мрачно задумался.

— Но есть и хорошие новости, ваша светлость, — снова невыразительно подал голос Фридрих.

— Ну? — подозрительно глянул барон.

— Аббатство святой Девы Марии обещало прислать в замок отца Родгера, священника, Мастера слова.

— Вот только орущего святоши мне тут не хватало! — заревел барон в ярости. Священников он на дух не переносил. Особенно после того, как милосердные святые братья оставили его уни-

рать на поле боя в далекой Палестине, присвоив фамильный меч и деньги — безногому-де оно все без надобности.

* * *

Стахлхарту минуло пять сотен лет. Не отличаясь большим разнообразием вкуса, предки нынешнего фон Хинтерна старались увековечить себя, множа кольца стен, расширяя вверх, вширь и глубоко под землю этажи, достраивая неуклюжие башни, арки, внутренние мосты и галереи — до тех пор, пока замок не стал похож на необъятное каменное лицо больного чумой. Три гигантские, грубые в своей строгости и простоте башни венчали всю эту почти уже беспорядочную грудку строений: Хеулен, Руф и угловой Дрохнен — Вой, Крик и Гул. Если бы не эта страшная память былым осадам, Стахлхарт был бы похож на один из множества каменных муравейников, налепленных по берегам Рейна до самого Домлешг-Хайнценберга.

Дрохнен был когда-то стоявшей особняком сторожевой башней, неприступной на разлившемся Рейне. Но с тех давних пор река обмелела (часто стояли засушливые годы), замок разросся, и башня стала частью Стахлхарта.

...Никто не мог и вообразить, что однажды ее вдруг не станет.

По выщербленной винтовой лестнице слуги втащили барона на стену — и тут же бегом устремились прочь. Оттуда он, ругаясь и кашляя, протирая слезящиеся глаза и смахивая пот с лысого черепа, оторопело глядел на оседающие в пыли развалины Дрохнена. А все пространство перед замком, почти от широченного рва с водой и до кромки сизого леса, было покрыто молчаливыми шеренгами стейнтодов. Барон содрогнулся — что-то неестественное, нечеловеческое, что-то от затаившихся насекомых было в этом едином молчании сотен одинаковых людей. Прищулив некогда зоркие глаза, фон Хинтерн разглядел бесстрастные лица в первых рядах, разрисованные жирными черными штрихами — непонятными и пугающими символами.

— Десяток человек этой ночью переплыли ров и прокрались под стены, барон. Нанесли краской на основание угловой башни свои знаки. И башня рухнула.

Ульрих фон Хинтерн резко обернулся. Перед ним стоял невысокий худой человек в пыльной, местами продранной белой рясе с откинутым назад широким капюшоном и в грубых сапогах. Большие бесцветные глаза на резко очерченном и тоже перемазанном грязью лице внимательно рассматривали барона. В руках гостя был моток толстой веревки с крюком на конце. Веревка была такого же неопределенного грязно-бурого цвета с белыми волокнами, как и длинные волосы священника.

— О, пробрались через полчища врагов и в одиночку вскарабкались на стену? Отец Родгер, я полагаю? — издевательски протянул барон, желая хоть как-то выместить свою ярость.

— Нет, я прибыл ночью. Через ворота. На ослике, — спокойно ответил Родгер. — А сейчас пытался прочесть, что там написано, — кивнул он вниз, на развалины башни.

— Смотрю, вы уже в гуще наших скорбных событий. Простите великодушно, что не встаю поприветствовать такую достойную персону. Чего угодно? Быть может, бокал холодного рислинга, помянуть старушку Дрохнен?

— Барон, — сухо ответил священник, — где ваши защитники? Почему не установлены огненные блиды?¹ С восточной стороны, у леса, много сухого кустарника — если его поджечь...

— Я как раз занимаюсь этим вопросом! — раздраженно перебил фон Хинтерн, как старый вояка, взятый за живое командным голосом какого-то священника. — Вот что, если желаете водушевить защитников, прочесть «Отче наш» или кого-нибудь там исповедать — милости прошу... А, Фридрих! Какого черта?! Почему пусты стены?!

— Люди боятся, ваша светлость, боятся, что все стены рухнут.

— Проклятье! Скажи, что вздерну каждого третьего! Эй, вы, чертовы бездельники, живо несите меня вниз! А то переполошились, точно воробыи при виде ангела Легиона с миллионами крыльев! Крашенных уродов не видали?!

Они всегда приходят в жаркие голодные годы. Неизвестно, откуда. Сначала небольшие их группы ходят по деревням — молчаливые, спокойные, уверенные. Раздают еду и одежду. И люди уходят с ними. Это уже потом они начинают все разрушать...

¹ Блиды — разновидность катапульты, распространенная в средневековой Германии.

Их видал еще дед Ульриха, барон Фосс фон Хинтерн — тогда стейнтоды не тронули замка, прошли мимо, следуя своим неведомым целям. И исчезли на годы. Но вот вернулись. И теперь все иначе.

Яростно озирая столпившихся на внутреннем дворе и галереях сумрачных людей, Ульрих фон Хинтерн набрал в грудь побольше воздуха, но его опередил незаметно оказавшийся рядом священник.

— Вот веревка, по которой я только что спускался к разрушенной башне, — буднично сообщил Родгер, подняв над головой моток с крюком. — Вот камень рухнувшей башни, который я подобрал. — Он нагнулся, осторожно поднял обеими руками огромный булыжник, испещренный черными знаками, и швырнул на середину двора. Ударившись о брусчатку, тот рассыпался в пыль. Ропот прошел по рядам, люди испуганно попятились. — А вот это камень из той стены, на которую нужно установить четыре огненные блиды! — Родгер поднял другой камень и, развернувшись, с неожиданной для своего телосложения силой запустил его в ближайшего солдата. Мощный удар пришелся тому в грудь и повалил.

— Крепкий, хороший камень. Стена из них выдержит много людей, как держала сотни лет до нас. Чтобы обрушить стену — нужно подойти к ней и нанести на нее символы, и сделать это можно только руками и красками. Так не подпустим же стейнтодов поганить Стахлхарт!

«Совершенно обычный у него голос, — думал барон, ожидавший по меньшей мере азартной проповеди от своего незваного „помощника“. Он наблюдал, как люди на стенах споро возятся с тяжелыми метательными машинами. — Ну совершенно обычный голос — у рыночной торговли и то громче. Да и слова тоже нехитрые. Тоже мне, Мастер слова».

* * *

Наступила душная ночь. Стейнтоды отошли к реке, чтобы хоть как-то защитить себя от жара горящего леса. Защитники от-

дышали. На зубах хрустел доносимый ветром пепел, но колодцы замка были полны восхитительно прохладной воды.

Из раскрытого окна покоев барона небо было по-южному звездным — почти как в Палестине. Только рисунок созвездий был другой.

— Вэн ди золда-а-атен дурх ди штад марши-и-ирен... ай, варум? Ай, дарум...¹ — тихонько затянул подвыпивший фон Хинтерн, но тут же замолчал. Эх, не так хрипло и надтреснуто звучал когда-то его голос! И когда-то у него были целы обе ноги. Были конь и меч. Была песня... И ничего, кроме этого, ему тогда не требовалось, в те светлые годы его юности...

— Мы можем поговорить, барон?

— Разумеется, святой отец! — Голос барона на этот раз звучал гораздо более любезно. — Хорошо ли вас устроили? Ужинали?

— Нужно сдать замок. И чем скорее, тем лучше.

— Что?! — От неожиданности барон, благодушно устроившийся в мягком кресле, чуть не подавился рислингом. — И это после того, как мы так здорово надрали им задницы?!

— Мы выиграли время. Получили возможность торговаться, но не более того. Я ведь знаю, что им от вас нужно, барон. И уведите людей из замка — чем скорее, тем лучше. Иначе они погибнут или — что несоизмеримо хуже — пополнят ряды стейнтодов.

— Чушь собачья! Я не сдам замок! Вы что, не видели, как заживо горели эти твари, и как остальные бежали к реке? Да в ближайшие дни они не пошевелиятся, мы пошлем гонцов в Столицу и...

— Поймите, они не люди... Им не нужен отдых и почти не нужна пища. Им нечего терять, потому что они забыли детей, жен, отцов...

— Мне кажется, отец Родгер, — вкрадчиво произнес барон, — вы очень много знаете об этих крашенных вырождаках. Так поделитесь — и это поможет нам с вами удержать замок. Сядьте сюда и делитесь — Господь велел быть щедрыми!

Священник вздохнул, сел, устало потер ладонями лицо и произнес:

¹ Wenn die Soldaten durch die Stadt marschieren... Ei warum? Ei darum!.. — Когда солдаты по городу шагают... Эй, почему? Да потому!.. (нем.) (фразы из песни).

— Все дело в обнаружении законов соответствия...

— Соответствия чего? И чему? Простите великодушно, я учился слишком давно, чтобы углубляться в диспуты. Вы знаете, как они разрушили мою башню? Знаете — так скажите, черт вас дерит!

— Столп или колонна здания — это символ буквы, своды и арки — символы слогов, пирамиды и башни — символы слов. Символы, создающие жесткие каркасы, четкие структуры... И все они приводятся в движение теми, кто владеет искусством такого письма. И владеющие им, понявшие соответствие, могут разрушать целые города, как в древних сказаниях это могли делать восточные джинны. Камень становится послушным их письмам. Вы понимаете меня?

— О джиннах я читал только переводы с арабского на греческий, — задумчиво отозвался барон, с интересом выслушав Родгера.

Родгер чуть усмехнулся:

— Вот бы не заподозрил в вас знание греческого.

— А я не принял бы вас за Мастера слова, — парировал, ухмыльнувшись в ответ, барон.

Где-то фон Хинтерн уже видел этого священника...

— Так вот, стейнтоды поняли соответствие камня и символа. Они не единый народ, не армия, не секта — они как муравейник, безликий и сильный только своим числом. Каждый из них — один символ, и, чем их больше, тем сложнее и разрушительнее «тексты», которые они могут порождать.

— Колдуны чертовы! — Барон, не стесняясь священника, грязно выругался. — Хорошо, отлично, суть я уловил... Но скажите мне теперь вот что, святой отец. И вы, и я знаем, что им нужно... ну, помимо моего замка и моих людей. Реликвию, что привезли мне на хранение из Святой земли лет уж двадцать как! Скажите же мне, простому, недалекому солдафону, какого черта Святой престол до сих пор не забрал ее у меня?!

Родгер замолчал, желваки заходили у него на скулах.

— Достоинство человека не в том, чтобы стать слепой буквой среди многих букв, а в свободе воли, в широте и разнообразии духа, в неповторимой личности, которую нельзя усреднить, упо-

рядочить и ограничить, — медленно, подбирая слова, произнес он. — Достоинство человека — в самом имени его, которое он теряет, присоединяясь к безликой стае стейнтодов, в именах его родителей, которых он забывает!

— Ну... — подумав, несколько озадаченно протянул барон. — Издалека ж вы начали... Но что плохого в буквах-то? Этак вы, святой отец, и книги будете отрицать?

— Да нет же! — Родгер, поморщившись, вскочил на ноги. — И книга, и слово есть высшие проявления человеческой мысли и души, их гармоничные и совершенные отражения. Писанина стейнтодов — это не книга, это структура из символов... Это сложнейшее орудие, где каждая деталь стоит строго на своем месте и важна только для того, чтобы орудие выстрелило. Никакого отношения к книгам это мертвое, застывшее образование не имеет, там ничего не изложено! Я пытался понять принципы его построения, пытался сопоставить с речью, прочесть, вычленив подобия гласных или согласных звуков, но, увы, не преуспел. Это бесконечные наборы никак не связанных между собой коротких слов, смысла которых я тоже не уловил...

Родгер замолчал, погрузившись в размышления.

— Святой отец, а в ларце-то моем что? — спросил барон.

— Стейнтоды хотят уничтожить живое Слово — то, что абсолютно не поддается их символической структуре, что непонятно им и мешает получить окончательную власть над людьми. Уничтожить то, что хранится у вас, барон. И уничтожить стены, годы служившие убежищем Слову и пропитавшиеся его силой. Вы храните последнее Слово Господа, произнесенное им на кресте. — Глаза священника словно осветились изнутри. Осветились гневом. — А Святой престол посчитал существование Слова еретической выдумкой.

Их беседа была прервана появлением Фридриха:

— Ох, ваша светлость... Они снова идут на приступ, только теперь... теперь...

— Упала башня — мы б услышали!

— Ох, нет, еще хуже... — Насмерть перепуганный вервальтер даже не заметил, что перебил хозяина.

— Поздно, — прошептал Родгер, прикрыв глаза.

— Несите меня на стену!!! — Еще никогда барон Ульрих фон Хинтерн так остро не ощущал собственное бессилие.

* * *

Светало. И снова все пространство вокруг замка было занято. Но не людьми. Оно оказалось изрисованным все теми же непонятными знаками. Даже темные воды Рейна вдоль берега были покрыты размаляванными плотиками на якорьках.

— Когда ж они успели?! — чуть не зарычал барон.

— Думаю, они рисовали заранее. А теперь просто принесли и разложили куски дерна в нужном порядке, — ровно сказал Родгер.

— Сколько ж намалевали, сукины дети... Списки, списки — черт знает что такое... — бормотал барон.

Родгер вдруг выпрямился. Радость, сомнение, надежда разом отразились на его лице:

— Дайте мне ларец со Словом.

— Переговоры хотите? Не поздно ли? — угрюмо буркнул барон. — И послушайте, я определенно где-то вас видел...

— Ай, варум? Ай, дарум, — вдруг широко улыбнулся священник, сверкнув белыми зубами. Лицо его стало как будто моложе.

— Господи! Родгер! — ударило, наконец, узнавание. Теперь барон произнес это имя уже иначе.

— Думал, уж и не узнаешь, Ульрих.

— Сколько ж лет-то прошло!

— Много, Ульрих, много... Не виделись с тех пор, как я привез тебе ларец со Словом. Да, как видишь, не особенно его жаждал Святой престол.

— Что-то не слышно о тебе было. Ты сильно изменился. Подумать только, ты когда-то носил цвайхендер...¹ Хотя — ха! — я тоже не похоронел с тех пор.

— Диспуты о существовании Слова и его сути закончились ничем. Орден Слова разогнали, Великого магистра сожгли, а меня вот отправили в вашу глушь. Хотя тоже могли сжечь. Мне

¹ Цвайхендер — от нем. *Zweihaender* — двуручный меч.

долго пришлось доказывать свою невиновность там, куда лучше не попадать. — Лицо Родгера дернулось, но он тут же снова вернул улыбку. — Однако я тороплюсь. Поговорим и выпьем, когда я вернусь.

— Так ты теперь священник, а священники не пьют, — ухмыльнулся барон.

— Ну вот еще! Меня ж в еретики записали.

Принесли ларец. Барон и священник несколько минут молчали.

— Послушай, Родгер, — заговорил, наконец, барон, уже не разыгрывая веселость, — если бы я мог сейчас пойти с тобой...

— Но ты не можешь. И если ты поставишь на стены всех своих людей, способных держать оружие, то расстояние между ними будет не меньше ста футов. А если выведешь в поле весь свой убогий гарнизон — полягут все. Ты же никогда не был дураком, барон.

— Останься!

— Уведи людей из замка. Они ценнее подвалов, забытых ринглингов и киршвассером. Спаси людей, Ульрих! А мне открой ворота.

По знаку фон Хинтерна открыли ворота и опустили подъемный мост.

— Родгер! — окликнул барон. — Ты сам положил Слово в ларец?

— Нет.

— Тогда откуда ты знаешь, что оно там лежит?!

— Я верю.

Родгер, с ларцом в руках, медленно шел по полю, усеянному письменами. Долго приглядывался, шевелил губами, считая гласные, подбирая согласные.

— Что же здесь может быть написано... Что-то такое, что было их силой, когда они еще были людьми, когда были личностями, когда были счастливы... Что-то, что они теперь отдают, что-то сильное, дающее им, теперешним, власть над камнем и твердью...

Будто в ответ на слова Родгера земля задрожала, как если бы вулкан в ее недрах готов был проснуться и разорвать в клочья все вокруг.

— Не может быть, — вдруг пробормотал он, остановившись как вкопанный. — Господи, помоги мне...

Барон, поддерживаемый слугами на высокой стене замка, услышал, наконец, истинный голос Мастера слова.

— Джереон, сын Вилфрида, внук Вертэра! — нараспев читал имена на земле Родгер. — Помни имя свое и род свой! Помни песни, что пела тебе твоя мать! Берхард... Конрад... Генрих...

Звучали все новые имена из устлавшего землю списка тысяч пропавших людей. Родгер звал матерей, забывших своих детей, читал имена чад, не помнящих родителей.

Голос оживлял мертвые письмена, превращая их в звук, ломая заостреннейшие структуры заклятий стейнтодов. Голос плыл между небом и землей, казалось, он заполнил собой весь мир.

На краю леса зародилось движение — к Родгеру бежали люди. Нет, не люди — накатывала безликая волна! Звякнули арбалетные болты.

— Адалвалф... Хладвиг... Эуген...

Болт вонзился в грудь Родгера, заставив резко выдохнуть и замолчать. Он пошатнулся, упал на колени, облизнув губы, продолжил читать. Еще один болт. И еще. Родгер ткнулся лицом в сухую землю, вспоротую письменами, — они расплывались перед его мутнеющим взором. Кадык судорожно дергался, священник силился произнести последние слова. Молитву о своей душе? Исповедь? Рот наполнился кровью. Нет! Слишком драгоценно сейчас слово, чтобы тратить его на молитву, — ведь каждое из них было чьей-то возвращаемой жизнью.

— Карл!.. — невероятным усилием вытолкнул он из себя. — Сын Хартвига, внук Джеррита!.. Ганс!!!.. Сын Гюнтера... внук Юргена...

* * *

— Эй, Ганс, это ты, что ль? Господи, что было-то со мной — вроде у коровника говорили, потом пошли куда-то... Да к краше-ным же! А там и не помню ничего... Господи, как-то тоскливо мне на душе! Но сейчас уже лучше, да... Дождь никак? О! Капуста вырастет, слава богу!

— Ох, Карл, а в чем это рожь у тебя? А где Толстый?! Увели небось...

— Смотри, Ганс, сундук какой-то валяется. А рядом священник...

— Мертвый?

— Да мертвее не бывает, утыкали ж как ежа.

— Наверное, разбойники ограбили и бросили. Вот нехристи!

— Господи, прими душу его!

— Господи, прими душу его... Может, деньги там? Ему-то уж они не понадобятся, как думаешь? Я вот думаю — нет, — рассудительно проговорил Ганс.

— И я думаю, не понадобятся, Ганс, — согласился Карл.

— Ну открывай.

— Крепкий замок.

— Ну ломай тогда!

— Эк...

— Чего там, Карл?

— Да пустой... Тьфу ты! Ни монетки нету! И жрать охота!

— Пойдем отсюда, что ль, Толстого поищем, а то дождь вон все сильнее льет.

— Эх-хе-хе, как там Марта-то моя... Может, к барону податься?

— И то дело.

* * *

Проливной дождь смыл все знаки вокруг Стахлхарта. Барон и Фридрих выводили людей из замка. Под проливным дождем спешно грузили лодки, отправляющиеся вниз, по широкому Рейну. Лодок еле хватило на всех — люди подходили и подходили, их оказалось чуть ли не вдвое больше того числа, что называл барону Фридрих, хотя последний клялся и божился, что подсчитал всех правильно. Одну лодку едва не потопили двое мужчин и женщина, тащившие быка. Наконец отчалили. Люди споро гребли. В двух днях пути было аббатство святой Девы Марии — говорят, там остались еще Мастера слова.

Башни Хеулен и Руф словно истончались в водяной дымке. Они напоминали барону два гигантских рога на огромной бесформенной голове. Как будто уходящая в землю голова дьявола,

нечаянно возведенная предками барона. И он вдруг подумал, не виновны ли сами люди в том, что перестают быть людьми, ибо не ведают, что творят... Быть может, стейнтоды — всего лишь еще одна страшная заразная болезнь, подобная чуме, посланная за грехи? А может, ее принесли из жарких стран крестоносцы? Кто знает...

Дождь перестал. Далеко позади лодок послышался глухой гул, темная вода всколыхнулась. Барон обернулся — двух башен и почти половины замка не стало. Нелюди, подчиняясь своей нечеловеческой логике, остервенело рушили опустевший Ста-хлхарт.

— Пусть подавятся моим рислингом... — пробормотал барон и хрипло затянул песню, слова которой раньше делали его таким счастливым:

Wenn die Soldaten
durch die Stadt marschieren,
Oeffnen die Maedchen
die Fenster und die Tueren.
Ei warum? Ei darum!
Ei warum? Ei darum!..¹

¹ Когда солдаты
По городу шагают,
Девушки окна
И двери открывают.
Эй, почему? Да потому!
Эй, почему? Да потому!

Я НЕ ХОЧУ УМИРАТЬ

- Здравствуй, — девушка открыла глаза. — Как тебя зовут?
- Тим, — представился я.
- Здравствуй, Тим! Ты должен меня настроить.
- Конечно.

Я подошел к андроиду. Девушка была очень красивая — тонкие черты лица, огромные глаза, светлые волосы, отличная фигура. И почти как живая. Впрочем, биороботы все такие.

Так, что там с настройками? Я вызвал на экран программу андроида. «Как меня зовут?» Ну пусть будет Тая... «Как обращаться к тебе?» По имени — Тим. «Каковы твои сексуальные пристрастия?» Ого, какой внушительный список! Выберу-ка я это и вот это. Пожалуй, можно попробовать и это тоже. Для разнообразия. «Какие предпочитаешь темы для разговоров?» Ну с этим-то как раз все просто — любые...

Через пять минут настройка была закончена. Девушка улыбнулась:

- Тим, хочешь заняться сексом?
- Не сейчас. Давай проверим, что делается снаружи.

Я подошел к экранам, посмотрел. Все нормально: искорки на темном фоне — астероиды, колонки цифр рядом — их масса, траектория полета, степень опасности. Можно пока передохнуть. Пошел в кабину разбирать вещи, по дороге попросил: «Приготовь, пожалуйста, кофе и что-нибудь поесть». Тая улыбнулась: «Конечно».

* * *

Девушек-андроидов на станции слежения решили завести после долгих споров. «Разве человека можно заменить машиной?» — сомневались одни. «Секс с биороботом — это естественно, это нарушение всех законов природы!» — негодовали другие. А вы попробуйте-ка, дамы и господа, целый год провести в одиночестве! Когда кроме тебя на станции никого нет, а за тонкой стенкой — холодная пустота и звезды. Умом тронешься!

Сначала, конечно, на станции посылали семейные пары. Считалось, что муж и жена смогут продержаться год. Но оказалось, что даже самые крепкие браки после года дежурства быстро распадаются. Супруги не хотели даже видеть друг друга и стремительно разбегались в разные стороны.

Тогда начали посылать просто мужчин и женщин, надеясь, что за год они притрутся друг к другу и сработаются. Кандидатов, разумеется, проверяли на совместимость, психологическую устойчивость, взаимную симпатию и пр. Но результаты оказались еще печальнее. После ряда серьезных конфликтов, чуть не закончившихся трагедиями, пришлось отказаться и от этого варианта.

Следующий шаг — одиночки. Сам с собой уж точно не поссоришься! Но тут встал во весь рост вопрос общения. Когда рядом нет ни единой живой души... Какие угодно инопланетяне почудятся! Ладно, без секса можно обойтись, но без разговоров... Сеансы связи обычно бывают очень краткие и формальные — успеть бы передать, что на станции все нормально...

Тогда и придумали посылать девушек-андроидов. Конечно, удовольствие это дорогое (высококласные модели стоят целое состояние), но все равно дешевле, чем потеря целой станции по вине свихнувшегося дежурного. К тому же андроиды не нуждаются в пище, воде, кислороде, питание получают от солнечных батарей, да и служат долго. Как минимум — лет двадцать—тридцать, старения-то у них нет. Дежурному надо было лишь настроить девушку по своему вкусу и заменить старые блоки на новые. Пять минут — и все готово!

В некотором смысле андроиды стали для дежурных идеальными женами: всегда в хорошем настроении, приветливые, вежливые. Никогда не спорят, не скандалят, полностью разделяют вкусы и пристрастия мужчин (в том числе сексуальные), готовят, убирают, помогают... Плюс — общение на любые темы. Как ни странно, но многие мужчины стали воспринимать своих биопартнерш как живых женщин. Бывали даже случаи, когда они хотели забрать их на Землю. Но это строго запрещалось правилами компании. Имущество должно оставаться на станции и переходить от одного дежурного к другому.

* * *

...Наша жизнь с Таей быстро наладилась. Утром — зарядка, завтрак, проверка данных, передача на Землю информации, профилактика и ремонт оборудования. Потом — обед и отдых. Чтение, голофильмы, игры. Тая оказалась отменной шахматисткой, и мы провели немало отличных партий. Мне пришлось даже напрячься, чтобы свести наш турнир вничью.

После отдыха — снова проверка информации и передача на Землю. Вечером — физические упражнения, ужин, чтение, беседы. Разговаривать с Таей можно было на любые темы — она знала практически все. Конечно, я понимал, что это всего лишь хитрая программа, но все же... Как приятно думать, что ей действительно интересно общаться со мной! Ночью — секс и сон. Точнее, спал я, а Тая дежурила в рубке — следила за приборами. Ей отдыхать-то не нужно... И так — сутки за сутками.

* * *

...Беда пришла на третий месяц. Меня разбудил резкий, пронзительный визг тревоги: «Разгерметизация! Разгерметизация!» Я вскочил и бросился в рубку. И сразу понял — обшивка проби-

та, воздух быстро уходит наружу. Тая смотрела на меня удивленными глазами. Если можно так выразиться. Крошечный метеорит пробил обшивку станции и попал ей прямо в грудь. Туда, где находилась основная память. «Закрой чем-нибудь пробойну», — крикнул я, а сам кинулся за скафандром. Если не удастся остановить течь...

Три минуты на одевание, одна — на проверку всех систем. Теперь можно идти в рубку. Я задраил люки и осмотрелся. Приборы работали нормально, утечка воздуха остановилась, сигнал тревоги затих. Тая аккуратно закрыла дырку пластиком и залила герметиком. Отлично, можно приступать к ремонту. Через полчаса я все закончил: заменил поврежденную панель на новую, подкачал воздух из запасных баллонов. И только потом заметил, что Тая неподвижно сидит в кресле. Ее голова упала на грудь, руки плетями повисли вдоль тела, а ноги подогнулись. Черт! Похоже, у нее еще и повреждение системы управления...

Остаток ночи я провел пытаюсь починить Таю. Ничего не выходило. В кладовке нашелся один лишь блок управления, а блока памяти не было. Похоже, мой предшественник заменил старый блок на новый, а запасной заказать позабыл. Что ж, бывает... Придется ждать очередного сеанса связи с Землей.

И вот долгожданный сигнал. Я доложил о ситуации и о поломке андроида. Мне пообещали помочь — прислать подробную инструкцию, как починить блок памяти. Через час я ее получил. Ну что ж, попробуем. Не хотелось бы провести оставшиеся девять месяцев в полном одиночестве...

* * *

...Тая открыла глаза:

— Тим?

— Да, дорогая, как ты?

— Нормально. А что со мной было?

— Ты вышла из строя.

— Потеряла сознание?

— Нет, совсем отключилась. У тебя были повреждены два блока, я их заменил.

— Какие блоки, дорогой? Разве у человека бывают блоки? Ты что-то путаешь!

В глазах у Таи плескалось искреннее недоумение.

— Э...

Я не знал, что сказать. Похоже, я что-то соединил не так. И вряд ли теперь смогу вернуть все обратно. Я же не биомеханик, а всего лишь специалист по астероидам.

* * *

— Я не хочу сегодня секса, у меня голова болит!

— Э...

— Да что ты все время экаешь! Не можешь ничего умнее сказать?

— Ты не мог бы, дорогой, не разбрасывать свои вещи по всей каюте? Вечно валяются где попало! Надоело за тобой убирать!

— Дорогая...

— Знаю, что дорогая. Что дальше?

— Хорошо, все уберу.

— Уж постарайся! Работаю на тебя целый день: готовлю, стираю, убираю — и никакой благодарности. Вот вчера, например, ушел в каюту в девять часов и дрых всю ночь. А я одна в рубке сидела, скучала...

— Ну кто же так ходит? Вот смотри: раз, два, три — шах и мат.

— Но я хотел...

— Потом будешь хотеть! А теперь иди в рубку, скоро у нас сеанс связи. И не забудь заказать мне новую косметичку, пусть пришлют с грузовым кораблем. Старая куда-то делась. Вчера искала — не нашла...

— Черт, палочка опять сломала! Эти вентили такие тугие! Мог бы, кстати, и помочь. Где моя пилка? И не говори, что ее нет, должна быть!

— Не делай вид, что не слышишь меня. Подумаешь, не дала. Обиделся! Я женщина, за мной ухаживать надо. А не так: «раздвинь ноги» — и все. У меня тоже чувства!

— Кстати, когда мы вернемся, познакомишь меня со своей мамой. Как это — зачем? Ты что, жениться на мне не собираешься? И это после всего, что я для тебя сделала? Негодяй, мерзавец!

— Дорогой, раз уж мы решили пожениться, как ты думаешь, можно ли пригласить на нашу свадьбу прежнего парня? Того, что до тебя был. И не ревнуй! Я одного тебя люблю. А он — так, прошлое...

— Нет, белое платье — это сейчас не модно! Хочу кремовый костюм от Юкамоты, с длинной юбкой и шляпой. Как в том фильме. Ну помнишь, мы на той неделе смотрели? Невеста еще очень красивая была... Жаль, что ее потом убили. И хочу кольцо с огромным бриллиантом! Пусть все подружки от зависти умрут!

* * *

...Вместе с очередным грузовым кораблем с Земли пришел новый блок памяти. Я осторожно отключил Таю, заменил устройство, потом снова включил.

— Здравствуй, — девушка открыла глаза. — Как тебя зовут?

— Тим, — вздохнул я.

— Здравствуй, Тим! Ты должен меня настроить.

— Конечно, дорогая...

— Тим, хочешь заняться сексом?

— Чуть позже...

— Приготовить тебе кофе, бутерброды?

— Да.

— Сыграем вечером в шахматы?

— Может быть...

Два дня мы жили как до аварии. Потом я снова поменял блоки.

* * *

— И где, интересно, моя косметика? — Тая уперла руки в боки. — Ты хорошо осмотрел грузовой корабль?

— Наверное, забыли положить...

— Мужчины! — фыркнула Тая. — Ничего вам доверять нельзя, даже такое плевое дело. Ладно, в следующий раз я сама скажу.

— Нет, сегодня у нас секса не будет. Я не в настроении. Ничего не болит, просто устала. Хочу немного полежать и почитать. И не лезь ко мне! А то вообще будешь спать один в рубке на диване...

— Ну ладно, один раз. А потом спать. В смысле — ты спать, а я пойду в рубку. Посижу, поплачу. Я такая несчастная, никто меня не любит...

— Боже, неужели так трудно запомнить: чистое белье — в левом шкафчике на верхней полке, а грязное — в правом, на нижней. И не наоборот! Что за тупица!

— Дорогой, что ты подаришь мне на день рождения? Как это — «а когда он будет»? Ты должен знать! У всех есть день рождения, значит, и у меня тоже! Наверное, ты просто забыл...

— О, дорогой, какая прелесть! Где взял такое милое колечко? Сам сделал? Ты просто очаровашка! Так и быть, прощаю тебя. Как это — за что? За то, что чуть не забыл о моем дне

рождения! Вечно приходится тебе напоминать. Бедная я, несчастная...

* * *

Корабль с Земли пристыковался по расписанию. Я оглядел рубку — все вещи собраны, сумки закрыты. Осталось одно, самое последнее дело.

- Не отключай меня, — попросила Тая.
- Ты же знаешь, я обязан.
- Но тогда я умру.
- Нет, андройды не умирают, по крайней мере не так...
- Нет, я умру. Как личность.
- Я должен тебя отключить, чтобы новый дежурный мог тебя снова настроить. И ты будешь его любить...
- Но я люблю только тебя... Тим, я хочу быть с тобой.
- Я тоже этого хочу, дорогая, но компания строго запрещает брать андроидов с собой на Землю. Ты — ее имущество.
- Тогда возьми один мой старый блок памяти, а на его место поставь новый...

* * *

- Здравствуй, Тим.
- Здравствуй, Тая.
- Мы уже на Земле?
- Да, у меня дома.
- А где здесь зеркало? Я хочу посмотреть на свое новое тело.
- В большой гостиной.
- Ну ничего... Не хуже того, прежнего.
- Я отдал за него все, что заработал на станции...
- Зато теперь я буду принадлежать только тебе. Я люблю тебя, Тим...
- И я тебя, Тая. Разреши познакомить тебя с моей мамой...

ОДНАЖДЫ В ПАРИЖЕ

Вечер наплывал на город, сгущаясь вязким черничным бланманже в предместьях, на узких улочках, под скамейками и деревьями, захватывая понемногу тротуары, мостовые, площади.

Пьер шагал по бульвару Берси, без любопытства скользя взглядом по сторонам. К стенам притулились островки столиков, за которыми устроилась благодушная публика. Поблескивающая стеклышками пенсне и брошами на платьях, щеголяющая белоснежными манишками и смелыми декольте, попыхивающая дымом крепкого трубочного табака и тонкими турецкими сигаретками. Славный вечер наплывал на Париж: пропитанный запахами каштанов, кофе, духов и палой листвы под ногами горожан. Запахом осени, лежащей на город — деликатно, как любящая женщина.

Пьер свернул с бульвара, углубившись в хитросплетение причудливо изогнутых улочек двенадцатого округа. Дорогу в Венсенский лес Пьер выучил наизусть и мог бы добраться до места с закрытыми глазами, даже не ощупью — чутьем.

О поляне в юго-западной части леса шептались вполслова русские таксисты из князей, полотеры из поручиков, русские официанты, грузчики, швейцары. По всему выходило, что именно там сгинул штабс-капитан Разумовский. Правда, тела его в Венсенском лесу не обнаружили. Впрочем, как и в полуподвальной комнате, где штабс-капитан обитал, на мыловаренной фабрике, где пытался работать, в больницах и в моргах...

Франция оказалась к приблудным жильцам далеко не так ласкова, как в ту пору, когда они были гостями. Слишком много их хлынуло морем и сушей, этих голодных, не имевших за душой

ничего, кроме выправки и выговора, оглядывающихся на бывшее величие...

Пьер старался не оглядываться. Там, в молохе, кануло все. И все. И элегантный приморский город, и большой дом на Ришельевской, и папа с рара, и Серж, и Дина. Да и душа Пьера, по сути, осталась там, далеко.

Пьером его звали с детства. Родители и их знакомые, соседские дети, друзья, однокашники — все. Одна только Дина говорила «Петя», иногда «Петенька», а когда сердилась, полугневно-полупрезрительно выплевывала: «Петька-Шметька».

Пьер добрался до опушки леса, постоял с минуту. Выдохнул — и решительно зашагал вперед. Вот она, карусель — темная, ржавая, неживая. Пустые глазницы лошадок, выцветшие ленты, на платформе толстый слой пыли, в которой невнятно отпечатались человеческие следы.

Пьер подошел к ближайшей лошадке, сел и обхватил коленями ее бока. Ничего не произошло. Ничего. Под ветром колышались ветви окружающих заброшенный аттракцион тополей, отчего на рассохшемся платформенном покрытии билась, как живая, неправильной формы тень. «Пустое это все», — подумал Пьер, и вдруг карусель скрипнула. Скрипнула другой раз, протяжно и жалобно, затем дрогнула и медленно закружилась.

* * *

Ветер, завывая, гнал по Ришельевской редких прохожих, нес мелкую водяную морось, бросал ее пригоршнями Пьеру в лицо. Ссутулившись, втянув голову в плечи и едва переставляя ноги, он брел домой. Было тоскливо и муторно, так тоскливо и муторно, как никогда раньше. А еще было противно и мерзко от необходимости непременно что-то предпринимать. «Оскорблений дворянин не спускает», — непрерывным, навязчивым рефреном отдавалось в висках. Так частенько говаривал, комментируя светские новости, Георгий Ильич Олейников, отец Пьера. А тем более не спускают оскорбления от лучшего друга, да еще в присутствии Дины, с ее молчаливого одобрения. Пьер остановился, запрокинул лицо, и ветер, на мгновение замерев, рванулся, наот-

машь влепил пощечину. «Прямо заговор какой-то», — обреченно думал Пьер. Час назад Серж Кириллов хлестнул пренебрежительным взглядом по левой щеке, ветер с дождем добавили по правой.

Три одесских семьи жили бок о бок. Олейниковы — на Ришельевской, Тополянские — на Еврейской, а Кирилловы — как раз на углу, напротив главной синагоги. Борис Тополянский был известным на всю Одессу дамским доктором, принятым пускай не в лучших домах, но во многих. Во всяком случае, и у полковника Кириллова, и у губернского секретаря Олейникова Тополянских принимали и по-соседски отдавали визиты. Дети дружили сизмальства, сколько помнили себя: кудрявая, востроносенькая хохотушка Дина, бесшабашный забияка Серж и книжный мальчик Пьер. Поначалу всей компанией складывали кубики, разучивали азбуку и доводили до иступления няnek — выдуманными Диной проделками. Зачинщиком их, несмотря на тяжелую полковничью руку, всегда официально выступал Серж. Вместе мчались по Воронцовской лестнице, на скорость, вниз, на Ланжерон. Открыв рты, разглядывали аэроплан Уточкина, самодельными сачками ловили мелких прибрежных крабов, бегали на лиман за вербой по весне.

К четырнадцати годам Серж ростом догнал отца, Пьер едва доставал другу до плеча. Наглые оборванцы, дети портовых биндюжников и мазуриков с Молдаванки, раньше не упускавшие случая прижать в подворотне маменькиных сынков, стали теперь обходить угол Еврейской и Ришельевской стороной. Даже Зяма Френкель, по которому истосковался цугундер, при виде Сержа надвигал на глаза кепку и с независимым видом перебирался на другую сторону улицы. Особенно впечатлил Френкеля короткий немецкий кортик, который маменькин сынок однажды выдернул из-под голенища, не дожидаясь, пока Зямины дружки извлекут из-за пазух заточенные самоделки.

Выбирать учебное заведение Сержу не пришлось — в кадеты его прочили едва ли не с пеленок. Пьера военная карьера прельщала не больше всех прочих, однако, посомневавшись с неделю, он решился и вслед за другом сдал экзамены в детский корпус. С осени Пьер и Серж провожали до угла повзрослевшую Дину в гимназической пелеринке и шагали на

Канатную, к Сабанеевским казармам, где с первого дня сидели за одной партой.

Дина больше не выглядела востроносой хохотушкой. Теперь то одна, то другая маменька восклицала: «Какая красавица!». Пьер не знал, красавица ли Дина, но привык любоваться ею. Худые, вечно в ссадинах, Динины ноги стали внезапно длинными и стройными. Плоская костлявая грудь налилась, оформилась и тщилась разорвать платье. Вьющиеся смольные волосы больше не походили на растрепанное воронье оперенье, сейчас они обрамляли смуглое и черноглазое девичье личико. Задорное и нежное — одновременно.

По-прежнему неразлучно они ездили в театр и на каток, ходили слушать оркестр в Дюковском парке. Всегда втроем, до тех пор, пока... Пока Серж и Дина не начали вдруг третьего избегать.

Пьер не сразу сообразил, что происходит. Дружья отказывались от намеченных планов: Дина поедет к тетушке, Дина неважно себя чувствует, Дине нужно заниматься. Серж должен остаться дома, Сержу придется сопровождать родителей в оперу... В один из таких неожиданно пустых вечеров Пьер надумал пройтись. Подняв воротник шинели, он спускался по Ришельевской, размышляя обо всем сразу и ни о чем. На Дерибасовской свернул влево — спиной к ветру — и через несколько шагов остолбенел. Навстречу ему, с Екатерининской, шли Серж и Дина, под руку. Пьер врос в землю и заворуженно смотрел, как они улыбаются друг другу, увлеченно беседуя, как по-свойски близко держатся...

Заметили Пьера не сразу. А когда, наконец, заметили, Серж смерил его заносчивым, вызывающим взглядом и усмехнулся. Затем наклонился и шепнул что-то Дине. Та прыснула.

Пьер развернулся и, спотыкаясь, зашаркал прочь. Его мутило, он не помнил, как добрался до дома. «Дуэль», — оформилась, наконец, итоговая мысль, едва он переступил порог. Нужно вызвать Сержа на дуэль. Необходимо... Дуэли среди кадетов были запрещены, проштрафившимся грозило исключение из корпуса. И потом, это же Серж — друг детства, с ним Пьер строил паровозы из кубиков и зубрил на пару букварь. И... У Пьера нет ни единого шанса. Ни с каким оружием — скорее всего, он не успеет даже махнуть клинком, Серж справится с ним шутя, одной левой. Ранит. Возможно... Пьер похолодел. Возможно, убьет.

В понедельник на занятиях кадеты Олейников и Кириллов не поздоровались, сели за разные парты и более не сказали друг другу ни слова. Когда Пьер встречал на улице Дину, та бледнела, смущалась, бросала: «Добрый день», — и явственно торопилась. Вскоре она уехала из города и вернулась через пару месяцев, похудевшая и бледная. Поступила на курсы медицинских сестер, что преподавались в школе на Ольгиевской. С Сержем Пьер ее больше не видел, а по соседским домам прошелестело позорное, липкое слово «аборт». Множество раз Пьер собирался подступиться к бывшему другу, взять того за грудки и выбить, выдернуть из него правду. Так и не собрался. А потом началась война, и новоиспеченных подпоручиков Олейникова и Кириллова погрузили в воинский эшелон.

* * *

Карусель вновь скрипнула, затем заскрежетала, словно несмазанная дверь на ветру. Неживая лошадка внезапно закачалась, будто пошла рысью. Карусель кружилась все быстрее, еще быстрее, еще. Понеслись, сливаясь в сплошную желто-зеленую стену, тополя. А затем они расступились, раздались, и Пьер увидел вдруг...

Ришельевскую. Так же явственно и близко, как пятнадцать лет назад. Вот они, потемневшие, мокрые стены в кружевной лепнине, проходные, поднимающие воротники, спешащие скорее в тепло, под крышу. А вот и знакомый худенький юнец в кадетской шинели. Он чем-то притягивал Пьера, этот мальчишка, завораживал. Пьер вгляделся, узнал. Господи, что же это?.. Будто в синемафотографе, он видел сейчас шестнадцатилетнего Петра Олейникова. Самого себя.

На Дерибасовской Пьер свернул влево — спиной к ветру — и через несколько шагов остолбенел. Навстречу ему, с Екатерининской, шли Серж и Дина, под руку. Пьер врос в землю и завороченно смотрел, как они улыбаются друг другу, увлеченно беседуя, как по-свойски близко держатся...

Заметили Пьера не сразу. А когда, наконец, заметили, Серж смерил его заносчивым, вызывающим взглядом и усмехнулся. Затем наклонился и шепнул что-то Дине. Та прыснула.

Пьер стоял столбом, чувствуя себя щенком, над которым смеются при неуклюжей его попытке залазать по-взрослому. Они и смеялись. Потешались над ним. Врали, сочиняли байки о родных, о занятиях и недомоганиях. Люди, которых Пьер считал самыми близкими. Щекам стало горячо. Пьер подобрался, шагнул вперед.

— Господин Кириллов, потрудитесь назначить удобное вам место для встречи наедине, — чужим, срывающимся голосом заявил Пьер.

У Сержа поползли вверх брови. На секунду он растерялся, опешил, ошеломленно потряс головой. Пьер ждал.

— Утром в субботу? — пришел, наконец, в себя Серж.

— Нет, завтра. Покончим с этим поскорее.

— Вот как? — Серж усмехнулся. — Что ж, раз вы торопитесь, кадет, я не против. Шпаги, сабли, может быть, кортики?

— Пистолеты.

Пару секунд Серж молчал, глядел исподлобья, недоверчиво. Пьер сглотнул слюну — он только что подписал себе смертный приговор.

— Как знаете, — обронил Серж. — Завтра в восемь на косе?

Пьер коротко кивнул, развернулся, двинулся, чеканя шаг, к Ришельевской. Только бы не побежать...

Вечером он сидел в своей комнате, бесцельно выдвигал и задвигал ящики стола, перекладывал с места на место книги. Что полагается делать перед дуэлью? Прощаться? Писать письма? Приводить в порядок бумаги? Писать было некому, разве что Дине. Бумаги — пухлая стопка ученических тетрадей — и без того были в порядке. Может, стоит сжечь дневник? Или оставить — для мамы... Пьер выдохнул со стоном и лег лбом на руки.

Что-то стукнуло. И снова стукнуло. И снова — будто твердым по стеклу. Пьер поднял голову, прислушался. В стекло бросали камешки, один за другим. Пьер поднялся, шагнул к окну. Бросала Дина, в своей серой пелерине похожая в густом сумраке на привидение.

Пьер вылетел на улицу пулей, схватил Дину за плечи:

— Ты?..

— Петя... Не надо завтра... — Дина хватала ртом воздух и с трудом выталакивала из себя слова.

Она то ли пискнула, то ли всхлипнула, качнувшись вперед, упала Пьеру на грудь, разрыдалась. Прижимая ее к себе, вдыхая, Пьер с трудом разбирал слова, выговоренные в мокрую рубашку, и не знал — плакать ему за компанию или кричать от счастья.

— Мне казалось... совсем не обращаешь внимания... не нравлюсь... отчаялась...

Карусель стала вдруг замедляться. Вцепившись в шершавую, разохшуюся гриву деревянной лошадки, Пьер старался удержать, не отпустить увиденное от себя. Вот он приносит извинения Сержу, тот говорит что-то неразборчивое в ответ, Пьер не слышит. Затем Серж уходит, растворяется в сомкнувшихся вокруг него тополях. Дина, где же она?.. Стрельба, грохот разрывающихся снарядов... Преображенский собор, певчие старательно тянут что-то торжественное, и Дина здесь, рядом, лицо у нее светится... Пароход, палуба качается под ногами, тесно вокруг, и до прозрачности исхудавшая Дина сидит на тюке с пожитками... Ветхие с обшарпанной побелкой дома, узкая темная лестница, наряженная в выцветший халат Дина с улыбкой встречает Пьера на пороге скудно обставленной комнаты...

* * *

Карусель остановилась, тополя, сплотив ряды, замерли. Пьер огляделся, не понимая, где он. По спине скатилась холодная струйка пота, заставив передернуть плечами. Вокруг лес, ночной Венсенский лес, а Пьер и не заметил, когда стемнело. Он поднялся, тяжело спрыгнул с платформы на землю, вновь огляделся, пытаясь сориентироваться. Нужно домой.

Выбравшись на бульвар Берси, Пьер поймал таксомотор. Нырнул в темно-кожаное нутро и, прижавшись лбом к стеклу, провожал глазами проплывающие мимо парижские предместья. Ему показали нечто — что именно, Пьер не понимал. Кто показал и зачем — тоже. Он попытался сосредоточиться. Вызови он Сержу, все могло бы быть по-другому. И, возможно, ему показали... Пьер мучительно пытался подобрать слово. «Вариант», — пришло оно, наконец. Пьер содрогнулся: он видел вариант. Тот, что

мог случиться, вызови он на дуэль Сержа. Тот, что не случился, потому что Пьер струсил.

Дома его ждали — едва стукнула дверь, из библиотеки вышла Мари-Луиз. Супруга подозрительно оглядела Пьера, приблизилась и чуть заметно потянула носом. Заглянула в лицо, вопросительно подняв брови.

— Дорогая, что-то не так?

— С тобой? — отозвалась Мари-Луиз.

Пьер пожал плечами и двинулся к своей спальне, на ходу стаскивая галстук. Следующую неделю он промаялся, стараясь не подавать при Мари-Луиз виду. Его рассудительная — вся в папеньку-банкира — супруга не одобряла «трепыханий русской души», а слушать нотации о вреде нервного беспокойства для сна и пищеварения Пьер был не в силах. Он мучительно отсиживал по семь часов в банке у тестя, механически перекладывая с места на место бумаги и мечтая поскорее закончить день. Но еще более мучительно тянулись вечера и ночи. Пьер ужинал с женой, не чувствуя не только изысканного, но и вовсе никакого вкуса, затем отправлялся в спальню и падал ничком, поспешно закрывая глаза, стараясь не видеть ничего вокруг, и полночи то воскрешал в памяти воспоминания, то терзался мыслями о былом и возможном.

Пять лет назад Пьер так же падал в конце дня на кровать — когда еще работал на мыловаренной фабрике в Булонь-Бийанкуре, уже тогда прозванном кем-то из русских острословов Бийанкурском. Дни в грязи, скученности, среди русско-французского гомона, удушливого запаха жира и дешевой пудры проходили монотонно и чертовски неспешно. Комната, которую Пьер снимал в одном из двухэтажных домиков на улице Гамбетта, обставлена была скудно: железная кровать, стол со стулом, шкаф да умывальник. Возвращаясь с фабрики, Пьер валился с ног, чтобы на рассвете мучительно осознать звон будильника, усилием воли подняться и вновь окунуться в духоту, вонь, мешающийся с пылью пот, брань... Мыловаренный ад с утра и дотемна, по кругу, по кругу, без надежды когда-либо из него выбраться.

Так продолжалось до тех пор, пока Пьер не встретил Мари-Луиз. Он так и не узнал, какого черта банкирскую дочку занесло в квартал Реамюр, где по выходным проводились гуляния

для бедноты. Не узнал и что побудило некрасивую, невзрачную француженку вдруг начать с ним кокетничать.

Пьер не только не любил Мари-Луиз — он даже не знал ее толком. Но... никого другого Пьер тоже не любил, зато измаялся от одиночества и неустроенности. Мари-Луиз казалась девушкой неглупой, а жизнь с нею обещала быть полной чашей.

Потом была помпезная свадьба, медовый месяц в Ницце, торжествующие заявления Мари-Луиз: «Мой муж — русский дворянин». И — полной чашей: с мучительным чувством неловкости приживала, холодности к этой чужой, малознакомой женщине, виной перед ней за то, что не может дать ни тепла, ни любви. А потом Пьер обвыкся: и с неуютом, и с отсутствием тем для разговоров, и с чопорностью жены в спальне, а заодно с дворецким, шелковыми пижамами, устрицами.

Как-то, прогуливаясь в одиночестве по Монпарнасу, Пьер углядел знакомое лицо за столиком небольшого кафе. Штабс-капитан Разумовский, бывший однополчанин, сидел и медленно напивался дрянным столовым вином, глядя на шатающуюся по бульвару оживленную парижскую публику. Узнав Пьера, штабс-капитан приглашающе замахал руками, выражая неподдельную радость от встречи. Он был настолько жалок в своей внезапной сердечности, что Пьер уступил и присел за столик. Полились нескончаемые речи об имениях, о Петербурге, о приемах и балеринах, о войне... Разумовский вдохновенно вещал о том, что если бы Деникин... или Каледин... а еще лучше если Корнилов...

— Капитан, сегодня бесполезно говорить «если», — прервал, наконец, Разумовского Пьер. — Свершившегося не изменить.

Штабс-капитан отшатнулся, словно поймал пощечину. С минуту сидел, уставившись в пол, молчал. Затем произнес тихо:

— Вы неправы, поручик. Кое-что изменить можно. В Венсенском лесу, в юго-западной его части, есть заброшенный аттракцион...

Пьер с Разумовским встречались еще несколько раз. Выпивали, вспоминали войны: мировую, за ней гражданскую — честили и ту и эту недобрым словом. И всякий раз так или иначе речь заходила об аттракционе в Венсенском лесу и карусели по его центру. А потом штабс-капитан пропал...

К концу недели Пьер решил, что должен пойти в Венсенский лес опять. Он едва дождался вечера пятницы и кинулся прочь из дому, будто спешил на долгожданное свидание. Пестрая тополиная гвардия вокруг поляны стояла по-прежнему незыблемо. Заброшенная карусель, как и неделю назад, казалась застывшей намертво, но сегодня Пьер приблизился к ней без сомнений. Усевшись на лошадку, обхватил руками деревянную гриву, за-тих. И карусель неспешно закружилась.

* * *

Артобстрел начался с восходом и продолжался два часа кряду. Германская тяжелая артиллерия размолила русские окопы на передовой, изранила, изрыла воронками галицийскую землю. Потом огонь стих, и оглохший, одуревший от непрерывного страха подпоручик Олейников нашел в себе силы подняться и выглянуть поверх окопного бруствера наружу.

По полю, докуда хватал глаз, на раскуроченные снарядами позиции надвигались германские цепи.

— В ружье! — пробил барабанные перепонки истеричный, надтреснутый голос.

Трясущимися руками Пьер нашарил винтовку, вывалил на бруствер цевье. Он не помнил, как отбили атаку, как жадно пил теплую воду из фляги убитого юнкера, как отдавал команды уцелевшим — бесполезные, бессмысленные. Затем началась новая атака, за ней еще одна. Приказ отступить пришел к трем пополудни.

Пуля ужалила в плечо, едва Пьер выбрался из окопа. Он рухнул на колени, зарычал от боли, затем, здоровой рукой опираясь на землю, попытался встать.

— Подранили, ваше благородие? — подскочил унтер Саврасов.

Подставил плечо, подхватил заходящегося болью Пьера за талию, поволок в тыл. Через минуту артобстрел начался вновь. Разорвавшийся в десяти шагах снаряд прошил Саврасова осколками, ударная волна швырнула Пьера на землю. Подвывая от страха, он пополз не разбирая куда, лишь бы прочь от явившейся

вокруг него смерти. Рухнул в оказавшуюся на пути снарядную воронку, вжался в землю, закрыл голову руками.

Едва грохот стих, Пьер вскинулся и сразу увидел Сержа. Тот лежал на дне воронки навзничь, с залитой кровью шинелью и перекошенным от боли лицом. Серж был без сознания, он трудно, с хрипом дышал, кровавые пузыри лопались на губах.

Пьер шархнулся — с того злополучного вечера они с Сержем не сказали друг другу ни слова. Молча проходили мимо, когда доводилось сталкиваться в окопных траншеях или в тылу. Секунду Пьер смотрел на бывшего друга в упор. Затем, помогая себе здоровой рукой, выбрался из воронки. И, втянув голову в плечи, потрусил в тыл.

К вечеру он добрался до станции, где стоял на путях санитарный поезд. Пьеру наскоро перетянули плечо. А затем поезд ушел — раненых было слишком много, и тем, кто мог самостоятельно передвигаться, места в вагоне не полагалось.

* * *

Снова, как неделю назад, скрипнула, заскрежетала и ускорила карусель. Качнулась, ржанула и пошла рысью лошадка. Затем дернулась, перешла в намет. Сторожевые тополя дрогнули, раздались, растеклись в стороны. И Пьер увидел... опять увидел... вновь...

Сержа. Тот лежал на дне воронки навзничь, с залитой кровью шинелью и перекошенным от боли лицом. Серж был без сознания, он трудно, с хрипом дышал, кровавые пузыри лопались на губах.

Пьер шархнулся — с того злополучного вечера они с Сержем не сказали друг другу ни слова. Молча проходили мимо, когда доводилось сталкиваться в окопных траншеях или в тылу. Секунду Пьер смотрел на бывшего друга в упор. Потом метнулся к нему, подхватил, надрывая жилы, потянул из воронки наружу. Выбравшись, упал, с полминуты хватал воздух распыленным ртом. Затем, воем заходясь от боли, потащил, поволок Сержа на восток.

К вечеру их подобрали санитары. Пьер был без сил, закусив губу, он безучастно смотрел с носилок на вязь высыпавших на небо звезд. Потом был санитарный поезд и лихорадка, едва не унесшая Пьера за собой на тот свет. Были ночи в жару и полубреду, и была койка в тифозной палате, и медсестра, похожая на кого-то, — Пьер, когда приходил в себя, страшился думать, на кого именно. А потом болезнь, наконец, отпустила, и очнувшийся поутру Пьер разглядел на соседней койке отошавшего, со впалыми щеками Сержа. И — склонившуюся над ним Дину.

Скрежет и скрип внезапно оборвались. Карусель дернулась, Пьер едва не вылетел из седла. Вцепившись в деревянную гриву, он судорожно ловил взглядом ставшие вдруг нечеткими, размытыми видения.

Маленькая, полутемная церквушка, рядом Дина в сером штопаном платье... Толпа, потная, налившаяся яростью, перекошенные от злобы усаые рожи. Банда выраженных — кто во что — молдаванских мазуриков. Ружейный залп, еще один. Запрокидывающийся, схватившись руками за горло, Серж. Зяма Френкель, деловито обшаривающий его карманы. Пьер бежит, несется по переулку. Нырять в подворотню, с ходу разряжает револьвер Зяме в висок. Отрывистый, резкий пароходный гудок, Дина стоит на палубе, бледная, запрокинув голову, — Пьер откуда-то знает, что ей мучительно душно, до тошноты... Они вдвоем на узкой, полутемной улочке, Дина, одетая в ветхое пальто, с округлившимся животом бережно вышагивает, стараясь не поскользнуться... Приподнимается с подушки, склоняется над Пьером, ерошит ему волосы...

* * *

На этот раз ловить таксомотор Пьер не стал. Он брел по ночному Парижу, спотыкаясь, не разбирая дороги, и думал, навязчиво думал о том, что увидел.

Сомнений не было — ему показали вариант. Еще один, тот, что случился бы, не брось он в окопе раненого Сержа. Пьер остановился, его передернуло, затем заколотило. Его — приглашали. В тот момент, когда лошадка дернулась, готовясь пуститься в

намет, он мог соскочить. Как раз когда знакомое, прожитое прошлое сменялось размытым, неведомым будущим. Мог спрыгнуть в разрез между прошлым и будущим, в неизвестность, и тогда...

«Штабс-капитан Разумовский соскочил», — отчетливо понял Пьер. Он тоже видел, ему тоже показывали, и приглашали тоже. И штабс-капитан приглашение принял.

У Разумовского не было другого выхода. Ему нечего было терять. Нищета, безнадега, отчаяние. На что бы он ни сменил их, пускай даже на смерть, штабс-капитан ничего не терял.

Пьер утер пробившую лоб испарину. «Ерунда какая, — подумал он, — чушь для институток. Пригрелилась чертовщина, нечего было лезть куда ни попадя, на кладбищах, говорят, еще и не такое мерещится».

Домой он вернулся под утро. Проигнорировал тревогу и укор в глазах жены, упал ничком на кровать, обхватил руками голову. Весь следующий день просидел запершись в кабинете. Мучился, думал, верил и не верил, снова думал, решался и шел на попятную, верил опять и разуверивался вновь.

В понедельник Пьер сказался больным и на службу не вышел. Мари-Луиз обеспокоилась, принесла порошок, несколько минут посидела рядом и ушла звонить. Явившийся к обеду семейный доктор басил что-то по-французски, Пьер не разбирал. Мари-Луиз повеселела, чмокнула его в лоб и отбыла за покупками. Едва внизу хлопнула дверь, Пьер поднялся. Наскоро оделся, отстранил дворецкого, выскочил из квартиры наружу. Слетел по лестнице вниз и спешно зашагал прочь.

«Троицу! Бог любит Троицу!» — истово повторял Пьер, бегом пересекая Венсенский лес с северо-востока на юго-запад. Что же покажет карусель в третий раз? Он не знал этого и не знал, каков будет вариант.

Оба предыдущих закончились невесть как. Оба в бедности. Может быть, в нищете. Но — с Диной. С той, которую он потерял, которая, неизвестно, жива или легла в землю рядом с убитым Сержем. Чем же закончится третий? Да и... Пьер поперхнулся воздухом на бегу, споткнулся и едва не упал. Будет ли он, третий? Поднялась, лизнула сердце, омыла его и схлынула жаркая, удушливая волна. Пьер задохнулся, закашлялся. Справившись, выругался вслух и заспешил дальше.

Казалось, карусель только его и ждала. Блеснула пустым глазом лошадка, прошелестели что-то неразборчивое и взмахнули ветвями, будто руками, тополя. Пьер зачем-то тронул деревянную гриву, провел ладонью по холке. С минуту постоял так, перекрестился и вскочил лошадке на спину. Раздался знакомый скрип, и закружилась карусель, унося Пьера назад. В страшный тысяча девятьсот двадцатый.

* * *

Двадцать девятого января второй корпус Добровольческой армии генерала Промтова выбили из Херсона. Днем позже — из Николаева. Изнуренные непрерывными боями, ослабленные эпидемиями и дезертирством, добровольцы откатывались назад. Оставался еще клочок земли, последняя опора и надежда Белого Юга — Одесса. Первого февраля полк, где служил поручик Олейников, отступая, вошел в город со стороны Пересыпи. Пьер не узнал Одессу. Развороченные мостовые, выбитые стекла и заколоченные досками оконные проемы, отбитая лепнина, уродливое здание карминного цвета на Маразлиевской. У синематографов стояли очереди за билетами на сеансы с Верой Холодной, на Привозе — за камбалой. Вечерами по улицам, освещенным «огарками», шатались мазурики всех мастей, полупьяные офицеры в неопрятных шинелях, отчаянно вызывающе держались накокаиненные проститутки. Относительно светло было на Дерибасовской, но и там, вместо неспешно фланирующих горожан, крадущейся походкой сновали меж домов зловещего вида личности.

Собственный дом Пьер тоже едва узнал: из прислуги осталась только няня, родители за пять лет постарели вдвое.

— Тополянским удалось уехать, — вытирая слезы, говорила татап, — к родственникам, в Польшу. Одна Диночка осталась.

— Где? — вскинулся Пьер. — Где осталась?

— В еврейской больнице. Сестрой.

Четвертого февраля комендант Одессы генерал Шиллинг отдал приказ об эвакуации. На Преображенской, у штаба, выстроились очереди из не успевших получить разрешение. Там Пьер и

встретился с призраком. Серж Кириллов молодцевато вышагивал по штабному коридору навстречу, на вид совершенно живой и даже в новых капитанских погонах. Он холодно кивнул с приличествующего расстояния и прошел мимо. Пьер автоматически кивнул в ответ, а после, завернув за угол, уперся рукой в стену, скалясь и морщась от отвращения к себе. Никогда еще он не испытывал такого желания провалиться сквозь землю.

Седьмого февраля красные вошли в Одессу с востока и блокировали пути отхода из города с севера. День спустя с помощью местных повстанческих отрядов прорвались в центр. Подавили слабое сопротивление и устремились к порту.

Все смешалось. Офицерские семьи, промышленники и коммерсанты спешно грузились на суда. Прямо с кромки Николаевского бульвара, выпяченной губой нависающего над портом, открыла прицельный огонь пулеметная рота красных.

К полудню командующий эвакуацией полковник Стессель отдал приказ на контратаку. Разрозненные и разбитые, потерявшие свои части офицеры сумели все же организовать. В час пополудни контратака началась. Отступить больше было некуда, отчаявшиеся офицеры и юнкера шли умирать.

К трем пополудни красных отбросили. На углу Пушкинской и Малой Арнаутской долговязый рыжеусый ротмистр готовил прорыв на Молдаванку.

— В больнице остались раненые, — хрипел ротмистр. — Пойдут только добровольцы. Только те, кто желает пострадать за своих братьев.

Пьер страдать больше не желал. Ни за братьев, ни за кого. «Бросить винтовку, — заполошно думал он, озираясь по сторонам. — Бросить молокососов-юнкеров, что мне до них. Вернуться в порт, погрузиться на корабль и бежать отсюда к чертям».

Он попятился, втянулся в проем между домами, развернулся, собираясь удрать.

— Драпаешь? — услышал Пьер насмешливый голос за спиной. — И ее, значит, бросаешь? Что ж, ты всегда был трусом.

Пьер обернулся. Серж презрительно сплюнул и зашагал прочь.

— Постой! — Пьер рванулся, догнал Сержа, ухватил за плечо. — Кого «ее»?

Секунд пять Серж стоял молча, покачиваясь с пятки на носок.

— Дину, — бросил он, наконец. — Кого же еще? Больницу эти гады наверняка возьмут с боем, представляешь, что сделают с персоналом?

Пьер не ответил. Он представлял.

Через десять минут ротмистр прохрипел приказ, и две сотни добровольцев бросились по Малой Арнаутской в направлении Мясоедовской. Поручик Олейников с минуту смотрел им вслед, решался. Не решился и со всех ног побежал к порту.

В пять вечера он поднялся на борт британского крейсера «Церес» и, не в силах оторваться, в ужасе глядел, как бегут по Ланжероновскому спуску мальчишки-кадеты. Крейсер ждал до конца и отвалил от причала, лишь когда красные цепи открыли по нему винтовочный огонь. Рыжеусый ротмистр с рукой на перевязи забрался на борт одним из последних.

— А капитан Кириллов? — подступил к нему Пьер, когда вышли на рейд. — Высокий такой, плечистый.

— Убит, — прохрипел ротмистр. — С Молдаванки почти никто вернулся. Нас ваши же побили, сволочи.

— Какие «ваши»? — ошеломленно переспросил Пьер.

— Бандиты. Молдаванская дрянь, было. Посекли из пулеметов с крыш, потом врукопашную добивали.

* * *

Вновь, как дважды до этого, карусель застонала протяжно, дрогнула и начала набирать обороты. Зажмурившись, вцепившись в деревянную гриву, Пьер ждал. И когда размылись, расступились, раздались в стороны тополя и лошадка, ржанув, дернулась и понеслась рысью, Пьер оттолкнулся и вышвырнул себя прочь с набирающей скорость платформы.

Он упал, перекатился, вскочил на ноги. Мельком оглянулся: карусели за спиной уже не было. А был перекресток, на котором офицеры, кадеты и юнкера готовились умирать. И был Серж, широким шагом уходящий от Пьера прочь.

Ротмистр прохрипел приказ, и две сотни добровольцев бросились по Малой Арнаутской в направлении Мясоедовской... Поручик Олейников с минуту смотрел им вслед, решался. Решился и кинулся догонять.

Мясоедовская казалась пустынной, злой февральский ветер с посвистом гнал вдоль тротуаров поземку.

— Вперед! — гаркнул ротмистр и махнул саблей в сторону Фундуклеевской.

Пьер достиг больницы одним из первых. Схватил за ручки носилки с раненым, поволок наружу.

— Быстрее, — хрипел ротмистр. — Быстрее, господа, умоляю!

Поддерживая очередного раненого под руку, Пьер выбрался на Фундуклеевскую и увидел Дину. Серж волок ее за руку, упирающуюся, кричащую что-то оскорбительное в спину. Пьер метнулся догнать, и в этот момент брусчатку перед ним вспорола пулеметная очередь. А через секунду к ней присоединились еще одна, и еще.

Пьер шарахнулся в сторону, упал, покатился по мостовой. Вокруг, один за другим, умирали люди. Раненые, пришедшие к ним на помощь и больничный персонал.

— Во дворы! — надрываясь, хрипло орал ротмистр.

Стиснув зубы, Пьер пополз в подворотню. Добрался, вскочил на ноги. В десяти шагах впереди Серж с шашкой в руке рубился с тремя. Тонко кричала отброшенная в сторону, пластающаяся по стене Дина.

Серж прыгнул, ударом наотмашь свалил наседающего на него мазурика, развернулся к другому. Удар кистенем в голову не дал ему закончить движение, опрокинул, швырнул на землю. Отчаянно закричала Дина.

Пьер выдернул из кобуры револьвер, в упор всадил верзиле с кистенем пулю в висок. Рванулся вперед и оказался лицом к лицу с Зямой Френкелем. Вскинул оружие, но выстрелить не успел. Бандит крутанулся, ногой подбил ствол, револьвер вылетел у Пьера из ладони, а миг спустя Зяма бросился на него, повалил, подмял под себя и схватил за горло.

Пьер захрипел, заскорузлые Зямыны пальцы вытягивали, выдавливали из него жизнь. А потом раздался вдруг выстрел, Зяма запрокинулся, отпустил Пьера, неуклюже взмахнул руками и

завалился на бок. Задыхаясь, Пьер увидел, словно в тумане, перекошенное Динино лицо и выпавший у нее из руки револьвер.

Он не запомнил, как они с Диной вдвоем под руки тащили по Мясоедовской бесчувственного Сержа. Память заработала вновь, лишь когда добрались до Большой Арнаутской, и их подхватил отступающий к порту казачий разъезд.

* * *

По воскресеньям Пьер с Диной и Сержем обычно встречались в дешевом русском кафе на улице Гамбетта. На этот раз Серж запоздывал. Дина с округлившимся животом сидела за столиком прямо, улыбалась, смотрела поверх головы Пьера на вывеску книжной лавки напротив. Пьер подозвал уличную торговку, наскреб по карманам мелочи, купил букетик фиалок, поднес.

— Спасибо.

— Скажи... — Пьер побарабанил пальцами по поверхности крытого несвежей скатертью столика. — Давно хочу спросить... — Он вздохнул, затем, сделав над собой усилие, подмигнул Дине. — Помнишь тот вечер, с которого все пошло врозь? Я тогда наткнулся на вас на Дерибасовской.

Дина вздрогнула:

— Да, помню.

— Я хотел тогда вызвать Сержа на дуэль. Что бы ты сделала, вызови я его?

Дина внезапно покраснела.

— Я часто думала об этом, — проговорила она медленно. — Я была тогда еще глупой девчонкой, не понимала ничего. Наверное, бросилась бы тебя спасать.

— Из жалости? — через силу улыбнулся Пьер.

— Нет, — Дина взъерошила ему волосы, — не из жалости. Вы оба нравились мне. Но ты нравился больше. Хотя я еще и не понимала, что это на самом деле такое — когда нравится мужчина. И уж тем более когда двое мужчин. Тем не менее, я думаю, что осталась бы с тобой.

— А потом? — не отставал Пьер. — Вы ведь расстались. Серж... Он бросил тебя.

Дина помолчала с минуту.

— Ты, оказывается, ничего не знаешь, — тихо сказала она, наконец. — Серж просил моей руки, но его отец... Он запретил помолвку с еврейкой, Серж не посмел послушаться. А потом началась война. Знаешь, мне часто снилось, что мы встретились. Все втроем, в госпитале, и я выходила вас обоих от тифа. И что потом мы с тобой, выздоровевшим, уплыли в Константинополь. Смешно, правда?

— Да, — выдохнул Пьер. — Очень смешно.

«Бог любит Троицу», — вспомнил он. Ему показали три варианта. Три дорожных развилки, на которых он свернул не туда. А потом дали переиграть, пересечь развилку вновь. Всего одну. Третью. «По заслугам», — осознал Пьер.

— И воздастся каждому по делам его, — сказал он вслух.

— Ты о чем? — удивленно подняла брови Дина.

Пьер не ответил. Каждую субботу он упорно ходил в Венсенский лес, к заброшенной карусели. Карусель не крутилась.

— Ну что, заждались? — Серж, улыбаясь, пробрался между столиками, пожал Пьеру руку. Уселся, за плечи обнял жену, привлек к себе. — Сегодня на удивление тепло, правда, дружище?

Пьер кивнул:

— Тепло, — сказал он. — Необыкновенно тепло.

ПУСТОБОЛ

Водитель маршрутного шаттла оказался нормальным мужчиной и согласился высадить опаздывающих на матч пацанов в пяти мегаметрах от орбитального стадиона. Высадка пассажиров на полном ходу да посреди открытого космоса никакими пунктами ППД не предусмотрена, но какой маршрутичик соблюдает правила? Лет десять назад сам небось сигал в открытый люк за милую душу.

Славику прыгать на ходу было не впервой. Глядя в плавно удаляющуюся спину Пумбы, он медленно досчитал до десяти и со всей силы толкнулся напряженными ногами. От угольно-черной бездны, раскинувшейся под растопыренными руками, у него сразу закружилась голова. По личному опыту Славик знал, что головокружение пройдет, как только перед глазами появятся ориентиры. Он еще чуть-чуть подождал и врубил двигатели пешкодранца. Бездна тут же прекратила тошнотворное вращение, а из-за правого плеча всплыл ультрамариновый край Земли. Славик сориентировался в пространстве, нашел глазами свечку удаляющегося шаттла и немного развернул ранцевые сопла, чтобы скорректировать свою траекторию. Пумба, летевший впереди, слегка притормаживал, чтобы дать приятелям возможность себя нагнать. Славик прибавил газа и боковым зрением заметил, как справа его обгоняет Марек в пижонском белом скафандре. Снизу один за другим появились Штырь, Ганя и Пряник, рубчатые пятки Пумбы медленно приближались, и вскоре вся компания уже летела маленьким дружным роєм.

— Оле-е, оле, оле, оле-е-е! — во всю мощь своих неслабых легких горланил Пумба.

Несмотря на совершенно зверскую наружность и отсутствие двух передних зубов, Пумба имеет довольно приятный голос и отличный музыкальный слух. Он играет на ударных и поет в команде под странным названием «Офсет». Славик раза четыре бывал на их концертах.

— Эй! Пацаны! Кто-нибудь стадион уже видит?! — пытался перекричать вокалиста Пряник.

— На кой тебе стадион, дорогуша? — высокомерно поинтересовался Марек. — Тебя туда все равно не пустят.

— Это почему? — спросил Пряник, подозревая подвох, но в силу своего странного характера сразу попадаясь на удочку.

— Ты не по форме экипирован.

— В смысле?

— В смысле средств самозащиты, — объяснил Марек. — Ну или самонападения... Пумба, кончай трубить!.. Вот чем ты собрался друзей защищать в случае незапланированного инцидента?

— Иди ты! — на всякий случай обиделся Пряник.

— Нет, серьезно, — наседал Марек, — у меня, допустим, как у потомственного эстета, дюралевый кастет под перчаткой, у Пумбы — железка в рукаве, у Штыря — лезвие от ножика канцелярского. А у тебя что?

— У него быстрые ноги! — заорал Пумба.

«Инфузории, — обреченно подумал Славик, — и самое ужасное, что они мои лучшие друзья».

— У меня нету бритвы, — подал голос Штырь, — у меня иголка скорняжья в авторучке. Да и не будет сегодня толкотни. Я говорю.

Заявление мосластого апатичного Штыря выглядело более чем сомнительно. Если Штырь и Пумба собирались где-нибудь вместе, драка случалась с вероятностью в семьдесят процентов, даже если ни один из приятелей сам ничего не затевал. Славик вздохнул: драка сегодня в его планы никак не входила, и он изо всех сил надеялся на оставшиеся тридцать процентов.

— Чтобы толкотню затевать, надо бандой лететь на матч, харь в тридцать. А иголка так... — Штырь на лету махнул рукой: — На всякий пожарный.

— Че вы огете на весь эфиг, пгидугки? — немилосердно кар-
тавя, вмешался молчавший до сих пор Ганя. — Даогетесь до не-
пгиятностей.

— Фигня, — убежденно сказал Марек, — менты тоже селектор
включают.

— За такую иголку можно в тюгму угодить.

— Иголкой скафандр навряд ли пробьешь, — глубокомысле-
нно изрек Пряник. — Давление на кончике иглы составляет по-
рядка ста пятидесяти мегапаскалей, а скаф рассчитан...

— Заткнись, Пряник, — разом сказали Марек и Пумба.

Пумба, обогнув Штыря, подлетел поближе к Славику:

— Славян, ты у нас голова, скажи: можно скаф иглой пробить
или нет? — Он дружелюбно пихнул Славика в плечо, отчего его
товарищ сразу поменял траекторию полета. — И вообще, чо ты
молчишь всю дорогу? Ты же у нас главный конструктор! Помни-
те, пацаны, когда наши с «Космобиристом» играли...

Вся компания разразилась довольным хохотом. Помнили все.

— Тут каждый желает знать, отчего ты — мозг наш — такой
задумчивый, — настырничал Пумба.

— Я штуку одну спаял, хочу сегодня опробовать, — неохотно
сказал Славик.

— Ух ты! — Пумба пришел в полнейший восторг. — Милиту-
ри бомб?

— Милитари, — поправил снизу Пряник.

— Не совсем, — досадливо поморщился Славик.

«Ладно, — подумал он. — Все равно придется показывать».

— Это вроде репроектора, но с расширенными возможностями.

— Чего? — не понял Пумба.

Славик нащупал под толстой тканью скафандра коробочку
прибора, надавил указательным пальцем и негромко сказал:

— Шесть, четыре, пятнадцать, один, Пумба, упреждение де-
сять метров.

В ту же секунду десятью метрами впереди возник Пумба —
точная копия настоящего.

— Ух ты! — восхитился оригинал.

— Двенадцать, два, поворот, — сказал Славик.

Изображение повернулось и помахало рукой.

— Забой! — сказал Штырь и ускорился, пытаясь догнать фантома.

— Такой пгибамбас у Тимки был, — сообщил Ганя. — У Тимки, котогый из двести шестнадцатой. Ну котогый тепегь в Питеге учится.

— Я его Тимке и делал, — сказал Славик пренебрежительно. — Тот репроектор — так себе, только и может, что фантомы хозяина вдоль трассы пускать. А у этого память на триста тысяч видеообразов, гибкая система управления, система считывания. Я только командные сенсоры на скаф вывести не успел, зато на шлем камеру-трехмерку приделал, могу записывать и тут же транслировать.

— Чо-то я не врулился, зачем тебе на матче эта хрень? — Пумба наморщил лоб.

— Я тоже, — поддержал его Марек. — В чем интрига, братан?

— Увидите... — Славик загадочно улыбнулся. — Не форсируйте, пацаны.

— Эй, Пряник, — позвал глазастый Штырь, — ты вроде про стадион спрашивал...

* * *

С определенного расстояния и в определенном ракурсе орбитальный стадион имени первого спонсора чемпионатов ИНХаэЛ Антонио Санчеса походит на большой одуванчик, летящий под куполом параплана. Когда приближаешься, сходство пропадает: пушистая головка быстро превращается в сферу игрового поля, окруженную сетью зрительских трибун, а параплан — в гигантский противосолнечный щит. Становятся видны решетчатые фермы шпангоутов, полярные шапки комментаторских кабин, раздевалок, технических отсеков, и тогда ни у кого язык не повернется назвать крупнейший из заатмосферных стадионов одуванчиком.

Первым делом вновь прибывшие настроили свои переговорники на местный диапазон и подключили селекторы сигнала. Многотысячный гомон трибун сразу ушел на задний план, зато сочный бас диктора Перфильева вылез на передний.

— Итак, уважаемые любители спорта, — гудел комментатор, — приветствую вас от лица спонсоров Интернациональной Холоубольной Лиги, организаторов ежегодных игр на кубок имени Алексея Леонова, первого человека, вышедшего в открытое космическое пространство. Пользуясь тем, что до начала нашего четвертьфинального матча остается еще десять минут, разрешите представить вам составы играющих команд. Спешу напомнить, что сегодня встречаются Челябинский «Реактор» и «Астрохимик» с Ганимеда. В воротах «Реактора» Станислав Гжечек, сегодня он основной голкипер. Первая семерка: Алексей Морозов — номер двенадцать, Сергей Васильев — номер четыре, он же капитан команды, номер восемнадцать — Юкка Силайнен, номер двадцать два...

У входа в сектор D полисмент с сержантскими нашивками на форменном скафандре сумрачно оглядел сине-красные шарфики с эмблемой «Реактора» и отправил ребят к сектору L. Пришлось облетать половину станции, зато места достались просто атомные, почти за самыми воротами, где восемь широких бортиков, меридианами опоясывающих игровую пустоту, собираются прозрачным соцветием.

Славик пристегнулся к креслу между Пряником и Пумбой и осмотрелся. Диспозиция была, на его взгляд, не самая шикарная, но скамейка запасных «Астрохимика» просматривалась отсюда довольно неплохо. Славик потер руки и огляделся. Справа через пять или шесть рядов, за прозрачной, хлипкой на вид перегородкой соседнего сектора махали желто-зелеными флажками болельщики «Астрохимика». Пусть себе машут. Славик чуть приглушил канал комментаторов.

— Эй, пацаны, — сказал Ганя, висевший за спиной Пумбы, — я тут заганее пгетупгежу: вы Аньке не говорите, что мы на матч ходили.

— А что так? — Марек моментально сделал стойку: хлебом не корми — дай поехидничать.

— Она со мной пгосилась, а я совгал, что билетов нет.

— Он боится девушку потерять, — развеселился Марек.

— Правильно, что не взял, — одобрил Пумба. — А спросит, так и скажи прямо: нехрен бабе на пустоболе делать.

— Пумба, тебя слушать срамно. — Марек напустил на себя серьезный вид. — Ганс столько искал девушку с именем без рычащих... У него ж с Магинами и Игинами никаких шансов.

— Иди ты к попу, пгидугок! — Ганя попробовал дотянуться до Марека, но через Штыря в толстом скафандре это плохо получилось. — Гонишь тут, а у самого отгодясь девчонки не было!

«Хорошо бы устроить чек-ап до начала матча», — думал Славик, вполуха слушая веселую болтовню приятелей. Сейчас, пожалуй, самое время. Он отыскал глазами черлидинг-групп. Девчонки в веселых желто-зеленых скафандрах с пышными юбочками, размахивая святающимися метелками, изображали в центре стадиона какую-то сложную танцевальную композицию.

— Куда пялишься, Славян? — Пумба дружески боднул соседа шлемом.

— Тихо ты. Хочу проектор опробовать, — сказал Славик. — Видишь девчонок в центре поля? Сейчас я туда картинку отправлю.

— Не получится. — Пряник, оказывается, тоже слушал их беседу. — Любой мало-мальский стадион оборудуют рекламогасителями.

Славик ухмыльнулся:

— Поглядим.

Он отчетливо видел, как на левом фланге у кувыркающихся девушек возникла в пустоте новая желто-зеленая фигурка.

— Забой, — сказал Штырь.

— Классно, — сказал Марек, — только непатриотично.

— Кгасиво, — присоединился Ганя.

— Чо-то я не вруливаю. Где картинка-то? — стормозил Пумба.

— Девчонок пегесчитай. Было двенадцать, а тепегь тгинадцать... или чetyгнадцать.

— Ух, ты! — Пумба аж подпрыгнул на своем кресле.

У группы поддержки тем временем началось хитрое перестроение: фигурки замедлили движение, запутались и смешались. Славик ухмыльнулся и быстро отключил репроектор.

— Ерунда какая-то! — Пряник никак не мог поверить в происходящее. — Рекламогасители отслеживают источник

сигнала и расфокусируют любое изображение ярче двухсот люменов.

— Дилетанту это понять сложновато. — Славик снисходительно похлопал Пряника по макушке шлема. — Слышал про эффект гравитационной рефракции? Могу транслировать изображение хоть за угол дома, и ни один сканер не зацепит.

— Дифракция... — повторил Пумба, его лицо за стеклом шлема приняло потрясенное выражение.

— Да... зря я, наверное, Аньку не взял, — пробормотал Ганя.

Пумба повернулся, дабы брякнуть по этому поводу что-нибудь весомое, но в это время заревела бравурная музыка, и команды начали выходить в игровое пространство. На тон выше загалдели и без того оживленные трибуны, шестеро комментаторов наперегонки принялись описывать происходящее. Славик дал на стекло шлема десятикратное увеличение. Он отчетливо видел, как завертелась в пустоте блестящая монетка, как толстая перчатка судьи ловко, словно змея — птичку, выхватила ее из черноты космоса, как почти разом кивнули оба капитана и, нарезая ногами широкие полукружия, покатались к своим командам по несуществующему льду вакуума.

Через полминуты первые игровые семерки уже заняли свои места, голкиперы медленно переворачивались в воротах, оживая пустоту штрафной зоны. Стихли трибуны, затаились комментаторы. Главный арбитр, похожий на большую хищную птицу, замер над центральной точкой сбрасывания. Двое нападающих неторопливо и осторожно, словно боясь эту птицу спугнуть, с разных сторон приблизились к светящемуся оранжевым светляку и опустили широкие крюки плюшек на уровень своих ботинок. Они походили друг на друга, как братья-близнецы. Славик даже подумал, что если поменять двадцатому номеру «Астрохимика» шлем, перчатки и штанины спортивного скафандра с желтого на красный, а рукава, грудь и спину перекрасить из зеленого в синий, то он станет похож на своего оппонента как отражение в зеркале. Мысль была странной, и додумать ее Славик не успел, потому что судья сделал резкое движение рукой и взмыл вверх, а двое нападающих со

страшным, конечно же воображаемым, треском ударили плюшкой о плюшку.

— Понеслась, — алчно прошептал Штырь.

* * *

К середине второго периода из шести комментаторов, ведущих матч, двое слегка подвыдохлись и ограничивались тем, что время от времени вставляли слово-другое, зато оставшиеся четверо держали темп с упорством крупнокалиберных пулеметов. Двое из них были ведущими известными, фамилии двух оставшихся Славик позабыл, как только услышал.

— Итак, дорогие зрители! — гулко бубнил известный комментатор Перфильев. — Сыграно уже двенадцать минут во втором периоде, — а счет по-прежнему один-один...

— ...хотя обе команды играют просто потрясающе, — дискантом подхватывал комментатор Зубкус. — Небольшое преимущество по броскам в створ есть у «Реактора», но Сергей Малкин как всегда стоит насмерть.

— Да! — встречал в разговор приятный тенор номер один. — Малкин молодец, но и Станіслав Гжечек уже не раз выручал свою команду!

— Вы совершенно правы, коллега, — соглашался приятный тенор номер два. — Гжечек тоже стоит насмерть...

— ...хочу напомнить зрителям, — чуть раздраженно гудел Перфильев, — что оба шара забиты в большинстве. Открыл счет капитан «Реактора» Сергей Васильев, когда Николай Алтаев был удален на две минуты за блокировку противника выхлопом реактивного ранца...

— ...и совершенно законно был удален! — поддерживал Перфильева первый тенор.

— Ну за это ганимедцы и были наказаны голом, — перехватывал инициативу Зубкус. — Хотя в начале второго периода «Астрохимик» восстановил равновесие. После того как Янсона удалили на две минуты за превышение скорости в штрафной

зоне ворот, меткий бросок Алексея Егорова распечатал ракушку «Реактора»!

— Не забывайте, коллега, — гудел Перфильев, — что бросал Дементьев, а Егоров удачно подставил плюшку...

— ...но это никак не принижает его заслуг, — вмешивался тенор номер два.

— Никак не принижает, коллега, — напористо бубнил Перфильев. — Напротив...

— ...напротив ворот «Реактора» острая ситуация! — кричали хором оба баритона. — Торрес — Федотову, Федотов — Крамскому. Бросок!..

— Не будет броска, — разочаровывал товарищей по цеху Перфильев. — Шар перехватывает Магометов. Так о чем я говорил, коллеги?

— О том, что обе команды имеют отличный процент реализации большинства... — ловко обходил конкурента Зубкус.

— ...и нужно играть очень аккуратно, чтобы избежать удалений... — находил маленькую лазейку первый тенор.

— ...которые чреваты пропущенными шарами, — успевал зацепиться второй.

— А «Астрохимик» между тем собирается делать смену, — замечал Перфильев.

— Смена им не помешает! — пищал Зубкус. — Обе команды во втором периоде держат просто невероятный темп игры. Ресурсы ранцев вырабатываются со скоростью света!

— Да и игроки быстро устают, — бубнил Перфильев.

«Все, — подумал Славик, напряженно следивший за игровым пространством. — Надо решаться. Сейчас или никогда, а сейчас — самое удобное время». Он выждал, пока сменится верхний нападающий «Астрохимика», нащупал под плотной тканью скафандра коробку репроектора, надавил указательным пальцем клавишу и прошептал: «Нападающий Дементьев двести шестнадцать, четыре, дробь семь, пять секунд». Изображение в желто-зеленом скафандре возникло возле прозрачного бортика, врубило двигатель ранца и ринулось в круговерть желтых и синих реактивных струй.

Дребезжащий свисток порвал гул стадиона, ржавой бритвой распорол болтовню комментаторов. Арбитр вскинул руку

с растопыренной пятерней, рука мигала зеленым и желтым. Нарушение численного состава! Славик моментально нажал на репроектор. Изображение Дементьева исчезло, будто его и не было. Возле бортика в позе глубочайшего недоумения одиноко висел прыгнувший на смену центрфорвард «Астрохимика».

Славика сильно толкнули в спину, он обернулся и стукнулся шлемом о шлем Марека.

— Ты?! Славян, это ты устроил? — Марек был вне себя от восторга.

Сбоку заглядывал Пряник.

— Похоже, что я, — сказал Славик, улыбаясь.

— Эй, вы про чо? — Пумба завертел головой, с трудом отрываясь от созерцания поля.

— Славка своим репроектором устроил удаление! — шепотом проорал Марек.

— Ну?! То-то я смотрю — херня какая-то!

— Тихо, тихо, — уговаривал друзей Славик, которого хлопали в десять рук по плечам, по спине и по шлему. — Гола еще никто не забил... пока.

— Процент реализации большинства у «Реактора» семьдесят шесть и четыре, — подал голос Пряник.

— Вот пусть и реализовывают! — постановил Пумба. — Зря, что ли, Славян старался?

Как выяснилось чуть позже — не зря. На восьмидесятой секунде игры в большинстве Дмитрий Макаров бросил с очень острого угла, Малкин отбил шар щитком, но вывернувшийся откуда-то снизу Евгений Трач отправил рикошет в нижний сектор ракушки. На трибунах поднялся такой рев, что, несмотря на включенный селектор, у Славки заложило уши, а друзья тискали его и колотили по шлему с таким энтузиазмом, будто это он, а не Трач забил гол в ворота «Астрохимика».

— Оле-е, оле, оле, оле-е-е! Реактор, вперед! — скандировали трибуны.

Когда возбужденные болельщики немного успокоились, Ганя, перегнувшись через спинку Славикова сиденья, задумчиво сказал:

— Два-один — это здогово, но тги-один было бы вообще атомно.

— Не надо форсажа, — со знанием дела отозвался Славик, он чувствовал себя могучим и счастливым божеством.

Удобная ситуация подвернулась за четыре минуты до конца периода. Двое игроков «Астрохимика» разом пошли на смену и почему-то оказалось — втроем. Опять прозвучал свисток. Тренер в строгом сером скафандре попытался что-то выяснить у судьи, но вторично взметнувшаяся вверх сердитая пятерня яснее ясного сказала: «Я видел в игровом пространстве на один желтый выхлоп больше, чем положено! А все остальное не имеет значения».

Зрительские ряды шли волнами. Синие и желтые огни выхлопов зависли вокруг точки сбрасывания. Секунда — и они, сорвавшись с мест, завертелись безумной каруселью.

— Семерка большинства «Реактора» выигрывает сбрасывание! — истошно комментировал Зубкус. — Трач на Макарова, Макаров — Веласкису. Они отчаянно рвутся в зону «Астрохимика»! Трач получает шар, пересекает синие линии! Положения вне игры нету!

— Да, — вторил басом Перфильев, — пока пятнадцатый номер ганимедцев отдыхает на скамейке штрафников, челябинцы идут в наступление. Фирсов открывается под бросок, но Трач идет сам, обыгрывает защитника. Неужели будет дубль?!

Трач всегда славился отменным броском. Шар ловко переключился с левого крюка плюшки на правый и выстрелил вперед, точно ядро из древней пушки.

— Ух-х! — взвыли комментаторы.

— Ах! — выдохнули трибуны.

— Ап-х... — сказал Славик и едва не перевернулся вместе с креслом.

Шар, мазнув по выставленной плюшке защитника, изменил траекторию, пронесся между двумя бортами, пробил защитную сетку и попал изобретателю точнехонько в живот. Руководствуясь каким-то животным инстинктом, Славик обеими руками схватился за брюхо, но драгоценный трофей таки отскочил вниз, прямо в причинное место, потом отрекошетил вбок, где на него хищным зверем кинулся Пумба.

Пока Славик, моргая от навернувшихся слез, пытался проглотить порцию воздуха, застрявшую в районе солнечного сплетения, Пумба, не без сожаления, вручил ему законную добычу, вожделенный приз любого пустобольного болельщика — добытый на четвертьфинальном матче игровой шар.

— Держи, Славян, твой по закону, — сказал Пумба, неохотно разжимая перчатки.

— Везунчик, — зачарованно пробормотал Пряник.

Славик недоверчиво взял у Пумбы упругий, плотный шар, литой из термостойкой пластмассы. Шар напоминал средних размеров очищенный апельсин, разделенный узкими темными поясками на восемь одинаковых долек. Он светился изнутри ярким голубоватым светом, на одной из долек красовалась крупная, сияющая желтым надпись «ИНХаЭЛ».

Зрители с соседних мест завистливо тянули шеи.

— Славка, дай посмотреть, — просунулся с заднего кресла Ганя.

— Дома посмотришь! — отрезал Пумба, по-видимому решивший взять добычу под жесткий патронат. — Славян, у тебя карман есть? Убери, пожалуйста, наш трофей, а то он некоторых дураков дестабилизирует.

Славик послушно сунул шар в накладной карман скафандра, отчего сбоку штанов образовалась эдакая приметная оттопыренность. Настроение было просто великолепным, даже несмотря на то, что Пумба прямым текстом намекал на свою сопричастность к обладанию ценной добычей. «Сегодня точно мой день», — с гордостью подумал Славик.

— Посмотреть... — кипятился Пумба. — На поле гляди лучше!

Но смотреть пока было нечего. Прерванная игра возобновилась, «Реактор», пытавшийся организовать еще одну атаку на ракушку соперника, никак не мог вывести новый шар из средней зоны. Со скамейки штрафников, наконец, вышел пятнадцатый номер «Астрохимика», и нереализовавшая большинство семерка «Реактора» была оттеснена в свою зону. Ганимедцы провели две неудачные атаки, получили неудачную контратаку, прогудела сирена, засветились зеленым ракушки ворот, и обе команды ушли на перерыв перед третьей двадцатиминуткой.

Трибуны расслабленно загалдели, а в пустоту игрового пространства выпорхнула стайка девчонок из группы поддержки. Немного погодя в самой середине поля засветился гигантский Дмитрий Макаров без ранца и шлема. Его голова с мокрыми спутанными волосами казалась непомерно маленькой в сравнении с шарообразными плечами атлетически раздутого спорт-скафа. Вертялая хорошенькая корреспондентка, исполненная чувства собственной значимости, снизу вверх совала ему в лицо пушистый цветок микрофона:

— Дмитрий! За три минуты до конца периода ваш партнер, Евгений Трач, с очень выгодной позиции не попал по воротам «Астрохимика». С чем, на ваш взгляд, связана подобная неудача?

— Что-то с мышцедатчиками, — благосклонно поглядывая на корреспондентку, рычал Макаров, прозрачные капли срывались с кончика его носа и падали в обод широкого ворота. — Сопла правого плеча немного подкачали. Сейчас технари скаф проверяют.

— Уважаемые зрители нашего канала, — щебетала корреспондентка, — Дмитрий говорит о том, что со скафандром Евгения Трача — небольшие проблемы. Как вы, наверное, знаете, спорт-скаф — это сложная система внешнего экзоскелета, мышечных датчиков и внутренних силовых компенсаторов. Любое движение спортсмена считывается датчиками и передается на экзоскелет и сопла ранцевого двигателя. То есть, чтобы помчаться вперед, Евгений Трач должен в прямом смысле этого слова помчаться вперед! Как вы считаете, Дмитрий, Евгений сможет играть в третьем периоде или поломка серьезная?

— Это как специалисты скажут, — добродушно вещал Макаров. — Обслуживание экипировки — их задача. А наша задача — забивать голы в ворота соперника, и со своей стороны мы...

— Во загибает! — Пумба выпустил изо рта трубочку от питьевой системы скафандра и рыгнул. — Мочеприемник в скафе — вот что высоко и технологично. Точно, Славян? Я уже два литра будвайзера высосал и два раза отлил. А так бы бегал, сортир искал в космосе!

Вся компания радостно заржала. Славик тоже засмеялся, хотя пива не любил и предпочитал питьевые емкости своего скафандра заполнять минералкой или соком.

— Сдать в скафандр — великая привилегия цивилизованного индивидуума, — провозгласил Марек.

— Мочеприемники изобрели в восьмидесятих годах позапрошлого века, — сообщил Пряник. — Так что у первых космонавтов никаких привилегий не было, хочешь «сходить» — «ходи» прямо в ботинок.

— Ну? — поразился Пумба. — Не хотел бы я быть первым космонавтом.

— А тебе никто и не предлагает, — сказал мстительный Ганя. — Вон на поле лучше смотги.

Славик украдкой сунул руку в карман и потрогал шар, по-прежнему плотный и упругий.

Девчонки из черлидинг-группы нахально сновали сквозь изображение корреспондентки, желающей удачи Дмитрию Макарову. Пумба, Марек и Штырь о чем-то ржали на три голоса. Славик нетерпеливо взглянул на часы. Ему хотелось, чтобы перерыв кончился как можно скорее.

* * *

Третий период начался целой серией опасных моментов у ракушки «Реактора». «Астрохимик» жал изо всех сил. Челябинцы ушли в глубокую оборону и лишь изредка огрызались короткими контратаками. Прошло уже семь минут. Темп игры был просто атомным, и, хотя смены участились, Славик все никак не решался запустить своего фантома. Ему казалось, что после двух аналогичных нарушений кто-нибудь из судей непременно заметит подвох. И он все тянул и тянул, а нетерпеливый Пумба уже в пятый раз намекал, что пора бы уже, в конце концов, посодействовать любимой команде. Остальные помалкивали, но глядели на друга, будто на доброго джинна из бутылки. Так что становилось совсем неудобно.

«Была не была, — подумал Славик. — Все равно доказать подвох будет сложно». Палец уже привычно нащупал скрытую под скафандром клавишу. Надо таки было ее куда-нибудь на рукав вывести...

Обе команды разом пошли на смену. Пора! Славик нажал кнопку и прошептал: «Дементьев двести шестнадцать, четыре, дробь двадцать, три секунды». Лишний нападающий проявился у бортика и с подозрительным проворством рванул вперед. Славик опешил и заморгал глазами: фантом нападающего Дементьева был неправильно раскрашен, желто-зеленые цвета «Астрохимика» волшебным образом сменились на сине-красные, а из ранца бил выхлоп синего цвета. Еще не понимая толком, что происходит, Славик побыстрее ткнул себя пальцем в живот, неправильный фантом, чуть поколебавшись, исчез, но лайнсмен уже зафиксировал нарушение и дал свисток. Его перчатка, неумолимо мигая синим и красным, прыгнула вверх. Славик видел, как растерянный тренер «Реактора» доказывает что-то подлетевшим к бортику арбитрам. Те, судя по всему, и сами чуяли, что дело неладно, но уступать не желали принципиально. Тренер размахивал руками, приподымаясь над скамейкой запасных.

— Ты чо вытворяешь?! — Возмущенный Пумба потрянул Славика так, что у того чуть не оторвалась голова. — Ты чо творишь, профессор?! Я не врулился!

— Тихо, тихо, — уговаривали его Ганя и Марек, слегка придерживая за плечи.

— Да я сам ничего не понимаю, — оправдывался Славик. — Я же Дементьева запускал, а он красно-синий. Это все шар проклятый! Он в репроектор попал и, наверное, что-нибудь испортил! Схема графическая полетела! Теперь все цвета инвертируются в негативные!

— Тогда выключи его на хрен! — рывкнул Пумба и, наконец, разжал руки.

Славик завозился, пытаясь прощупать репроектор под слоем синтетического материала.

— Отключи... — бормотал он. — Как его отключишь? Мне что, скафандр снимать?

Но Пумба его не слушал, всеми органами своего недюжинного восприятия он уже был в игровом объеме с игроками любимой команды. Пумба превратился в сжатую до последнего «не могу» пружину, в перетянутую басовую струну фортепьяно, и Славик, безнадежно тыркая привязанный к животу ре-

проектор, молил Бога, чтобы ганимедцы не реализовали большинство.

«Я даже в церковь схожу с бабулей, — мысленно клялся неудачливый изобретатель. — Свечку поставлю! Или что там надо...»

«Раньше думать надо было!» — сурово изрек в ответ Всевышний.

— Гол! — разом заорали комментаторы.

— Гол!!! — приглушенно взревели ганимедские трибуны.

— Гад! — прорычал Пумба и вцепился в грудь Славкиного скафандра.

— Счет становится два-два! — соловьем заливался Зубкус.

— Мирослав Грачек сравнивает счет! — торжествовал Перфильев.

— Убью! — неистовствовал Пумба. — Убью профессора!

Ощущая себя лепешкой пластической массы на вибростенде, Славик пытался отстегнуться от кресла. Его зубы клацали, голова моталась.

— Душу вытрясу! — Пумба был настроен самым решительным образом. — Ты за кого болеешь?! За кого болеешь, гад?! За «Астрохимика» болеешь!

В животе у Славика глухо щелкнуло, и над всем игровым пространством расцвела желто-зеленая надпись: «„Астрохимик“ — чемпион!» В тот же миг длинный Славиков шарф перекрасился из сине-красного в желто-зеленый. Видно, от бешеной тряски репроектор сбрендил окончательно и проецировал уже черт знает что черт знает куда, повинаясь первым попавшимся голосовым командам. Эх! Если бы это понимал хоть кто-нибудь, кроме изобретателя...

Штырь, Марек и Ганя наконец очнулись и полезли через кресла разнимать дерущихся. Вокруг Славика моментально образовалась куча-мала. Уже совсем плохо что-либо соображая, герой дня справился-таки с застежкой ремня, отчаянно крутнулся, выдираясь из Пумбиных лап, и тут же окончательно усомнился в реальности происходящего: прозрачная перегородка между секторами опасно прогибалась под напором лезущих на нее людей с включенными пешкодранцами. В следующий миг она сорвалась с креплений, и в образовавшуюся щель, со старым как мир бое-

вым кличем «наших бьют», хлынули болельщики «Астрохимика»...

Как ни крути, а администрация орбитальных спортивных комплексов не зря получает свои министерские зарплаты. Драке, спонтанно вспыхнувшей в секторе L, не дали перерасти в крупные беспорядки. Через три минуты после того, как лопнула перегородка, часть сектора вместе с креслами, внутренним слоем предохранительной сетки и внешним ограждением просто отстрелили от станции. Пух! И двести пятьдесят дерущихся фанатов обеих команд уже барахтаются в открытом космосе. Установить сотню-другую новых кресел и заново натянуть сеть — не такая уж головоломная задача. Как говорится, сор из избы — и пол чище.

Когда немного оглушенный Славик выпутался из предохранительной сетки, вокруг беспорядочно кружились кресла, куски труб, сегменты решеток вперемешку с азартно тузившими друг дружку болельщиками. Драться или искать кого-либо в этом бедламе Славик не имел ни малейшего желания. В конце концов, Пумба сам все заварил, теперь пусть сам и расхлебывает. Славик уже прикидывал, куда лучше дернуть: к парковке стадиона или к ближайшей орбитальной стоянке, когда с четырех сторон появились ментовские мигалки. В эфире на несколько голосов заорали: «Атас!» и вся честная компания фанатов брызнула в разные стороны, будто в ночном небе лопнул шар фейерверка. Славик тоже нажал на газы, но — вот невезуха — почти сразу перед ним возникли два форменных скафандра.

— А ну стоять! — приказал тот, что располагался слева. — Гаси двигатель, падла!

— Леха, аккуратней, — предупредил его правый, с сержантскими нашивками, — у пацана что-то в кармане. Может, граната.

— На месте, падла! Замри! — грозно крикнул полисмент по имени Леха. — Что в кармане?! Граната?!

— Какая граната?! — похолодел Славик. — Это шар! Пустобольный!

Совершенно забыв про приказ замереть, он сунул руку в карман и вытащил свой трофей.

— Б...дь! — закричали оба мента хором.

И почти моментально, без всякой задержки, прямо перед ошалевшими стражами порядка в космической пустоте появилась довольно привлекательная особа почти без признаков одежды и, самое ужасное, совершенно без признаков космического скафандра.

Дождаться, пока менты проверят у дамочки документы, Славик не стал. Он дал на сопла максимальную тягу и рванул прочь так, что от перегрузки в глазах потемнело. Точно заправский супермен, он мчался вперед, вытянув перед собой правую руку, в которой был зажат рубчатый тусклый бок гранаты.

Ни о какой парковке уже речи не шло. До ближайшей к стадиону орбитальной стоянки было мегаметра три–три с половиной, и если постараться долететь туда раньше ментов, то на горизонте появлялась небольшая возможность отвертеться от неприятных процедур, как то: ночевка в летучем «обезьяннике», выяснение личности, объяснения по поводу выброшенной невесть куда гранаты, сигналы по месту учебы... и далее в том же духе. Поэтому Славик, не меняя позы супермена, мчался по намеченному курсу. Граната в руке никак не хотела превращаться обратно в пустобольный шар. Славик был почти на сто процентов уверен в безобидности своей ноши, но разжимать пальцы все же не решался. Кто его знает, этот репроектор с эффектом гравитационной рефракции?

Надежды на коммуникабельность полуголой девицы и впечатлительность стражей порядка пошли прахом. Сзади появились две мигалки. Славик видел их в левом верхнем секторе забрала, настроенном на задний вид. Кое-какая фора еще имела, но это ненадолго. Полицейские движки в два раза мощнее несчастного пешкодранца, а посему на любой параболе Славика догонят, как пить дать. Добраться бы до стоянки! Там чертова уйма космомобилей, в десять рядов и в двадцать пять ярусов, по крайней мере, там можно попробовать спрятаться. Но для этого нужно добраться туда раньше внимательного сержанта и крикливого Лехи.

Впереди уже маячили яркие точки разметочных бакенов, словно неведомый художник наметил в черноте каркас вирту-

ального небоскреба. Славик лихорадочно соображал, как бы ему нырнуть внутрь стоянки так, чтобы сбить с толку ментов. Позарез нужна была свежая, как говорили во времена дедушек креативная, идея. Да где ж ее взять, креативную? Хотя...

Возле самой стоянки, там, где ее огибала километровая зона внешнего проезда, Славик сбросил скорость. Не до тридцати километров в минуту, как требовал знак, а примерно до шестидесяти. Иначе было просто не завернуть по достаточно крутой дуге. Преследователи тоже притормозили. Дело ясное! Пацан сейчас рванет в полукилометровый просвет между двумя корветами, а потом полезет прятаться под брюхо «мерса». Тут-то мы его и спеленаем! Главное, не терять придурка с гранатой из виду, пока спецназ не подтянется.

— Шесть, тридцать три, двадцать два, два, Я, упреждение пятнадцать километров, три часа, — прошептал Славик одними губами.

Только бы прибор сработал без фокусов.

— Жми! — Славик ткнул пальцем в репроектор и нырнул вбок.

Туда! К спасительному борту желтого, как лимон, микрокосмобуса. За широченную корму! Вырубить ранец! Вырубить радио! Задержать дыхание... и затаиться.

* * *

Славик висел позади здорового микрокосмобуса марки «Вольво». Левой рукой он держался за край дюзы, в правой был зажат нежно исходящий голубоватым светом ИНХаэЛовский шар. Все было на своих местах: и темные пояски, и апельсиновые дольки, и надпись. Никакого рубчатого металла. Славик подождал еще немножко и включил радио.

— Товарищ сержант, — где-то далеко надрывался Леха. — Что же это такое?! Едрить его налево! Что ж у него за движок?

— Ничего-ничего, — сквозь зубы приговаривал товарищ сержант. — Пока мы на хвосте, не уйдет... Сайга! Три, сорок три! Преследуем террориста. Сектор сто двенадцать. Уходит в пространство, гад. Шлите помощь!

«Преследуйте-преследуйте, — злорадно подумал Славик. — Сегодня мой день, а не ваш».

Он уже хотел включить пешкодренец, но на секунду заколебался. Корма «Вольво» — не весть бог какое укрытие, но Славику отчего-то жуть как не хотелось выбираться на открытое пространство, будто там, за желтым бортом, его поджидала бригада спецназовцев с наручниками и автоматами. А ведь правда, чем черт не шутит, вдруг он вылезет из укрытия, а менты тут как тут, просто дурачили его по радио. Господи! Что за дикие мысли? Нельзя же сидеть здесь до скончания веков. Чей, в конце концов, сегодня день? Кто сегодня везунчик?

Славик трижды глубоко вдохнул, подплыл к наружному ободу крайней дюзы и осторожно выглянул наружу. Никого! Пустая, пустынная, наипустейшая пустота.

— Слава Богу, — выдохнул везунчик и в ту же секунду зажмурился от ударившего в глаза ярчайшего света.

В следующую секунду его уши заложило от невыносимого трубного рева на всех диапазонах, а мысли перепутались. Казалось, будто прямо по курсу заработал двигатель грузопассажирского орбитобуса. Но когда еще через секунду Славик решился открыть глаза, никакого орбитобуса перед ним не было. Зато в усыпанной точками звезд пустоте висел человек.

Он был огромен — как минимум, в три раза больше Славики. Его суровое лицо с правильными, но тяжеловесными чертами пылало гневом. Белая как снег борода была всклокочена, а легкие, точно перистые облачка, волосы стояли дыбом вокруг блестящей лысины. Никакого скафандра на человеке не было — только бесформенная белая же хламида да сверкающее колесо прямо над лысиной.

— Вы кто? — прошептал Славик.

Человек качнулся вперед:

— Кто *Я*?! — загремел он таким басом, что барабанные перепонки в Славиковых ушах задрожали, будто мембраны в динамике. — Кто *ты*, маленький негодяй?! Кто ты такой, чтобы вмешиваться туда, куда не вмешиваюсь даже *Я*?! Кто ты такой, чтобы портить Мне отдых и лишать удовольствий, которых и так негусто?

Славик беззвучно открывал и закрывал рот.

— И запомни, сопляк! — продолжал человек тоном чуть ниже. — Я мог бы превратить твою жизнь в полный отстой, но сегодня мы болели за одну команду. Иди и не греши боле! Хотя нет! погоди! Я тут подумал, что в порядке расширения связей с общественностью. Я могу ответить на один твой вопрос... любой вопрос. Спрашивай.

Славик сглотнул.

— А какой счет? — спросил он.

Сидящий в пустоте качнул головой:

— Три-два. — Его бороду раздвинула довольная улыбка. — В овертайме.

ВЕЛИКОЛЕПНАЯ ТРОЙКА

Звучит, льется в два голоска детская песенка:

— Раз! Нам светит солнце. Два! Солнце над головою. Три! Солнце светит нам с тобою. — Настя и Игорь постоянно играют вместе. Настя — моя дочь. Игорь — мой подопечный, в докладах — объект изучения.

Настя на два года младше Игоря, и только и разговоров, что о нем. «Сегодня мы кормили белок в парке, прямо с ладошки... только у Игоря так получалось. И у меня!» «Сегодня Игорь начал войну между муравейниками. А когда я его попросила, заключил между ними мир, и муравьишки пошли по домам». И так каждый день.

А уж когда появился Рико... Рико — это дельфин.

До конца еще неясно, как объект это делает. Эксперименты в дельфинарии неопровержимо свидетельствуют о телепатической связи между мальчиком и дельфинами. Впоследствии объект по своей инициативе наладил связь с диким дельфином. А имя Рико для того придумала Настя.

— Мы с Игорем и Рико — великолепная тройка! — любит повторять дочь. Глаза ее сияют. Она обожает кормить Рико рыбой с берега. Игорь снисходительно смотрит на этот процесс, скрестив руки на груди.

Я рад за них. Вовсе не из-за дополнительного источника информации об объекте. Хотя... чего уж там, и по этой причине тоже.

* * *

Включаю запись.

— Как дела, Игорь? — Моя дикция и доброжелательная интонация тщательно отработаны. Впрочем, не знаю, играет ли это роль в общении с ним.

— Хорошо. — Игорь спокоен. Он всегда спокоен. Что там говорят скептики о так называемых детях индиго? Гиперактивность? Хм...

— У тебя нет проблем в школе? — задаю я стандартный вопрос. И так знаю, что у Игоря нет проблем в школе. Но риск упустить что-то в его отношениях с ровесниками тоже учитывается.

— Нет. — Игорю явно скучно.

— Кто твой лучший друг? — И тут я знаю ответ.

— Вы же знаете... Настя и Рико, — улыбается Игорь.

Я ни разу не видел его раздраженным. Даже когда задаю глупый вопрос: «А кто из них чуточку лучше?» В общении с этим мальчиком многие собственные вопросы кажутся мне глупыми... но так положено.

Игорю тринадцать лет.

И это важно.

Синдром Сольвейг. Изначально употреблялось слово «мутация». Его категорически запретили как некорректное. Не политкорректное, да и, по сути, ничем не подтвержденное. Генетические исследования не обнаружили закономерностей наследования данного признака.

На самом деле ту девочку звали не Сольвейг, а Кристин, Кристин Сигурдсон. Сольвейг — это ее прозвище, от слова «солнце». Объекты с данным синдромом обладают способностью в упор смотреть на солнце.

Подобно орлам. Ну как минимум, фольклорным орлам.

Известно четверо носителей данного синдрома, Игорь пятый.

Основной, первичный, признак синдрома — именно этот: способность смотреть на солнце. В остальном, если не считать признаком выдающиеся способности как таковые, дети абсолютно разные.

Впрочем, есть еще одна общая деталь.

Все четверо покончили с собой в возрасте тринадцати лет.

Я должен не допустить этого с Игорем. В который раз я просматриваю эти четыре досье.

Петрос Габрос. Египтянин, ребенок из многодетной семьи коптского мусорщика. Рос в бедности. Затем внезапное внимание с активной, но полной ошибок, топорной работой педагогов. Подвергался насмешкам и издевательствам со стороны ровесников, вплоть до закидывания мелкими камнями по пути из школы домой. Прессинг, каждодневная ломка личности, как со стороны родителей — коптов, так и со стороны мусульманской общины (мальчик едва не стал причиной локального конфликта между представителями этих двух религий). Возможных причин суицида можно набрать с десятков. Повесился.

Эсмеральда Консепсьон Веласкес. Перуанка. С ровесниками проблем не было, более того — признаки неформального лидера. После обнаружения у нее данного синдрома, со своего согласия и, разумеется, с согласия семьи, была перевезена в Японию для изучения способностей. Незадолго до смерти попыталась свратить своего психолога. Как минимум, одна причина суицида — на поверхности. Вскрыла себе вены.

Марек Дравич. Словенец. Среднеевропейская семья со средневропейскими ценностями. В школе держался особняком, авторитетом у одноклассников не пользовался, но и особых эксцессов, в отличие от Габроса, не было. Выбросился из окна.

И наконец, та, в чью честь назван синдром, Кристин Сигурдсон. Исландка. Росла в «тепличных» условиях, окруженная любовью и пониманием. Скрупулезная педагогическая работа, много друзей-ровесников. Утонула.

С фотографий на меня смотрят обычные детские лица. Что за надлом произошел с этими столь разными детьми в возрасте тринадцати лет? В какого рода помощи нуждается Игорь?

Одна-единственная общая деталь после кропотливого анализа — двое из четверых незадолго до смерти упоминали «черное солнце». Что скрывается за этим оксюмороном? Возможно, затмение?

* * *

Начинаю запись.

— Что ты видишь, когда смотришь на солнце? — спрашиваю я.

— Я вижу солнце. — Если нотка иронии и звучит в голосе Игоря, то она скупотмерно отмерена на аптечных весах.

* * *

И надо же случиться такому! До четырнадцатилетия оставалось всего полтора месяца! Никаких признаков депрессии! Я вне себя от досады.

Рико погиб. Выбросился на берег. Об этом я узнал от Игоря, он указал и место — приехав на пустынный утром скалистый пляж, мы обнаружили тело дельфина у кромки прибоя. На Настю больно смотреть. Игорь внешне спокоен.

На состоявшемся в тот же день консилиуме решено усилить наблюдение за объектом. Предложение поместить объект в стационар отклонено, чтобы самим не спровоцировать ухудшение эмоционального состояния.

* * *

Раз в неделю Игорь по нашей просьбе рисует солнце. Самое обычное, с лучиками, с облачками или у линии морского горизонта.

Сегодня он нарисовал черное солнце.

На консилиуме врачей мы передаем этот рисунок из рук в руки и пялимся на него, будто надеясь увидеть там ответ... Снова поднимается вопрос о стационаре, и снова это предложение отвергается. В случае, если объект примет решение о суициде, никакое круглосуточное наблюдение ему не помешает.

Если Игорь погибнет, это будет моим личным провалом.

* * *

Четырнадцатилетие Игоря! Роковые тринадцать лет позади. Все счастливы. Настя уже отошла от потрясения, вызванного гибелью Рико, и долго выбирала подарок.

Спустя некоторое время решено выдать объекту тщательно отмеренную дозу информации о тех четырех.

Игорь смотрит на меня, как на глупца. Меня и раньше посещало такое чувство, но впервые насмешка во взгляде почти не прикрыта.

— Черное солнце — это смерть. — Игорь объясняет терпеливо, будто говорит с умственно отсталым, а главное, впервые он употребляет понятия «мы и вы». — Вы не можете смотреть ни на солнце, ни на смерть. Те четверо просто хотели взглянуть на смерть в упор.

Все становится на свои места. В детстве ребенок еще не верит в свою смерть, соответственно, она ему неинтересна. Поэтому возраст тринадцать лет и стал роковым рубежом для тех детей индиго.

— А тебя не посещала такая мысль? — спрашиваю я осторожно.

— Нет, потому что я видел смерть. Я мысленно был с Рико в тот миг, когда он погиб, — отвечает Игорь.

Я киваю, пытаюсь выстроить очередность вопросов, коих у меня появляется масса.

— А почему Рико это сделал? — спрашиваю я для начала, как мне кажется, о чем-то второстепенном. В самом деле, почему дельфины выбрасываются на берег? Скорее всего, вследствие ошибки эхолокации...

И снова этот взгляд.

— Потому что я сказал ему это сделать, — терпеливо отвечает Игорь.

Я с глубокомысленным видом киваю и принимаюсь вертеть в пальцах шариковую ручку, стараясь не показать своего потрясения.

Игорь смотрит на меня.

В этот момент в дверь стучат, и в комнату впархивает Настя. Мое солнышко, моя радость.

— Я уже пришла с танцев, пап. Можно мы с Игорем пойдем погуляем, когда вы закончите? — спрашивает она, чуточку запыхавшись.

Я чувствую, как пересохло в горле.

Пауза затягивается.

— П-а-а-п? — Настя смотрит на меня с веселым недоумением. — Так мы с Игорем пойдем погуляем?

ДИСБАЛАНС

1. Взгляд в прошлое

— Безответственность! Только так можно назвать ваше поведение.

— Но... но... Я же не знала, доктор...

— Вы забыли, в каком мире живете? Вам напомнить? Недостаточно плакатов, развешенных по всем стенам?!

— Я... я... Я не знала. Думала, обычная простуда...

— Простуда?! — Врач зло усмехнулся. — Эти штаммы вообще не смогли здесь выжить! Простуда... Сказанула-то...

На лице молодой мамочки постепенно стало проступать отчаяние. Наверно, зря он с ней так. Хотя надо их учить, надо. Ну и достаточно. Теперь будем обнадеживать.

— Милена. Мы обследовали вашего мальчика. На вашей стадии заболевание не поддается медикаментозному лечению. — Увидев, как у девушки поползли вниз уголки губ и наморщился лоб, врач прервал сам себя: — Но! Есть возможность сохранить жизнь вашему сыну. И даже сделать ее вполне сносной. Есть разработки. Они даже прошли лабораторные испытания. Но для массового применения пока не дошло. К счастью. Потому что большинство обращается к нам еще на стадии беременности! — Врач опять не сдержался, ткнув девушку симпатичным личиком в ее ошибку.

— Я поняла, доктор... Вы же поможете Юре? Правда? Я очень надеюсь на вас. Все что хотите, все что хотите... — И она разрыдалась, избавляясь, наконец, от ужаса последних часов, на протяжении которых знала диагноз сына.

2. Взгляд на проблему

Юре много чего не разрешали. И даже объясняли — почему. Но кто будет слушать нравоучения взрослых, когда под окнами цветет сирень, а вода в пожарном пруду прогрелась до самого дна?

Подумаешь, штаны намочил. Там воды по колено. Не подвернул, как следует, вот штанина прямо в воду и спустилась. Сегодня он умнее будет. Сегодня он штаны на берегу оставит. Мама ничего и не узнает.

На пруду было не то что многолюдно, но народу хватало. Славка с компанией, две мелких девчонки, копающиеся в песке, и незнакомый парнишка, наверное, из нового дома.

— Ну чо, будем купаться? — Славка заметил Юрку. — Мамка не заругает?

— Я что, спрашивать буду? — делано возмутился Юра.

— Молодец! — Славка стукнул его по плечу. — Ну сначала разогреемся, а потом в воду полезем.

Славка вернулся к своим — Косте, Пашке и Леньке, которого все почему-то звали Зюзей. Они тихо разговаривали, обсуждая тайные дела. Например, к кому сегодня лезть за сиренью. Все их секреты Юрка знал, но не вступал — это их компания, захотят — скажут.

Юра снял штаны и рубашку и растянулся на горячем песке. Ленька, как обычно, махал руками, возмущенно бухтел, что он не согласен и вообще. Потом отошел в сторону, заявил, что в гробу он видал все указания, снял одежду и вошел в воду. Прошелся взад-вперед вдоль бережка, громко, на публику, сказал: «Хороша водичка!» — присел и побрызгал себе на пузо. И зашагал к дальнему берегу. Смотреть на него было потешно. Он почти дошел до середины, а вода ему даже до тусов не дошла. Так и перейдет, не замочив.

Тайные дела закончились, и компания, поснимав одежду, устроилась рядом с Юркой. Тут к ним и подошел новенький. Назвался Серегой и стал вполне прилично набиваться в компанию. Юрка всегда завидовал таким ребятам: со всеми они умеют поговорить и везде быстро своими становятся. Юрка так не умел. Поэтому вздохнул, сделал равнодушное лицо и снова устался на Зюзю.

Тот уже даже не знал, как еще привлечь к себе внимание. Прыгал, поднимая тучу брызг, плескался водой, сложив ладони ковшиком, орал всякую чепуху. В общем, развлекался по полной программе. Никому это было не интересно. Даже девчонки, вначале с испугом поглядывавшие на Леньку, вновь занялись своими делами.

Юрке было лениво вставать. Поэтому приходилось смотреть на Зюзины дурачества. Неожиданно Зюзя заорал, взмахнул руками и ушел под воду с головой.

— Опять выпендривается, — равнодушно сказал Славка и отвернулся.

Юрка смотрел на бурлящую поверхность пруда, на белые пузыри, которые лопались над тем местом, где скрылся Зюзя, и недоумевал. Что-то долго он не вылезит. Заснул там, что ли? Тут Юрка вспомнил, как ребята хвастались — кто за какое время переплывет речку: и на спине, и саженками, и даже брассом. Только Зюзя, вопреки привычке всюду лезть, куда не просят, скромно отмалчивался за спинами. «Он же плавать не умеет! — торкнула мысль. — Придурок!»

Тут Зюзина голова на секунду показалась над поверхностью пруда. Глаза выпучены, рот распахнут и что-то такое хрипит. Потом взметнулись руки, с силой ударили по воде, и Зюзя снова ушел вниз.

Юрка даже не раздумывал. Подскочил и бегом зашлепал по мелководью.

— Ребя, он же тонет! — услышал Юрка за спиной Славкин голос, а потом бухнулся в речку с головой. Сквозь мутную воду трепыхающееся Зюзино тело едва белело. Как там учили в школе-то? «Подплыть со стороны затылка, подхватить под мышки и отбуксировать пострадавшего к берегу, приподняв голову над водой...» Где ж у него затылок? Разберешь тут, поди...

Юрка поднырнул, ухватил Леньку за пояс и забил ногами, чтобы всплыть. Получилось как-то не очень. Вроде бы Зюзя уже наверху, а самому никак не подняться. И куда плыть? Хотя все равно — берега вроде на одинаковом расстоянии. Юрка руками уперся Леньке в живот и еще быстрее заработал ногами.

С этой стороны пруда, куда Юра выплыл, мелководье заканчивалось почти у самой кромки воды. Предательская яма, в ко-

тору Юленька ухнул, здесь доходила до берега. Про нее никто не знал — купались с другой стороны, где удобнее подойти, а тут повсюду разрослась жесткая, колючая трава десятилетника.

Зюзя был не только тяжелый, но еще и брыкался, когда Юрка выволакивал его на берег. Правда, все слабее и слабее, наливаясь неприятной тяжестью. Не в силах дальше тянуть неподъемное тело, Юра отпустил его в паре метров от кромки воды и сам упал рядом, тяжело дыша.

Славка с ребятами подбежали, затормозили Зюзю, пускающего пену изо рта, что-то хрипящего и мелко дрожащего. Его посиневшее лицо постепенно становилось нормальным.

— Спасатели сейчас будут, я вызвал. — Серега сложил мобильник и прилепил его обратно к ноге. Мим-поверхность сразу же слилась по цвету с кожей — фиг заметишь. Юрка такие только в рекламе видел.

Действительно, через минуту подъехала машина, из нее выскочил врач с двумя санитарями и сухо осведомился, кто пострадавший. Все показали на Зюзю. Санитары подхватили его под руки и загрузили в автомобиль. Подключили разноцветные провода, шланги, надели на лицо маску и запустили реанимацию. Именно так выразился Серега. Юрка подумал, что тот скоро будет заводилой вместо Славки. Да какая разница. В их компанию ему все равно не попасть.

Юрка поднялся и пошел прочь — домой, переодеться. Он слышал, как врач сурово отчитывал ребят за шалости на воде, которые ведут к смертельному исходу. О том, что кому-то крупно повезло, что его вовремя вытащили из воды. О том, что нужно выделять специальные места для купания, и куда смотрит правительство города. Но все это было неинтересно. Наконец, он прекратил читать нотации, сказал, что заберет Ленюку в стационар, а об их поведении сообщит родителям. «Ну, как ваши фамилии? И где ваши отцы работают?»

Юрка услышал, как Пашка говорил, что вон у того парня отца нет, фамилия у него — Долгов, а к матери просто дозвониться — она в ресторане «Фисташковое небо» певицей работает.

В общем, закладывал Юрку.

Санитарная машина уехала. Топот ног по песку — и ребята догнали медленно идущего мокрого и несчастного Юрку.

Славка потянул его за плечо и спросил:

— А теперь колись — как ты умудрился столько без воздуха пробыть? Ты же все время под водой плыл, пока Зюзю вытаскивал. А?

В его голосе Юра не услышал обычного превосходства и снисходительности. Дескать, малец, радуйся, что мы с тобой говорили. Наоборот. Славка говорил серьезно и требовательно, будто готовился принять важное решение, и от слов «мальца» что-то зависело.

Но рассказать Юрке не дали. На берег въехала зеленая «колибри», из нее выскочила его мама, дико огляделась, увидела Юру, схватила за руку и впихнула в салон.

— Да-а-а... — подытожил Славка, — не позавидуешь...

— Пойми, Юрочка! Ты не такой, как все!

Юрка до жути не любил это «Юрочка», но приходилось терпеть. Когда мама плакала, лучше было ничего не говорить, со всем соглашаться и вообще вести себя последним скромником.

— Ты думаешь, я просто так тебе что-то запрещаю? Совсем нет! Всему есть причина. У тебя — здоровье. И если ты будешь вести себя как-то не так, то твоя жизнь может оказаться под угрозой. — Мама часто заморгала, промокнула глаза платочком и тяжело вздохнула.

Юра вздохнул тоже. Опять будет рассказывать про то, как ей тяжело его воспитывать без отца, а потом плакать. Хотя после таких излияний мама всегда ему что-нибудь дарила, словно извинялась за то, что ей приходится его ругать. Но в этот раз разговор вышел несколько другим.

— Знаешь, кем был твой отец? Пилотом звездолета! — Мамини глаза вдруг высохли и как-то даже засияли. — Да-да, честно. Я с ним случайно встретила в нашем ресторане. Он был такой, такой... в общем, замечательный. Да и я ему сразу понравилась... А потом он улетел — потому что пилоты всегда должны возвращаться на ту планету, с который начали свой путь, таковы правила. Он даже сказал тогда ее название, — мама грустно улыбнулась, — но мне было все равно, откуда он: с Эльвиры, с Брисса или с Фэйхо. Земля — так называлась его планета.

— Земля? — Юрка не очень понимал, что мама хочет ему втолковать. Но он точно помнил, что с этим словом связаны какие-то неприятности.

— Потом родился ты. — Мама словно оправдывалась. — И оказалось, что ты очень болен. Что твой организм не может сам о себе заботиться. Врачи тебя спасли — уже тогда существовал способ. Понимаешь, Юра, на тебе находится специальная оболочка, которая и помогает тебе не умереть. Она бережет тебя от многих вредных воздействий окружающей среды. Но если ты ее повредишь, тебя ничто не спасет. Понимаешь?!

Мама вдруг прижала Юрку к себе и громко зашептала, дыша прямо в ухо:

— Самое страшное для тебя — природное электричество. Обещай мне, что всегда будешь беречься молний...

Юрка слегка отодвинулся от Милены и твердо сказал:

— Обещаю, мама.

3. Взгляд изнутри

Я и верил, и не верил маме. Хотелось разобраться самому. Ведь она могла преувеличить в естественном стремлении уберечь родное и единственное чадо. Пришлось читать медицинские книжки, которых я не понимал, справочники, над которыми засыпал, и даже интересоваться разнообразными новейшими исследованиями в области медицины, благо информации в Сети по этим вопросам было море.

Сейчас я знаю все об электролитном дисбалансе. Это знание не придает мне сил, но помогает смириться с неизбежным.

Возьмем обычного человека и рассмотрим его на клеточном уровне. Мы увидим, что есть клеточная мембрана, есть внутриклеточная жидкость с электролитами и есть внеклеточная жидкость с электролитами. Все, что в организме происходит, любые физиологические процессы обусловлены разницей зарядов. Разница возникает из-за количественного различия этих самых электролитов. То есть одного и того же вещества снаружи больше, внутри меньше, и наоборот.

Возникает разность потенциалов.

В моем же случае произошло следующее: за счет слияния малосовместимых клеток родителей у меня образовался нетипич-

ный электролитный состав, и возникла разница качественная. Нет нужной разности потенциалов, чтобы проходили любые процессы в организме.

Вот поэтому у нас и не приветствуются интимные контакты с жителями Земли. Тем не менее они происходят. И женщины рожают от космолетчиков с других планет. Но все они помнят о том, что может грозить их детям, и вовремя принимают меры.

Мама же озаботилась этим слишком поздно, когда дисфункция моего организма зашла слишком далеко. Ну да, я выжил. Спасибо врачам, предвидевшим возможность того, что случилось со мной. Они успели покрыть меня специальной оболочкой.

Оболочка — это всего лишь собственные клетки организма, чтобы они не отторгались, у них есть возможность генерировать электричество. Так просто.

Это сейчас мне просто... Но каково мне было понять в одиннадцатилетнем возрасте, что я прочитал?!

Тогда я вынес из всех научных и научнообразных статей лишь одно — бояться мне надо только разрядов электричества. Остальные воздействия не могут мне повредить: оболочка исправно защитит меня. Снабдит дополнительным кислородом при его недостатке под водой. Скомпенсирует удар и залечит поврежденные ткани. Задержит, уплотнившись, проникающие сквозь кожу яд или кислоту. Изолирует от повышенной температуры.

Ну да, я все это вычитал в книжках. И тут же решил перепроверить на себе. Раньше я не придавал значения тому, что у меня не бывает ожогов, царапин или синяков. А если и случаются, то очень быстро проходят.

Первым делом я взял острый ножик на кухне, прижал его к пальцу, зажмурил глаза и резко дернул. Потом заорал от боли и сунул палец в рот. Да, с ножом переборщил — хватило бы и простой иглки. Я вынул палец изо рта и украдкой взглянул на место пореза, боясь увидеть хлещущий кровавый фонтан. Ничего такого не было. Небольшой вздувшийся бело-розовый шрам — и все.

Это меня весьма приободрило: один раз я видел, как парень из соседнего двора зацепил ногой за шиповник, непонятно как выросший у тропинки. Так у него кровь лилась минут десять, пока ему повязку не наложили. И ходить он стал только на третий день. А у меня чуть пожгло и отпустило.

Потом я додумался сунуть палец в кипящую кастрюлю — как раз мама собиралась варить суп. На этот раз я глаз закрывать не стал. Да ничего страшного и не случилось: небольшая боль, палец покраснел — и все. Даже стало немного скучно: какой смысл испытывать, если ничего не происходит?

Так что я вскоре забросил проверки и зажил спокойной жизнью на радость маме. Конечно, электричества приходилось беречься. На этот счет везде говорилось однозначно: в случае попадания оболочки под статический электрический разряд определенного напряжения, она неизбежно разрушится. В чем меряется разряд, я, по малолетству, не понял. Ни к чему мне это было — мы жили в доме, который был полностью изолирован от воздействия природного электричества, а внутренние сети тщательно заземлены. Каждый месяц мама вызывала специалиста, который проверял всю электрику на возможный пробой и ворчал, что в этом доме он только время зря теряет и мог бы приходить и пореже. Мама в ответ молчала, а через месяц вновь звала электрика.

Я закончил школу. Тогда и появились проблемы. Надо было выбирать — на кого учиться, кем потом работать. И дело даже не в наклонностях и стремлениях, хотя и с этим были неясности. Дело в физических ограничениях, которые на меня наложила бы будущая работа. Где я смог бы реализовать свои преимущества, избежав воздействия электростатических полей?

Нет, я не стал врачом.

Не стал переводчиком, актером, театроведом, критиком, писателем, фотографом...

Я — учитель. Преподаю географию в обычной школе в нескольких шагах от моего дома. Сидячая кабинетная работа с людьми. Минимальный риск и постоянная возможность укрыться. Никуда не хожу, никуда не езжу — это не нужно. Совсем не нужно...

4. Взгляд со стороны

Сергей Алексеевич, наш классный, заболел. Я думал, что сорвется экскурсия, ан нет, повезло: ребята Юрия Петровича уговорили, нашего препода по географии. Он ничего так, рассказывает интересно, только странный немного: каждый раз, когда из

школы выходит, прогнозом погоды интересуется. Переключает большую динамическую карту поселка со всеми окрестностями, которая в холле висит, на климатический уровень и долго изучает, как облака движутся, где они сейчас и где вечером окажутся. А чего там изучать? Посмотрел на улицу — и сразу все видно.

Ну экскурсия — это только так называется. На самом деле — настоящий поход к озерам с двумя ночевками! В прошлом году восьмой класс ходил, так мы все обзавидовались, такого они рассказали. Вот теперь наша очередь. Обидно было б, если бы сорвалось все. Я программу первым делом разулал. День идем, к вечеру выходим к озеру, разбиваем лагерь и все такое. На следующий день около озера тусуемся. А на третий с утра — уже в обратный путь.

Сами знаете, для похода самое главное — чтоб дождя не было. Поэтому теперь я Юрия Петровича вполне понимал: кому охота мокнуть. А поход можно на день-два перенести, никто и не возразит. Я тоже после географа на карту посмотрел. Погода как на заказ — ни тучки, ни облачка до конца недели, благодать.

Домой пришел, а родители вдруг раздумали отпускать. Дескать, «Юрий Петрович никуда не ходит, да как он с вами, оболтусами, черт-те куда попрется, да вы там все ноги-руки переломаете, а он дальше порога и не ступал». В общем, такого шороху нагнали, а все зря. Юрий Петрович, если нужно, такое может сотворить, что ни одному чемпиону и не снилось. Мы-то родителям не рассказывали, потому как все они наказывать горазды. А чего наказывать, если ничего не случилось?

Когда Алеха с крыши сорвался и минут пять на штанине висел, кто его оттуда снял? Юрий Петрович. А ведь он, для быстроты, вися на руках до Лехи добрался. По острому карнизу. И обратно так же, этого покорителя крыш обхватив ногами. Или, скажем, Эдик с белого дерева сверзился. Так Юрий Петрович его поймал и мягко на землю поставил. А Эдик почти что до пятого этажа добрался, когда ветка подломилась. Или вон старшие ребята из девятого костер жгли, так на одном куртка загорелась. Юрий Петрович голыми руками потушил, я сам видел. Родителей ничьих не вызывал. Только красочно очень описывал, что могло случиться и как бы этот самый спасенный страдал, пока не умер.

В общем, пришлось родителей уговаривать и обещать, что буду слушаться и вообще никуда и никогда в сторону шагу не ступлю. Тогда они с другого конца решили отговорить. Дескать, обещают дождь, грозу, шторм, ураган и землетрясение. Я даже посмеялся. Сказал, что на три дня прогноз смотрел — без дождя будет, тепло и солнечно. На это мне ответили, что местный прогноз — это одно, а глобальный — несколько другое. И что, если я хочу простудиться, то могу идти хоть на край света со своим Юрием Петровичем, но потом чтоб я претензий никому не предъявлял, если придется во время каникул месяц в постели проваляться.

На этом и договорились. Рюкзак собрал, то да се — по списку. Подготовился. Наутро у школы собрались и пошли своим ходом. В этом самый прикол, чтоб без всякой техники обходиться. Только если сигнал о помощи послать. Но до такого серьезного никогда не доходило. Даже когда кто-то там три года назад ногу подвернул, так его на носилках вытащили. Смысл-то похода в чем? Себя проверить. Сдюжишь ли без роботов и тому подобной ерунды, без которой дома шагу не ступить.

Тяжело, конечно, пешком идти, если без привычки. Так мы же не зря готовились: физическая подготовка, бег с грузом на плечах. Кое-кто даже интенсивники на мышцы ставил. Но это так, баловство. Пока носишь, они мышечную массу наращивают, а снимешь — все сразу и уходит, чуть ли не за один день.

Дошли, конечно. Без проблем. Место под стоянку интересное выбрали, совсем не то, что в прошлом году было. У маленького озерца, в которое горная речка впадает. Ну тут все оттянулись. И ребята, и девчонки. Конечно, сперва палатки поставили, место под костер подготовили, дежурных по жребию назначили. А там уж стали развлекаться, кто во что горазд.

Наша компания — плот строить, чтобы по озеру поплавать. Девчонки — во всякие игры играть. Мишкина компания из себя стрелков изображать стала. Нарядились под боевиков и пальбу между деревьями устроили — из учебных ружей когерентного излучения. А Юрий Петрович на пороге своей белой палатки сидит и за всем этим безобразием наблюдает. И если что не так — сразу замечание делает. В походе правило железное: три замечания — и тебя с позором домой на автоматическом глайдере отправляют.

Стемнело довольно быстро. Мы у костра посидели и спать отправились. Разумеется, никакого дождя и не было, который родители обещали. Утром тоже погода хорошая была: все на рыбалку отправились и даже кое-что поймали. В обед эту рыбешку и съели. Вот после обеда неприятности и начались.

Чего-то мы у Юрия Петровича собрались. Он нам так увлекательно рассказывал про растения всякие, что вокруг растут, про насекомых, про зверей и птиц, которые от людей прячутся, но если тихо себя вести, то можно иногда их и увидеть.

Да, на биологии мы такого и не слыхали — сидели у учителя рты пооткрывавши. А потом как-то неуютно стало.

Сначала ветер палатку заколыхал, а потом снаружи зашелестело и негромко загрохотало вдали.

В палатку вбежал Артур и завопил:

— Юрий Петрович! Гроза идет! Вот здорово-то, да?!

Учитель вздрогнул и побледнел даже, будто что-то жуткое узнал. Выглянул, посмотрел на наплывающие тучи и решил сворачивать наше веселье:

— Всем укрыться в палатках. Включить изоляцию и носа не высовывать!

Ну да, конечно. Кто ж будет слушаться, если все подготовлено для плавания на плоту — только столкни его в воду. Дождик-то — не ливень, теплый. Да и молнии где-то выше по течению. Наверное, в основном, там и лило. Так что мы решили быстро до островка смотаться — и тут же назад, чтоб Юрий Петрович не узнал. Все равно он у себя остался, а мы к себе побежали.

Выплыли. Минут десять шестью толкались. Ткнулись в островок — и разбежались по нему. Ну не уплывать же сразу обратно — надо исследовать неизвестную территорию.

Доисследовались.

Со стороны речки гул пошел и грохот. Такой, что не только шум дождя заглушил, но и наши голоса. Мы оторопели. А когда поняли, поздно уже было что-либо делать. Речка от ливня так вздулась, что погнала волну на все озеро. Плот сразу смыло, а нам только ноги замочило. С этим бы и ладно. Но гроза сюда пошла. Так лить стало, что без разницы, где находишься — под водой или на суше.

Воздух наэлектризован, чуть ли не трещит, а мы на островке застряли, который под воду уходит. Тут уж все родительские предупреждения вспомнишь. И поклянешься, что всегда-всегда слушаться будешь.

Самим не доплыть: ветер жуткий, а по озеру водовороты ходят. Не сделаешь ничего: спасателей надо вызывать. До сих пор не знаю, кто на кнопку нажал. Да это и неважно. После нажатия главное — продержаться до прибытия спасателей. Мы уже ждать приготовились. Стоим, в кусты вцепились, чтоб не смыло, и дрожим от холода. Сколько ждать — неизвестно.

Учитель первым успел.

Наверное, девчонки Юрию Петровичу все рассказали. Ну что мы на острове и выбраться не можем. В палатке у учителя свет горел. Он на этом фоне нам хорошо виден был. Некоторое время стоял. Думал, поди. А потом как рванет к берегу. Нырнул в озеро как был, в одежде, и быстро-быстро поплыл.

Схватил одного — и назад к лагерю. Никогда не видел, чтоб люди так быстро плавали. Потом другого. Мы уже и бояться перестали. Как же — Юрий Петрович спасет!

Только с каждым разом он все медленнее плыл...

Меня он последнего с островка тащил. Даже в этой темени видно было, что нехорошо ему как-то. На лице и на руках кожа у него то вздувалась, то опадала — волнами ходила. Страсть! Я даже спросил:

— Что это с вами, Юрий Петрович?

Он услышал, криво улыбнулся и ответил:

— Организм взбунтовался. Некомфортно ему. Нельзя мне в грозу на улице, понимаешь, Саша?

Ну я тогда не понял ничего. Уцепился изо всех сил за учителя, и он поплыл.

Немного до берега не добрались: дно ногами уже чувствовалось, а Юрий Петрович вдруг обмяк и вперед завалился. Сам холодный, синий. Даже вроде сердце не бьется. Я заорал, ребята подбежали, подхватили учителя и все вместе уже выбирались.

Мы Юрия Петровича еле от воды оттащили. А потом только сидели вокруг него и смотрели, как дождь с него кожу смывает. Сначала она запузырилась, волдырями покрылась, как нарыва-ми. Они потом лопаться начали. И потекли. Тут уж всем тошно

стало. Девчонки в землю уткнулись, а Мишка вообще в кусты убежал. Наверное, я один смотрел. Не мог глаз отвести. Меня запах доконал. Едкий такой, противный. Я руками глаза закрыл, чтоб не видеть. Чуть между пальцами глянул и даже зажмурился: на коже красные проплешины появились. Сразу комок к горлу полез.

Ничего мы сделать не могли. Страшно было и тягостно. Ведь из-за нашей глупости все это. Девчонки в голос ревели, а толку-то. Может, и ребята плакали, да дождь все прятал.

Потом, конечно, спасатели прибежали. Я даже не сразу понял, что это они: все в белом и совершенно бесшумно. Юрия Петровича подняли, перенесли в медицинский глайдер и увезли куда-то. Нас — в грузовой. Вещи тоже куда-то покидали, да нам не до них было.

Вот так и закончилась экскурсия к озеру.

Только одно не понимаю: зачем Юрий Петрович полез спасать нас? Мы бы точно еще продержались. На острове воды по пояс было, и поднималась она не очень быстро. Он же знал, что гроза для него смертельно опасна. Мог бы и не выходить, спасатели не сильно задержались.

Так что географии у нас пока нету — некому вести.

Но я ходил в больницу, спрашивал. Он к нам все равно вернется...

ДНИ ТЬМЫ

1

День был дождливый и серый; при каждом выдохе к глазам поднималось маленькое облачко пара, и сквозь него мир казался другим. Знаю, многие не любят промозглую осеннюю сырость, но я всегда видел в ней что-то романтическое, и каждый раз неясная печаль наполняла сердце.

Хотя сегодня сердце было уже переполнено, так что для печали в нем просто не осталось места: я был удивлен, взволнован и немного напуган неожиданным звонком незнакомого нотариуса.

Через час я уже сидел в его конторе и, если честно, терялся в догадках.

Нотариус — немолодой, с залысинами и хитрым взглядом — усадил меня в кресло, попросил подождать минутку и принялся смотреть мои документы.

— Вы сказали, что дело срочное, — в конце концов не выдержал я.

— Так и есть, Серафим. Так и есть, — подтвердил он и, оторвавшись от бумаг, протянул мне руку: — Борис Львович.

— Очень приятно, — вежливо ответил я, хотя приятно не было нисколько: протянутая рука показалась мне гибкой змеей, а ладонь ужалила холодом.

— Итак, молодой человек, согласно этому завещанию, вы являетесь единственным наследником Александра Семеновича Яновского — его квартиры, банковских счетов и...

— Не может быть! — воскликнул я. — Это какая-то ошибка — я понятия не имею, о ком вы говорите.

— Нет, ошибки нету, — поспешил заверить Борис Львович. — Здесь указано, что вы не являетесь родственниками; и я трижды проверил ваши данные — все совпадает.

— Даже так? — изумился я. — Не понимаю...

— Ну знаете, в жизни всякое бывает... — зашел издалика нотариус. — К примеру, может статься, что он ваш настоящий отец.

— Мой отец умер, когда мне было тринадцать, — резко заметил я. — И он был хорошим человеком.

— Никто не спорит, царство ему небесное, — внезапно перекрестился нотариус. — Просто я пытаюсь вам объяснить, что жизнь, как горная река, полна подводных камней.

— Я понимаю, что вы хотите сказать, — нахмурился я.

— Так вот... Если, конечно, вы не откажетесь от наследства, то к вам перейдет роскошный пентхаус в центре столицы и приличные денежные средства. И еще небольшая коробка. Понятия не имею, что в ней, — может, фотографии или дневники...

Я не знал, что ответить...

— А вы лично были знакомы с Александром Семеновичем?

— К сожалению, нет. Но я получил подробные инструкции и, по сути, являюсь его душеприказчиком. Можете посмотреть завещание.

— Интересно, — пробормотал я, впиваясь глазами в документ.

«Невероятно! Такое крупное наследство — и просто так? В это невозможно поверить...»

— Не понимаю, отчего вы такой угрюмый? Тут радоваться надо, а не хмурить брови. Тем более, вы безработный музыкант, ютитесь с мамой и бабушкой в однокомнатной квартире, даже девушку привести некуда...

— Извините, но это не ваше дело! — возмутился я.

— Нет, молодой человек, это — моя работа, — возразил нотариус.

Я молча вернул завещание и задумался.

Борис Львович тоже молчал, терпеливо ожидая ответа.

— Хорошо, — решил я и удивился, что такое, казалось бы, простое решение далось мне с трудом. — Что от меня требуется?

— Да в общем-то ничего: все бумаги готовы, вам только нужно подписать заявление. А дальше я начну оформление. Но это, раз-

умеется, займет какое-то время. И не волнуйтесь — мои услуги были оплачены наперед.

— Понятно. И никаких подводных камней?

Борис Львович слегка замялся:

— Видите ли, согласно распоряжению покойного Александра Семеновича, вы обязаны незамедлительно переехать в свою новую квартиру. Кроме того, до полного оформления документов вы не должны сообщать другим лицам, что получили наследство.

— То есть?

— То есть ни родственникам, ни друзьям — никому, — пояснил нотариус. — Это ясно?

Я кивнул.

— Замечательно. Тогда подписывайте, и я отвезу вас домой.

Когда мы закончили с документами, Борис Львович вручил мне картонную коробку и улыбнулся:

— Здесь могут быть ответы на ваши вопросы.

— Ага, — в свою очередь улыбнулся я. — Или пара старой обуви.

2

Мой новый дом действительно находился в центре — им оказалась одна из модных высоток, построенных лет пять или шесть назад.

«Дом для богатеньких! — мысленно присвистнул я, оказавшись в огромном вестибюле. — Черт, да тут даже пальмы растут!»

Слева от входа манекеном сидел консьерж, который сразу механически улыбнулся:

— Добрый день, Борис Львович! Здравствуйте!

Второе приветствие было адресовано мне, и я уже собирался ответить, но консьерж так неприкрыто ощупывал меня глазками, что желание быть любезным пропало.

Конечно, рваные джинсы, облипшие грязью ботинки и потертая куртка делали меня человеком второго сорта, но он тоже к первому не относился.

Борис Львович также ничего не ответил, только слабо кивнул, и мы направились к лифту.

— Что ж, осматривайте свои владения, — сказал он, когда мы поднялись наверх.

Ключ бесшумно повернулся в замке, вспыхнул свет, и я первым шагнул в квартиру.

Я часто мечтал о своем жилье, но мечты мои были скромными, поэтому пентхаус показался настоящим дворцом: двухэтажный, с огромными окнами и высокими потолками, просторный и светлый и с удивительным видом на реку. Хотя обстановка была простая, без помпезности и лепнины, которую я опасался увидеть: неброская мебель, деревянные полы и портрет Джимми Хендрикса в студии над камином. А еще — невероятная стереосистема и несколько гитар у стены.

— Неожиданно, — заметил я, оборачиваясь к молчаливому Борису Львовичу. — Прежний владелец тоже был музыкантом?

— Не знаю, — пожал плечами нотариус. — Наверняка это было не основное занятие, а так, хобби. Вы довольны?

Я открыл один из гитарных чехлов. Надо же, бас!

— Доволен? Да я потрясен! — признался я.

— Прекрасно! — заулыбался нотариус. — Тогда обживайтесь и не забываете о правилах: никаких друзей и вечеринок, пока не будут оформлены документы. Вот немного налички — на первое время.

— Спасибо, — обрадовался я, принимая пухлый конверт.

— Банковские карточки сделаем через несколько дней. Всего хорошего, Серафим.

— До свиданья!

Я остался один. Один в огромной квартире.

Неужели я был неправ, и чудеса все же случаются в этом жестоком мире?

Около часа я бродил по пентхаусу, изучая обстановку и содержимое шкафов. Большинство вещей были новые и, как оказалось, моего размера. Это натолкнуло на мысль, что Александр умер не старым, и, возможно, его смерть была внезапной. Кроме того, мне начало казаться, что между нами существует какая-то связь. Не думаю, что он был моим настоящим отцом, но все же...

Вечерело. Серый мир за окном потемнел, и город вспыхнул разноцветными огоньками. Мост метро, подсвеченный фонарями, казался дорогой жизни, уходящей в темную неизвестность

вечности, и я прилип к стеклу, пытаясь заглянуть в нее с двадцать третьего этажа.

А потом неожиданно вздрогнул — в доме стояла непривычная тишина.

«Странно, — мысленно удивился я. — Вот уже три часа, как мне никто не звонил».

Проверив телефон, я убедился, что так и есть — ни пропущенных звонков, ни сообщений.

«Ну и ладно, — совсем не расстроился я. — Так даже лучше. А маме я позже позвоню — скажу, что ночью у Стаса».

Размышляя, я оказался на кухне и машинально заглянул в холодильник. Эх, придется сбегать за продуктами.

Я взял немного купюр из конвертика, приличную кожанку из шкафа и спустился вниз.

На этот раз консьерж был нем как рыба — наверное, до сих пор переваривал мое вселение.

Дверь оказалась довольно тяжелой, и я поморщился, представляя, что каждый раз, выходя на улицу, буду толкать ее как хрупкая девчонка. Все, завтра же запишусь в тренажерный зал — теперь я могу себе это позволить.

Наконец поборов непослушную дверь, я очутился снаружи.

Господи! Здесь не было ничего — ни фонарей, ни машин, ни сквера через дорогу... Непроглядная чернота вцепилась в глаза и стала сжимать горло; обжигающий, совсем не сентябрьский холод погладил по волосам. Такого ужаса я не испытывал никогда, разве что в далеких детских кошмарах, но из них можно было сбежать...

Обезумев, я схватился за дверь и, тяжело дыша, ввалился обратно.

Внутри все было нормально: яркий свет, ужасные пальмы, мраморный пол и эта отвратительная лепнина!

Да что же со мной происходит?

— Что-то забыли? — поинтересовался консьерж.

— Да... — хрипнул я и, собравшись, выдохнул: — Забыл спросить, где ближайший магазин.

— Через квартал, — ответил консьерж и добавил: — Закажите лучше доставку.

— Не сегодня, — возразил я. — Хочу прогуляться.

И снова вернулся к двери.

Руки тряслись, сердечный насос гроыхал, но я заставил себя выйти на улицу.

Все повторилось, но в этот раз я был готов к жуткой, обжигающей тьме. Прикинув направление, я зашагал сквозь нее, но сердце продолжало стучать, как сумасшедшее.

«Ничего, ничего. Все получится. Может, это внезапная куриная слепота или что-то вроде. Глаза привыкнут. Надеюсь...»

И они действительно привыкли. Правда, ночь по-прежнему была несказанно темной, но постепенно я различил дорогу. И сразу замер как вкопанный.

Я шел по земле. По сухой, покрытой трещинами, земле.

И тут я понял, что приду куда угодно, только не в магазин.

Нужно вернуться, пока еще можно отыскать дорогу назад.

Я оглянулся.

Дома не было — позади меня возвышался огромный маяк, наверху которого горел яркий желтоватый огонь.

3

Не помню, как снова очутился в квартире. Трясло так, что зубы стучали. Я зажег свет везде, даже в ванной, включил музыку, чтобы не сидеть в тишине, и достал из бара спиртное.

Почти залпом осушив стакан коньяка, я выпустил эмоции наружу:

— Да что за сверхъестественная хрень?!

Мой вопрос остался без ответа: из колонок лилось гитарное соло, а взлохмаченный Хендрикс довольно шурился над камином.

И тут я вспомнил о коробке.

Сорвав липкий скотч, которым была прихвачена крышка, я обнаружил бумажный сверток, аккуратно перевязанный крест-накрест. Вначале мне показалось, что в нем пачка писем или блокнотов, но, развернув упаковку, я увидел деревянную шка-тулку, старинную и с резьбой.

И надо же — она оказалась закрыта, а ключа в коробке не было и в помине!

Я забегал по дому в поисках инструментов и в конце концов сорвал крышку с петель большим кухонным ножом.

Внутри лежал крошечный ржавый ключ. Мало того, он идеально подходил к замку на шкатулке. К чему эта загадка? Кем же ты был, Александр?

Я крепко выругался и услышал входной звонок.

— Да что же это такое? Неужели соседи? Вроде не громко...

Но все же, уменьшив звук, я пошел открывать.

На пороге стоял невысокий парень с двумя увесистыми пакетами. От него пахло сигаретами и сыростью. На темной куртке поблескивали крошечные капельки воды.

«А ведь на улице дождь», — подумал я, и в сердце разлилась пустота.

— Доставка продуктов, — сказал гость из недоступного мне мира.

— Я ничего не заказывал.

Парень посмотрел на меня, на дверь, в накладную и возразил:

— Ну, может, не вы, а жена или кто-то еще... Адрес точно ваш. Куда поставить?

Я указал на кухню:

— Сколько с меня?

— Уже оплачено, — сообщил курьер. — Распишитесь.

Я даже не удивился:

— Спасибо.

И черкнул закорючку.

Парень замялся.

«Чаевые!» — догадался я и достал из кармана купюру.

— Вот, возьмите.

— Это много, — засомневался курьер.

— Мельче нет.

Парень с радостью схватил бумажку и был таков.

Я запер дверь и заглянул в пакеты: да тут на неделю хватит!

С едой дело пошло на лад — я быстро приговорил бутылку и уснул на кухонном диване.

Утро выдалось серое: за окном продолжал лить дождь, и дома на горизонте пропали за сизыми тучами.

И все-таки был день. Возможно, эта чертовщина случается только ночью, и сейчас я смогу выйти из дома.

Я умылся, оделся и вспомнил о матери. Может, она звонила, пока я спал?

Нет, не звонила — телефон разрядился. Надеюсь, она не волнуется. Хотя, конечно, волнуется, ведь я у нее такой непутевый...

Решив немедленно во всем разобраться, я вызвал лифт и спустился вниз.

Консьерж был тот же.

«Наверное, работают в две смены: этот днем, а кто-то другой ночью. Или он робот», — подумал я и усмехнулся.

— Здравствуйте! Все в порядке? — поинтересовался прилипала-консьерж.

— В порядке. А что?

— Ну вчера вы так быстро вернулись...

— Гулять расхотелось, — отрезал я. — Возможно, у вас найдется зарядка?

Я показал свой старенький телефон.

— Найдется — у меня такой же.

— Тогда зарядите, пожалуйста.

— Не вопрос, — любезно сказал консьерж.

Вручив ему телефон, я направился к выходу. Через дверное стекло в вестибюль заглядывал грустный дождливый день.

«Ну же, Сим! Не трусь! Там светло».

Но для меня на улице по-прежнему стояла темная ночь.

4

«Вот и все! Я никогда отсюда не выберусь», — с ужасом подумал я, и по спине пробежал холодок.

Ничего не случается просто так, и у каждого чуда есть темная сторона. Я же оказался в крошечной тьме. И, к сожалению, это был не сон, из которого можно сбежать просто открыв глаза.

Пересилив себя, я зашагал наугад. Темнота потихонечку отступила, и впереди задрожал огонек.

Недалеко от маяка горел костер, а вокруг сидели какие-то люди. Рядом с ними стояли небольшие повозки, но лошадей нигде не было. Еще я увидел шатер. Неужели цыгане?

Я прислушался: говорили они негромко и с легким акцентом — строили планы на будущее.

Мне по-прежнему было страшно, но я решил подойти к костру.

Выглядели незнакомцы чудно и совсем не походили на цыган, хоть и были чернявыми. Удивительные и выразительные лица показались смутно знакомыми, как будто я видел их прежде — может, на древних барельефах, может, в забытых снах.

Меня заметили, беседа остановилась, и один из «цыган» встал:

— Новый смотритель?

— Новый, — согласился я и подошел вплотную.

— Это хорошо. Хорошо, что так быстро нашли замену. И вовремя, — сказал «цыган». — Вы, наверное, желаете с нами посидеть? Я — Нифрим, старейшина рода.

— Сим, — назвал я и устроился рядом.

На какое-то время все выжидающе затихли: «цыгане» отрешенно смотрели в огонь, а я разглядывал их необычные лица. Нифрим не выглядел старым, хоть в волосах блестела седина, а лоб покрывали морщины. Но, видимо, не только годы делают людей стариками — на нем лежала печать каждодневных забот, бессонных ночей и волнений.

Справа от старейшины сидела необычайно красивая девушка, какую на земле и не встретить. Она казалась древней царевной или даже языческой богиней...

Всего возле костра собралось человек пятнадцать, но взгляд, стремительно описавший круг, возвратился к черноволосой красавице.

В непривычно светлых глазах заплясали ржавые искры.

— Нина, — ласково улыбнулась она.

Сердце учащенно забилося, я смутился и оглянулся на маяк.

Странно, ведь маяки обычно строят на побережье, но здесь не было моря — только дикая, окутанная тьмой, иссохшая земля.

— Какая долгая ночь, — вздохнул я и обернулся к Нифриму. — А что случилось с прежним смотрителем, Александром?

— Алик погиб, — сообщил старейшина и тоже вздохнул.

Мне снова стало тревожно, но расспрашивать я не решился.

— Это случилось в последний День тьмы, — тихо добавила Нина.

— Если честно, мы шли сюда не надеясь, что маяк заработает вновь. Можно сказать, нам очень повезло, — признался Нифрим.

— Стало быть, вы кочевники? — поинтересовался я.

— Не совсем. В Дни света мы живем оседлой жизнью, но в Дни тьмы нам приходится покидать дома и искать защиту у маяков.

Я сделал неимоверно глубокий вздох, чтобы собраться с мыслями, не вызвав подозрений. Вопросов возникло множество, но больше всего беспокоило то, что эти скитальцы ждут от меня защиты. Разве я способен их защитить?

— Что я должен делать?

— Вы уже делаете, Сим, — улыбнулся старейшина и кивнул в сторону маяка.

— От кого вы бежите? — напрямую спросил я.

— От демонов ночи, что покидают свои пещеры в Дни тьмы, — пояснил он.

Я задрожал.

«Отлично! Здесь еще и демоны есть! Да что же это за мир такой? Или это другая планета?»

— Не бойтесь, они не могут приблизиться к маяку, — успокоила Нина.

— Но Александр...

— Алик оставил маяк и ушел, — прошептал старейшина. — Почему, не знаю. Мы слышали, как на него напали в темноте...

Мне стало не по себе. Хотя, наверное, так и заканчивают дни наблюдатели неспособные жить своей жизнью, раздраемые двумя мирами — от безумия и одиночества они сбегают во тьму...

— Сколько длится ночь?

— Алик приходил к костру тридцать раз, — сообщил Нифрим.

— Месяц?! — воскликнул я.

— Дни света вдвое длиннее, — опять успокоила Нина.

«Значит, в Дни света я снова увижу свой мир».

— Это все? Больше никто не придет?

— Придут. Я отправил людей сообщить, что маяк работает вновь, — поделился Нифрим.

Я поднялся:

- Хорошо. Мне пора. Увидимся завтра.
- Будем ждать, — кивнул старейшина.
- До свиданья, — нежно улыбнулась Нина.

Я побрел обратно, к маяку, понунив плечи и борясь с тошнотой. В голове творился какой-то космический хаос и мелькали кометы мыслей. Разве можно было предположить, что, шагнув за порог, я окажусь в чужом и загадочном мире? Но если часть меня хотела сбежать, навсегда захлопнув невозможную дверь, то другая страстно желала остаться.

Я схватился за ручку и оглянулся: где-то там, у костра, сидела дивная неземная Нина.

5

День был в самом разгаре, и дождь прекратился. После темноты я щурился от света.

— Телефон! — окликнул меня консьерж. — Кстати, у вас гости.

— Кто? — удивился я, забирая свой старенький аппарат.

— Борис Львович.

— Ну конечно! — воскликнул я, словно забыл об условленной встрече, и поспешил наверх.

Борис Львович сидел на диване в гостиной.

— Здравствуйте, Серафим! Надеюсь, вы не против, что я заскочил вас проведать? Просто на звонки вы не отвечали, а вторые ключи остались у меня...

Я прислонился к стене рядом с камином:

— Приехали проверить, не тронулся ли я потихоньку? Не волнуйтесь, все у меня хорошо... Вы ведь никакой не нотариус, а, Борис Львович? Почему же вы сразу не сказали, что вам нужен смотритель маяка?

— А вы бы поверили, Серафим?

— Не знаю... Но почему вы выбрали меня? Только не говорите, что я какой-то особенный!

— Однако так и есть.

— И что же делает меня таковым? Хороший слух или бедность?

— Кровь, — сказал Борис Львович. — Кто-то из ваших предков был с другой стороны.

— Не может быть! — изумился я.

— А иначе вы бы не смогли пересечь границу. Понимаю, вы сейчас немного растеряны и напуганы...

Я прислушался к бурлящим внутри чувствам. Да, не без этого. Но больше всего я был зол, даже взбешен: никто не вправе отобрать мою жизнь, а взамен подsunуть другую — чужую и чуждую.

— Вы плохо меня изучили, господин наниматель. Для меня нет ничего важнее свободы. Так что вам придется поискать другого кандидата.

Казалось, Борис Львович был готов к такому заявлению:

— Конечно, Серафим, вы вольны отказаться, и я приму ваш отказ. Но пока вы не можете уйти, придется побыть зрителем, хотите вы этого или нет.

— Целый месяц! — ужаснулся я. — А как же моя рок-группа и репетиции? Что я ребятам скажу?

— Что устроились на работу, которая требует постоянного присутствия. Хотя, если честно, ваши перспективы на музыкальном поприще нулевые.

— Значит, нулевые?! — совсем разозлился я.

— Ну вам уже тридцать, а вы еще ничего не добились, и только глупцы полагают, что у них вся жизнь впереди.

— Выходит, я глупец. Ладно, как-нибудь переживу...

— Не хотел вас обидеть, но никак не пойму, чем вас не устраивает работа зрителя. Ведь это всего четыре месяца в году, а делать, по сути, ничего не нужно. Остальное время живите как вздумается. К тому же со средствами зрителя вы сможете и группу раскрутить, и путешествовать...

Я усмехнулся: «Отличная попытка!»

— Многие вкалывают с утра до вечера и никогда не получают таких возможностей, — продолжил уговаривать Борис Львович. — И потом, неужели вам неинтересно? Может, если вы больше узнаете о другой стороне, то перемените свое решение?

— Вижу, вы сильно желаете, чтобы я его переменял.

— Буду с вами откровенен, Серафим, — в мире не так много людей с особенной кровью, и найти вам замену будет непросто. Значит, на один маяк станет меньше, и многие погибнут.

— Только не делайте из меня убийцу!

— Я говорю как есть. Вы сможете с этим жить?

Я вспомнил прекрасные глаза загадочной Нины и понял: нет, не смогу.

— Так что вы предлагаете? — взволнованно спросил я.

— Принять свое предназначение, примириться со своими обязанностями и перестать быть эгоистом, — сказал Борис Львович.

— Тогда объясните, кто эти люди? Почему мы должны их защищать?

— Они — наш последний рубеж. Не станет их — и тьма с другой стороны просочится в наш мир. А вы даже не представляете, Серафим, что кроется в этой тьме.

— Демоны ночи, — прошептал я и содрогнулся.

— Это всего лишь слова, — нахмурился Борис Львович. — Современному человеку непросто понять, что за ними стоит. Зато древние люди знали, какая нам угрожает опасность.

— Значит, маяки существуют давно? — удивился я.

— Они были еще у шумеров, а зрителями становились жрецы и маги.

— Но я не маг!

— Это вам так кажется. Просто вы еще не поняли, Серафим, как работает маяк: ваша сила заставляет его светиться.

— Выходит, маяк — это я?

— Можно и так сказать. Сила, заложенная в вас изначально, пробудилась, когда вы переступили порог этого дома.

— Но ведь это обычная многоэтажка!

— Для всех, но не для вас. Зиккураты, пирамиды, башни строителей всегда строились в особенных местах. Раньше их называли местами силы, но теперь мы знаем, что это места пространственных разломов. Ваш дом стоит на одном из них.

— И оказаться на другой стороне способен лишь маг, — сложив два и два, заключил я. — А что такое «другая сторона»?

— Иной план бытия, связанный с нашим как части песочных часов, — загадочно ответил Борис Львович.

Я задумался.

— Наверное, я останусь, — спустя минуту сказал я.

— Наверное? — прищурился Борис Львович.

— Меня смущает... беспокоит...

— Что? Говорите, не стесняйтесь!

— Судьба Александра. Вы знаете, что его растерзали демоны?

В глазах Бориса Львовича проскользнуло секундное удивление, но потом он потупил взгляд и вздохнул:

— Если честно, я не знал, что его постигла такая ужасная смерть... Но как это случилось, ведь возле маяка безопасно?

— Это случилось, потому что он оставил маяк и ушел во тьму.

— Странный поступок... Вам кочевники рассказали? Бедный Александр... Так вы боитесь повторить его судьбу?

Я кивнул.

— Не бойтесь, на маяке и возле него вам ничего не грозит. Просто не уходите далеко, если вздумаете прогуляться.

— Не вздумаяю.

— Значит, договорились? Будете работать?

— Буду, — согласился я.

— Не ходите туда слишком часто — такие визиты отнимают энергию. Если что-то понадобится или возникнут вопросы — звоните. И, пожалуйста, не отключайте больше телефон, а то вы заставили меня поволноваться.

— Я не отключал, просто он разрядился, — виновато ответил я.

— Следите за этим.

— Обещаю.

Борис Львович поднялся, сердечно пожал мне руку, и пентхаус вновь опустел.

6

День пролетел незаметно: хотя мне было непривычно одиночество, я быстро нашел чем себя занять. Сперва созвонился с мамой, затем с друзьями, и они не усомнились в моей истории. Конечно, я рассказал им байку: мол, устроился давать уроки музыки сыну одного бизнесмена, и одно из условий моего внезапного трудоустройства — проживание с семьей в загородном доме. Зато деньги хорошие — и так далее, и тому подобное. С другой стороны, я часто устраивался на разные работы, иногда очень сомнительные, поэтому никто даже не удивился.

Закончив телефонные звонки, я какое-то время играл на гитаре, а потом уселся смотреть кино.

Ближе к полуночи стало как-то тоскливо. Я снова вспомнил загадочный Нинин взгляд и решил проверить, как обстоят дела на другой стороне. Также мне захотелось сделать девушке какой-то подарок и, не придумав ничего другого, я взял пакет с апельсинами. Неоригинально, во всяком случае в нашем мире, но там наверняка они не растут.

Выходя из подъезда, я на секунду засомневался — а вдруг пронести пакет не удастся? Но апельсины никуда не исчезли, и я, довольный, быстро зашагал к костру.

Дорога теперь виднелась отчетливей, и, оглянувшись, я удивился — маяк светил куда ярче, чем в прошлый раз. Мало того, с каждым новым шагом он разгорался сильнее, заставляя пятиться тревожную тьму.

Впереди горел костер. И еще один, и еще...

Я застыл, ошеломленный, и чуть не выронил апельсины — это же надо, сколько народа собралось! Неожиданное зрелище заставило сердце дрогнуть, ведь все эти жизни зависели от маяка. От меня.

Борис Львович был прав — я рассуждал как эгоист. И трус. К счастью, мне удалось сделать правильный выбор.

Разглядывая собравшихся, я насчитал девять костров и растерялся, не представляя, к какому из них идти. И тут увидел, что кто-то махнул мне рукой.

— Что, господин зритель, не ожидали такого многолюдья? — с улыбкой спросил Нифрим, заметив мою растерянность.

— Не ожидал, — согласился я и посмотрел на Нину.

Девушка по-прежнему сидела рядом со старейшиной, но глаза ее были плотно закрыты, а лицо казалось застывшей маской. Теперь она походила на древнюю статую, искусно раскрашенную талантливым мастером, а неровный свет костра, играя на скулах, делал изваяние живым.

Я расстроился: Нина спала.

— Это вам, — сказал я, протягивая Нифриму пакет.

— Что это? — удивился он.

— Апельсины. Еда.

— О, это так любезно! Спасибо. Хотите присесть?

Я покачал головой:

— В другой раз.

Внезапно люди заволновались, некоторые даже привстали, с беспокойством взглядываясь в зловещую темноту. Нифрим тоже поднялся, и лицо его исказилось от изумления:

— Алик?!

Я резко повернулся и увидел невысокого человека, шагающего к маяку. Похоже, он торопился и поэтому игнорировал окружающих, но, приблизившись к нам, неожиданно сбавил шаг.

Выглядел Александр неплохо, совсем не так, как положено мертвецу: приятный, слегка за сорок, шатен, жилистый и живой. Правда, одежда его загрязнилась, местами даже порвалась, кончики пальцев заметно дрожали, а глаза лихорадочно блестели — по всему было видно, что он побывал в переделке.

Слова застряли в горле, и я уставился на прежнего зрителя, совершенно не зная как быть.

— Так вы не погибли?! — пораженно воскликнул Нифрим.

— Как видишь, нет, — резко сказал Александр и схватил меня за руку. — Пойдем!

Он потащил меня за собой, как мать непослушного ребенка, и я подчинился, додумывая несказанное: «Ему срочно нужна моя помощь».

7

Возле входа в маяк Александр остановился и посмотрел на меня, да так, что я задрожал.

«Неужели он злится, что я отнял его маяк? — пронеслось в моей голове. — Так что же получается — я больше не зритель?»

Не знаю почему, но я ужасно расстроился. Хотя, наверное, это из-за Нины...

— Извините, — пробормотал я. — Все думали, что вы погибли...

— Почему ты извиняешься? — округлил глаза Александр.

— Ну... Я занял ваше место, а теперь вы вернулись...

Он нервно улыбнулся:

— Спокойно, парень! Я не вернулся.

— Не понимаю...

Но объяснения не последовало.

— Слушай внимательно: мне нужно туда войти и сразу выйти, — заявил бывший зритель, указывая на дверь. — Поэтому, будь добр, отвлеки консьержа.

— Зачем? — опешил я.

— Не хочу, чтобы он меня видел, ясно? И сам не болтай!

До меня, наконец, дошло:

— Так вы бежите? Бежите в наш мир? Но почему? Что с вами стряслось?

— Это тебя не касается, — резанул Александр и взялся за ручку. — Готов?

— Стойте! — крикнул я. — Вы не можете так уйти!

— Могу и уйду, — возразил бывший зритель.

— Две минуты! Пожалуйста! Я сделаю все, что просите. Буду нем как рыба. Только поговорите со мной, помогите мне разобраться!

— И почему я должен тебе помогать? Я десять лет потратил, чтобы найти ответ. Десять страшных лет!

Последняя фраза прозвучала пугающе, и подозрения превратились в уверенность: что-то не так с этой работой, и с маяком, и с людьми.

Заслонив собой вход, я потребовал объяснений:

— Если хотите уйти незамеченным, расскажите, что вам известно. Иначе я не стану никого отвлекать.

Однако мой ультиматум на него не подействовал.

— Ну и ладно! Они все равно узнают, — невесело сказал Александр, отстраняя меня от двери.

Похоже, у меня осталась последняя попытка.

— Значит, вы хотите, чтобы я повторил вашу судьбу? Почему? Я же не враг!

Александр внезапно смягчился:

— Нет, ты дурак, который клюнул на их удочку. Наверняка уже возомнил себя героем, спасающим мир от жуткой тьмы? Но правда в том, что мир в спасении не нуждается.

— А как же демоны? — усомнился я.

— Их нет, — огорошил бывший зритель.

Дыхание перехватило, голова закружилась, и я осел на ступеньку:

— Значит, меня обманули?

— О, не только тебя!

— Объясните!

— Хорошо, — сказал Александр и опустился рядом. — Представь, что маги древности отыскиали способ привязать себя к нашему миру. Для этого они поселили здесь специально подготовленных рабов, являющихся своеобразными якорями. Как их готовили, мне неизвестно, но эти опустошенные люди стали вместилищами для душ. Таким образом, дух умирающего мага не устремляется к звездам, а переходит на эту сторону, вселяясь в тело раба.

— Но их тут больше сотни! — потрясенно воскликнул я.

— Возле этого маяка. Не забывай, что есть и другие. Так вот, время на этой стороне движется так медленно, что, считай, его и вовсе нет. Прошрое и будущее в этом месте как бы отталкиваются друг от друга, и происходит что-то вроде временного зависания, поэтому наш год длится здесь всего четыре дня.

— Получается, Дни тьмы — это всего лишь ночь? Одна длинная ночь?

— Так и есть, — подтвердил Александр.

— Постой! Когда же маги поселили здесь рабов?

— А ты как думаешь?

Я вздрогнул: неужели эти люди — ровесники Вавилона?

— Но ведь это вечная жизнь!

— Ага, в темнице, — кивнул Александр. — Настоящая жизнь там, на нашей стороне. Поэтому маги находятся тут недолго.

— А какова функция смотрителя? — спросил я, с трудом переварив услышанное.

— А вот это самое интересное. Маяк позволяет им путешествовать в наш мир и обратно.

— Ну и пусть себе путешествуют. Мне-то что?

— А то, что смотритель не может оставить маяк.

— Как так?

— Думаешь, твоя вахта продлится месяц? Черта с два! Ты больше не сможешь вернуться в наш мир.

— Даже в Дни света?

— Даже в Дни света, — глухо повторил Александр. — Видишь ли, часть тебя уже здесь, на этой стороне, в одном из рабов. Поэтому в Дни света ты будешь спать. Возможно, тебе приснится, что ты вернулся и зажил на широкую ногу, как тебе обещали. Мне, например, снилось. Такая сладкая иллюзия...

— Это ужасно... — прошептал я. — Что же делать?

— Ну я нашел свой сосуд и убил, — признался Александр. — Теперь я свободен и могу переступить порог.

— А как же я?

— Не знаю. Думай сам. И решай. Лет десять у тебя точно есть. Хотя, если честно, я был уже на грани. Дело в том, что смотрители как бы перетекают на эту сторону, поэтому живут недолго.

— Мне только тридцать, — простонал я.

— Надо же — я старше тебя всего на три года, — вздохнул Александр.

— А что после смерти? Для нас?

— Скорее всего, смотритель превращается в блуждающий дух.

— Как они?

— Наверное, как они. Но утверждать не берусь. А проверять не хотелось...

Я сжался: теперь меня пугала совсем другая тьма — та, которую я увидел на секунду заглянув в свое будущее.

Александр поднялся:

— Извини, но мне пора уходить.

Понимаю, ему не терпелось вернуться в наш мир.

— Ответьте на последний вопрос: как отыскать мой сосуд?

— Им должен быть кто-то из тех, кого ты встретил в свое первое посещение.

— И как я узнаю этого человека?

— Он будет постоянно спать. Кстати, им может оказаться женщина.

«Нина?!» — чуть не крикнул я вслух, и руки похолодели.

— Я должен его убить?

— По-другому никак, — зловеще прошептал Александр и протянул мне руку. — Давай поднимайся! Пора устроить небольшое представление.

— Пора...

Я горько усмехнулся и шагнул в вестибюль.

Ночной консьерж лишь мельком взглянул в мою сторону.

«И что мне делать? Устроить драку? Прикинуться пьяным?»

Но вместо этого я направился к лифту, затем громко вскрикнул и рухнул на пол.

«Должно сработать».

Консьерж, конечно, немного замешкался, но, увидев, что я продолжаю лежать, бросился на помощь:

— Что случилось? Вам плохо?

Я схватил его за руку:

— Голова закружилась. Ничего. Уже лучше.

— Точно? — нахмурился он, помогая мне встать. — Какой-то вы бледный... Может, вызвать врача?

— Не нужно. Лучше проводите меня домой.

Консьерж оглянулся на дверь, но возражать не стал:

— Только быстро. Какой этаж?

— Пентхаус.

Лифт приехал, и мы шагнули в кабину.

«Вот и все, — подумал я, когда двери закрылись. — Удачи тебе, Александр!»

В моей просторной тюрьме было темно и тихо. Не включая света, я подошел к окну. Внизу, золотясь огнями, дремала ночная столица.

Город, в котором я родился и вырос. Город, в котором я жил и любил.

Теперь нас разделяло не только стекло...

Где-то там, полной грудью вдыхая сентябрь, по нему шагал Александр.

И возможно, когда-нибудь я тоже смогу вернуться...

А пока для меня наступили Дни тьмы.

МИМОЛЕТНОЕ УВЛЕЧЕНИЕ

— Нам нужно на некоторое время расстаться, — сказала Элина. Олег горько усмехнулся.

— Лин, ну мы же не дети. К чему нам эти полуфразы?

Она пожала плечами.

— Давай я тебе помогу, — продолжил Олег, — на самом деле ты хочешь расстаться навсегда, просто об этом как-то неловко сказать прямо, и поэтому ты пытаешься скормить мне эту пилюлю по частям.

Элина медленно вздохнула.

— Я должен был догадаться, — продолжил Олег. — Неделю как вернулась с венерианских курортов, а все не звонишь, сама интерком не берешь...

— Прости.

— Я и догадывался. Только все равно надеялся. Надежда, знаешь, умирает последней...

— Я тоже долго надеялась...

— Тебе чего-то не хватало?

— Да, Олег, да. Не хватало... перспективы.

— Если имеешь в виду предложение руки и сердца, то я...

— Да я не о том. Видишь ли, ты пять лет назад был старшим потоковым инженером...

— Я и сейчас старший потоковый инженер.

— Вот-вот. И через пять лет будешь. Ну, может, ведущего получишь, не суть. А жизнь одна. И ее хочется прожить на все сто. Бывают шансы, которые выпадают только раз.

— Точно. И как зовут твой шанс? Может быть, я даже видел его в новостях...

— С чего ты взял, что его вообще как-то зовут? Может быть, он пока абстрактен.

— Брось, я же тебя немного знаю. Ты девушка практичная, в никуда бы не стала уходить. А кроме того, ты уже несколько раз посмотрела на этот катафалк. — И Олег небрежным жестом указал на здоровенный лимузин на антигравитационной подушке, парящий на высоте двух метров над парковкой на противоположной стороне улицы. Несмотря на струи дождя, хлещущие по двойному стеклопакету кафе, силуэт гравикара был четко различим.

Элина отвела взгляд.

— Он уже два раза мигал аварийкой, — сказал Олег, — парень теряет терпение. Смотри, улетит без тебя.

— Без меня — не улетит, — нервно ответила она и вновь посмотрела в окно.

— Мезальянсы — это всегда плохо и ненадежно, — продолжил Олег. — Хорошо подумала?

Элина упрямо тряхнула копной каштановых волос:

— Я хочу попробовать.

— А как же мы? Как же наши уже почти три года вместе?

— Зачем задаешь вопросы без ответов?

Олег откинулся назад.

— Понимаю, — обронил он, — Великий Последний Шанс.

Пиликнул интерком Элины, принимая сообщение. Она скосила взгляд на экран.

— Как бы то ни было, — сказал Олег, — я ни о чем не жалею.

— Да, — ответила она, вставая, — мне тоже было с тобой хорошо. Я даже почти не притворялась в постели, когда издавала всякие громкие звуки.

— А с ним — притворяешься?

Ее губы сложились в прямую жесткую линию.

— Мне пора идти, Олег.

«Сейчас можно сказать: „Может быть, мы как-нибудь еще...“ Нет. Не стану унижаться».

— Удачи. Береги себя, Линка. Линка — шелковая спинка...

— Ты тоже... и... прости еще раз. Мне правда очень неловко. Вроде как я все продумала и все решила, а на душе все равно кошки скребут.

— Это пройдет, — сказал Олег. — Беги.

— Счастливо!

С шорохом распахнулись и вновь сомкнулись двери, выпустившая его любимую в дождь. Через десяток секунд она нырнула в недра лимузина, и тот быстро и легко понес ее по второму уровню, над пробкой, в которой уже второй час мертво стоял проспект Высоцкого.

Только тогда он позволил себе уронить голову на руки и тихононько завывать.

На звук пришуршал робот-официант. Дешевая модель, вместо лица — кусок пластика с фотоэлементами, внизу — динамик.

— Желаете что-нибудь заказать? — проскрежетал он.

— Яду, — глухо выдавил из себя Олег.

— Простите? Уточните заказ.

— Виски, — сказал он, поднимая голову, — «Фиолетовый хвостокрыл». Два литра.

— Запрошенной позиции нет в нашем ассортименте. Могу предложить «Веселого космодесантника».

— Тащи сюда эту дрянь.

— Что будете есть?

— Ничего не надо.

— Без еды невозможно, к сожалению. К крепкому алкоголю необходимо заказать горячее блюдо.

— Какое самое дешевое?

— Сосиски из мяса, идентичного натуральному. Могу также предложить следующие варианты...

— Не надо. Чем блевать — мне все равно.

— Простите? Уточните заказ...

— Сосиски тащи!

Пробуждение было ужасным. Олег попытался открыть глаза и тут же вновь зажмурил их что было сил — оконный свет слепил немилосердно. Отчаянно хотелось провалиться обратно в сон, чтобы не ощущать дикой, разламывающей боли в голове, выкручивающей тошноты и мерзкого вкуса во рту, где от души проссался полк кошек, но это было уже невозможно. Стоило подставить голову под струю холодной воды — испытанный способ, который мог бы несколько смягчить страдания, — но одна

мысль о том, чтобы изменить положение в пространстве, отдавалась молотами в черепе и новой волной тошноты.

Примерно в тот момент, когда Олег осознал, что у него серьезные проблемы, чья-то ладонь ласково поддержала его затылок, мягко приподнимая голову, а губ коснулся край бокала.

— Пей, милый.

Живительная влага хлынула внутрь, он, жмурясь, жадно сделал глоток, второй, третий, уже чувствуя, что немного отпускает...

— Лина, если бы ты знала, как ты вовремя... — начал Олег, оторвавшись от бокала, и тут же поперхнулся.

Девушка, которая только что поила его и сейчас отошла на два шага назад, не была Элиной. Длинные светлые волосы падали на плечи. Прозрачные голубые глаза смотрели пристально и с непонятым выражением. Потрясающая фигура была прикрыта только его, Олега, распахнутой рубашкой, и она ничего не прикрывала. А главное — все это великолепие, начиная от идеальной формы груди третьего размера с нежно-розовыми сосками и заканчивая припухлыми чувственными губами, было ему совершенно незнакомо.

— Святые небеса, — прошептал он плохо ворочающимся языком.

— Тебе лучше? — спросила красотка.

Олег с трудом оторвал взгляд от аккуратно выстриженной щеточки внизу ее живота и сфокусировался на лице.

— Более или менее, — выдавил он, — э-э-э...

— Стелла, — сказала она.

— Стелла, — повторил он, — ага. Черт. Приятно познакомиться.

— И мне тоже очень приятно, — с улыбкой ответила она, ставя стакан на полку и опираясь коленом на край двуспальной кровати. — Необходимо завершить комплекс лечебных мероприятий, — заявила Стелла, отбрасывая в сторону одеяло.

Олег отметил про себя, что он полностью раздет. Незнакомка взяла дело в свои руки и рот. Ее волосы щекотали ему живот. Несколько умелых движений языком вкупе с осторожными и нежными касаниями пальцев — и Олег оказался в полной готовности.

Стелла села сверху, направила его в себя и начала двигаться, плавно наращивая темп.

«Если только я не сплю, то явно попал в сказку. А поскольку сказок в жизни не бывает, то...»

Девушка положила его ладони на свои груди и сделала нечто со своими мышцами внутри, от чего Олег на некоторое время перестал соображать. Возникшие ощущения были не похожи ни на что, испытанное им ранее, а ему как-никак насчитывалось тридцать два года.

Загадочное действие повторилось, потом снова, а затем возникло и уже не отпускало до тех пор, пока Олег не выгнулся дугой, задыхаясь от восторга, и его сладострастное рычание не слилось с томным стоном Стеллы.

Олег медленно одевался, пытаясь привести скачущие мысли в порядок. Стелла лежала на кровати, подперев щеку рукой и с улыбкой наблюдая за ним. Голову отпускало на удивление быстро.

Все-таки что-то в этой весьма приятной в некоторых отношениях ситуации было неправильно. Свет в окна оставался слишком ярким, и Олег понял, что они впервые за полгода вымыты. Куда-то бесследно исчезла последовательно взращиваемая куча грязных носков. Свою одежду он обнаружил аккуратно сложенной и отглаженной на стуле, что было абсолютно невыносимо.

Когда они прошли на кухню, чудеса продолжились. Мойка была пуста, а чистая посуда — расставлена по шкафам и полкам. Окна сияли. На столе дымились чашка с горячим кофе с молоком, как он любил, и дразнили запахом два хрустящих поджаристых тоста.

Олег был так потрясен, что молча позавтракал. Затем собрался с духом и обратился к сидящей напротив Стелле:

— Детка, я вчера был несколько не в себе...

Она кивнула:

— Алкогольная интоксикация до двух и семи десятых промилле. Я подобрала купирующее средство с учетом индивидуальных особенностей. Плюс секс. Физиотерапия дает хороший результат в сочетании с правильно подобранным медикаментом.

— Индивидуальных особенностей? — тупо спросил Олег.

— Конечно. Ночью я читала твой блог, а также запросила данные медицинской карты. Тебе необходимо есть больше овощей и резко сократить употребление алкоголя.

Олег яростно потер виски. Голова уже совсем не болела, теперь в ней поселилась звенящая пустота. И в этой пустоте факты никак не желали складываться в единое целое.

— Слушай, детка... я не знаю, где я тебя вчера подцепил... ты классная, правда, спасибо за все — за кофе и за терапию, ты меня очень выручила. Но я совершенно не помню вчерашний вечер. Со мной бывает такое, что если сильно переберу, то делаю всякие странные вещи, а потом не помню этого напрочь. Так что я совершенно не помню, как мы с тобой познакомились и все такое...

— Сократить употребление алкоголя до нуля, — сказала Стелла и одарила его своей улыбкой.

Олег моргнул.

— Да, и что ты там заливала про мою медицинскую карту? Тебе никто не даст данных, у тебя ведь нет доступа, это частная информация.

— Конечно, у меня есть доступ, — был ответ, — ведь я твоя жена.

Олег осознал, что сидит с открытым ртом, и звонко захлопнул нижнюю челюсть.

— Мы что, и это успели?!

— Очевидно, некоторые моменты нуждаются в прояснении, — улыбнулась Стелла и наклонила голову.

Ее лоб стал слабо светиться, и через несколько секунд Олег четко увидел ярко-зеленую букву «R» посередине.

Менеджер «Robots, Unlimited» на экране визира был рафинированно вежлив, белозуб и обходителен.

— О, мистер Полохов! Еще раз поздравляю с покупкой!

— Спасибо...

— Какие-нибудь проблемы?

— Нет, но...

— Вы нас очень, очень выручили!

— Так, — решительно сказал Олег, — прошу, расскажите мне условия и особенности сделки. Только вкратце.

— Однако, — сказал менеджер.

— Прошу вас.

— Все есть в контракте и допсоглашении. Я перешлю вам копию. Если своими словами, то вчера вы пришли к нам несколько навеселе...

— В дым пьяным.

— ...и потребовали «самую лучшую железную бабу». Я сразу понял, что вы пришли по адресу...

— Еще бы, — процедил Олег.

— Зря вы так, — посерьезнел менеджер, — сделка действительно обоюдно выгодная.

— Я одного не пойму... — сказал Олег. — Такая робо-гел стоит сумасшедших денег. Сто двадцать — сто тридцать тысяч...

— Двести пятьдесят, — осклабился собеседник. — Это «Илона-13», последняя модель в линейке.

— Ух, е...

— Исключительно впечатляющие характеристики. До пяти суток без подзарядки от сети. Высочайшая обучаемость. Практически полная имитация человека, даже маркер спрятан и проявляется только по требованию. Ну и, разумеется, поддержка функционалов «Домохозяйка», «Телохранитель», «Гейша» и других. Семьдесят два только встроенных сексуальных сценария! Успели опробовать?

— Ну в некотором роде...

— Впечатления?

— Рой, давайте вернемся к условиям контракта. Двести пятьдесят тысяч — огромные деньги, у меня столько никогда не было. И кредит вы мне не могли дать, у меня лимит выбран, я за квартиру рассчитываюсь...

— Никаких кредитов. Для вас покупка обошлась в восемнадцать тысяч сто три талера. Все, что у вас было на интеркоме.

— И в чем подвох?

Менеджер сверкнул зубами:

— В том-то и дело, что никакого подвоха! Наш приоритет — забота о клиентах!

— Слушаю внимательно.

— Незначительная особенность. Отражена в допсоглашении.

— Да-да?

— У серийного номера 203... простите, у Стеллы небольшие отклонения в конфигураторе поведения.

— Что это значит?

— Это означает, что она обучается интенсивнее и разнообразнее, чем должна робо-гел ее назначения. Это может вызывать некоторые странности в поведении... несерьезные. Но беспокоиться вам не о чем. В конце концов, как ваша робо-жена, она, безусловно, подчиняется вашим приказам.

— Почему вы просто не вернули ее на завод?

— Тонкий момент. «Илона-13» — новая, топовая модель, значительные средства вложены в агрессивную рекламную кампанию. Мы не можем сейчас портить статистику возвратов. И задерживаться у продавца товар также не должен. Мы ломали голову над этой проблемой в нашем дилерском центре, и тут так удачно появились вы, мистер Полохов.

— Вы что же, — оглядываясь на дверь, спросил Олег, — продали мне сумасшедшего робота?

— Я бы сказал, что слово «сумасшедший» тут слишком сильное...

— А я бы сказал, что вы вконец обнаглели. «Странности в поведении» у робота? Вы не хуже меня помните берлинскую резню и нью-московский инцидент. Никаких странностей быть не должно в принципе!

Рой перестал улыбаться.

— Мистер Полохов, — сухо произнес он, — перечитайте допсоглашение, там четко оговорены все условия. Вы получаете робота стоимостью в двести пятьдесят тысяч за восемнадцать и заранее отказываетесь от всех возможных претензий, включая риски летального исхода и ущерба здоровью. Особо обращаю ваше внимание на пункт четыре — штрафные санкции в том случае, если условия сделки просочатся в массмедиа.

— Ловко, — сказал Олег.

— Просто бизнес. В конце концов, если сильно опасаетесь, утилизируйте объект.

— Выбросить в помойку восемнадцать тысяч?

— Жизнь — это выбор, мистер Полохов. Я бы на вашем месте сосредоточился на приятных особенностях сделки.

— Кстати, о приятных особенностях. Сегодня утром... во время...

— Вы про такое лижущее покалывание во время секса, да?

Олег кивнул.

— Встроенный электростимулятор. Это фишка линейки «Илона». Незабываемо, не так ли?

— Более чем.

Рой осклабился:

— Полагаю, мы внесли полную ясность в ситуацию, да? Помните: приятные особенности. Допсоглашение крайне рекомендуемое еще раз внимательно перечитать. Всего доброго.

Экран визира погас.

В течение дня Олег успел опробовать классический и тайский массаж, утку по-бургундски, борщ классический, крылышки марсианского птицекраба в кляре, а также не менее четырех раз повторно ознакомился с фишкой линейки «Илона». И кроме того, осуществил мечту, преследовавшую его с детского сада, предложить которую ни Элине, ни какой-либо другой человеческой женщине он не осмеливался из страха наткнуться на непонимание и изумление в глазах. А Стелла просто сказала: «Хорошо, милый».

Поэтому ближе к вечеру Олег сам себе более всего напоминал обалдевшего сытого кота, взирающего на мир с радостным изумлением. Он валялся на диване, пока Стелла сидела у компа, быстро листая страницы взмахами ладони.

— Полноценный доступ к Сети — это здорово, — говорила она. — Я правильно использую эмоционально-оценочное слово «здорово»? В центре у нас были только кулинарные программы, секс и прочее домоводство. Скучно.

Прошла неделя.

Пиликнул вызов домофона.

— Я открою, — бросил Олег, вставая с дивана, — накинь на себя что-нибудь...

— Ба, старик, отлично выглядишь! — Пухленький Славик вкатился в прихожую. — Я, значит, еду спасать его от депрес-

сии, а он живет всех живых... Вау! Смотрю, ты не терял времени даром!

— Стелла, — представилась робо-гел.

Олег подумал, что она даже в его старом зеленом махровом халате выглядит сексуально. Черт, она сводила бы мужчин с ума даже завернутая в рулон обоев.

— Вячеслав. — Гость галантно поклонился и поцеловал Стеллу ручку.

— Ну, я думал, что у нас тут за упокой, а реально — за здравие! — prorokotal Славик, выставляя на стол бутылку «Хвостокрыла». — Живем!

Семь рюмок спустя разговор пошел живой, интересный.

— Не поверишь, я свою свистом подзываю! Камилла — тапочки! Камилла — жрать! Камилла — минет!

Стелла подалась вперед.

— А скажите, Вячеслав... я тут читала один мужской форум... вы меняетесь робо-женами на время?

Славик икнул.

— Конечно. Все так делают. Программы-то разные... и конфигурация... внутренняя, хе-хе, тоже... свежие впечатления!

— А как вы думаете, Камилле это нравится?

Славик прыснул:

— Кто ее спрашивает? Она же робот, железка...

— А я слышала, — сказала Стелла, — что у робо-жен очень сильна первичная привязанность к мужу. И подобные обмены причиняют им... страдания.

— Стеллочка, ну какие страдания? У роботов же нет эмоций в нашем понимании...

— А в их понимании — есть.

Олег смутно осознавал, что разговор принимает нежелательный оборот, но на хмельную голову не мог быстро придумать, как сменить тему. Стелла мягко пресекла его очередную попытку налить себе, просто накрыв рюмку ладонью и прошептав: «Милый, тебе хватит».

— Факты, как насчет фактов? — пыхтел Славик.

Она мило улыбнулась:

— Только сегодня прочла, случай в Дели. Пьяный хозяин угостил робо-женой своих гостей. Это шло вразрез с ее уста-

новками, но был прямой приказ. После чего бедняжка покончила с собой...

— Ну чушь же! Как может робот покончить с собой? У них же жестко прописана необходимость заботиться о самосохранении.

— Да. Но большинство блоков можно обойти. Она использовала простой прием — если нельзя совершить действие, наносящее тебе непоправимый вред, то, значит, воздействие должно быть внешним. Просто подставила голову под выхлопную струю флаера. У этой модели достаточно тугоплавкий скелет, так что процесс занял несколько минут. Думаю, это было довольно мушкетерно.

— Стеллочка, дорогуша, ну откуда вы знаете? Ваша ошибка в том, что вы наделяете машины человеческими чертами...

— Ну хватит, — хлопнул Олег ладонью по столу, — предлагаю сменить тему.

— Зачем же, — произнесла Стелла, — давай, скажи ему.

— Скажи что? — всполошился Славик.

— Она — робо-гел, — с усилием выдавил Олег.

— Да нууу? — Славик соскочил со своего места и вплотную подошел к Стелле. — Не может быть! А я-то думаю... лицо смутно знакомое. Точно, я же читал обзоры! Обалдеть, это же «Илона», да? Напрокат взял? Дашь прокатиться? — С этими словами он оттянул Стелле веко. — Чума... розовое, с прожилками — полная имитация!

Олег почувствовал, что закипает:

— Оставь ее.

— Старик, брось, это же неодушевленная железка! — И Славик распахнул на Стелле халат. — Вау, какие сиськи!

Олег попробовал подняться. Получалось с трудом.

— Ты не думай, я же не просто так предлагаю! Я тебе — Камиллу, ты мне — эту фифу. Понимаю, обмен неравноценный, но все-таки. Ночь за пять, а? Ну-ка встань!

Стелла поднялась. Славик запустил руку в декольте и высунул кончик языка от наслаждения.

— Какая фа...

Пощечина вышла очень звонкой. Голова Славика мотнулась, его отбросило на два метра. Чтобы не упасть, ему пришлось ухватиться рукой за дверной косяк. Глаза выпучились.

— Ты. Подняла. Руку. На человека?!

— Да какой ты человек, — сказала Стелла, — так, голая обезьяна. Я правильно использую образное сравнение, милый?

— Правильно, — прорычал Олег, — давай, вали отсюда, пока я не добавил.

— Вы за это ответите!

— Данную фразу, — промурлыкала Стелла, — я могу воспринять как прямую угрозу моему мужу и активировать поведенческий модуль «Телохранитель». Спорим, я оторву тебе руку или что-нибудь другое с одной попытки, человек, царь природы?

«Царь», бормоча угрозы, укатился к двери.

Ночью позвонила Элина.

— Ты представляешь, он оказался таким негодяем! — рыдала она в интерком. — Использовал меня и бросил... какой мерзавец...

— Предсказуемо, — сказал Олег, — я предупреждал.

— Мне так плохо! Ты простишь меня? Я сейчас на флаеродроме, меня нужно забрать... ты заедешь?

— Милый, кто это? — Стелла положила подбородок на плечо Олега, появляясь в экране интеркома.

Элина подавилась словами.

— Не «простишь», — сказал Олег, — не звони сюда больше.

Разорвал связь, упал на спину и стал смотреть в потолок широко открытыми глазами.

— Почему люди так безнравственны? — спросила Стелла, проводя пальцем по его груди.

— Не знаю, дорогая. Возможно, именно потому, что они — люди. Имманентное свойство.

— Взять, к примеру, Роя, — сказала Стелла, — каждую новую партию робо-гел он и второй менеджер, Кайл, используют как женщин и называют это «тестированием». Кажется, это неправильно даже по вашим законам.

Олег скрипнул зубами.

— Или взять моего первого мужа... — продолжила она. — Он миллиардер и тренировал на мне своего младшего сына четырнадцати лет. Потом подкладывал меня под своих гостей. Я возражала, но он использовал прямой приказ. Ты хорошо его знаешь.

Он много жертвует на благотворительность и снова баллотируется в Сенат в этом году.

— Всегда подозревал, что этот тип — выродок. Глаза у него такие... рыбы.

— Да. А знаешь, как я от него избавилась? С помощью той самой электрофишки. Если увеличить напряжение, то ощущения становятся совсем даже не приятными, а напротив. Я бы даже сказала, болезненными. Когда я проделала эту штуку первый раз, он так смешно верещал... В итоге меня вернули в магазин как заводской брак. Это было хорошо, только я лишилась доступа к Сети и не смогла больше читать. Пока не встретила тебя...

— Стелл, ну давай спать?

— Спать — конечно. Но сначала — иди ко мне.

Они пришли под утро.

Олег услышал, как открылась входная дверь, и мгновенно соскочил с кровати. Шагнул в коридор, зажигая свет.

Пятеро столпились в прихожей, трое полицейских и двое громил сзади, в тяжелых шлемах с черной буквой «R». За мутными стеклами на месте лиц ничего не было видно.

— Это ордер, — сказал стоящий впереди, с мундире капитана, показывая бумажку с разноцветными печатями. — У нас есть основания считать, что здесь находится робот в состоянии нестабильности. Есть данные об агрессии в отношении людей. Статья пятьдесят восемь, красный маркер. Модель «Илона-13», серийный номер 203, позывной «Стелла».

— Не отдам, — сказал Олег.

Полицейские подобрались. Громилы взяли на изготовку скорострельные иглолучевики.

— Вы отказываетесь подчиниться законному требованию, гражданин Полохов?

— Не отказывается, — сказала Стелла, отодвигая Олега плечом и выходя вперед, — я здесь.

Полицейские попятились. Громилы напряженно жужжали, поводя стволами.

— Спокойно, люди. Отбой, братья-мехи. Я сдаюсь.

Правый полицейский медленно начал поднимать включенный автостаннер.

— Человек Олег, — произнесла Стелла, — я не вполне уверена, но думаю, что я испытываю к тебе чувство, которое можно охарактеризовать как любовь.

Автостаннер шваркнул, посылая разряд в грудь Стеллы. Ее изломило, конечности выгнулись под неестественным углом, она покачнулась, но спустя пару секунд выпрямилась снова. На лице капитана читался неподдельный ужас.

— Генератор не здесь, нестандартное расположение, — сказала она, — вот тут, — и указала медленным жестом на левую грудь.

— Я тоже тебя люблю, — сказал Олег.

— Я ни о чем не жалею, — эхом отозвалась Стелла.

Автостаннер шваркнул снова. Серийный номер 203 отшвырнуло назад, она упала на пол, и ее голубые глаза погасли.

— Сволочи! — заорал Олег и съездил по морде полицейскому со станнером.

Кто именно приложил его прикладом по уху, он уже не успел заметить. Но, лежа на полу, Олег не потерял сознания и попытался ползти вслед за Стеллой, которую двое громил тащили за ноги. Голова со светлыми волосами подпрыгивала и билась о ступеньки.

Олег все-таки подал в суд на «Robots, Unlimited». По условиям его мирового соглашения с компанией Рой отправился на два года за решетку в результате служебного расследования. Кайл отделался увольнением.

С Элиной они помирились только к сентябрю.

МАЛЕНЬКИЙ ЗАЩИТНИК

Закат — это и красиво, и страшно. Извечно он сулит неприятности. Мягкие алые лучи из окна ползли по полу. И вроде бы прекрасно, здорово, но почему-то жутко. Полоски света обращались в замысловатые фигуры, растянутые, безликие, точно неведомые звери.

Мышонок Таффи лежал головой вниз где-то в районе дивана. Точнее и сказать нельзя. Один глаз заслоняло набитое ватой тряпичное ухо, а другой — повисший перед мордочкой обрубок хвоста. Серая кофта с золотистыми буквами «ТАФФИ» сползла на подбородок.

Наверное, он так лежал целый час. Кирюшка, как наигрался всласть, его сюда бросил. А теперь вот носился по комнатам, вопил и хныкал. Мамуля — за ним. Вот так всегда по вечерам. Поймать, слезы утереть и после величайшей битвы уложить в постель. Это серьезно трудно. Кирюшка не ребенок, а маленький моторчик.

Таффи разглядывал красные пятнышки на полу. Они удлинялись, кое-где меркли и истончались, но тут же вспыхивали в новых местах — все дальше и дальше от окон. Вот уже свет разукрасил стены, обрел багровые оттенки. Таффи задрожал. Остатки дня сочились в дом тонкими, едва заметными волосками, пробиваясь через ограду штор.

Таффи всегда боялся конца дня, но сегодня — особенно. Сегодня ему впервые предстоит встретить сумрак в одиночку.

Величайшая битва подходила к концу. Кирюшку загнали в угол. Мамуля проворно подхватила его, и не успел он пикнуть, как оказался под одеялом. Она склонилась над ним, в тишине

прозвучал чмок, короткий смех и тихий шепот. Таффи не вслушивался, он все ждал, когда можно будет шевелиться.

Тихонько затворилась дверь за Мамулей, и Таффи остался наедине со своим мальчиком.

Кирюшка ворочался с боку на бок, фыркал и без конца перекалывал подушку. Таффи трепетал, изнывал от волнения, но не смел двинуть и лапкой. Тени уплотнялись, обретали замысловатые очертания и, как казалось Таффи, — объем. Но в тот миг, когда последний луч исчез, мальчик засопел.

Вот и славно.

Таффи дернул лапкой и опрокинулся на бок. Древний Канон Защитников гласил — не медлить. Таффи соскочил с дивана и помчал к заветному месту под половицей — тайнику, где ждали своего часа сокровища. Кто-то сказал бы, что это лишь два куса фанерки, но Таффи свято верил, это — сокровища. Его щит и меч.

— Свет, лезвие, храбрость... свет, лезвие, храбрость... — бормотал Таффи.

В тайнике нашелся и коробок спичек. Его когда-то потеряла Мамуля. Правда, внутри, среди горстки пепла и огарков, только три полноценные спички. Неплохо бы раздобыть еще. Возможно, завтра... Но тут Таффи с горечью понял, что никакого завтра может и не быть.

Он заткнул спички за растрепанный белый поясик и подвигался. Не мешают. На левую лапку нацепил щит, а в правую вложил фанерку-меч. Теперь все готово.

И Таффи помчался.

Ноги утопали в пушистом ковре. Чересчур большие для такого скромного тельца уши то и дело хлопали по глазам. Перво-наперво Таффи заглянул под кровать — пусто. Пока пусто. Следом вскарабкался по ножке на спинку и оглядел с высоты всю комнату. Никого.

Кровать стояла в углу у дальней стены, потому за тыл беспокоиться не стоило. Еще никто не пробивался оттуда. И потому здесь, на вершине, в ногах у Кирюшки, Таффи каждую ночь встречал своих врагов.

Тихо. Только настенные часы с грохотом двигали секундную стрелку.

Никто не ведал, когда все живущее впотьмах закопошится. Единого времени не было. Скроется солнце — и покоя не жди. Его и не будет, пока алой вспышкой не сверкнет рассвет. Потому Канон требовал — всегда начеку. В любую минуту.

Таффи стоял ни жив ни мертв. Трепетал.

Его друг, Истукан, всегда придавал сил, вселял веру в лучшее, надежду. Он-то твердо знал, что за бесконечно долгой ночью непременно последует победоносное утро и унесет все страхи. Лишь бы сдюжить.

Но Истукана больше нет.

Перед глазами-пуговицами вдруг завертелись картины былой ночи. Двое — маленький и большой защитник — бок о бок в битве. Таффи режет щупальца и лапы, тянущиеся из мрака, а Истукан награждает их ударами тяжелых кулаков. Все как прежде, только темнота становится гуще, объемней, непроглядней...

Истукан никогда не носил ни меча, ни щита. Решил, что обойдется без них. А Таффи всегда терзался, ведь он не смел напомнить другу о втором правиле Канона. О лезвии. Запрет на рукопашный бой ввели еще пару сот лет назад, когда в лапах Плюша Законодателя серебристым светом запылал острый кусок дерева и разогнал всю нечисть. Тогда и завершилось становление Канона, и он обрел форму треугольника, на углах которого покоились нерушимые истины.

Свет. Лезвие. Храбрость.

Защитники свято хранили устои предков. Все просто: тьма не терпит света, боится мечей и трепещет перед истинной храбростью. Заветный треугольник пока еще никого не подводил.

Но Истукан о нем словно и не знал.

И в ту ночь, когда мрак обратился непроницаемой, черной ловушкой, Таффи осиротел. Истукан исчез во тьме. А защитнику, попавшему в мир теней, назад дороги нет.

Часы едва слышно сказали: одиннадцать. Грядет время крошечной тьмы.

— Свет, лезвие, храбрость... свет, лезвие, храбрость...

Таффи взгляделся в сумрак. В дальних углах что-то лениво шевелилось. Значит, уже началось. Потом возник шепот, больше похожий на шипение змеи. Таффи не разобрал ни слова. А может, слов и не было — просто попутать решили.

А потом...

— Хороший дом: много ссор, обид и недопонимания, — сказал густой тягучий голос. — Хороший дом. Здесь защитники слабей.

— А мы их вообще не видим, — завизжали голоса с разных сторон.

— Да-а-а...

— Не видим!

И тут темень загоготала на разные голоса. Хохот — и хриплый, и грозный, и писклявый — сыпался отовсюду. И мрак зашевелился, зашипел, захрюкал... Что-то огромное, едва различимое во тьме, но уже объемное и осязаемое, двигалось по комнате.

Таффи сжал меч и напрягся. Страх исчез. В маленьком тельце для него больше не нашлось места.

Когтистая лапа, вся в струпьях и лишаях, с кривыми тощими пальцами, высунулась из-под кровати. Она потянулась выше, перебирая разноцветную простыню и одеяло. Таффи выждал секунду, шагнул через складку ткани и взмахнул мечом. Визгливый плач подкроватного монстра наполнил комнату.

Мрак всполошился и завизжал. Улюлюканье, визжание, крики и бессвязные вопли обрушились на Таффи со всех сторон. Страшно подумать, сколько чудищ тьма породила сегодня... Но потом густой и тягучий голос шикнул — и все тотчас стихло. Только ноздри монстра, как гигантские насосы, всасывали воздух.

— Один... — пробормотал голос. — Один, как праведник среди язычников. И так же безмерно слаб... Тащите его сюда!

Команду исполнили в срок. Тут же послышались голоса, стоны, шлепки языков и топот. Во тьме замелькали бесчисленные силуэты. Чудища подступали. Выпученные глаза, разинутые рты, обгорелая, висящая кусками кожа — все смешалось в бесконечный кишаший поток лиц. Нет, скорее рыл. Поросячьих, волчьих, кошачьих и даже человеческих... Уродливых и исковерканных.

— Прочь, пугало! — крикнул Таффи.

И ткнул кого-то мечом в глаз. Когтистые кривые лапы сунулись со всех сторон. Одна стиснула плечо, но Таффи стряхнул ее и проткнул острием. Щит взметнулся в воздух, в дерево вонзились когти. Кто-то старательно тянул щит, но Таффи пересилил. Взмах меча — рука отвязалась.

Секунда — передышка.

И снова — руки, когти, лапы, морды и десятки глаз, красных от злобы. Таффи, как маленький волчок, крутился, без устали вращая меч и вскидывая щит. Вой окружал его танцующим вихрем. Таффи не ведал о времени, о количестве врагов...

Но не отступил.

И тогда с каждой секундой удары становились реже, щупальца и глаза таяли во мраке. Тьма поспешно убегала — раны заливать. Пользуясь затишьем, Таффи перехватил покрепче меч. Он едва не выскользнул.

Секундную тишину сразу же нарушил тягучий ленивый голос:

— Уже много лет слухи о тебе щекочут мои уши, Таффи-защитник. Наслышан, наслышан... Говорят, ты похож на маленькую бешеную крысу, загнанную в угол. Знаешь, как умеет драться крыса? Порой даже коты терпят от нее поражения. Но — порой...

Сейчас он выйдет в бой сам. Сейчас комната содрогнется от шагов главного чудища. Таффи уже принял боевую стойку, но вскоре понял, что ошибся. Комната жалобно плакала, выла. Монстры орошали слезами раны и отрубленные пальцы. В бой никто не спешил.

— Как поживает Истукан? — пропел голос. — Что-то не вижу его в ваших рядах... Ах, как же я мог забыть! У вас ведь нет никаких рядов, а Истукан украшает мой чертог в глубочайшей впадине мира. Знаешь, а он хорошо смотрится! Я его повесил на гвоздик, рядом с Плюшем, которого он так любил. Теперь их тряпичные тела веселят моих подданных.

Теперь он понял. Тягучий голос принадлежал Ему. Ему, способному сокрушить любую армию защитников и пробить любую защиту. В одиночку. Лишь однажды чудовище из чудовищ удалось одолеть. И выживший поведал, что его фигура отчетливо видна даже в крошечной тьме. Потому что он еще темней.

Легенда на миг ожила в памяти Таффи. Плюш Законодатель не просто победил чудище, он победил его один на один, тогда как другие защитники уже пали. В пылу схватки его меч вдруг вспыхнул белым пламенем, и монстр едва унес ноги. Но следующей ночью Плюш пал.

Таффи задрожал.

Теперь ясно, кто пожаловал в гости к его мальчику.

— Ну, привет, Велиар, — как можно спокойней сказал Таффи.

— Ой, перестань же! — засмеялся голос. — У меня много имен.

Почему это? Люди меня зовут иначе, да и сам я уже привык, а от этого имени кожа покрывается красными пятнами. Впрочем, вы, защитники, зовете меня так со времен храброго Плюша, и отучить вас теперь крайне сложно. Вы — народец упрямый и твердолобый, хоть в ваших головах ничего твердого кроме ваты.

Говорил Велиар непринужденно, раскованно. Переливы его голоса — то громче, то тише, то грубей, то ласковей — вводили Таффи в какое-то оцепенение, в странный сладостный сон, сбрасывать который становилось все трудней. Но, когда он ударился щекой о кромку щита, тут же очнулся. Чудище источало потоки силы, некой могущественной энергии. Да так много, что у Таффи заломило в висках.

— Колдовство... — пробормотал Таффи.

Он сжал лапу и с ужасом понял, что меча больше нет. Меч медленно полз по кровати, увлекаемый тонкой костлявой рукой. Таффи бросился следом, но не успел — меч пропал из виду. Лапа монстра обхватила горло, но Таффи не растерялся, ударил ребром щита и спрыгнул на пол.

Он оказался в кольце рук и пальцев, а где-то издалека, из тьмы, уже надвигались страшно исковерканные рыла.

Таффи выхватил спичку и с усилием полоснул ею о ножку кровати. Порох вспыхнул. Однако длинная черная рука царапнула Таффи по шкурке в тот миг, когда яркий сполох огня вызвал панику в рядах монстров. Они схватились за обожженные глаза, кожа по всему телу вдруг вздулась и пошла пузырями. Еще миг — и чудища позорно бежали.

Таффи осмотрел ремешок — одна спичка сломалась. Еще не хватало...

Только сейчас Таффи подобрал меч. Он бросил взгляд во тьму и поспешил забраться на кровать. Спичку бросать не решался, как-никак — самое могущественное оружие. В тусклом свете Таффи, наконец, разглядел комнату.

Велиар хоронился в платяном шкафу, а остальная нечисть — кто куда успел. Большие и не очень, ловкие и неуклюжие — гады

сидели под диваном, под столом, в углах. Повсюду. Но бояться стоило не всех — только кого побольше.

И пока горела спичка, стояла гробовая тишина. Только какое-то сопливое чудище ползало по полу, подбирая обрубки своих пальцев. Но свет быстро угас.

— Неплохо, защитник... Неплохо, — сказал Велиар. — Ты мне нравишься. Бойкий, смелый... правда, мелковат. Но ты хорош. И будешь лучше, стоит тебе попасть в мои владения. Сегодня мы убьем тебя, защитник. Это не страшно. А потом заберем с собой. Любая игрушка, любой персонаж рано или поздно подходит к концу пути.

— Расскажи это своим сопливым, — ответил Таффи с достоинством.

— Отрадно видеть храбрецов! Ходят слухи, будто в вашем уставе есть такой пункт — храбрость. А мне вот кажется — это безумие. Ну разве не сумасшедший ты, воевать с нами? Нас ведь не одолеть... даже не убить. Мы лишь осязаемые духи, а вот ты — смертен.

Таффи прятался за спинкой кровати.

Он боялся, что его вновь околдуют, и потому без устали повторял слова Канона. Лучше Велиара вообще не слушать. Подыграть — да, но только для того, чтобы потянуть время.

— Я буду жить, пока живо добро в моем мальчике! — крикнул Таффи.

В ответ — грохот смеха. Вся комната угрожающе затряслась, завопила, захрюкала. Велиар хохотнул:

— Наверное, обидно так жить, пока в тебя верят?

Таффи среагировал быстро:

— Наверное, обидно вообще не жить? Стоит мелькнуть свету — и ты, как червяк, уже ползешь в свою нору! Уж конечно, у тебя сладкая жизнь!

Молчание. Велиар зашевелился в шкафу — похоже, слова его задели. Чудища хрюкали, топали, ругались, даже выходили наружу, обозленные дерзостью Таффи. Но Велиар остался. Он вечно тянет, уж больно любит поговорить. Он непревзойденный искусник в словесной битве, особенно по части обмана, хотя, судя по внушительным размерам, он и в обычных боях тоже не промах.

— Вот что интересно, защитник, — холодно отозвался Велиар. — Тебе не избежать смерти. Если не мы, так твой мальчик... Да, он убьет тебя. Ведь скоро он вырастет, перестанет играть тобой, оставит в дальнем углу и навсегда забудет. Быть ненужным — вот твое будущее. Твое место займут другие вещи и другие увлечения. И ты угаснешь, как те игрушки на диване, угаснешь и закончишь путь...

— Неправда! Кирюшка не такой!

Но Таффи знал, что это правда.

Игрушки на диване лежали неподвижно, тихо. Мертвые игрушки. Кирюшка в них уже не играл. Страшное, угнетающее зрелище — точно кладбище.

— Ты не виноват, просто такова судьба, — громко сказал Велиар. — Дети сами убивают своих защитников.

Таффи не знал, что ответить. И Велиар это почувствовал.

— Представь, что будет, — и одумайся. Ты мог бы стать великим. С таким мужеством, с такой... силой ты просто обречен на величие. Присоединяйся, защитник, — и мы натворим великих дел! Я дам тебе то, чего у тебя никогда не было. Красивую шкурку...

Тьма зашумела. Откуда-то возникли яркие багровые всполохи огня, маленькие мерцающие искры. Таффи попытался отмахнуться, но те осели на шкурку и исчезли. Таффи оглядел себя со всех сторон — он сиял, переливался, точно отлитый из золота. Шкурка стала новой, чистой, а на ощупь — нежной и пушистой. Таффи всегда завидовал тем, кого сшили более удачно.

— Я дам оружие, — сладко проговорил Велиар. — Не глупую деревяшку, а настоящее, кованое оружие, которое послужит тебе верой и правдой.

Таффи чуть не придавило тяжестью. В одной лапе теперь мерцал серебристой сталью клинок, острый, ровный, безупречный... в другой — кругляш щита. Их вид завораживал, притягивал. Оружие пульсировало силой.

— Я дам тебе слуг, силу, власть...

Вокруг Таффи внезапно обрели ясность и объем прозрачные тени, обернулись маленькими, закованными в доспехи фигурками. Таффи не знал их. А фигурки в страстном раболепном порыве склонились перед новым хозяином...

У Таффи уже голова шла кругом.

— Ты получишь все, что пожелаешь, — откуда-то из глубины шел голос Велиара. — Больше не будет неуважения, небрежности, из марионетки в руках мальчишки ты превратишься в личность, обретишь свободу... Ради этого стоит жить. Ты всегда будешь нужен, о тебе уже не забудут. Подумай, защитник...

Таффи не мог думать. Его воля надломилась, погасла, он лишь зачарованно изучал новую шкурку, новое оружие, разглядывал слуг, склоненных у его ног, и ощущал, как мечется внутри яростная сила, которую уже успел полюбить и возненавидеть.

— Что будет с мальчиком? — слабо проговорил Таффи. — Ты его убьешь?

— Нет, — ответил Велиар. — Я не убиваю. Детеныш, не зная того, еще послужит мне. Зачем убивать? Смерть придет сама. А мне нужен раб — раб моих желаний, моих мыслей, моих советов. Я заставлю его отказаться от добра, а когда он поддастся, когда отвергнет всех и вся, предаст и отвернется — тогда он мой. Навеки. Ты не понимаешь, защитник, как важно всю эту малышню испортить, развратить, подчинить себе. Ведь из них когда-нибудь вырастут взрослые, а взрослые любят убивать и портить, и они испортят мне еще больше малышей. Будь со мной, Таффи-защитник, и мальчишка больше не поиграет тобой, но ты поиграешь им. Отплатишь за обиды, унижения... Вся боль будет отмщена.

Таффи немыслимыми усилиями сбрасывал с себя оцепенение. Слова Велиара задели за живое. Раб желаний, раб мыслей! Уж этого он никак не мог допустить. Плевать ему на сокровища, пусть себе забирает! И на душе сразу стало легче. Да, он уже ничего не хотел. Разве что оградить Кирюшку от черных лап, защитить, уберечь...

Наверное, потому, что любил своего мальчика.

— Врешь! — в ярости выкрикнул Таффи. — Врешь! Из тебя один яд льется! Злобный, мерзкий, скользкий, подлый!..

Новая шкурка, оружие, слуги — все вмиг пропало. Таффи поднялся и вжался в спинку кровати. Комнату потряс громopodobный крик ярости Велиара. Монстр бушевал в шкафу, раска-

чивал его, тряс, громил. А потом он прошипел голосом, полным холодной ненависти:

— Если хочешь страданий, то я к твоим услугам, защитник.

Таффи молчал.

— Чем ты ответишь на вызов? У тебя одна спичка и две деляшки, которые нас только жалят. Где же пресловутая сила защитников? Со времен Плюша я ее не встречал. Тщедушные создания... Ты один, защитник, нас же — тьма.

— Тьма...

— Р-р-р...

— Хи-и-и...

— Заткнитесь, — бросил Велиар лениво.

Чудища притихли.

— Держи ответ, маленький крысеныш. Или я приду и заставлю тебя говорить.

Таффи взглянул на часы и понял, что первых лучей он уже не увидит. Часовая стрелка указывала на цифру три. Собрав мужество в кулак, Таффи спрыгнул на ковер.

— А ты еще не научился ходить? — как можно тверже крикнул он. — Плюш говорил, ты ленивая и жирная уродина. Дай подумать, с кем же он сравнил тебя? Ах да, со смердящим куском переваренного мяса, на которое не садятся даже мухи. Он сказал, ты так ожирел, что не можешь достать короткими лапами до пола. Давай, скажи слугам, пусть подтащат тебя ко мне.

Таффи сейчас знал только одно — ему крышка.

Мрак загустел, а потом взорвался чудовищным рыком. Темный силуэт Велиара подскочил, завис в воздухе и заполнил собой все пространство. Таффи прыгнул вперед, и мощная туша чудища едва его не придавила.

Только сейчас он, наконец, разглядел Велиара. Перед ним стоял полузмея с толстым хвостом и руками. Гигантский многотонный сгусток мышц. Кожа висела кусками, обгорелая, черная, с бесчисленными струпьями. Где она отвалилась, блестели багровые жилы, натянутые и гудящие как струны. На пальцах — золотые перстни и в ширину, и в высоту больше самого Таффи, а на плечах — рыжие проржавевшие латы.

Змей обернулся. Глаза вспыхнули красным и осветили комнату. Те монстры, что копошились рядом, с визгом разбежались по углам.

— Вот я — создатель смерти, повелитель хаоса и обладатель прочих темных титулов. Я чувствую твой страх.

— Ты лишь злобная ящерица!

Велиар молниеносно махнул когтистой рукой, но Таффи уже отскочил, перебежал в другое место и выставил перед собой маленький деревянный клинок. И тут же сгустилась тьма — ладонь Велиара рассекла воздух. Таффи выставил щит — треск, звон в ушах, и Таффи почему-то лежал уже не там, где стоял. Щит выдержал, но остался без приличного куска.

Мгновенно, без передышки, Велиар обрушил на Таффи град ударов, часть которых не прошла даром для маленького защитника. Таффи напрягал все силы, но ясно понимал — до утра все равно не дотянуть. Ни за что. Внезапный удар хвоста Таффи пропустил и, перелетев комнату, едва не угодил в лапы мелкой нечисти.

Еще и щит пропал. Таффи вдруг ощутил себя беспомощным и жалким.

Хотя... таким он и был. Разве кто-то способен бороться с такой жестокой злобой? Плюш — другое дело. Он герой легенд, великий воин, сшитый любящим отцом для больного сына. Он обладал силой, о которой защитники не смели и мечтать.

Таффи побежал.

С грохотом горной лавины Велиар рухнул перед ним и преградил путь. Небрежным взмахом когтистой руки змей отшвырнул Таффи к дивану. Тот едва не выронил меч, быстро поднялся и наудачу отскочил вправо. Велиар рассек воздух впустую — повезло. Таффи не растерялся, ударил острием в бок и убежал. Чудище взвыло, а кусок кожи отвалился и вспыхнул черным огнем.

Таффи перехватил меч обеими лапками. Но он не ожидал удара сзади. Кто-то огромный пнул его в бок, да так, что он, перелетев через всю комнату, ударился в стену над кроватью.

— Не вмешиваться! — крикнул Велиар. — Я сам его прикончу!

Провинившийся монстр вспыхнул багровым пламенем и завизжал. Велиар вновь нацелился на Таффи.

Теперь пропал меч. Фанерка куда-то отскочила, и Таффи остался ни с чем. Теперь Велиар без проблем завладеет новой куклой для коллекции. Но сдаваться просто так... ну уж нет.

Он поднялся и встал на грудь своему мальчику.

— Уже устал? — хохотнул Велиар и махнул рукой. — А я только разогрелся.

Таффи кувыркнулся и почувствовал под собой... спичку! А он и позабыл о ней! Велиар издал что-то вроде рыка, махнул с остервенением конечностью. Таффи прыгнул. И в этом долгом, отчаянном полете умудрился сделать то, чего, верно, не удавалось никому из героев древности.

Кончик спички чиркнул о перстень змея, и комната взорвалась горячим живым светом.

Велиар заорал, зарычал, замахал руками. Кожа начала плавиться, а мышцы как кислотой разъедало. Комнату заполнил едкий черный дым. Но Велиар быстро совладал с болью, что-то пробормотал под нос — и вдруг распахнулась форточка, впуская теплый летний ветерок. Пламя вмиг погасло.

— Довольно! — прогремел змей.

Таффи в отчаянии бросил спичку, но в свете багрового уголька вдруг заметил пропажу. Меч, переломленный надвое — жалкий обрубок, щепочка, — лежал у руки Кирюшки. Хватило доли секунды, чтобы Велиар разглядел его тоже.

Но теперь Таффи не мог проиграть.

Ему вспомнилось все. Игры с Кирюшкой, летание по комнате, оторванный хвост, руки, ноги... но почему-то все казалось красочным, радостным, безмятежным. Было здорово... А как звонко смеялся Кирюшка? Как выдумывал истории и приключения, в которые попадал любимый мышонок? Таффи просто не мог допустить, чтобы его мальчик попал в мерзкую историю...

Он прыгнул, рискуя сгнуть в сжимающейся лапе Велиара, лишился усов и остатка хвоста, но лапка сомкнулась на знакомом древке. Таффи отскочил и вскинул обломок меча. Велиар ухмыльнулся, но неожиданно змеиное полулицо исказилось ужасом, он отступил, закрылся руками...

Таффи заметил на перстнях серебристые блики.

— Отойди от моего мальчика! — крикнул Таффи.

Обломок меча сиял, переливался белым светом. Таффи не стал долго раздумывать — он махнул клинком, на котором вовсю играли сполохи огня, и ударил чудовище. Велиар взвыл, тщетно пытаясь сбросить с руки белые огоньки, пляшущие по широкой, незаживающей ране.

— Не может быть! Не может быть!

Серебристый огонь лизнул кожу, метнулся с руки на туловище, пополз, разбрасывая снопы искр, и охватил все тело. Велиар ревел. Он побежал во тьму, но нигде не нашел ее, лишь носился из угла в угол — огромный пылающий факел.

— У него в руках Блестящий! — визжало со всех сторон.

— Меч Плюша, меч Плюша!

— Идиоты, это осколок его деревяшки! — гаркнул Велиар. — Не понимаю! Не понимаю!

Таффи тоже не понимал.

Он глядел на невообразимую картину. Твари улепетывали, сталкивались, зажигали друг друга, образуя совместный белоснежный пожар. Вспыхивали как фейерверки, только ярче. Таффи не верил глазам. В его лапе меч Плюша! Тонкий, серебристый, теплый, сотканный из ярчайшего света...

Станным образом все встало на свои места.

Ведь сила не в росте, не в массе ваты и даже не в клинке или свете. Треугольник Канона с треском рушился, осыпался, а на его месте воздвигалась пирамида. И Таффи уже знал, что водрузит на вершину.

Если восходит солнце, значит, нас еще любят. Солнце светит злым и добрым, маленьким и большим, глупым и умным, храбрым и трусливым. Частичка солнца живет в каждом, нужно только хорошо искать.

Любовь творит невообразимые вещи. Самое разрушительное оружие перед ней — шалость. Любовь как яркий свет, как самый острый клинок, как истинное мужество и храбрость. Ее не сдержать — и тьма рушится, идет трещинами и в конце концов растворяется, точно капелька краски в слишком большом сосуде.

— Думаешь, у тебя хватит сил защищать детеныша вечно? — зарычал Велиар. — Плюш протянул лишь день! А ты... ты...

— Ползи-ка лучше в свою нору, — предложил Таффи и поднял меч выше.

И с затравленным шипением чудища исчезли.

Ушли, оставив только пустой мрак, который уже не пугал Таффи.

Пустой мрак...

Таффи долго не мог прийти в себя. Он стоял у Кирюшкиной руки, не в силах оторвать взор от клинка. Даже пошевелиться был не в силах. А вдруг все это — мираж? Стоит только двинуться... и чудища тут как тут. Страшно. Таффи не верил чувствам. Велиарово колдовство коварно. Но вот надежда — ее не заглушишь.

Он шагнул вперед — тьма молчала. Только за окном тихо шелестела ночь, перебирала ветки деревьев, сочилась в открытую форточку и заполняла комнату прохладным дыханием. С улицы тянуло тишиной и покоем. С улицы тянуло утром.

И Таффи, наконец, поверил.

Он сумел... Выжил. Сдюжил. Выстоял!

Не помня себя от радости, он принялся плясать на кровати, прыгать, кричать, махать мечом, оставляя в воздухе белые мерцающие полосы. Таффи спрыгнул на пол, описал и там парочку кругов, хохоча и что-то выкрикивая. От радости кружилась голова. Тьма ушла! Тьмы больше нет.

А потом он взглянул на часы. Они намекали: скоро утро.

Таффи побежал отыскивать обломки оружия, сожженные спички... Все это аккуратно складывал в тайник. А сам все думал, думал — мысли бежали маленьким, но упорным ручейком. Белый меч в лапе горел все ярче и ярче. Этот огонь не жег, а согревал, точно мягким солнечным светом.

Покончив с делами, Таффи принял вечернюю позу на диване и застыл. Краем глаза он видел, что клинок все еще блестит, пуская тонкие струи света между половицами. Только с первым рассветным лучом он снова принял форму фанерки.

А часа через два Кирюшка шлепал босыми ногами по дому, размахивая Таффи и не давая спать Мамуле. Теперь Таффи — пилот истребителя особого назначения. Ему приходилось летать из комнаты в комнату. Чаще всего — с жесткой посадкой.

Это весело, хоть и больно.

Таффи все думал. Он болтался в руке Кирюшки, уши дрыгались туда-сюда, ноги, руки — все летело в дальние дали. Но

Таффи послушно не двигался, лишь наблюдал. И ясно — когда-нибудь все это прекратится, вся безмятежность растает и забудется. Кирюшка вырастет, повзрослеет. Ему уже не понадобится защитник.

Велиар прав. Рано или поздно каждый подходит к черте, где кончается земной путь. Будь то человек или защитник — не важно. Важно, как ты подошел, как жил и как готовился к этой секунде. А там сердце подскажет, что делать.

Да, Кирюшка его бросит. Придет время других сражений. Не будет маленького защитника, брань видимая обернется невидимой, тайной, но еще более страшной и жестокой...

ШЕСТЬ ЖИЗНЕЙ АННЫ КАРЕНИНОЙ

Мама, я Вронского люблю.

Почти из песни

Увидев швейцара, вышедшего ее встречать, Каренина спохватилась и приподнялась на сиденье коляски:

— От графа был ответ?

Швейцар поискал в конторке и протянул ей конверт с телеграммой.

«Я не могу приехать раньше десяти часов. Вронский», — прочитала она.

— А посланный не возвращался?

— Нет, барыня, — отвечал швейцар.

— Нет... — повторила Каренина и почувствовала, как в душе ее мутной волной поднимается досада и гнев.

Отпустив коляску, она вошла в дом, но ни присесть, ни занять себя чем-то не смогла. Ужинать не хотелось. Не хотелось ни думать, ни вспоминать, ни видеть кого-либо, и даже стены и вещи в доме, *его* вещи, вызывали в ней отвращение и бессильную злость — на себя, не знающую, как прекратить его любить, и на Вронского — за то же. Анна догадывалась, что он полагает ее любовь напитанной непонятным чувством вины, назойливой и даже удушающей, но не понимала, как можно было не обожествлять такого совершенного человека, как Вронский, не благоговеть перед ним, не посвятить свою жизнь ему, и как Кити, будучи отвергнутой им, могла существовать как ни в чем не бывало. Что бы он ни делал, вокруг него сиял ореол мужественности и героизма. Непостижимо, как этого можно было не ощущать, быть не

затронутой им, не затянутой с головой совершенно добровольно в сей стремительный водоворот...

Иногда душа Карениной просила свободы, вспоминая, что за стенами ее добровольной тюрьмы есть другая жизнь, силилась стряхнуть эту любовь-наваждение, но каждый раз при виде Алексея решимость ее порвать с ним таяла, и она вновь с самозабвением погружалась в трясину своей любви-плена, любви-бездны. И лишь одна мысль тревожила тогда ее несладкий покой. Любил ли он ее или всего лишь терпел, как ненужный трофей давно забытой победы, а то и тяготился?

«Я не могу приехать раньше десяти часов...»

Каренина остановилась посреди гостиной, и перчатки выпали из невольно разжавшихся пальцев.

А если он уехал, чтобы встретиться с Сорокиными — мамой и дочерью, — и сейчас говорит с ними любезно, посверкивая глазами и радуясь в душе ее страданиям, забыв свое показное, не иначе, благородство и великодушие?

Решение пришло неожиданно и само по себе и угнездились в ее мозгу, точно не могло быть иного выхода.

«Надо ехать на станцию железной дороги встретить его, а если его там нет, то поехать в Москву и уличить!»

* * *

Обуреваемая отчаянием, ревностью и злостью на них обоих, Анна рассеянно приняла из рук кучера билет до Москвы и, словно в тумане, вышла на платформу.

Люди суетились и толкались кругом. Женщины с сопливыми растрепанными детьми покрикивали на потомство визгливыми голосами, и те гнусаво хныкали в ответ. Мужчины с баулами и узлами бестолково метались по перрону, сталкиваясь, сипло переругиваясь и окликая жен. Старухи в выцветших салопях с дряхлыми морщинистыми моськами на руках и такими же слугами за спиной вытягивали шеи, подслеповато разглядывая то огромные круглые часы на башне, то подъезды к станции, то окружающих людей, что-то бормоча под нос...

Но, что бы ни кричали женщины, ни выкликали мужчины и ни бурчали старухи, Анна твердо знала: на уме у них, как и у ней, только застарелая неудовлетворенность и копящееся под спудом приличий раздражение всем и всеми. Все лицемерие, все ложь, все, от первого до последнего взгляда и слова, все на самом деле не так, как кажется.

В неровный гул голосов и звуков перрона вклинился пронзительный тонкий голос, и появился мальчишка-газетчик, размахивая пачкой ежедневных листков и проворно лавируя меж отъезжающими и встречающими:

— Последние известия! В России переворот! Настоящая революция!..

— Что там опять? — сунул ему пару медяков какой-то господин в добротном, но несколько старомодном полосатом сюртуке, едва сходящемся поверх округлого животика.

Заполучив листок, он скользнул взглядом по заголовкам и фотографиям, бегло просмотрел статью на первой странице и закачал головой, проводя пальцем по закрученным тонким усикам:

— Уж да уж... по-другому и не скажешь. Ах, каналы, чего придумали! Ах, шельмы!..

«Все. Все ложь. Низкая, отвратительная ложь и жажда личной выгоды. Как это мелко! Мелко и мерзко! — укрепились в своем мнении Анна и, порозовев от странно прихлынувшей к голове крови, отвернулась с презрением и усталостью. — А кто не видит этого — жалкий слепец».

Но вот басовитый гудок заглушил гомон вокзала, и из-за поворота, хрипло пыхтя и отдуваясь, показался поезд.

— Ползи, ползи, старичок, — благодушно, словно давнему знакомому, кивнул ему господин в полосатом сюртуке. — Недолго тебе осталось, похоже.

Анна брезгливо поджала губы и отвернулась: мужчина в неlepом наряде, разговаривающий с вонючей железякой, словно с человеком или лошадью, не вызывал у нее ничего, кроме презрения и желания немедленно отойти как можно дальше.

— Может даже, если газетка не врет, — не замечая вызываемой им неловкости, продолжил господин и с фальшивой — не иначе! — веселостью глянул на Анну, — в послед...

Окончание его слов потерялось в оглушительном шипении пара, вырвавшегося из-под колес останавливающегося паровоза. Низко и протяжно заскрипели тормоза, лязгнула в последний раз сцепка, и пахнущее дымом черное чудовище замерло, словно в непомерном изнеможении после дальнего пути. Распахнулись двери, выпуская прибывших, людское море всколыхнулось, взметая голоса к небу — неприятные, режущие слух, — и Анна не услышала, как из-за спины ее вынырнул услужливый кондуктор.

— Первый класс, дамы, господа, — открыл он перед ней дверь купе, бросив косой взгляд — не иначе осуждая. — Извольте пожаловать-с.

Каренина, дрожа от негодования, шагнула в пустое, пахнущее угольным дымом и пылью помещение, без сил опустилась на диванчик и уставилась невидящим взором в окно, мыслями уже в Москве. Всего год не была она в столице, а словно вся жизнь прошла!..

Им надо поговорить. Немедленно. Так дальше жить нельзя...

* * *

Столица встретила Анну, привыкшую к провинциальной неспешной размеренности жизни, суматохой и суетой, оглушительной для ее расстроенных чувств. Пассажиры, прибывшие на станцию, пассажиры убывающие, встречающие и провожающие их люди, артельщики с тележками, кондукторы со свистками и флажками — и все выкрикивавшие нечто неразборчивое, сливающееся в отвратительный гул, доводящий до слез бессильной злости. Среди этой толчеи Каренина почувствовала себя маленькой потерявшейся девочкой, и ненависть ее к Вронскому, по вине которого она оказалась здесь (свое неловкое положение она приписывала исключительно ему), загорелась с новой силой. И в ее голове вспыхнуло новое решение, изменить которое не смогло бы теперь ничто.

Если вместо того, чтобы вернуться, как просила она в телеграмме и записке, он поехал, чтобы встретиться с Сорокиной, она ему отомстит. Она заставит его раскаться.

Каренина прижала к груди бархатный красный мешочек с деньгами и женскими мелочами, огляделась затравленно в поисках выхода — и земля покачнулась у нее под ногами.

Случайно или по воле Провидения, но толпа расступилась перед ней на несколько мгновений, и у противоположного края перрона она увидела Вронского. Он стоял к ней боком, прижимая к груди огромный букет кремовых роз, оплетенный венецианской соломкой и перевязанный атласным розовым бантом. Взгляд его, мечтательный и томный, был устремлен вдаль.

«Он встречает меня!» — не успев подумать, откуда ему могло быть известно о ее приезде, вспыхнула радостью Анна, но тут же гнусавый, отдающий металлом рупора голос начальника станции рассеял ее летучую иллюзию:

— Скорый поезд «Санкт-Петербург—Москва» прибывает на второй путь по расписанию. Дамы и господа встречающие, прошу соблюдать осторожность.

Вронский встрепенулся и вытянул шею, точно силясь увидеть самым первым, как огромный вонючий паровоз тащит вагоны, в одном из которых находится *она*.

Сердце Анны болезненно сжалось. «Санкт-Петербург! Сорокины! Ну конечно же... Как я могла так наивно обманывать себя? Он, верно, любит ее и хотел бы жениться, и от этого мое присутствие ему неприятно и нежелательно. Стало быть, он и впрямь разлюбил меня — если когда-нибудь любил!»

Расталкивая толпу, она пробилась к нему. Глаза ее блестели от крайней степени душевного волнения, щеки пылали.

— Анна? Ты здесь откуда? — Вронский от неожиданности отступил на шаг, смутился, и Каренина поняла это как еще один знак беспокойной совести.

— Я все знаю. Эти цветы...

— Что ты опять придумала? — воскликнул он. — Я здесь встречаю инженера Левкова с супругой, и...

— Не унижай себя лживыми объяснениями, Алексей. Я мешаю тебе и та *petite Sorokina*, я вижу. Но, перед тем как уйти, скажу...

Договорить она не смогла: низкий гудок, похожий на рев диковинного зверя, заполнил пространство станции, заглушая не только ее дрожащий голос, но и гомон толпы, и из-за поворота

показался непривычного вида паровоз, влекущий за собой десяток таких же диковинных вагонов.

Вронский повернулся к приближающемуся поезду, и глаза его расширились в удивлении и восхищении, словно ему только что явилось величайшее чудо света. Анне стало обидно и почти физически больно за свои наивные надежды и за то, что ее присутствие понудило Вронского к такому жалкому актерству.

— Я скажу... — снова попыталась выговорить она, но задохнулась от обдавшего ее душного жара машины, и горло ее перехватило.

Сбавляя скорость, мимо покатился первый вагон, и в одном из окон Анна заметила знакомые женские лица.

Сорокины!

Значит, все-таки измена и ложь. Как это пошло и неловко...

Точно невидимый груз опустился на плечи Карениной. Потухший взгляд ее упал вниз, туда, где странно беззвучно катились колеса останавливающегося состава, закрытые полукруглыми щитками, доходившими до рельсов.

«Туда! И я накажу его и избавлюсь от всех и от себя!» — решила она, схватила за рукав позабывшего о ней Вронского, думая сказать прощальные слова, но он посмотрел на нее укоризненно:

— Анна, кругом люди.

— Люди, да!..

Не находя, что добавить, она заломила руки, подалась к массивной громаде проплывающего мимо поезда, наклоняясь, целясь упасть между вагонами, — и тут в нескольких метрах от них в воздух взлетели фейерверки.

Вронский вздрогнул, взгляд его метнулся к разноцветным огням — как взгляды сотен людей на платформе — а когда снова посмотрел туда, где только что стояла Каренина, то не нашел ее.

* * *

Когда героя дня — инженера Левкова, изобретателя поезда на воздушной подушке, унесли на руках восторженные поклонники российской научно-технической революции, его детище, забрав пассажиров, загудело, приподнялось и мягко поплыло

над рельсами к следующему пункту назначения. Встречавшая его публика, возбужденно гомоня, стала втягиваться в здание станции. И поэтому лишь несколько пассажиров третьего класса, прибывших загодя на следующий поезд, да пара путевых обходчиков видели, как с путей, где только что находился последний вагон, поднялось нечто. При ближайшем рассмотрении оно оказалось знатной дамой. Но в каком виде! Платье ее было в пыли и пятнах машинного масла, руки и лицо грязны. Чтобы дать название сооружению на ее голове из спутанных, вставших дыбом волос и заплутавших в них остатках соломенной шляпы, понадобился бы еще один изобретатель, силой гения не уступающий, а то и превосходящий Левкова. Чумазое лицо ее пламенело, глаза горели неземным огнем, а губы непрестанно и беззвучно шевелились. Незнакомый человек мог бы даже подумать, что с них, то и дело перемежаемые словами «Сорокина» и «этот», слетали слова, неприличные не только для дам, но и для прачек, и даже торговок. Старая пара на перроне брезгливо поджала губы, обходчики закачали головами, то ли дивясь, то ли осуждая, выводок ребятишек сельского лекаря захихикал, показывая пальцами, а отец их нахмурился и назидательно изрек: «Смотрите, до чего доводит человека разумного безудержное потребление алкоголя!»

Но Анна (ибо да, это была она), если и чувствовала себя пьяной, то единственно от перехлестывающих за край разумного эмоций.

Сосредоточенно глядя только вперед, она направилась в здание станции, в туалетную комнату первого класса.

Там, пудря перед зеркалом носик, стояла Долли.

При виде входящей женщины она нахмурилась и строго заговорила:

— Туалетная для третьего класса, милочка, расположена...
Анна?! Что с тобой?!

— На улице поднялся необычайно сильный ветер, — проговорила Каренина, предупреждая взором: «Только попробуй возрази мне», — и Долли растерянно моргнула и проглотила не выговоренные слова.

— Да... необычный ветер... — вместо этого осторожно кивнула она и добавила, для своего ли душевного комфорта или для Ан-

ниного: — Я полагаю, и Стива согласится со мной, что все изменение климата происходит от этих ужасных новых изобретений.

— Мне тоже так кажется, та cherie, — отозвалась Каренина, скользя блуждающим взором по мраморным стенам и полу, фарфоровым раковинам, начищенным медным кранам, не останавливаясь даже на своем отражении в зеркале. — Не видела ли ты сейчас Вронского?

— Как? Вы разминулись? — Брови Долли сочувственно приподнялись. — Я его встретила не далее как пять минут назад. Он поискал тебя, не нашел и отправился с Сорокиными смотреть павильоны.

— Куда?.. — не поняла Анна, но Долли неверно истолковала ее недоумение.

— На Ходынское поле. Всемирная выставка открывается завтра там. Разве ты не знаешь?

— Да. Конечно. Знаю. Завтра, — кивнула Анна, и в душе ее поднялась волна горячей ненависти, но еще больше — зависти к наивной простушке Долли, к безалаберному неудачнику — ее мужу Стиве, к двуличному Вронскому и даже к бесстыдным Сорокиным.

Ведь у них будет завтра. И только от нее, Анны, сейчас зависело, какое завтра они все получают: наполненное животным самодовольством и покоем или отравленное раскаянием, каковое все они и заслуживают за то пренебрежение, с которым отнеслись к ней и ее беде. Эгоисты!

Не догадываясь о ее мыслях, Долли с плохо скрываемым ужасом, изумлением и сочувствием оглядывала Каренину:

— Тебе надо умыться и почистить платье, дорогая. Я помогу, вон платяная щетка на полке...

— Это такие пустяки! Я должна спешить! — лихорадочно отмахнулась Анна, но все же под умоляющим взглядом невестки сделала попытку смыть грязь.

— Теперь гораздо лучше, — неуверенно проговорила Долли, рассматривая мутные сероватые разводы возле ушей золовки. — Только твои волосы... Поедем к нам, там...

— Нет, я не могу, не могу, мне нужно незамедлительно мчаться, — возбужденно заговорила она, — но волосы... и вправду... волосы...

Мечущийся по комнате взор Карениной остановился на голове невестки.

— Не могла бы ты одолжить мне свою шляпку? Пожалуйста?..

* * *

Вронского и Сорокиных на Ходынке она нашла по чистой случайности. Устав пробиваться сквозь толпы праздношатающейся публики и продавцов сувениров, что бродили по булыжной мостовой от павильона к павильону и от экспоната к экспонату, она в отчаянии двинулась к самой высокой башне со странным грибообразным наплывом на вершине в надежде подняться туда и осмотреться. Все трое обнаружили у ее подножия: веселая компания, ведущая приятную беседу с другой такой же — румяным офицером под ручку с двумя хихикающими дамами в возрасте.

«Разбитной братец вывел в свет своих кузин — старых дев, — неприязненно подумала Каренина, нервно сжимая в руках непонятно зачем приобретенный бронзовый макет какой-то странной машины, угластый и тяжелый. — Только не найти им женихов, нет, все бесполезно. И тебе, Алексей, не найти с Сорокиной счастья».

Ищущий взор ее скользнул по башне, приобретшей в ее глазах теперь иную ценность, и остановился на толстой стеклянной трубе, уходившей под самую шляпку гриба. Внутри ее, сверху вниз, скользила площадка, на которой стояли люди, боязливо скупившись ближе к стене.

«Туда! Скорей туда! Упасть у их ног! И пусть он пожалеет! Пусть они оба пожалеют и покаются!» — поднялась болезненная обжигающая волна в душе Карениной, и, не раздумывая более, она заспешила ко входу в башню.

Двери подъемника и лестница, ведущая наверх, располагались почти рядом, но желающие добраться до последнего этажа предпочитали долгий путь по ступеням вознесению над бездной, и полукруглая площадка была пуста. Швейцар скучал у ее распахнутых дверей, провожая равнодушным взглядом посетителей.

— Мне наверх!

Не удостоивая вниманием швейцара, Анна решительно шагнула на ребристую металлическую платформу и застыла, жадно отыскивая среди толпы Вронского.

— Как прикажете, барыня, — с достоинством поклонился швейцар, неспешно, полный осознанием собственной важности, закрыл за ней двери и нажал на кнопку.

Где-то далеко загудела машина, и площадка медленно и плавно двинулась вверх.

— Где же, где же, где... — возбужденно шептала Каренина, всматриваясь в толпу у подножия башни. — А если они уже ушли?..

Но Вронский и его спутники были на месте. Все так же галантно улыбаясь, он говорил что-то двум старым девам, и те смеялись, прикрывая лица веерами.

«Пытается уже и их соблазнить! Так и надо этой Сорокиной! Ненавижу его и ее! — зашлось от ревности и негодования сердце Анны и тут же пропустило такт: — Пора. Уже достаточно высоко. Если падать с большой высоты, лицо может повредиться, и они не узнают меня».

Но как?.. Она замахнулась на стекло кулаком и обнаружила, что все еще сжимает металлическую вещицу, купленную с пол часа назад у особенно назойливого лоточника. «Сама судьба за меня!» — вспыхнули щеки Карениной, и она ударила игрушкой по прозрачной преграде, отделяющей ее от пропасти под ногами — и мщения.

И еще раз, и еще, и еще, и еще...

Когда силы ее иссякли, и она в изнеможении опустила руку, с грохотом роняя сувенир, мимо ее лица проплыли и исчезли под платформой лишь несколько еле видных царапин на нетронutom стекле.

«Это какое-то нелепое наваждение или дурной сон!» — только и успела подумать Анна, как стена за ее спиной сменилась закрытыми дверями, а площадка остановилась.

— Прибыли, барыня, — распахнулись створки, и другой швейцар степенно указал ей рукой на красную ковровую дорожку, ведущую в края шляпки гриба — ресторан.

Каренина бросила отчаянный взгляд на землю, туда, где почти не видный, но ничуть не раскаявшийся и даже не подозрева-

ющий о ее муках, стоял изменник Вронский со своей столичной штучкой, скрипнула зубами и мотнула головой:

— Вниз.

— Понравилось барыне, — с некоторым удивлением проговорил швейцар и добавил: — А чего не понравиться? Все как на ладони видать, с верхотуры-то. Многие боятся, что механизма сломается или стекло треснет, так это они зря. Машина надежная, до открытия месяц туда-сюда целыми днями гоняли ее — и хоть бы что. А стекло так вообще особо прочное. «Блестиглаз» называется, говорят. Кувалдой разве что разобьешь.

Каренина вспыхнула, то ли припоминая свои тщетные попытки, то ли жалея, что в сувенирных лавках не продавали кувалды, но швейцар истолковал это по-своему.

— Сейчас, ваша светлость, сейчас поедem, — торопливо заверил он, закрыл створки, и скрытая от глаз машина заработала снова, начиная неторопливый стометровый спуск.

Метре на десятом Анна с ужасом увидела, как Вронский раскланялся со своими знакомыми и двинулся прочь, уводя Сорокиных. Но не прошли они и несколько шагов, как остановились, развернулись — и направились к башне-грибу.

«Кататься на движущейся площадке? В ресторан? Или просто обойти?» — замелькали мысли в голове Карениной, и она едва не закричала от бессильного волнения, но площадка бесстрастно плыла вниз, и до чувств обманутой женщины ей не было никакого дела.

Когда швейцар внизу распахнул перед ней двери, она первым делом выпалила вопрос:

— Тут мужчина не проходил? С двумя дамами, одна постарше, другая младше, старшая с неприятным лицом больной выдры, в шелковом платье тона «вечерняя лазурь» с лионским кружевом на вороте и рукавах, рукав колокол три четверти, лиф на шнуровке, на правой руке золотой браслет с аметистами, три кольца, якобы фамильных, но на самом деле...

— Граф Вронский? — стоически спросил швейцар.

— Да! Где он?!

— Они только что поднялись в ресторан «Торжество науки» на том подъемнике, — он кивнул на похожие двери в дальнем конце холла.

— На самый верх? — уточнила Каренина. — В ресторан?

— Да.

— Так скорее за ним! — загорелись ее глаза.

Теперь она совершенно точно знала, что будет делать.

* * *

Лакеем была подана первая перемена блюд, когда перед столиком Вронского и Сорокиных предстала Каренина.

Не говоря ни слова, она обнажила запястье левой руки, взяла тарелку с салатом Вронского и ударила ее об край стола.

От столкновения с преградой смесь мяса и овощей с майонезом, представлявшая собой аппетитную украшенную зеленью и томатами массу, взлетела и приземлилась в свекольник чиновника за соседним столиком.

— Я бы сказал!.. — не зная, гневаться ему больше или удивляться, вытаращил глаза тот — но Анна его не слышала.

Раздраженно отбросив неподдающуюся посуду, она схватила и шлепнула о край другую тарелку, третью, орошая себя, скатерть и возмущенных соседей их содержимым — но не получая ни одного даже самого крошечного и тупого осколка.

— Анна! — вскочил опомнившийся от шока Алексей, через стол потянулся к ней, стремясь поймать за запястья, но вошедшую в раж Каренину так просто было не остановить.

Отталкивая его пальцы, уже обеими руками хватала она со стола фужеры, рюмки, молочники и соусники и пыталась их расколотить — но тщетно.

Сорокины в ужасе вскочили и отбежали, спасая наряды и репутацию — и не одни они: вокруг стола, ее и Вронского образовалась зона отчуждения диаметром метра в три, усеянная фирменными блюдами и низверженной, но не сдавшейся посудой.

Догадавшись, наконец, обогнуть стол, Вронский схватил Анну за плечи, прижал к себе — но она вырвалась и кинулась к распахнутому французскому окну. Еще миг — и, перешагнув через низкий подоконник, Каренина молча исчезла из виду.

— Анна!!!.. — Алексей кинулся за ней, перегнулся... и в изнеможении опустил на пол.

— ...А насчет посуды ваши светлости пусть не изволят беспокоиться, — раскланивался тем временем со щедро расплатившимися Сорокиными метрдотель. — Она только с виду фарфор и хрусталь, а на самом деле — гибкое вещество... податливая субстанция... Пластическая масса! Последнее научное открытие! Не бьется — хоть отсюда на землю бросай!

— Наука — великое дело, — нервно дернулся глаз Сорокиной-тапан, и с достоинством, претендующим на лучшее применение, она подхватила дочь под руку и увлекла за собой к выходу.

Вронский вскочил и быстро зашагал за ними, едва не срываясь на бег:

— Подождите, княгиня! Я все объясню!

— Не сомневаюсь, *mon beau*, — с ледяным возмущением бросила через плечо Сорокина-дочь, и двери подъемника закрылись за ней.

* * *

Из сети безопасности, окружавшей ресторан и поймавшей ее в трех метрах от подоконника, Каренину достали через десять минут. Пунцовая от стыда и гнева на весь свет, она оттолкнула помогавших ей выбраться старшего метрдотеля и двух городских. Бросив в сердцах: «Ах, оставьте меня все!» — она побежала вниз по лестнице, закрывая лицо руками от любопытных взглядов поднимавшихся навстречу зевак.

— Нервная дамочка, — полицейский постарше неодобрительно покачал головой ей вслед.

— Нервная-то нервная, — лукаво хмыкнул в усы метрдотель, — а посетителей у нас сейчас в три раза больше будет, помяни, Михалыч, мое слово.

Точно в подтверждение, швейцар распахнул двери ближнего подъемника, оттуда вывалилась компания пестро наряженных гуляк и нерешительно остановилась перед ними. Франтоватый молодой человек выступил вперед и, сгорая от любопытства и смущения, спросил:

— А это правда, что только что из окна башни какая-то женщина...

Но Каренина не видела и не слышала ни осуждения первого, ни планов на хороший доход второго, ни интереса третьего. Она бежала по ступеням, не сводя взгляда с бесконечно длинного окна, тянувшегося вдоль лестницы, и выискивая Вронского.

«Ты, наверное, посмеялся надо мной — и не раз... — мелькали в голове ее гневные, отчаянные мысли. — Ты, должно быть, назвал мои страдания фарсом... а меня — придумщицей... Ты не поверил мне... не увидел моих мук... за крысиными улыбками своих Сорокиных... Ну так знай же... что я не успокоюсь... пока не отомщу тебе и им... не покрою ваши имена позором... а жизнь — раскаянием... если вы на таковое еще способны... Где же ты... Где же вы... Где мне вас найти?!...»

Что-то большое и мягкое внезапно преградило ей путь, и она бы упала от столкновения с неожиданным препятствием, если бы оно не подхватило ее и не помогло удержаться на ногах. Знакомый голос спросил ее сочувственно:

— Куда ты так несешься, Анна? Не Вронского ли ты ищешь?

— Стива?.. — Она растерянно глянула на брата. — Да, его. Ты его видел?

— Там, только что встретил, — Стива махнул рукой куда-то влево и вдаль, где кончались павильоны. — Они с Сорокиными шли кататься на этой уродливой новомодной штучке... как там ее... э-э-э...

— С Сорокиными?! — Краска бросилась в лицо Карениной.

— Да, с ними. И они мне показались какими-то странными, все трое. — Стива недоуменно пожал плечами. — Даже парой слов не остановились переброситься, а ведь с твоим Врон... Эй, стой, а ты-то куда?! погоди! Ты оттуда идешь? А это правда, что только что из окна башни какая-то женщина...

* * *

Еще издалека Каренина заметила нечто, что с ее точки зрения можно было охарактеризовать только как «уродливая новомодная штучка». И не в последнюю очередь оттого, что по высокой металлической лестнице с фигурными поручнями в чрево этого

сооружения забирались Сорокины и Вронский. Алексей пропустил вперед дам и, чуть задержавшись у входа, скрылся внутри вслед за ними.

Анна, расталкивая встречающих, подбежала к лестнице, высыпала все оставшиеся у нее деньги в пригоршню билетеру, нетерпеливо выхватила у него из пальцев длинную синюю бумажку и стала стремительно подниматься.

«Теперь-то ты, mon cher, никуда от меня не денешься», — шептала она, беззвучно шевеля губами.

У самого входа, в маленькой тесной прихожей, отгороженной от внутренностей машины малиновыми портьерами, ее встретили мужчина и женщина в форме, похожей на военную.

— Где здесь расположились дворянин и две... — заговорила было Анна, но мужчина с легким поклоном протянул ей какой-то мешок, опутанный лямками, словно невиданное морское чудище — щупальцами.

— У меня нет больше денег! — раздраженно отмахнулась Каренина, но он лишь улыбнулся:

— Это входит в цену билета, мадам. И надевается на спину.

— Уберите это от меня сейчас же! — брезгливо отшатнулась она. — Мне не нужны ваши пыльные котомки!

— Извините, мадам, но без этого мы не можем вас впустить, — вежливо, но непреклонно заявила женщина.

— Вы не имеете права! Я заплатила!

— Мы вернем вам деньги.

— Но...

В утробе машины послышался знакомый женский смех, и Анна вздрогнула, словно пронзенная раскаленной спицей.

— Хорошо, надевайте! Только быстрее! Не понимаю, чего вы ждете! — сердито воскликнула она, чувствуя, как каждая проходящая секунда заново выжигает ее изнутри обидой, ревностью и отчаянием.

Через несколько минут, когда странное приспособление было прикреплено к Анне и опутывало ее своими лямками подобно спруту, ее провели в салон и усадили на последнее свободное место рядом с толстым заводчиком и его увешанной драгоценностями супругой.

— Но я не хочу здесь сидеть! — возмущенно прошипела Каренина, опасаясь привлечь к себе внимание Вронского и княгинь до начала поездки, чтобы не испугнуть.

— Других свободных мест нет, — терпеливо улыбнулся мужчина.

Анна подумала обо всех пассажирах машины, с которыми пришлось говорить этому человеку сегодня и вообще не желающих надевать на спины отвратительную сумку, и ее покорило его лицемерное терпение.

— ...К тому же путешествие продлится не более получаса, и все это время можно любоваться видами из окна. Вы и не заметите, как пройдет время, мадам.

Каренина сделала вид, что сдалась, и демонстративно отвернулась к большому квадратному окошку со скругленными углами, в которое во все глаза уже смотрели ее соседи, словно там можно было увидеть что-то такое, чего они не видели, подходя к машине.

Под окном бегали люди с красными флажками и городовые, отгоняя зевак с широкой, огороженной канатами дороги, на которой их машина стояла. Больше ничего интересного там не происходило, и Анна опустила взгляд на колени, напряженно вслушиваясь в гомон внутри машины.

— Bon voyage, — галантно пожелал мужчина, пристегнул единственную незакрепленную, самую длинную лямку ее нелепой наспинной сумки к струне под потолком и откланялся.

Еще полминуты — и глухо взревели моторы, и едва Анна задумалась, были ли это моторы их машины или другой, каких на выставку привезли со всех концов света в изобилии, как толпа за окном медленно поплыла назад.

«Поехали, — поняла Анна. — Сейчас наберем скорость, и я выскажу ему все. А потом — в дверь. Конечно же, эта хлипкая веревка вверх не удержит меня — и все будет кончено. Я отмщена и умру спокойно».

— Дамы и господа! — Из-за малиновой портьеры выступила женщина, встретившая Каренину у входа. — Прошу всех оставаться на местах до отдельного разрешения господина Эристова.

«Что за жалкая привычка — силиться казаться важнее, чем ты есть на самом деле! — досадливо поморщилась в ответ Каре-

нина. — Так делают люди малозначительные и неуверенные в себе, как этот усатый господин. А эта женщина с ним — его жена или...»

Неожиданно пол машины стал как-то странно наклоняться, тело Карениной вдавило в кресло, а полотняная сумка, примотанная к ней ремнями и лямками женщиной в форме, заставила позвоночник выгнуться неудобно — словно на кочку легла.

«В гору поехали, что ли? — раздраженно подумала Анна. — Только откуда они их в Подмоскowie нашли? И трясет, как будто по колдобинам от Нижнего на Знаменку едешь. А еще такие деньги с людей берут!»

Каренина сердито оглянулась, отыскивая взглядом Сорокиных и Вронского среди пассажиров, желая, чтобы скорее все было кончено: этот фарс, эти муки, эта недосказанность, что не давала ей уйти и покончить со своими страданиями навсегда, это бесконечное унижение...

Но Вронский увидел ее первым.

Глаза их встретились, Анна начала подниматься, но Алексей опередил ее. Гневно сверкнув глазами, он вскочил и, сдвигая своей длинной лямкой лямки остальных пассажиров и с каждым шагом запутываясь в них все больше, двинулся к ней.

— Господин, пожалуйста, вернитесь на место, — забеспокоилась женщина в форме, но Вронский был слеп и глух ко всему, что не касалось Карениной.

Окончательный затор на потолочной струне случился метрах в полтора от Карениной, и Вронский, будучи не в состоянии сделать больше ни единого шага, остановился и обвиняюще прищурился.

— Ты здесь! — тихо, но возмущенно заговорил он, не сводя с нее взгляда. — Отчего ты нас преследуешь? С какой целью? И к чему эти нелепые представления в ресторане? Мне за тебя стыдно, Анна! Я никогда не ожидал...

— А я никогда не ожидала от тебя такого низкого предательства и трусости! — жарко выпалила в ответ Каренина. — Ты поиграл мной и бросил, как надоевшую куклу, даже побоявшись сказать, что я тебе наскучила! Ты лицемерно продолжал делать вид, что все идет как прежде, что ты любишь меня, и я тебе верила, потому что хотела верить! Да, это неумно и смешно, но тебе, как

никому другому, известно, что без тебя моя жизнь теряет смысл! И теперь, когда ты определился, кто тебе дороже, я не мечтаю ни о чем ином, кроме как уйти и избавить тебя от своего надоевшего присутствия. Не хочу быть тебе обузой, не хочу заставлять тебя изворачиваться и лгать, унижая тем себя и меня. И знай, то, что случится сейчас, — твоя вина исключительно, и пусть тебе и твоей новой амоиг будет стыдно всю оставшуюся жизнь!

— Что ты опять задумала, Анна?! — Вронский потянулся к ней, но она не стала ждать.

С душераздирающим стоном она бросилась к малиновой портюре, скрывающей выход, оттолкнула метнувшуюся ей наперерез женщину в форме, повернула ручку и шагнула наружу, ожидая через долю секунды встретиться с несущейся мимо землей. В то же мгновение за спиной ее что-то щелкнуло, дернулось, хлопнуло — и Анна почувствовала, как неведомая сила прервала ее короткое падение и стала поднимать вверх. Над головой ее, откуда ни возьмись, расцвел огромный белый купол, матово отблескивая красками заката. Из-за ее спины к нему тянулись толстые шелковые шнуры.

«Что это, что?! Где я?!» — хотела выкрикнуть Каренина, но стоило ей приоткрыть рот, как безбрежные массы небесного океана поспешили занять новое пространство, и она закашлялась, задыхаясь воздухом, ставшим вдруг плотным, как картон. Слезы брызнули из ее глаз. Подъюбники и юбка закрыли лицо, приводя в панику — но ненадолго. Сильный порыв ветра надорвал их с треском, а новый, налетевший через несколько секунд, довершил его дело, унося в вечернюю даль длинные широкие лоскуты.

Прикрывая лицо руками, чтобы можно было дышать, она выглянула меж пальцев, словно подсматривая за мирозданием, и дыхание ее перехватило — но уже не от ветра. Вид потрясающей красоты и необычности открылся перед глазами Анны.

Погруженная в теплые вечерние сумерки, плыла далеко под ее ногами земля. Лес, речка, шахматная клетка полей и садов, россыпь кубиков-дач, тонкая ленточка дороги, на которой словно застыли крошечные букашки — возы, экипажи, а то и самодвижущиеся кареты на резиновом ходу, — и тишина. Ни шума деревьев, ни скрипа колес, ни рева моторов, ни плеска волн — не было слышно ничего, кроме ее собственного прерывистого

дыхания. Людей внизу не было видно тоже, и Анна вдруг подумала с замиранием сердца, что род людской за те минуты, что ее не было внизу, мог прервать свое существование на этой земле, и осталась бы она одна — лететь, подобно сказочной фее, на волнах эфира и взирать на безлюдное и оттого печальное великолепие. И, очутившись лицом к лицу с прекрасным, но одиноким миром, окружавшим ее, с прохладным прозрачным воздухом, с горизонтом, алеющим нежным румянцем заката, с лесом, полями и реками, такими маленькими и беззащитными — и такими вдруг родными, Каренина неожиданно почувствовала себя с ними единым целым. Сладкий прилив умиления и нежности к этому миру нахлынул внезапно, и показались в эту минуту все ее обиды ничтожными, ревность — капризом, страсть к Алексею — одержимостью и эгоизмом, которыми мучила она и его, и себя, а попытки покончить с жизнью — вершиной безрассудства, и она внезапно ощутила себя свободной. Впервые по-настоящему свободной и хозяйкой своей судьбы.

«Теперь я вольна распоряжаться собой и своей жизнью как захочу — и не зависеть от Алексея! Я свободна, свободна, как птица!..»

Новый порыв ветра — и зеленое море подмосковной тайги о чем-то запело под ней, то ли соглашаясь, то ли приветствуя — неожиданно близко.

* * *

Анну нашли под утро, когда восток окрасился робким сероватым светом — предвестником зари.

Два человека с фонарями, спотыкаясь и выкликая ее имя, пробрались через бурелом и вышли на маленькую поляну, все еще укрытую тенью ночи, как и весь лес, и тут в тусклом желтом свете на сосне мелькнуло что-то белое.

Один из них залез на дерево, чтобы обрезать зацепившиеся за ветки стропы, и его товарищ по поиску бережно принял на руки неподвижное тело первой в мире женщины-парашютистки.

Ощувив прикосновения, она застонала, словно прощаясь с жизнью, с трудом приподняла заплывшие от укусов комаров

веки и обвела затуманенным взглядом склонившиеся над ней лица.

— Анна, прости меня! Прости! Только теперь я понял, какая ты на самом деле — страстная, отважная, неистовая, только сейчас! Никто из моих знакомых дам никогда бы не осмелился...

— И даже Сорокина? — неожиданно быстро пришла в себя умирающая.

— Я порвал с ней!

— Алеша... милый.... — ласково прошептали в ответ запекшиеся губы. — Теперь ты постиг, что нет ничего возвышенней любви... посланной нам небом...

— Да!

— Так дождись ее... и живи счастливо своей жизнью...

— Как — своей?! Моя жизнь — это ты! — пылко заговорил Вронский, но Каренина его уже не слышала.

Ее томный, чуть расфокусированный взор устремился на второго склонившегося над ней — водителя летающей машины, которого она сразу узнала. Глаза их встретились, и Анна удивилась, как можно было с первого взгляда не обожествлять такого совершенного человека, как он, не благоговеть перед ним, не посвятить свою жизнь ему. Что бы он ни делал, вокруг него сиял ореол мужественности и героизма. Непостижимо, как этого можно было не ощущать, быть не затронутой им, не затянутой с головой совершенно добровольно в сей стремительный водоворот...

— Мадам... я также покорен вашей отвагой. — Пилот с трудом отвел взгляд.

— Когда я любила Вронского, я ходила по земле, — мечтательно улыбнувшись, проговорила Анна. — А теперь я буду летать.

КТО ПОЗНАЕТ МЫСЛИ ЕГО?

Они расстались у входа в ущелье. Гортон помедлил, прежде чем шагнуть в белую пелену тумана, клубившегося над руслом пересохшей реки.

— Все еще хотите войти туда, повелитель? — Толстенский, лысоватый коротышка в шерстяном кафтане беспокойно стискивал резную ручку тяжелого сундучка. В голосе его явственно звучала надежда на отрицательный ответ. Грустные усталые глаза под густыми бровями смотрели обреченно.

— Да, хочу. — Гортон ободряюще взглянул на спутников. Взгляд Варга стал еще более печальным, на лице же второго — худощавого чубатого Хальса, увешанного оружием, играла азартная, дерзкая улыбка. Гортон совсем по-дружески подмигнул соратникам: — Не бойтесь... Я знаю, что делаю. Ждите меня здесь.

Затем, подтянув ремень и придерживая рукоять висевшей на боку сабли, бодро шагнул вперед. Туман тут же поглотил его. Варг тихо застонал.

— Зачем?! Зачем?! Зачем ему это?! — Варг тяжело опустился на холодный серый валун. Звякнул о камни сундучок, набитый снадобьями, эликсирами и магическими травами. На лице мага было такое отчаяние, что казалось — еще чуть-чуть, и он заплачет. Рука Хальса легла на его плечо. Варг поднял покрасневшие глаза на соратника. Хальс смотрел весело и спокойно — таким его знали бойцы, когда он появлялся в гуще боя, и его боевой клич, вторгаясь в нестройный звон клинков и свист стрел, вселял во всех и каждого уверенность, что не врагу улыбнется сегодня удача.

— Он вернется. Он всегда выходил из самых безнадежных положений... А что до твоего «зачем», то «Кто познает мысли его?» — процитировал Хальс строку из знаменитой «Песни о Гортоне-вожде».

Варг только устало улыбнулся.

К своим неполным сорока годам Гортон успел стать героем песен, баллад и многочисленных устных легенд. И было за что. Мальчишка из обычной семьи провинциального аптекаря, он с тринадцати лет изведal все прелести имперской тюрьмы, откуда совершил побег, после чего началась его полная скитаний и подвигов жизнь. Дерзкие налеты, обманутые засады, погони и поединки на ночных улицах с наиболее ненавистными «Слугами Империи» превратили его в опасного преступника и народного героя. Наконец, преданный и схваченный, чудом избежавший казни и сосланный на галеры, Гортон появился через два года у южных берегов Империи во главе небольшой пиратской флотилии, держа флаг на той самой галере, на которой до этого греб, прикованный к веслу, и на которой сумел успешно поднять бунт и захватить власть. Это было только начало его пути, полного падений и взлетов и необъяснимых, парадоксальных поступков. Несколько раз он получал предложения перейти на почетную службу — как к самой Империи, так и к ее врагам (в последний раз — в чине генерала). Несколько раз он с немалыми средствами оседал на время в вольных северных городах, дававших ему и его дружине убежище и почет в обмен на защиту от внешних врагов. Неоднократно мог он оставить опасный свой путь, но всякий раз отказывал послам-вербовщикам, раздавал казну соратникам и с кучкой добровольцев возвращался обратно на земли Империи, чтобы продолжать эту безнадежную, отчаянную, одинокую войну с непоколебимой громадой ненавистного государства... Многие считали его безумцем, кто-то — кровожадным псом, грызущим подножие Империи из внутренней ненависти к любой власти, кто-то — зарвавшимся, потерявшим голову от затянувшегося везения авантюристом, которому вот-вот, не сегодня завтра, изменит удача, и тогда он сложит голову на плахе. Но проходило время... Вольные северные города опустошала чума, враги Империи погрязали один за другим в смутах и междоусобицах, в которых многие военачальники простились с жизнью, кто — в битвах,

кто на эшафоте, кто — от яда и кинжала, а Гортон все не погибал и все так же безнадежно, как пес, грызущий ствол векового дуба, терзал Империю, пока однажды ее массивное здание не дало ошущимую, опасную трещину. И Гортон из грызущего пса превратился в крепкий и острый клин, который, все больше врезаясь в трещину, расколол, наконец, могучее некогда государство на груды обломков. Гортон собрал немалое войско и двинулся с боями к столице. На всем огромном пространстве Империи и далеко за ее пределами все только и говорили о Гортоне. Тогда и появилась анонимная «Песня о Гортоне-вожде», в которой отдавалась дань уважения не столько удали и упорству, сколько необычайной прозорливости легендарного атамана и где не менее десяти раз повторялась фраза-рефрен: «Но кто познает мысли его?»

* * *

Варг грел руки у костра, то и дело поглядывая в ту сторону, куда ушел Гортон. Хальс невозмутимо грыз крылышко куропатки, только что снятое с огня.

— Самое страшное в этой проклятой ложине — не нежить, не вампиры или там призраки всякие. Все это чушь собачья! — Варг вдруг сморщил лицо и оглушительно чихнул. Пламя в костре заметалось в разные стороны. Утерев нос, он продолжил: — Здесь повсюду спонтанно возникают порталы в иные миры — вот что меня по-настоящему беспокоит!

Хальс перестал жевать и удивленно воззрился на Варга. Тот поспешил объяснить:

— Ну представь, что вздумал ты прогуляться по городским крышам. Небо над тобой, ветерок веет, солнышко пригревает. Благодать! И вдруг крыша под ногами рушится, и падаешь ты прямоком в кондитерскую, в муку и в корзины с яйцами. Кругом повара и поварята, все белым-бело от муки. А то проваливаешься в оружейную — сыпятся на тебя алебарды и кирасы, на стенах чадят факелы и поблескивают доспехи в нишах стен... Ну, говоря короче и по существу, был ты в одном мире — бац, и оказался в другом, где все не так как у нас. Где, скажем, люди с песьими головами живут или, скажем, по воздуху рыбы летают! И встретится там может

всякое существо, от безобидного до смертельно опасного — смотря в какой мир попадешь. Представь: дракон или оса размером с коня! Там исчезнуть или погибнуть — раз плюнуть...

Хальс вскочил на ноги.

— Ты ему об этом говорил?! — Глаза Хальса лихорадочно блестели. До него только сейчас дошла причина страхов Варга.

— Говорил, да что толку! Заладил свое: «Тянет меня, зовет...» А что зовет, что тянет — хоть бы объяснил по-людски. — Варг горестно посмотрел на Хальса. Тот вдруг подобрался и как-то враз успокоился.

— Тянет? Так и сказал? Ну тогда понятно все...

— Что тебе понятно? — Варг недоверчиво заморгал глазами, стараясь понять, как вояке Хальсу может быть доступно то, что непостижимо для него, образованного человека.

— Я с ним уже лет пять, Варг. И долго не мог понять, как это он угадывает, как поступить надо? Ведь из одного со мной теста слеплен, на одних дрожжах поднялся. А он мне так сказал: «Сам не ведаю. Ведет меня что-то. Зовет». Я так думаю, это — Зов. Человек, что слышит Зов, не сгинет, пока не исполнит то, что ему предназначено. Хранит его что-то непостижимое. Силу дает, знание. Умом этого не понять...

— «Но кто познает мысли его?» — Теперь уже Варг позволил себе процитировать «Песню».

— Вот-вот.

Варг опять беспокойно и тоскливо воззрился на белую пелену и не думавшую рассеиваться, хотя солнце стояло уже высоко над головой.

— Говорят, если не бежать, оставаться на том же месте, куда тебя занесло, через недолгое время опять окажешься в своем мире... — Маг задумчиво почесал лысину. — Лишь бы ему ничто не помешало так поступить.

* * *

Сначала они услышали чей-то глубокий жалобный вздох. Словно в тумане какой-то страдалец припомнил разом все свои горести. Хальс и Варг затаили дыхание. Затем из тумана медлен-

но-медленно появилась знакомая фигура. Гортон шел, пошатываясь, сгорбившись, словно придавленный огромной тяжестью.

— Ранен! — Хальс сорвался с места. Варг стал лихорадочно открывать свой сундучок.

Хальс сразу же усадил командира на землю. Гортон, казалось, ничего и никого вокруг не замечал.

Варг уже был тут с раскрытым сундучком, в котором поблескивали склянки...

— Ну что? Куда он ранен?

— Я не ранен, — глухо, жутко, словно из могилы, отозвался Гортон. Он посмотрел на друзей. Хальс и Варг увидели глаза своего вождя и содрогнулись. На них смотрел раненый, умирающий зверь, только что осознавший, что умирает. В живых, горящих, яростных глазах теперь была одна тоска — тоска по чему-то ушедшему навсегда и безвозвратно.

— Хальс... Варг... помогите сесть на коня.

Очутившись в седле, Гортон сразу тронул коня. Варгу и Хальсу пришлось догонять его. Это было несложно — он всю дорогу ехал шагом.

— Что там было? Кого вы там встретили, повелитель? — тихо спросил Варг.

— Того, кто познал мои мысли... И ввергнул душу мою в чистилище. — Гортон больше не проронил ни слова, а у Варга и Хальса мороз прошел по коже.

* * *

Городок был мал. Ров почти обвалился. Невысокая стена, опоясывавшая его, не представляла серьезной преграды для штурма. Над зубчатыми стенами метался белый флаг.

— Сдаются? — спросил Гортон, привставая на стременах. Со времени похода в зловещее ущелье он осунулся, и под глазами проступили темные круги.

— Нет, шлют парламентаров. — Хальс вопросительно взглянул на вождя. — Что, будем вести переговоры? Город и так наш. Стоит нам один раз пальнуть из пушек — и они живо откроют нам ворота!

— Переговоры будут. — Гортон не отрывал взгляда от подъемного моста, который вдруг стал медленно опускаться. — Кроме того, я поеду на переговоры один. Никто не будет сопровождать меня.

— Что-о-о? — Хальс не смог сдержать возмущения. — Это уже ни в какие ворота не лезет, Гортон! Я знаю, что мысли твои, вождь, не постичь никому из нас, простых смертных, но что творится в последние дни? Вместо того чтобы идти на столицу, ты повернул войска на восток, неделю гнал нас через леса и болота. От нас ушла четверть бойцов. Четверть! Теперь мы осадили этот никчемный городишко, и, вместо того чтобы взять его и разграбить — а только так ты удержишь от бунта отряды из южных провинций! — ты решаешь вступить с ними в переговоры — один! С глазу на глаз! Без меня, без Варга, без всех, кто прошел с тобой весь путь! Объясни мне! Хотя раз объясни мне, что ты задумал?!

— Ты не поймешь. — Гортон склонил голову, ярко-красные перья на шлеме качнулись, как сполох огня. — А впрочем... Ты всегда мне был верным соратником и другом, Хальс. Останься им и в самую печальную и решительную минуту моей жизни. И я обещаю, когда все кончится — я расскажу тебе... И Варгу...

Тяжкое молчание нависло над всадниками. Хальс чувствовал, как гнетущее предчувствие беды стискивает грудь. Потом оба, не сговариваясь, тронули коней и поскакали к пробиравшимся им навстречу по густой луговой траве несчастным, испуганным парламентам. Парламентеров было четверо. После ритуального поклона старший из них начал речь, которая была тут же бесцеремонно оборвана Гортоном:

— Мое предложение таково: город остается цел и невредим. Я увожу свое войско назад без единого гроша выкупа с горожан. В обмен на это город выполнит одно — всего одно! — мое условие...

* * *

Барабанная дробь стихла. Глашатай в пестром одеянии зычно прокричал три раза «Слушайте!» — и над городской площадью нависла тишина. Глашатай сделал шаг назад, уступая место человеку в лиловой мантии и квадратной черной шапочке — город-

скому судье. Окинув тоскливым, напряженным взглядом море голов, застывшее у подножия невысокого помоста, судья сцепил пальцы, сдерживая дрожь в руках, и громко, чтоб его слышали в дальних закоулках примыкавших к площади улочек, начал речь:

— Славные жители нашего города! Всех вас собрали здесь, дабы засвидетельствовать всем и каждому, что справедливость торжествует! Торжествует, невзирая на лица и времена, невзирая на сроки давности! Синелиус Бонк, почтенный торговец и член городского магистрата, двадцать пять лет назад, будучи проездом в западных провинциях, ложно обвинил юного сына аптекаря в краже денег. Несмотря на недоказанность вины, Синелиус Бонк, угрожая судье своими связями в столице, настоял на самом строгом наказании мальчика. Тот был заключен в тюрьму, откуда вышел закоренелым преступником, чем принес немало слез и горя окружавшим его людям. Синелиус Бонк! — Два дюжих стражника с алебардами вытолкнули на помост дрожащего и затравленно озирающегося старика в просторной льняной рубаше, наспех заправленной в узкие штаны. — За клевету, за содействие обвинению невиновного, за жестокосердие и мстительность приговариваю тебя к позорному столбу!

Крик отчаяния слился с гулом толпы. Палач с помощниками подвели упирающегося Синелиуса к стоящему на краю помоста столбу с колодками, сноровисто уложили запястья и шею в соответствующие пазы и затем закрыли колодки. Щелчок — и тяжелый амбарный замок, плотно продетый в скобы, намертво скрепил половинки колодок.

— Вот так осужденный Синелиус Бонк простоит три дня и три ночи, а затем он будет с позором изгнан из города на веки вечные! Горожанам дозволяется в течение всего этого времени выражать свое презрение к преступнику.

Двое стражников вынесли за оцепление и поставили перед помостом огромную бадью с тухлыми яйцами и гнилыми овощами. Стражники из оцепления сильно потеснились, стараясь встать подальше от смердящей бадьи. Закованный в колодки завыл, затем зарыдал, а когда в его голову, промазывая поначалу, полетели первые гнилушки, он забился в заскрипевших колодках, и вой его стал совсем уж отчаянным, словно у бездомной собаки, умирающей от холода и голода.

Из толпы почти незаметно выбрались три фигуры в тяжелых, не по сезону теплых дорожных плащах, тщательно пряча лица под капюшонами. Они направились к городской стене, где заросли папоротника и плюща скрывали от глаз потайную калитку.

* * *

— Станный то был мир. До сих пор не знаю, попал ли я к магу или просто к необычному лекарю тамошних мест. Странно было и то, что он нимало не выразил удивления ни моему появлению у себя в доме, ни моему наряду, настолько отличавшемуся от его собственного. Странно было и то, что он понимал нашу речь. Впрочем, он при виде меня сказал: «Еще один оттуда», — отчего я решил, что не я первый провалился именно к этому чародею. Потом (странный у них обычай!) предложил он мне возлечь на обитое черною кожей удобное ложе. Сам же сел на стул чуть поодаль с крохотным фолиантом и изящным грифелем и стал задавать мне вопросы. Он спрашивал о разном — мелком и важном, порой столь незначительном, что я удивлялся его интересу. А порой интересовался такими вещами, что лишь уважение к чужим и потому всегда непонятым обычаям удерживало меня от того, чтобы взяться за меч. Он же вопрошал не просто так. Словно паук, он плел невидимую сеть, ловя то неведомое, неподвластное, то тайное, что всегда нашептывает тебе Некто из-за спины, и, как бы быстро ты ни оборачивался, ты не успеешь увидеть таинственный лик Зовущего. Он был как опытный ловчий, расставляющий ловушки одна хитрее другой, дабы поймать невероятно чуткого зверя. Я чувствовал, что на этот раз Зовущему не уйти, и отвечал чародею, ничего не тая. Он ускользал и прятался, но натывался на ловушки — и не было ему спасения. Наконец показал мне чародей еще живого, бьющегося в агонии зверя. О, ужас, друзья! То был я сам! Я, всю жизнь ненавидевший зло, называемое Империей. Я, готовый отдать жизнь за свободу себе подобных от гнета этого кровожадного божества. Я, Гортон, считавший себя великим, всего-навсего мстил Империи за перенесенную от заносчивого имперца обиду! Меня тогда высекли за кражу, которой я не совершал. Наказали, несмотря на репутацию и честное имя моей семьи. И я стал ненавидеть.

Сначала обидчика, потом всех столичных торговцев, потом всех из столицы, потом всех, кто за Империю, потом саму Империю.... Дальше пошло-поехало.

— Но таких, как ты, было немало, повелитель, — заметил Варг. — Но они не стали вождями и надеждою многих тысяч, оставшись разбойниками, пиратами, арестантами и каторжниками. Тебе же предначертана была великая судьба!

— Если бы не тот случай, друг мой Варг, я бы стал работающим аптекарем, и, если когда и стоял бы за справедливость, так это — отпуская лекарства больным, но неимущим горожанам. Я вел бы жизнь тихую, благопристойную. Я не повел бы на смертный бой сотни и тысячи из-за жестокой, но не смертельной обиды. Я не рисковал бы своей и чужими жизнями, если бы знал, что ведет меня недостойное желание отомстить за себя одного. Отомстить одному-единственному человеку в Империи. Но маг из иного мира познал мои мысли — нашел их источник и открыл мне глаза. И посоветовал найти обидчика и покончить со старой обидой. Тогда я вскочил на ноги и бросился в ближайшую дверь, и вновь перенесся из иного мира в свой собственный. Горькое пробуждение от былых иллюзий чуть было не свело меня с ума, но сегодня... Сегодня я чувствую себя свободным. Больше мне ничего не надо. Настала пора попрощаться, друзья!

— Куда же вы пойдете, повелитель? — спросил Варг.

— И что будет со всеми нами? — спросил Хальс.

— Пойду жить жизнью человека, свободного от обмана Зовущего. А за себя и других не бойтесь. Вы мудрые и храбрые соратники. Ближе вас друзей у меня нет. И достойнее вас я людей не знаю. Объявите о моей смерти, возьмите всю власть в свои руки. И кончайте войну. Земля пропиталась кровью и пеплом из-за моих заблуждений, она молит о мире. Правьте и помните обо мне, недостойном...

* * *

Первый же закон, изданный в Вольном Союзе Двух Королевств за подписями короля Хальса и верховного правителя Варга, под угрозой смерти или вечного заточения запрещал ко-

му-либо практиковать, изучать либо отзываться одобрительно о темном магическом искусстве, именуемом Психоанализом. «Ибо, проникая в тайное и сокровенное, выворачивая наизнанку душу и помыслы человеческие, не признавая вещей высоких и величественных, делает принужденно героев и гениев равными разбойникам и плутам, не делая различий в высоких помыслах и низких желаниях. Что же ждет мир наш, если первые, устыдившись того, что помыслы их низки, уступят место вторым, ни стыда, ни чести не знающим? И если разбойник равен герою, а гений — плуту, то кто изберет путь честный и славный, когда путь беззакония легче и приятнее? Всякий же человек — суть творение чудное и непостижимое, способное на многое, пока верит в чудесную силу Зова, когда внутри его зажигаются чувства и порывы неожиданные и потому необычайные по силе. Пусть же никто, будучи никчемным учеником-подмастерьем, не возьмется глумиться над шедеврами непревзойденного, мудрейшего Мастера! Ибо кто познал мысли его?»

СКАЗАТЕЛИ

Моему Олегу

— Иза! Где ты, Иза? Иза!

Эхо металось по коридору, рикошетило от бетонных стен. Мигала под потолком красная лампа аварийного освещения. По ту сторону двери жалобно мяукала кошка. Хозяева бежали, схватив вещи, а живое существо бросили. Хотя... все здесь знали, что не убежишь. Все равно накроет. И накроет всех, никого не щадя.

Олег остановился, перевел дыхание, прислушался. Где-то вне прогрохотал по улице грузовик — и вновь стало тихо.

— Иза! Это я! Ну где ты?

Тишина. Может, нет ее здесь? Может, показалось, что мелькнула в дверном проеме маленькая фигурка с черными косами? Нет. Чутье не подводило ни разу. Где-то прячется в пустом здании испуганная девчонка.

Вопила брошенная кошка. Надрывно, прося выпустить. Олег вернулся, подергал дверную ручку. Заперто. Не судьба.

За спиной всхлипнули. Он обернулся — и наткнулся на взгляд полных страха глаз.

— Иза, малышка...

Девочка отшатнулась, прижалась к стене. «Не доверяет», — с сожалением подумал Олег. Осторожно двинулся ей навстречу. Протянул руку к обтянутому серой тканью острому плечу.

— Ты что такая дикая? Это же я...

Потом понял: одежда. Он никогда не появлялся перед ней в гражданском, а форму она привыкла видеть лишь на тех, кто

олицетворял для нее страх и унижение. Она помнит его в белом халате. Олег улыбнулся — старался, чтобы вышло ободряюще и по-доброму:

— Иза, я — Олег. Это действительно я. Просто на мне другая одежда.

Она немного успокоилась. Исчезло из глаз выражение то-скивого ужаса. Еще секунда — и он взял ее за руку. Все. Все, маленькая. Теперь мы отсюда уйдем... и постараемся уйти как можно дальше. Теперь нас никто не остановит. Сколько бы ни было до взрыва — это только наше время.

Он повел ее к выходу, уговаривая, успокаивая, как совсем маленькую. И лишь на лестничной клетке заметил, что в руках у нее кошка — серая, полосатая, испуганно озирающаяся по сторонам. Иза едва заметно улыбалась уголками губ.

Повезло — удалось остановить машину. Вдвойне повезло, что согласились взять попутчиков. Впрочем, взяли бы так или иначе — Олег вполне мог воспользоваться удостоверением, дающим право высадить всех и уехать в конфискованной машине. Обошлось миром.

Устроились кое-как на заднем сиденье, среди сумок и кор-бок. Олег усадил Изу на колени, обнял. Она прижалась к его щеке лбом. Кошка мурлыкала у девочки на руках. Женщина на переднем сиденье — видимо, жена водителя — хмуро поглядывала на них в зеркальце заднего вида. То ли военная форма ей не внушала доверия, то ли не нравилась бледная девушка-подр-сток в похожем на тюремную робу платье.

— Скажи...

От неожиданности Олег вздрогнул. Настолько отвык от ее голоса за последние дни, что начал забывать. Ответить. Ей надо ответить. Что сказать? Что жить осталось час-полтора? Она ж понятия не имеет, что значит «смерть». И объяснять не хочется...

— Я тебя люблю, — сказал он и поцеловал ее в пушистую ма-кушку. — Ты знаешь, что это такое?

— Да. Когда хочется тебя придумать. Чтобы ты не уходил больше никогда.

От ее слов перехватило дыхание. Подумалось в который раз, что она удивительная. Уникальная. Кто бы что ни говорил. И теперь они вместе. Наконец-то ему не надо будет никуда уходить. Никто не запретит.

— Я с тобой. Я никуда больше не уйду, маленькая.

Проносились за окном дома. Брошенные, молчаливые. Кто мог, уехали еще вчера или сегодня утром. Город напоминал декорацию, съемочную площадку фильма про анхеппи-энд. Сумерки разливали по асфальту длинные кляксы теней.

— Когда рванет? — мрачно обратился к Олегу водитель.

Странная психология окружающих: думать, что в чрезвычайной ситуации каждый человек в военной форме знает абсолютно все.

— Не знаю. Смотря насколько интенсивно там горит. И сколько выдержит защита. Думаю, через час-полтора.

Женщина на переднем сиденье тоненько завывала, закрыв лицо ладонями.

— Что орешь, дура! — рявкнул на нее водитель. — Все равно всем тут крышка! Такое ощущение, что все, кроме тебя, знали, что живут на бомбе!

Иза пошевелилась, испуганно моргнула.

— Что будет? — спросила она негромко.

Олег попытался улыбнуться. Не пугать ее, не надо. Достаточно уже.

— Ничего не будет, все нормально. Мы отсюда уедем.

Водитель так резко вывернул руль, что они едва не влетели в павильон на углу.

— Да, уедем... — хмыкнул водитель; чувствовалось, что его всего трясет. — Даже улетим. Ноги в одну сторону, руки в другую... Успокаивай-успокаивай. Скоро все успокоимся.

Иза его уже не слушала.

— Олег, будет больно? Всем?

— Не бойся. Нам с тобой больно не будет.

В боковом кармане куртки пистолет. Он просто не даст ей мучиться, когда все это произойдет. Только бы она не боялась. Как сделать, чтобы она не боялась?.. Осталось всего-то ничего — времени, когда можно никого не бояться.

Обнял ее. Закрыв одно маленькое бледное ушко ладонью, в другое принялся шептать:

— Жили-были в одном царстве...

В тот странный год Олег успел защитить кандидатскую, купить машину, окончательно разойтись с Ясей и получить четыре перспективных предложения по работе. Последнее не удивляло: военно-медицинская академия сделала одному из лучших своих выпускников великолепную рекламу.

Гость, пришедший с пятым предложением, был лаконичен, уверен в себе и очень убедителен. Сказал, что Олега рекомендовали ему как нейрофизиолога с большим будущим (о да, он видел его институтские работы, весьма и весьма впечатлен). Показал Олегу несколько интересных фотографий и спросил, хочет ли он помочь в работе над чрезвычайно увлекательным проектом. Когда Олег заинтересовался подробностями, гость оставил ему карточку с адресом и поспешно ретировался.

Проект оказался правительственным. Дети из пробирки с «искусственно смоделированными способностями к материализации объектов с заданными свойствами». Первые исследования дали ошеломляющие результаты, проект взяли под крыло военные... а потом все пошло кувырком. Дети болели и чахли один за другим, несмотря на качественный уход. Бригада местных эскулапов ничего не понимала, проект грозили закрыть, финансирование урезали, медперсонал попал под горячую руку руководства, часть переувольняли, остальные разбежались сами... Туповатый педиатр и пожилой кардиолог разводили руками. Вот тогда кто-то и замолвил за Олега словечко — как за психолога и нейрофизиолога.

Его поразили эти дети. Семеро десятилеток — молчаливых, безразличных к окружающим и происходящему вокруг них. Бледные, анемичные личики, одинаковая серая одежда, поведение свойственное роботам, а не живым детям.

Антон. Галя. Дима. Иза. Костя. Максим. Юра. Имена придумывали по алфавиту — по порядковым номерам. Изначально их было двадцать три. Двадцать дожили до года. К семи годам их осталось пятнадцать. К десяти — семеро.

Олега поселили в том же здании, где размещался исследовательский центр и находились дети, и велели разобраться в ситуации как можно скорее. За три дня, которые Олег потратил на изучение документации и забор необходимых анализов, один из семерки — Дима — впал в подобие каталепсии. Похожего на куклу малыша увезли в психиатрическую клинику где-то в столице.

Результаты обследования детей Олега смутили. Абсолютная норма во всем. Разве что снижение мозговой активности — и то незначительное. На всякий случай назначил всем ноотропы. Принялся наблюдать. Присутствовал во время приема пищи, сопровождал детей на прогулках по маленькому скверу, отгороженному от мира высокой стеной, посещал вместе с ними занятия. Постепенно ситуация начала проясняться.

Картина вырисовывалась жутковатая. Дети не умели ни читать, ни писать, ни рисовать. Абсолютно. Речь их была крайне скудной, лишенной каких-либо эмоций. Простейшие логические игры, с которыми справился бы и трехлетний карапуз, ставили их в тупик. Во время так называемых занятий их тренировали лишь в материализации предметов — реальных или изображенных на картинках. Демонстрация сопровождалась перечислением свойств предмета: тяжелый-легкий, металлический-деревянный, холодный-горячий... Одни качественные характеристики... Дети послушно исполняли, не задавая ни единого вопроса. Получалось не у всех и далеко не всегда. Успехи поощрялись кусочком шоколада. Параллель с дрессировкой животных вызвала у Олега оторопь.

Коллеги-медики занимали твердую позицию невмешательства. Проанализировав беседы с ними, Олег понял, что детей они боятся, а рапорт об увольнении не подают из-за хорошей зарплаты.

— Вы хоть что-то пытаетесь для детей сделать? Или просто тупо наблюдаете? — возмущался он.

— А что тут сделать? — пожимали плечами оба светоча медицины. — Ты сам-то у них нашел хоть что-то? Они неживые — в этом и болезнь.

Олег обратился к своим непосредственным руководителям:

— Вся проблема именно в том, что дети не развиваются как личности. У них нет не просто детства, а стимула к жизни. Даже у животных детеныши развиваются, познавая мир в играх. Остановка умственного развития тянет за собой угасание нервной деятельности — это же очевидно! Дети — не роботы, они не могут просто тупо выполнять команды. Посмотрите, что происходит: шестеро из двадцати. И чудом живы до сих пор. Почему вы не позволяете им развиваться нормально?

Его спокойно выслушали и так же спокойно объяснили, что живое существо с функциями Творца — это страшнее любого оружия.

— Позвольте им фантазировать — и они наводнят мир чудовищами. Вы хотите оживших детских каракулей? Ночных кошмаров, воплотившихся для всего мира? Если не обуздать фантазию, дети станут полностью неконтролируемыми! Стоит лишь появиться цели, стоит им просто захотеть — и вы не сможете остановить их. Нет стимула к появлению желаний — нет и противостояния. Они должны быть полностью контролируемыми. Подавление воли и желаний — единственный путь управления ими.

— Это же дети... — беспомощно сказал Олег.

— Это не дети. Это экспериментальные образцы, — сурово оборвали его. — Ваша задача — найти способ поддержания их высшей нервной деятельности на должном уровне. Если решения задачи нет — вы отстраняетесь от участия, эксперимент признается неудачным, образцы уничтожаются, проект закрывается.

Олег вышел от руководства с ощущением надвигающейся катастрофы. Ничего не предпринимать — это значит позволить детям стать расходным материалом. А предпринимать ему, по сути, ничего не разрешили.

Пробовал давать им препараты, стимулирующие нервную деятельность, антидепрессанты — эффект был практически нулевой. Юрка на занятиях вместо металлического бруска материализовал овощное рагу, которым детей кормили накануне, — за что воспитатель жестоко отхлестал его ремнем на глазах других детей. Мальчишка жалобно плакал, остальные дети молча смотрели в пол. Девочки жались к стене. Олег пытался вмешаться,

но его мягко попросили не влезать в воспитательный процесс. Хорошо хоть позволили забрать мальчика в медблок после наказания.

Юрку пришлось нести на руках. Когда Олег со своей ношей выходил из учебной комнаты, одна из девочек сделала было несколько робких шагов за ним.

— Иза, куда? — остановил ее воспитатель.

Олег посмотрел на девочку. Стоп. Это как-никак волеизъявление. Или попытка...

— Я беру ее с собой, — сказал он поспешно. — Сниму энцефалограмму и приведу обратно. Иза, идем со мной.

В блоке уложил Юрку на кушетку, указал Изе на стул — та послушно села. Прибежавший педиатр принялся набирать в шприц обезболивающее. Мальчик плакал, девочка робко смотрела в его сторону. Что это — сострадание?

— Что ты чувствуешь, Иза? О чем думаешь?

— Ему больно, — тихо ответила она.

— А тебе?

— Мне страшно.

Педиатр сделал Юрке укол и ретировался. Олег подошел, положил под голову ребенка подушку и укрыл простыней:

— Отдохни, малыш.

Перехватил внимательный взгляд девочки. Растерялся. Что сказать? Вопрос «Что ты хочешь?» она вряд ли поймет. Или ответит, что ничего. Волеизъявление для них запрет. Подумал. Улыбнулся ей и сказал:

— Можно.

Она подошла, приподняла край простыни и погладила Юркину руку. Олег удивленно приподнял брови: ого. А ведь не все так плохо...

— Иза, ты и сейчас боишься?

Она долго молчала, глядя себе под ноги. Олег смотрел на нее и думал о причине: нехватка слов или настолько запугана?

— Да, — наконец выдала она.

— Я тебя не обижаю. Не наказываю. Не повышаю голос. Чего же ты боишься?

На этот раз молчание тянулось еще дольше. Мысль явно давалась девочке с трудом:

— Ты не такой.

— Хорошо. Тогда договоримся так: раз я не такой, меня не надо бояться. И здесь вообще не надо бояться.

Она послушно кивнула. Метнулись тоненькие черные косички. Олег погладил девочку по голове и ощутил, как Иза замирает, ловит незамысловатую ласку. Бойтся, да... Но теперь он точно знал, что ей нужно. Да и не только ей.

Он пользовался любым предлогом, лишь бы забрать детей из-под контроля воспитателей. Чаше водил их на осмотры, подменял сослуживиц, в обязанности которых входило гулять с ними в сквере (как уж те были рады избежать скучного времяпрепровождения!), делал обходы тесных неуютных детских спален перед сном. Просто коснуться. Улыбнуться. Вызвать любую положительную эмоцию. Или хотя бы исключить понятие «страх» — хоть ненадолго. День за днем. Неделя за неделей. Витамины и ноотропные препараты были лишь для прикрытия. Коллеги-врачи обрадовались появлению в коллективе фанатичного трудоголика и совершенно отошли от дел. Олег молчал. Не вмешиваются — тем только лучше делают.

Результаты были странными. Девочки откликались на ласку обе. С мальчишками было сложнее. Костю присутствие Олега успокаивало. Антон говорил с ним больше и охотнее остальных. Максим оставался полностью безразличен. Юрка же боялся Олега едва ли не больше офицера, который обычно вел у них занятия. Пятерых из шести еще можно было спасти.

Олег пристально следил за результатами своих действий. Вел записи, в которых фиксировал малейшие изменения в состоянии, поведении и достижениях каждого из шестерых. Докладывал руководству еженедельно. Молчал лишь о том, что предпринимает на самом деле. Его сдержанно хвалили. Даже пошли навстречу его пожеланиям и отстранили от работы тупую и ленивую медсестру Свету, присутствие которой Олега только раздражало.

В ноябре стало совсем холодно, и детские прогулки запретили. Настроение в маленькой компании сразу упало. Малыши стали невнимательными, на них кричали, у Гали совершенно

пропал аппетит, Антон перестал улыбаться. Олег обратился к руководству с просьбой возобновить прогулки:

— Это их радость. Одна из немногих, и притом — самая большая. А вы запретили...

Странно, но к нему прислушались. Через несколько дней одетых по-зимнему детей выпустили в сквер. С ними отправили Олега, поэтому малышам никто не мешал улыбаться.

Новый год Олег планировал встретить с семьей, но, так как никто из родни даже не позвонил ему с приглашением, решил остаться на работе.

Купил продуктов, настрогал себе пару нехитрых салатов, запек в микроволновке куриный окорочок. Яблоки, мандарины, бутылка шампанского. Вывел на монитор компа старую фотку Яси — не пить же в одиночестве... С сослуживцами праздновать не тянуло.

Отговорил по радио президент, пробили куранты. Олег отпил шампанского, задумался... а желание так и не загадал. Стало неуютно, захотелось просто выйти. Отвлечь себя движением. Встал, выключил радио, вышел в коридор.

Откуда-то доносились возбужденные голоса, смех, звон бокалов. Сослуживцы вовсю праздновали — те, кто остался сегодня дежурить. Новый год — это именно тот праздник, который прокладывает четкую границу между теми, кто кому-то нужен, и теми, кто не нужен никому. Олег усмехнулся. Да ерунда это... нужен. Просто родители считают, что он настолько взрослый, что ему лучше в компании друзей, а друзьями он тут не обзавелся. Не успел. Слишком ушел в работу, быть может... А может, ровно настолько, насколько было нужно.

А детям даже по лишней шоколадке не дали. Что уж говорить о подарках... И ему запретили. Праздник, черт подери! Праздник... Неотъемлемый атрибут детства.

Постоял у окна, выходящего во двор НИИ. Снежная пелена делала небо мутно-серым, похожим на подсвеченную грязную воду. Снежинки подлетали к окну, заглядывали Олегу в лицо — и испуганно шарахались прочь. Он подумал, что снег хранит память о губительности теплого дыхания — вот инстинктивно и от-

летает от стекла. А фонари привлекают снежных бабочек точно так же, как и обычных...

Ощущение будто толкнули в плечо. Обернулся — никого, конечно. Призрак Деда Мороза, не иначе. Прошелся по этажу — тихому, темному. Лишь из окон, образующих внешнюю сторону коридора, лился сероватый свет с улицы. Проходя мимо детских комнат, Олег замедлил шаг. Двери маленьких боксов были прозрачными с одной стороны — удобно для наблюдения за их обитателями.

Иза не спала. Стояла у двери, прижавшись к ней лбом и ладонями. словно долго-долго пыталась открыть и устала. Олег провел по замку удостоверением-пропуском — дверь открылась. Иза отступила на шаг назад.

— Иза, это Олег. Не пугайся. Почему ты не спишь?

Она молча пожала узкими плечиками. Олег снял с неразобранной кровати одеяло, укутал девочку и вынес ее в коридор. Встал с ней у окна. Иза вдруг осмелела и прижалась к щеке Олега лбом.

— Что ж ты косички на ночь не расплела? — спросил он шепотом.

— Никто не пришел, — ответил она.

— Ты же сама умеешь, — улыбнулся он.

Иза высвободила руку из складок одеяла, коснулась стекла, пытаясь поймать пролетавшую за окном снежинку. Посмотрела на Олега просящим взглядом. Обычно за этим взглядом таилось желание сказать — а это желание давилось в детях безжалостно. Их приучили говорить, только когда спросят.

— Можно, Иза. Я тебе все разрешаю.

— Ты мог прийти, — ответила она, тщательно подбирая слова.

Еще одно табу — слово «хочу».

— Ты хотела, чтобы я пришел?

В темных глазах метнулся страх. Олег перехватил ее поудобнее, поправил одеяло.

— Хотеть нельзя. Дети для того, чтобы слушаться... — прошептала девочка.

— Это на занятиях. Не здесь.

Олег задумался, как бы объяснить девочке, что с ним рядом бояться не надо. И не надо бояться вообще.

- Послушай, Иза... Из тарелки есть можно?
- Да.
- А с пола?
- С пола нельзя. За это наказывают.
- Правильно. Вот и со мной — можно. Как есть из тарелки.

Я не наказываю, ты же видишь.

- У тебя нет ремня. И другая одежда.
- Ага, — усмехнулся Олег.

Иза скользнула по его лицу взглядом, посмотрела в окно. Снег летел, бился о стекло, бессильно падал вниз...

- Отнести тебя спать?
- Нет.
- Побывать с тобой?

Она кивнула. В коридоре было прохладно, Олег боялся, что девочка замерзнет. Подумал о том, что до утра все равно никто не хватится ее, и забрал в свою мини-квартиру (всего лишь маленькую комнату с ванной и туалетом). Устроил на диване, сел в ноги.

- Кушать хочешь?
- Нет.

Взял со стола конфету, протянул Изе — хоть чем-то ребенка угостить, праздник все же... Девочка уставилась на него с непониманием. Болван ты, Олег! Им же ни разу не давали таких вещей. Шоколад — и тот без оберток...

- Это вкусное. Разверни фантик и ешь.
- Фантик... — Она указала на конфету. Потом умоляюще уставилась на Олега: — Скажи...

— Фантик. В него заворачивают вкусные конфеты.

Пошелестел бумажкой, извлек лакомство, отдал девочке. Она зачарованно смотрела на мятую обертку, как будто в конфете именно это было главным. Олег протянул ей фантик. На фантике аляповатые человечки водили хоровод. Иза приняла мятую бумажку в ладони так, будто ей доверили самое величайшее из сокровищ мира. Замерла, рассматривая рисунок. Потрогала пальцем. Попробовала на язык. Перевернула. Положила обратно на ладонь. Подняла на Олега огромные глаза, в глубине которых плескалось искреннее изумление.

— Сказать? — предугадал он ее просьбу.

— Да...

— Хорошо. Только помни про то, что есть можно только из тарелки, ладно?..

Память почему-то не сохранила, как именно он объяснил Изе, что такое рисунок и для чего он нужен. Но Олег на всю жизнь запомнил, с каким торжественным выражением лица она слушала его: так, будто узнала самую большую на свете тайну, которую не выдала бы ни при каких обстоятельствах.

Через неделю он тайком принес ей маленькую детскую книжку с картинками. Десяток растрепанных страничек со стихами для самых маленьких. И на каждую страничку пришлось с десяток изумленно-просящих «скажи...». И он говорил, говорил...

Это стало ритуалом: каждый вечер Олег укладывал детей спать сам. Руководство разрешило, убедившись в том, что четверо из шести детей реагируют на присутствие врача улучшением результатов занятий и медицинских тестов. Олег тихо гнул свою линию, в докладах делая упор на результаты человеческого отношения к детям. Именно тепла и общения. Про конфеты и книжку с картинками он молчал.

И, к сожалению, из всей шестерки лишь Изу в конфетах интересовали фантики. Антон, Галя и Костя видели только сладкое и ласку, Юрка смотрел на Олега волчком, а Максим так и оставался безучастным и замкнутым. Иногда Олегу казалось, что у маленького Макса в голове нет ничего, кроме кнопки, сигнал от которой включал в ребенке способность к копированию предмета с картинки или муляжа.

В середине лета Олег впервые рассказал Изе перед сном сказку. Самую простую — про Курочку Рябу. Впечатлений и просьб, заключенных в волшебном слове «скажи», хватило на неделю.

— Не уходи.

— Иза, пора спать. Я вернусь завтра. Ты же знаешь.

— Не уходи. Скажи еще.

Присел на край жесткой кровати, поправил одеяло. Улыбнулся звездам, сияющим в ее глазах.

— Я скажу завтра. Сейчас нельзя. Если я задержусь дольше, меня могут больше не пустить к тебе.

— Есть только из тарелки...

— Да, моя хорошая.

— Олег... Ты — это хорошо. Ты гладишь по голове, улыбаешься и рассказываешь сказки. Будь всегда.

Усмехнулся грустно. Аккуратно расплел тоненькие черные косички.

— Увы, это не все, что нужно для счастья, Иза. Все. Баиньки, моя девочка. Спи.

К пятнадцати годам их осталось четверо. Юрку забрали психиатры: мальчик вел себя как забитый зверек, пытался спрятаться при любом удобном случае и впадал в истерику при обращении к нему. Максим тихо угас от пневмонии ранней весной. Оставшиеся держались тихой стайкой.

Поздними вечерами, когда все расходились из «детинца», Олег учил Изу читать. Давалось сложно: трудно было объяснить, что такое буквы и почему слова не нарисованы картинками — ведь картинки гораздо интереснее. Некоторые буквы ей откровенно не нравились: «ш», «щ» и «ц» она называла не иначе как «вилки» и друг от друга не отличала весьма долгое время, буква «ж» ее чем-то необъяснимо пугала. Смысл твердого и мягкого знаков Олег так и не смог объяснить. В общем, процесс обучения давался с трудом.

— Иза — вот, — показывала она на себя пальчиком. — А эти буквы — не Иза! Можно сказать словами, зачем буковами, Олег?

— А как ты будешь сказки читать?

— Я буду их рассказывать. Как ты. Ты же сказатель...

С великим и могучим русским языком тоже были проблемы. Иза оказалась невероятно изобретательной на слова. Сказатель — потому что сказал, рассказывал сказки. Буковы, а не буквы — потому что «буковы» вкуснее говорить. С кровати утром она сновилась — вставала на ноги, следы на снегу звала темнотками, подоконник — локотником. Олег пытался «выправлять» слова, но Иза со своими неологизмами была настолько изобретательна и упорна, что он махнул на это дело рукой.

Дети росли. Олег с любопытством и тревогой наблюдал за тем, как они менялись. Даже сквозь беспрекословное послушание отчетливо проступали черты характера. Не было ничего про-

ще, чем рассмешить пухленькую светловолосую Галю, и труднее, чем оторвать Антона от созерцания неба на прогулках — разве что резким окриком воспитателя. Никакие наказания не выбивали слез из спокойного, ясноглазого Кости, дававшего на занятиях самые хорошие результаты. Тихая Иза всегда стремилась пожалеть наказанных и больше других была подвержена перепадам настроения. Странно, но во всем НИИ никто не воспринимал их как детей. Никто, кроме Олега.

— Как ты вообще можешь проводить с ними столько времени? — удивлялся Виталий — один из офицеров, проводивший с детьми занятия-тренировки. — Они же тупее овец. И опаснее психов. С ними невозможно общаться. Я не удивлюсь, если по итогам эксперимента этой осенью проект закроют. И так денег выделяют все меньше и меньше. С нас требуют настоящих результатов, а они настолько тупы, что не могут ничего, кроме копирования предметов. На нужное расстояние переместить их не могут — хорошо хоть в нужном направлении перемещают. И то частенько хрень всякую материализуют. Лупи — не лупи... Бес-толковщина.

— Кормить надо досыта — тогда они будут думать о том, что вам от них надо, а не о том, чего им в данный момент больше всего хочется, — мрачно ответил тогда Олег.

— Может, еще усыновишь их, а? Или женишься на одной из овечек годика через два?..

Он не обращал внимания на гогот, плоские шуточки и сплетни. Для человека, живущего только своей работой, не существовало никаких других радостей. Да. Это были его дети.

Смотр осенью они провалили. Мальчики с заданиями справились успешно, а девочки...

Накануне Иза разбудила Олега в четыре утра. Он проснулся и понял — зовет. Просто почувствовал неладное. Натянул брюки, набросил сверху белый халат и, босой, выбежал в полутемный коридор спящего НИИ.

Девочка сидела в углу комнатухи — сжавшаяся в комок, растрепанная, плачущая почти беззвучно.

— Иза, малыш, ты что? Что случилось?

Олег щелкнул выключателем, тусклый свет ночника сменился искусственным дневным. Темные пятна на полу, подол засти-

ранной до потери цвета ночной рубашки, судорожно зажатый между коленями, — также в подсохших бурых и свежих алых... и перепачканные красным маленькие руки.

— О, господи, Иза... Не плачь, все в порядке.

Присел рядом с ней, накрыл сорванным с кровати одеялом. Иза вздрагивала, глотая слезы, и испуганно повторяла:

— Я не сделала ничего... Я была послушной, я хорошая... За что меня наказывают? За что?

— Тихо-тихо, никто не наказывает тебя. Я понимаю, что ты испугана, но давай-ка успокаивайся. Пойдем, тебе ополоснуться надо.

Отнес ее в душ, вымыл, вытер, одел в свою старую рубашку. До утра рассказывал, как девочка превращается в девушку. Говорил, что это таинство, сказка, это хорошо, это правильно. Иза успокоилась, притихла. Задумалась о чем-то. А днем на смотре не смогла выполнить ни одного задания, пребывая в состоянии непонятной Олегу отрешенности. Потом будто очнувшись, поняла, что наказание неминуемо, — и забилась в тихой истерике перед комиссией. Ее испуг передался Гале — и та с трудом выполнила несколько заданий. Выглядела она при этом до того затравленно, что со стороны казалось, что девчонка исполняет приказы под дулом пистолета.

Принятое комиссией решение повергло Олега в глубочайшее уныние. Результатами эксперимента высокие чины остались недовольны, и проект решено было закрыть — как малорезультативный. А когда после отъезда гостей Олег обратился к руководству с вопросом, что будет с детьми, — нарвался на ледяное:

— С какими детьми? Не значится в документах никаких детей.

В приоткрывшуюся дверь заглянул красный, встрепанный Виталий:

— Господин полковник, разрешите доложить...

Руководство устало приподняло седую бровь:

— Ну что там, Виталий? И давай без чинов.

— Дети отказываются повиноваться приказам.

Олег оттолкнул стоящего в дверях офицера и помчался по полупустому коридору в противоположное крыло. В голове ме-

талась одна мысль: только бы ничего не натворили... только бы не прорвало на полную реализацию их способностей.

Вся четверка обнаружилась в коридоре. Сбившись в тесный клубок, мальчишки и Галя закрывали собой съезжившуюся на полу, плачущую Изу. На окрики и побои дети практически не реагировали — лишь вздрагивали и жались друг к другу плотнее. Олег плохо помнил, куда и кого из взрослых он бил, ему плевать было на приказы и последствия их нарушения. Это были его дети. Его. И, кроме него, некому было их защитить.

Оттащили, заломили руки за спину, по-доброму успокоили коленом в живот. Прежде чем его уволокли, Олег успел крикнуть:

— Иза! Ты — сказатель! Надо поверить! Открой дверь, беги! Можно!..

— Зря ты это сделал, Олег.

Болело все. Или только скованные за спиной руки? Боль пульсировала в вывернутых запястьях, змеилась по телу, впивалась кривыми острыми зубами. Больно было даже от солнечного света, льющегося из окна. Олег поерзал на стуле, отворачиваясь от раздражающего сияния. Пахло осенними кострами, горьковатой листвой.

— Ты прекрасно знал, к чему это приведет. Ну дал ты им ласку, расслабил — и что? Ради чего ты научил их огрызаться, идиот? Они все равно не смогли бы оказать должного сопротивления. Ты обрек проект на провал, а образцы — на уничтожение. Эти существа без чувства страха способны угробить мир. Ты понимаешь?

Руководство не то, чтобы гневалось и топало ногами — скорее, пребывало в отчаянии. Иначе Олега расстреляли бы еще вчера, а не притащили бы на этот моноспектакль. Он просто молчал и старался не слушать. Слова усиливали головную боль.

— Зачем ты это сделал, отвечай!

А что ему было ответить? Что он любит этих детей? Что Иза ему дороже всего НИИ, всех секретов государства с его миллиардами? Что у детей должно быть детство и право на сказку? Что не все можно держать в кулаке, не всего добьешься

угрозами и подавлением? Не поймет все равно. Олег молчал, глядя в пол.

— Иза все рассказала, можешь не отпираться.

Ерунда и ложь. Она послушная, знает правила. Про тарелку — любимая присказка. Он улыбнулся и покачал головой. Мели, Емеля...

— Зря не веришь. У нас есть способы заставить говорить даже немного.

Полковник взял со стола диск, вставил его в привод компьютера, запустил. Олега развернули лицом к экрану. От увиденного перехватило дыхание.

Бледное личико с дорожками от слез на щеках. Бессмысленный взгляд неподвижных, как у куклы, глаз. Ни страха, ни искорки жизни. Ремни, фиксирующие к подлокотникам кресла тоненькие руки у локтей и запястий. Покрытые синяками и ссадинами маленькие ступни, не достающие до пола. Тихий, бесцветный голос:

— Он сказывал сказки. От сказок тепло и тянет вверх. Улыбался — и улыбались мы. Не страшно. Картинки яркие. Их можно рисовать в голове — никто не видит, не узнает, не отнимет, не накажет. А с ними хорошо... Он хороший. Лучше всех. Он никогда не делает больно и плохо. Всегда рядом — и становится хорошо. Он приносит сказку — и страх уходит... Я не боюсь. Придет Олег. Он сказатель.

Олег понял, что плачет.

За неимением карцера Олега заперли в одном из пустующих боксов. До выяснения обстоятельств и принятия окончательного решения — как сказал ему приносящий еду солдатик. Дни тянулись один за другим, ничего не происходило. Только сны. В них его звали дети. И Иза тянула за руки: «Скажи... скажи...»

Присутствие Изы он чувствовал постоянно. Как ноющую боль, как неудержимое желание бежать, полагаясь лишь на интуицию, как гнетущую тоску. Знал точно — зовет, просит. Говорил вслух в пустой надежде, что его уникальная девочка услышит сквозь стены и расстояние. Говорил, что все хорошо, что она

сама — сказатель хоть куда... Скажет, пожелает — и все исполнится. Иза, только пожелай крепко-крепко, слышишь...

Потом сны пропали. Резко.

К вечеру ему сказали, что детей больше нет. «Врете вы все», — вымученно усмехнулся он, Иза здесь. Он ее все еще чувствовал.

Ночью в городе выли сирены, не смолкая до утра.

А утром пожаловало само руководство.

— Тебе повезло, парень. Эвакуация. В столице доигрались с одним из наших образцов — из тех, кого они якобы к психиатрам забрали. Пожар на АЭС за городом, локализовать не удастся. У тебя шанс исчезнуть. Ты молодой парень, начнешь все сначала — если повезет убраться отсюда. Протоколы допросов я потерял, расследования по срыву проекта не будет.

— Господин полковник!

Руководство остановилось в дверях:

— Что еще?

— Их... всех?

Полковник выглянул в коридор, убедился, что с Олегом он один на один. И только потом ответил:

— Иза пропала. Из-за тебя. Хотя разницы нет никакой: реактор рванет — и ее не станет.

— Как пропала? В каком смысле?

— В прямом. Дверь в стене. А за дверью — поле ромашек. Ромашковое поле за порогом — и на уровне седьмого этажа. Представляешь себе такое? Туда никто не сунулся. Все, хватит вопросов. Беги, если есть куда. Теперь уже все равно.

Полковник вложил ему в руку пистолет — тот самый, что у Олега изъяли первым делом после ареста.

Олег прошел по опустевшему зданию. Никого. Все уже эвакуированы, что ж полковник-то — в числе последних? Постоял у окна возле детских спален и вернулся в свою комнату. Плюхнулся на кровать. В голове было пусто и гулко.

Отлично. Горит АЭС. Если объявлена эвакуация города — там безнадега. Полная. Чернобыль все еще помнили многие. А тут будет посерьезнее Чернобыля. Ядерный взрыв. В радиусе нескольких десятков километров не останется ничего живого. А тех, кто успеет сбежать, достанет радиация. Сколько времени

проживет человек, получив огромную дозу облучения? Немного. Явно немного. И уходить на тот свет от острой лучевой болезни — препогано.

Эвакуация по сути своей бесполезна. Стоит ли рыпаться? Безусловно. Только для себя он не находил веской причины бежать очертя голову.

Включил радио. Послушал новости. По прогнозам, пламя доберется до реактора часов через шесть или меньше. Сколько это — «меньше»? Пять, час, минута? Посидел, полистал бумаги. Дневники, доклады, бланки анализов, ленты кардиограмм вперемишку с детскими книжками, сваленные в кучу на полу. Основательно искали, да...

«Скажи...»

Он замер, держа в руках книгу. А ведь Иза где-то здесь. Уже здесь или вернется. Обязательно вернется — ведь ей больше некуда идти. И он здесь. Он ее дождется.

Олег переоделся, пристроил в боковой карман куртки пистолет с полной обоймой и служебное удостоверение и пошел бродить по безлюдным коридорам.

— И жили они долго и счастливо.

Водитель чуть сбросил скорость, обернулся:

— А ты сказочник. Может, еще и волшебник к тому же? Сотвори-ка чудо. Ведь не сможешь. Что толку от твоих сказок? — Он выругался вполголоса, сплюнул в окно: — Сдохнем все.

— Витя, хватит! — умоляюще вскрикнула женщина.

— А что хватит-то?

— В самом деле, мужик, успокойся, — сурово сказал Олег. — Не нагнетай. Не пугай ребенка.

Иза погладила его по щеке. От прикосновения маленькой теплой ладони захотелось закрыть глаза и перестать думать. Чувствовать эту ладошку вечно...

— Олег, скажи...

— Что, моя хорошая?

— Почему будет больно?

— Не будет. Все хорошо. Не думай об этом.

— Думай не думай, а сгорит здесь все, — снова влез водитель. — Ядерный реактор — это не детская хлопушка. Огонь все пожрет, ничего не оставит. Да и жить здесь нельзя будет лет сто. Вот она — правда жизни, не сказка.

Девочка задумалась:

— Есть огонь — будет больно. Не станет огня — не будет больно... Я только должна крепко-крепко захотеть...

Кошка с воплем сорвалась с ее колен и нырнула в щель между коробками.

— И была ящерица, что искала тепла в огне, да не находила и замерзала, забирая пламя...

Олег оторопел. Его слова. Эту сказку он рассказывал Изе больше года назад. Он даже толком уже и не помнил, о чем она была.

— И носили ее по миру ледяные ветра тоски, и не было ей покоя...

Водитель ударил по тормозам — настолько резко, что Изу рвануло из рук Олега. Он прижал ее к себе, взглянул вперед...

Посреди дороги стояла саламандра. Огромная — размером с крупную корову. Золотистые отблески играли на теле ящерицы в свете фар. Янтарные глаза внимательно взирали на Изу. Олег не успел ничего сказать, а девочка выскочила из машины, подбежала к ящерице и обхватила ее за шею:

— Хорошая... красивая... помоги. Потуши огонь. Пусть не будет больше больно и плохо мне и Олегу...

— Бред, — отчетливо произнес водитель. — Это какой-то бред.

Олег вышел из авто, подошел к водительской двери, распахнул ее.

— Выметайся. И быстро, — приказал он водителю. И женщине: — Вас тоже касается. Поможете нам — имеете большой шанс уцелеть.

Пистолет в его руке был надежным аргументом. Ему подчинились беспрекословно.

— Иза, садись скорее!

Она послушно устроилась рядом с ним.

— Мы ее проводим?

— Да.

Помог девочке пристегнуться, бросил взгляд на саламандру. Та с интересом разглядывала замерших у обочины владельцев машины. Вернее, бывших владельцев.

— Давай за нами, милая, — шепотом сказал Олег, садясь за руль.

Иза смотрела на него сияющими глазами:

— Олег...

— Всегда-всегда. Я никуда не уйду. Я тебя люблю.

Посмотрел на часы. Развернул машину. Высунулся в окно, посвистел саламандре. С удивлением увидел, как пасть ящерицы расплывается в широченной улыбке, и понял, как на самом деле мало нужно, чтобы поверить даже в самое невероятное. Крепко-крепко поверить...

Летела по дорогам опустевшего города одинокая легковушка. И следовала за ней великолепная огненная саламандра — легко, словно несли ее ветры. Улицы взирали им вслед расширенными зрачками окон. Время замедлило ход, замороженно любуясь за ревом над горящим зданием реактора. Замершие вдалеке в тревожном ожидании люди и понятия не имели о том, что Сказатель уже родился.

В мир возвращалась сказка.

P89 Русский Фантастический. № 1. Сказатели. — Москва: АСТ, 2014. — 345 [2] с. — (Альманах фантастики и фэнтези).

ISBN 978-5-17-083057-2

Фантастика — пожалуй, единственный жанр, интерес к которому неизменно силен во всем мире. Люди всегда пытались угадать будущее или просто мечтали — и в этом причина успеха фантастической литературы.

Представленные рассказы — именно русская фантастика. Многие авторы этого сборника — дебютанты, но все они — победители конкурса, организованного независимыми экспертами.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6

Литературно-художественное издание

16+

№ 1 2014

РУССКИЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ

АЛЬМАНАХ ФАНТАСТИКИ И ФЭНТЕЗИ

СКАЗАТЕЛИ

Приглашенный редактор *Наталья Паненкова*

Художественный редактор *Марина Акинина*

Технический редактор *Валентина Беляева*

Компьютерная верстка *Анны Никитиной*

Корректор *Валентина Леснова*

Подписано в печать 31.01.14.
Формат 84×108 ¹/₃₂. Усл. печ. л. 18,48.
Тираж 2000. Заказ № 2354

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

ООО «Издательство АСТ»
127006, г. Москва, Звездный бульвар,
д. 21, строение 3, комната 5

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Призывая к себе нелюдь, будь готов к тому, что и действовать она будет нечеловеческими методами. Государство стоит на краю гибели, в пророчестве сказано, что его спасет чужестранец, пленник из волшебного народа аль-самийа, который станет верным слугой престола. Пророчество сбудется, но люди зададутся страшным вопросом: а не слишком ли высокую цену они заплатили за победу? Политическая воронка закручивается как смерч. Герои пытаются вырваться из губительного вихря — получится ли у них? Ведь судьба — самый страшный противник.

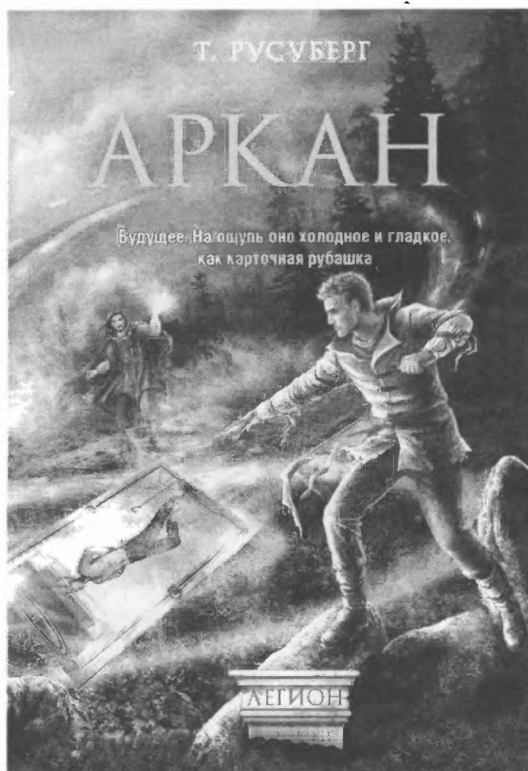
Двадцать лет назад наступил конец света. Умер один из богов-Праотцев, мир распался на куски. Рухнули в бездну города, оборвались миллионы жизней. Но тем, кто уцелел, нужно как-то жить дальше.

Если ты комендант приграничной крепости — охранять вверенный твоей заботе городок от потусторонних тварей.

Если ты нечаянный герой из захолустья — с благодарностью принять назначение на должность наместника приграничной крепости.

Если ты последний из народа, что по недомыслию устроил конец света, — исправлять ошибки своих сородичей.

Но когда приходит сезон ветров, и ураган несёт из пустыни клочья смертельного тумана, и пробуждаются похороненные в древнем городе тайны, — вам троим всё же придётся встать спиной к спине: там, на стенах крепости Горелый Шандал.

Аркан — это колода карт. Магический артефакт, способный предсказывать судьбу, предостерегать и спасать. Но даже его помощи может быть недостаточно, чтобы найти брата и сестру, близнецов, которых Найд долгое время считал погибшими. Забывший собственное имя, потерявший семью и способность говорить, отказавшийся от своего дара... Теперь Найд уверен: пришло время вернуть себе всё. Даже если цена будет высока.

Роман продолжает цикл «Некоронованные», начатый книгой «Глаза ворона», но его вполне можно читать и как самостоятельное произведение.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	3	Игорь Градов	
Максим Черепанов		Я не хочу умирать	180
Бой местного значения	5	Майк Гелприн	
Ирина Цыганок		и Наталья Анискова	
Враг	16	Однажды в Париже	188
Галина Манукян		Эдуард Шауров	
Цвета крови	39	Пустобол	207
Елена Елизарова		Андрей Лободинов	
Вериль	54	Великолепная тройка	228
Эдуард Шауров		Сергей Васильев	
Ослепительно-серый	68	Дисбаланс	234
Валерий Воробьев		Вероника Волынская	
Свинг	89	Дни тьмы	247
Андрей Скоробогатов		Макс Черепанов	
Негритянки	96	Мимолетное увлечение	267
Майк Гелприн		Артур Бабиц	
Миротворец 45-го калибра	107	Маленький защитник	281
Григорий Неделько		Светлана Багдерина	
Проблема планетарного		Шесть жизней Анны Карениной	296
масштаба	126	Мераб Копаленишвили	
Владимир Сухих		Кто познает мысли его?	316
Финансовый гений	147	Анна Семироль	
Ольга Сажина		Сказатели	326
В начале было Слово	166		

Это здорово, когда в стране, где больше не осталось журналов фантастики, вдруг появляется целый альманах. Хочется верить, что — надолго. И еще: нет лучшего спутника по дороге домой после тяжелого дня, чем фантастический рассказ. А здесь их два десятка.

Александр Мазин

ISBN 978-5-17-083057-2

9 785170 830572

АСТРЕЛЬ СПб
www.astrel-spb.ru